

СМЕНА

Андрей Москалев
Сложение во ад
Три товарища

Свещи на Бугу жва-Ладда

11
'98
12

СОВРЕМЕННОМУ МОТОРУ

МАСЛО

ЛУКОЙЛ

Главный редактор

Михаил Кизилев

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Данюшевский

Николай Левинев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

Шамара Чингиза

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

11
12 '98
(1609-1610)

сдано в набор 11.09.98

Подписано к печати 18.11.98

Бумага офсетная

Печать офсетная

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

101457, ГСП, Москва.

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Reg. № 014832

Учредитель —

ООО "Издательский дом

журнала "Смена".

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение

ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии

издательства "Пресса"

Журнал выходит

12 раз в год.

© "Смена", 1998.

4 *Георгий Баженов*
**ВСЕ ТОЛЬКО
НАЧИНАЕТСЯ**
Рассказ

Чарльз Бернард
88 *Гилфорд*
**НЕ ВЛЮБЛЯЙТЕСЬ
В ВЕДЬМУ**
Мистический рассказ

146 *Андрей Мозланов*
СХОЖДЕНИЕ ВО АД
Остросюжетный роман

20 *Олег Дзюба*
**ПИТИЕ НА РУСИ —
ЕСТЬ...**

53 *Павел Басинский*
ИНТЕРВЕНЦИЯ

Светлана Бестужева-
60 *Лада*
ТРИ ТОВАРИЩА

72 *Андрей Филиппов*
**СПАСИТЕЛЬНЫЙ
АРГОН**

80 *Виктория Мурашова*
**ЖЕНИШОК
ИЗ ПАРИЖА**

99 **ОТЧИМ И ПАСЫНОК**
Приглашение
к читательской дискуссии

104 *Ольга Морозова*
**БЕЛЫХ НОЧЕЙ
ГОЛУБОЙ АРОМАТ**

В НОМЕРЕ
11
12
'98

стр. 88

На 1-ой обложке:
фото Игоря Яковлева

стр. 32

32 *Лада Акимова*
"ЖУРАВЛИ"
УЛЕТЕЛИ

38 *Иван Нолькен*
БЫЛЬ И БЫТ

114 *Иван Зюзюкин*
КРУГ НА ПЛОЩАДИ
СИНЬОРИИ

128 *Михаил Лебедянский*
ЛЮБОВЬ ПОПОВА

264 *Дмитрий Вебер*
МЕЛАНХОЛИЧНЫЕ
УМНИКИ

268 *Аниша Цой:*
"НАЙТИ СВОЙ
ШАРМ"

113 *Виктор Малинчук*

143 *Андрей Шацков,*
Михаил Западворов

Рут Ренделл
ГРЕХОВНОЕ
ЖЕЛАНИЕ

...Прекрасное имение с ухоженными цветниками, вышколенными слугами — все, как и положено в благопристойной и обеспеченной британской семье. Благопристойной ли? Усомниться в этом заставляет совершенное здесь жестокое преступление, тайна которого распутывается двумя полицейскими. В лучших традициях детективного жанра разгадка в романе известной английской писательницы оказывается весьма неожиданной...

Игорь
Золотусский
РАЗГОВОРЫ
В ГАСПРЕ

Лев Толстой и Антон Чехов. Что знаем мы об их взаимоотношениях? Автор очерка, используя малоизвестные факты, воссоздает интереснейшие эпизоды встреч двух великих людей.

стр. 268

ВСЕ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

Георгий БАЖЕНОВ

Скоробогатов нажал на кнопку звонка. Звонок работал плохо, с перебойми, — руки не доходили починить его, а еще лучше — сменить совсем. Все некогда.

“Надо все же починить этот дурацкий звонок...”

Дверь открылась. Не полностью, а так — слегка приоткрылась.

— Тсс... — приложила палец к губам жена, глядя на Скоробогатова. — У меня мама, — тихо, заговорщически прошептала она.

— О, черт! — вместо приветствия вырвалось у Скоробогатова. — Ты что, не могла пригласить ее в другой раз?

— Откуда я знала, что ты вернешься сегодня? Ты же обещал послезавтра...

— Откуда... В собственный дом после командировки вернуться нельзя... Дожил!

Жена смотрела на него виновато, но что можно было поделать сейчас?

“Небось, надеется — помирюсь с матерью. Черта с два!” — Скоробогатов вздохнул и, обиженно сгорбившись, пошел по лестнице вниз; в руке у него был чемодан, с которым он всегда ездил в командировки.

Скоробогатов слышал, как щелкнул за спиной дверной замок, и почувствовал в себе прилив раздражения: “Расселись там...”

Делать было нечего, поплелся в телефонную будку.

— Алиса Мартемьяновна? Здравствуй! Приехал, да... На вокзале стою. В гости? Даже не знаю. Впрочем... Чего-нибудь захватить? Ладно, понял...

Через полчаса Скоробогатов сидел у Алисы Мартемьяновны за столом. Алиса Мартемьяновна была старше Скоробогатова, роман их тянулся три года, последнее время Скоробогатов изрядно тяготился им, нервничал, чувствовал, что в душе иссякает последний родник, заставляющий иногда вздрагивать, метаться: все бросить, начать новую жизнь, отделаться от Мартемьяновны любым способом. Но каждый раз что-нибудь да этому мешало...

— Ты меня разлюбил? — спрашивала Мартемьяновна у него вечером, когда они лежали в постели.

Он молчал.

— Скоробогатик, я тебе надоела? — И опять этот ее тяжелый взгляд, а в глазах — искренняя боль, растерянность.

— Не видишь — тошно мне.

— А что такое? Что стряслось-то?

— Сам себе надоел! Вот что!

Мартемьяновна облегченно вздохнула.

— Ах, глупый, — сказала она, — глупый ты мой, глупый... — И погладила его ласково по голове.

— Чего тут такого глупого? Да, украсили меня мои страдания! — А про себя подумал: “Нет, в ней догадливость какая-то есть, прозорливость. И ведь добрая, главное. Не обижается никогда. Добрая...”

— Глупый на твоём месте сейчас бы радовался: я научный работник, у меня молодая жена, квартира, любовница, умею жить... А ты — страдаешь. Я тебя за это и люблю — ты чистый внутри. Ты самый лучший у меня, Скоробогатик...

Позже Мартемьяновна то ли забылась, то ли заснула, лежала тихо, удовлетворенно, а у Скоробогатова сосало под ложечкой. Тошно ему было, ох, тошно... И самое главное — ничего он не понимал в своей жизни.

Он бы не мог, например, ответить, как у него завязалось все с Мартемьяновной. Чепуха какая-то была, ерунда, а в результате... Три года протирает лысину на подушках доброй и сытой Мартемьяновны.

Но как же все-таки получилось? Как повернулось-то? Как это его поймала на крючок именно Мартемьяновна?

— Черт его знает, прямо наваждение какое-то! — вырвалось у него вслух.

— Что ты? О чем? — сквозь дремоту пробормотала Алиса Мартемьяновна. Пробормотала, обняла его покрепче: милый ты мой, залетный...

— Спи, спи... — сквозь зубы (как бы ласково, что ли) процедил он. А про себя подумал: “И не спрячешься от нее. Все слышит...”

Был у них тогда обычный загул, завелись с Сергеем Петрухиным. О, Сергей Сергеевич, тот ловелас большой, специалист тончайший по современным девочкам! Кажется, обмывали тогда премию, кафе, музыка, длинные сигареты в тонких девичьих пальцах, колечки искусно летящего дыма, пристальные то насмешливые, то приценивающиеся взгляды... И вот рядом с ними уже девочки — практикантки, будущие филологини или что-то в этом роде. Кончилось все тем, что оказались они в какой-то квартире, танцевали, целовались на брудершafft, дальнейшее провалилось для Скоробогатова во мрак...

Очнулся он за полночь: чужая комната, горит бра: в углу, за столиком, сидит женщина; извечная женская поза — склонившись над столом, что-то штопает. Скоробогатов ничего не понимал. Таращил со сна глаза. Где он? Кто эта женщина? Он пошевелился на диване. Женщина подняла к нему глаза. Улыбнулась; самое первое и самое главное — она улыбнулась ему:

— Проснулись?

— Да... — Голос у Скоробогатова звучал хриловато. — Простите... — Он попытался подняться с дивана.

— Ничего, ничего, не беспокойтесь, лежите. Марина мне все объяснила.

— Марина?

“А, Марина...” — с трудом вспоминал Скоробогатов. Кажется, это та девочка, которая понравилась ему... Неужто это ее мать? Ну и влип, идиот.

— А где же Николай? — спросила женщина.

— Какой Николай?

— Муж Марины. Вы разве его не знаете?

— Знаю, знаю, как же, — забормотал Скоробогатов, как бы опомнившись. “Черт, она еще и замужем... ну, дела!”

— Да не стоит притворяться! — Женщина весело рассмеялась. — Вы ведь впервые Марину видели? И всю ее компанию?

— Нет, почему же... — снова забормотал Скоробогатов.

— Да вы не стесняйтесь. Молодым все равно с кем веселиться, лишь бы веселиться. Сегодня они раскрутили вас. Завтра другого. А там еще кого-нибудь. Я уж привыкла.

“Да-а...” — думал он.

— Пока я на работе, Марина часто приходит с друзьями. Я разрешаю. А что, лучше по улицам слоняться или в парках прятаться?

Скоробогатов не ответил. Он удивлялся. Он понять хотел. А ничего пока не понимал.

— Живет-то она с родителями Николая. У них трехкомнатная. Ну, а если веселиться хотят — тогда у меня. Пока я на работе. Я в заводской библиотеке работаю.

“Понятно...”

— Вас как зовут-то? — в который раз улыбнулась женщина.

— Валерий. Валерий Иванович Скоробогатов.

— Скоро богатым будете, — пошутила она. — А меня — Алиса Мартемьяновна. Живу вот одна. Ничего, не жалуясь... Дочь замуж выдала.

— Ох, — встрепенулся Скоробогатов, — поздно уже. Домой надо. — И начал было подниматься с дивана.

— Да куда вы? Лежите спокойно... Три часа ночи.

— Как три?

— Да так, — улыбнулась Алиса Мартемьяновна, — очень просто. Давно ночь на дворе.

Через три дня Скоробогатов позвонил ей. И вот теперь тянется это три года.

... Скоробогатов осторожно высвободился из объятий Алисы Мартемьяновны.

— Куда ты? — все-таки успела пробормотать она сквозь сон.

— Да так, надо. Ну что ты, в самом деле?..

Потом он сидел в комнате. Пил чай, пил красное вино; было вкусно, вот только не светлело на душе.

Может, он и в самом деле любит Алису?

Попробуй разберись...

Очнувшись ото сна, как бы вдрогнула Алиса Мартемьяновна. Накинула халат, улыбнулась, подошла к Скоробогатову:

— Горюешь? Не надо, не мучайся. — Прижала его голову к мягкому теплому животу. — Как бы эту тоску несчастную из тебя вытащить? Ну что ты, Скоробогатик, что с тобой?..

Он не отвечал, не шевелился; ему было тепло, уютно чувствовать ее нежные ласковые руки, слышать слова ее, идущие от сердца. За что, почему она так хорошо относится к нему? Разве он заслуживает этого?

Он молчал; она села рядом, взяла его руки в свои.

— Хочешь бросить меня?

Разве ответишь на такое, чтобы слова были правдой?

— А зачем тебе бросать меня? — Она улыбнулась, но не горько, не укоряюще, а как мать улыбается, когда объясняет что-то очень простое, жизненное своему заблудшему чаду. — Мне ничего не надо от тебя. Просто приходи, когда тебе нужно. Когда тебе плохо. Ведь надо же человеку куда-то деваться, когда ему плохо?

— Алиса, за что ты так относишься ко мне?

— Эх, глупый... Ни за что. Просто так. Мало этого? — И тут она весело рассмеялась: — погоди-ка, я кой чего сейчас принесу! — Она поднялась со стула и вышла из комнаты.

Он и в самом деле ощущал жизнь более настоящей, ценностной, когда бывал у Алисы Мартемьяновны, однако тем обостренней чувствовал себя обманываемым и обманутым.

Когда истаяла чувственная любовь к Нине (несмотря на то, что жена была на пять лет младше Скоробогатова), когда заварилась каша с тещей, когда опостылела работа, в которой не было главного — смысла единственности, чьи глаза посмотрели на него по-человечески? В чьих глазах светилось понимание, боль, сострадание?

В глазах Алисы Мартемьяновны.

Мужа у нее не было, был когда-то любимый, который ее бросил, растворился в мире, во времени и пространстве, она родила, вырастила дочь, — разве озлобилась? Удивительна эта ее неизбывность доверия к людям... Откуда? Почему?

— Ну-ка, закрой глаза! — сказала Алиса, входя в комнату с руками, спрятанными за спиной.

Скоробогатов покорно закрыл.

— Открывай!

В руках ее Скоробогатов увидел красивый японский брелок с двумя ключами.

— Что это? — И тут же краска смущения или стыда проступила на щеках Скоробогатова, потому что обо всем он догадался сам.

— Считай, тебе дали дополнительный ордер на квартиру. А это ключи от нее.

— Не надо, — замотал головой Скоробогатов. — Ты что?..

— Боишься, хочу приручить тебя?

— Не хочу я быть здесь без тебя. Ни к чему. Вдруг Марина придет...

— Ну и что? Думаешь, она не знает, что между нами?

— Одно дело — знать, другое — когда я тут один торчать буду. Это уж совсем у меня получится... Как два дома. Гарем, да?

Алиса Мартемьяновна, колыхаясь всем своим зрелым, полным телом, от души рассмеялась:

— С ключами — гарем, а без ключей — не гарем?! Эх, ты, гаремщик! Вот за что люблю тебя, Скоробогатов, — за наивность, за чистоту... — Она тормошила его, смеясь незлобно, весело, целуя в голову, в щеки, в губы.

Ночью она опять безмятежно спала; рядом, на туалетном столике, лежал отливающий голубизной и перламутром японский брелок с ключами; Скоробогатов не спал. Думал. Не было в его жизни никого лучше Алисы Мартемьяновны, она была для него больше чем любовь, завладела в нем чем-то таким, чего он сам так упорно искал в других людях, — завладела его правдой. Алиса знала о нем правду: что он слаб, что нуждается в сострадании и что любить его надо, как маленького, не только по-женски, но и по-матерински. Этой материнской понятливости, нежности и доброты в женщинах так всегда не хватало Скоробогатову.

Неожиданно за входной дверью послышался шум.

— Что? Кто там? — встрепенулась Алиса Мартемьяновна.

В дверь между тем уже весело, напористо звонили.

Мартемьяновна накинула халат, защелкала замками. Скоробогатов и сам едва успел набросить на плечи халат, когда в квартиру с шумом и смехом ввалилась компания молодых девчонок и ребят.

— Ой, мамуля! — бросилась дочка на шею к Алисе, — здравствуй! Я не одна! Мы гуляем, мамуля! Можно? Можно, можно, ребята! Проходите, будьте как дома, у меня мировая мама, лучшая в мире! Проходите, раздевайтесь, сейчас будем гулять, веселиться...

— А Николай где? — спросила Алиса Мартемьяновна, но спросила не строго, а улыбаясь — она рада была Марине, ее друзьям, их веселости. Непринужденности, молодому безудержному глупому счастью.

— О, и Скоробогатов здесь?! — вместо ответа воскликнула Марина, подбежала к нему, бросилась на шею, обняла, поцеловала в губы. — Знакомьтесь, ребята. Это Скоробогатов! Мировой мужик! А Николай, — без перехода продолжала Марина, — он в ночную сегодня. Дежурит. Скучно без него по ночам, мамуля. Вот мы и веселимся. Проходите, проходите, ребята!..

Скоробогатов, еще чувствуя на губах поцелуй Марины, от которого у него пошла кругом голова, запахнул поплотней халат и, выходя из коридора в комнату, успел заметить позади веселой молодой компании двух интеллигентных, несколько обескураженных, слегка лысоватых мужичков в кожаных пальто, при "дипломатах", в туфлях на высоких модных каблуках (оба Дон-Жуана были невысокого роста). Хотел было Скоробогатов философски усмехнуться, да не получилось, губы только странно искривились... Да, для этих мужичков, подумал он, все еще только начинается...

2

Когда дверь за Скоробогатовым захлопнулась, жена нервно облизнула губы и облегченно вздохнула. Что ни говори, а каждый раз ходишь по лезвию бритвы...

Постояла немного у двери, прислушиваясь к шагам мужа. Слышно было, как он тяжело ступал по лестнице, шаркая ногами, потом хлопнула входная дверь в подъезде, все стихло. И только тут Нина усмехнулась...

Вернувшись в комнату, сказала:

— Ушел.

— Кто? — лениво поинтересовался Магулин.

— Муж.

— Скоробогатов?! — удивился Магулин.

— Ну да, Скоробогатов. Кто еще, — усмехнулась Нина. — Испугался?

— Нинка, когда-нибудь ты все-таки вляпаешься...

— Никогда. Ему только скажи: "Мама!" — и он бежит отсюда, как чумной... Боится матери, как черт ладана.

— А чего в ней такого страшного?

— Ничего. Просто не переваривают друг друга.

— А если он возьмет однажды и позвонит матери? — спросил Магулин. — Проверит, где она? Тут или дома?

— Представь себе, этому олуху никогда не приходит такое в голову. Я сама удивляюсь...

— А ведь он нормальный у тебя мужик!

— Пожил бы сам с таким — с тоски бы подох...

И тут Нина не лгала. Потому что и в самом деле ей скучно было с мужем.

Когда они уезжали от матери, получив собственную квартиру, что сказала Скоробогатову мать? Остановила его в дверях и сказала: "Вы сейчас уезжаете, вы давно не разговариваете со мной. Но вы должны знать, что я о вас думаю. Вы эгоист и бездельник, да, да, несмотря на ваш диплом, научную работу и должность! Вы обманываете всех — себя, жену, окружающих (пытались обмануть меня), будто вы что-то представляете из себя в жизни. Вы лжете! Вы бездельник, эгоист, трус и тряпка! Вон из моего дома!"

— Слушай-ка, — спросил Магулин, — есть у тебя книжник какой-нибудь знакомый?

— Нет, Бася, книжников нет. — Магулина звали Василий, Вася, но близкие знакомые называли его на иностранный, что ли, манер: Бася. — Впрочем, постой-ка... — Нина подседа к Магулину, игриво обняла его. — Тебе зачем, а? Сознавайся, Басик!

— Да списочек вот есть. Надо предложить старинную литературу. Ты только послушай, какой перечень:

1. "Новый завет господа нашего Иисуса Христа". 1900.

2. "Уроки и примеры христианской любви". 1902.

3. "Жития святых". 1902.

4. "Путь к спасению во исполнение заповедей Христовых". 1885.

5. "Беседы о семи спасительных таинствах". 1908.

6. "Добротолюбие". 1913.

7. "Избранные молитвы и песнопения". 1909.

8. "Указание пути в царствие небесное". 1900.

9. "Душеполезные поучения и послания". 1904.

10. "Собрание поучений на дни воскресения". 1895.

— Ох, вляпаешься ты когда-нибудь, Бася!

Магулин рассмеялся. Смеялся он всегда весело, от души:

— Глупая! За книги не трогают, они — святыня. Разве я спекулянт? Одному человеку помогаю приобрести книги другого человека. Делаю доброе дело.

— И ничего не имеешь за это? Рассказывай!

Магулин снова рассмеялся и хитро так, ласково подмигнул Нине: уж это, мол, наше дело. Магулин был легкий, общительный человек. Абсолютно без комплексов. Вот это, пожалуй, больше всего нравилось женщинам — что без комплексов. А разве скажешь, что у него легкая жизнь? В свои двадцать восемь лет Магулин был трижды женат, трижды расстался, но никогда не ругал жен, вспоминал о каждой спокойно, лишь изредка — с юмором. Не жаловался на судьбу. Не ругал других людей. Ходил всегда подтянутый, модно одетый, в изящных, чистых рубашках, туфли, не в пример Скоробогатову, чистил дважды на дню — утром и вечером. Руки мыл пахучим мылом “Флорена”, после бритья растирал тугие, глянцевые на вид щеки одеколоном той же фирмы — “Флорена”. Магулин никогда никуда не опаздывал. Никого не подводил. Был человеком слова и дела. Нежно заботился о двух сыновьях (от двух разных жен). Платил алименты, делал сыновьям подарки, бывал у них дома, играл в игры, а летом — каждое лето — обоих вместе возил на Черное море, на месяц-полтора (как получалось), при этом умудрился сделать так, что бывшие жены не озлоблялись ни против него, ни друг против друга, каждая жена продолжала боготворить Магулина. Казалось бы, за что его боготворить? А вот за то, что он оставался самим собой, спокойным, порядочным человеком. И еще странность — везде и всюду он успевал. Хотя — на вид — Магулин нигде ничем всерьез не занимался, дел у него было невпроворот. Уж это-то знала Нина. Во-первых, она вместе с ним работала в НИИ. Художник по образованию, Магулин числился в НИИ старшим инженером, а занимался художественно-графической редактурой. Тут нужно было много ездить — в типографию, в центр, в комитет, черт его знает еще куда, Магулин ездил, с работой справлялся легко, играючи, при этом был предоставлен сам себе; где он бывал в течение дня и чем занимался, один Бог ведает, но занимался он, кроме работы, и многими другими делами. Это и было “во-вторых”, что знала о нем Нина. Потому что через Магулина проходили тысячи вещей — золотые и серебряные кресты и крестики, иконы, оклады, цепочки, книги, картины, серьги, женские сапоги, дубленки, каракулевые шубы... все это текло сквозь него, как сквозь сито, оставляя на решетке золотые блестинки барыша — рубли, пятерки, десятки, сотни... Магулин не был каким-нибудь дешевым ханыгой, пьяницей, бабником без разбору, он находил в своих делах артистизм, чувствовал себя игроком, победителем, мужчиной... Что ни говори, было в нем нечто завораживающее, покоряющее женское сердце...

— Фу-у, надоело валяться! — Магулин озорно подпрыгнул на постели. — Сварила бы ты кофеек, а, Нинок? Настоящий турецкий! С перчиком, а?!

— Басик, будет тебе кофе... Но вначале поцелуй меня... Она обвила его голову руками, поцеловала в макушку, погладила волосы, вдруг растормошила их, рассмеялась.

— Ты чего? — улыбулся Магулин.

— Увидел бы нас Скоробогатов! Его б, наверное, удар хватил...

Вскоре она заколдовала у плиты, а Магулин, удобно развалившись в плетеном кресле, которое сам когда-то подарил Нине на день 8 марта, наблюдал за спокойными, полными изящества движениями ее рук; она чувствовала его взгляд, полуоглядывалась, как бы выглядывала из-за плеча, улыбалась ему лукаво:

— Что, нравлюсь?

— Нравишься, — откровенно и просто признался Магулин.

— Может, ты меня и любишь?

— Может, и люблю, — ответил он.

— Ой ли, Басик?!

— Никогда не спрашивай у мужчины об этом, пока он сам не захочет открыться. Запомни первую заповедь мудрой женщины.

Нина зажгла газ, поставила на плиту турку с водой, обернулась к Магулину:

— А вторая какая заповедь мудрой женщины?

— Вторая? Женщина должна казаться немного глупой. Глупой — значит женственной. Потому что женщина — это прежде всего женственность.

— И третья есть заповедь?

— Есть.

— А сколько их всего?

— Сто.

— Да ты что, дурачок, в самом деле?! — Нина рассмеялась, закружилась, сама не зная, отчего, на месте, опустилась на колени перед Магулиным:

— Ну, скажи хотя бы третью?

— Третья заповедь мудрой женщины — делать вид, что веришь мужчине.

— Ой. — Нина бросилась к плите, уменьшила огонь, подсыпала в кофе самую дольку перца...

Вскоре сидели, блаженствовали, пили кофе.

— Скажи, откуда ты знаешь все эти заповеди?

— Их сочинил один мудрый японец. Кажется, он жил на рубеже XIII-XIV веков.

— Как его фамилия?

— Фамилия? Бась-я Маг-уль-ин.

— Кто? Бась-я Маг... Ой, да ты что! — Нина начала весело хохотать.

Господи, как она любила его! Как ей было хорошо с Магулиным, просто так хорошо, неизвестно отчего и почему, какой он был остроумный, с ясным взглядом на вещи, никакого занудства, никаких комплексов... Если б он всегда был рядом, если б всегда его чувствовать, любить, жить им!

— Знаешь, — вдруг мягко, заискивающе проговорила Нина, — а что, если мне родить?

— А почему нет? Рожай. Ведь Скоробогатов, насколько я знаю, только о том и мечтает.

— Никогда не рожай, если мужчина не хочет этого. Все беды на земле — от этого.

— Значит, ты со мной просто так?

— А ты?

В это время — странное дело — в дверь смело, напористо позвонили. Нина невольно покосилась взглядом на настенные часы — половина двенадцатого ночи.

— Странно... Кто бы это мог быть? — пробормотала она.

— Скоробогатов? — Магулин был спокоен: он гость, сидит на кухне, пьет кофе, ведет обстоятельные разговоры.

— Исключено.

Звонок повторился. Еще более настойчивый, энергичный.

Нина запахнула халат, сказала:

— Если что, ты пришел недавно. Я тебя сама пригласила — обсудить кой-какие дела по работе.

Магулин спокойно кивнул; Нина пошла открывать.

Зазвонили в третий раз, еще решительней.

— Кто? — хриловатым голосом спросила Нина.

— Вам телеграмма.

Нина с облегчением открыла дверь, расписалась на квитанции.

— Если б не срочная, не стал бы беспокоить так поздно. Извините.

— Спасибо.

“СРОЧНО ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ К МЕСТУ КОМАНДИРОВКИ НЕОБХОДИМО ВАШЕ ПРИСУТСТВИЕ”

— О, господи... — прошептала Нина.

Вернулась на кухню. Магулин смотрел на нее вопросительно.

— Телеграмма Скоробогатову. С работы.

— Гм. Где же его теперь искать?

— А черт его знает, где носит этого идиота...

В этот вечер Наталья Михайловна поужинала как всегда — ровно в семь часов. Отварила себе картошки, натолк-

да из нее пюре, залила постным маслом. Поела она с охотой, заварила свежего чая, попила вприкуску с карамелью; потом помыла посуду и направилась в большую комнату — посмотреть телевизор.

Шел Наталье Михайловне семьдесят второй год...

Все было, как всегда; Наталья Михайловна щелкнула тумблером, подождала, когда нагреется экран, отрегулировала яркость, громкость; передавали последние новости. Наталью Михайловну необычайно интересовало, что происходит в мире, потому что она многое повидала, многое пережила, помнила революцию, гражданскую войну, голод, разруху, помнила тридцатые годы и Великую Отечественную, пятидесятые и шестидесятые, и у нее щемило в груди, когда она слушала, что происходит на земном шаре, потому что, казалось ей, все висит на волоске, достаточно одной какой-нибудь случайности — и все рухнет в небытие.

— ...события в Анголе комментирует наш специальный корреспондент Фарид Сейфуль-Мулюков...

Наталья Михайловна сделала лишь один шаг к дивану, с которого обычно смотрела телевизионные передачи, как вдруг ноги ее подкосились, и она, не успев ничего понять, рухнула на пол...

Сколько она пролежала, Наталья Михайловна не знала. Когда открыла глаза, комната показалась ей странной, перекошенной; лежала Наталья Михайловна навзничь, с головой, откинутой набок. Увидела подоконник, цветы, перекосившиеся рамы, торшер. Слегка повернула голову. Люстра. Потолок. Наталья Михайловна попыталась приподняться, не тут-то было. Наталья Михайловна перевернулась на живот и, чуть подняв голову, увидела в коридоре на низенькой полочке телефон, и вот тут-то ее пронзила догадка: телефон! Только он один может спасти ее. Телефон...

Отдохнув немного, Наталья Михайловна стала по миллиметру, по сантиметру продвигаться вперед. Странно, никогда в жизни, казалось, не тратила она столько усилий на обыкновенные движения, а между тем продвигалась действительно по сантиметру. Даже, может быть, иной раз вовсе не продвигалась, потому что тело, готовое к передвижению, вдруг опадало, превращалось в грузную непослушную оболочку. Наталья Михайловна прикрывала глаза, при этом явственно ощущала, как душа ее, словно отлетевшая от тела, зависая над ним в сосредоточенном раздумье, снова нехотя, обузданно возвращалась на место, сливаясь с плотью, наполняя ее сумеречно мерцающей, трепетной жизнью.

Иногда нисходили на Наталью Михайловну видения; в видениях этих она неожиданно для себя сознавала, что никакой смерти, конечно, она не боится, слышала в себе согласие с ней: смерть — ну что ж, смерть так смерть... И не про-

тив смерти она воевала, не со смертью; если она двигалась — то потому, что надо было понять в жизни что-то самое главное, самое важное...

Сколько лет не было рядом мужа Федора Алексеевича, а, странное дело, он как будто никогда не исчезал из жизни. Когда он только-только приехал из деревни, она помнит — на скулах у него ходили ходуном желваки. Он знал, чего хотел: он хотел засучить рукава и руками, одними руками переделать мир.

Она тогда, в конце двадцатых, только в глаза ему заглянула и поняла: все, она — рядом, навеки. Ее потрясла эта его страсть — жить для других. Она хотела этой же страсти. Жить для других — вот что знал Федор Алексеевич. Техник-механик, он когда только пришел на машиностроительный завод, уже было ясно — будет не бригадир, не мастер, не начальник смены, не начальник цеха, не главный инженер, — директор. Потому что он знал: жизнь для других — это жизнь человека. И потому, когда сгорел до тла, — не исчез, не истаял. Вот почему ей, Наталье Михайловне, и не страшно, что его нет. Она не ощущает, что его нет.

Наталья Михайловна вновь приходила в себя... Открывала глаза... Федор Алексеевич исчезал. Перед глазами появлялся телефон. В проеме двери в коридоре на низкой полочке. Вон что. Надо двигаться. Это главное...

Когда-то Наталья Михайловна не понимала, что в огне ее любви к Федору Алексеевичу сгорит дочь, а когда поняла — было поздно. Нина выросла незнакомым, непонятым существом, как будто прилетела с другой планеты. Наталья Михайловна наивно полагала, что достаточно просто жить рядом с Федором Алексеевичем, и истина восторжествует. А Нина, оказывается, не только не помнила отца, но считала его ненормальным, как ненормальным считала и время, взрастившее отца с матерью. Почему? Потому что Нина с другой планеты. За всю жизнь она никогда ничего не сделала своими руками. Как же она может понять мать? А тем более — отца? А тем более — все их время? "Да понимаю я, понимаю, — отмахивалась Нина, при этом морщилась, как от зубной боли. — Это ты не понимаешь — время изменилось. Понимаешь: время! Время!" И всегда все валила на это — "время изменилось".

Наталья Михайловна приходила в себя, открывала глаза... Мрак в комнате не был таким густым, как прежде, и только поэтому она понимала, что ночь постепенно переливается в утро... Все на свете переливается одно в другое. Жизнь переливается в смерть. Смерть переливается в жизнь. Ничего удивительного, ничего страшного. Наталья Михайловна вновь приподнялась на локтях и хоть немного, но еще подтянулась вперед. Заветная полочка с телефоном была все ближе и ближе...

Федор Алексеевич ушел, а мир остался. Вот это главное. И она уйдет. А мир останется. Но тут вопрос — навсегда ли останется? Ведь после нее — всего лишь Нина. А рядом с ней — Скоробогатов. И детей у них нет. Нет у Натальи Михайловны внуков. Был бы хоть один — разъединственный внук... Она представила его сейчас живым, реальным: белокурый, пытит, строит из кубиков дом... Наталья Михайловна улыбнулась. Как бы они стали жить с ним? Главное, улыбнулась она, день и ночь она была бы рядом с Федюшкой (так ей хотелось назвать внука); может быть, даже уехала бы с ним в деревню. Жили бы просто. Она бы день-деньской работала на дворе, в огороде, ходила в лес, Федюшка помогал бы во всем. Он должен своими руками строить жизнь. Колоть дрова. Носить воду. Чинить изгородь. Полоть в огороде. Копать картошку. Поливать капусту. Строить самокат. Любить лошадь. Скакать верхом. Варить уху. Он должен почувствовать, что без его рук нет жизни. Жизни не хватает именно его рук.

“Вы же только потребляете! Ведь палец о палец не ударяете! Не делаете — и самое страшное — не хотите ничего делать! Смотреть тошно!” — вот что она говорила дочери. А ответ?

“Надоела, вот здесь сидит, — Нина показывала на шею, — твоя политграмота!”

Правда — это для них политграмота. Как случилось, почему — не поймешь, но ведь случилось, что ее дочь за всю жизнь ни разу ничего не создала, так, чтобы после нее был конкретный осязаемый результат: хлеб, деталь, мясо, шерсть, дерево, вспаханное поле; нельзя же в самом деле считать за труд просиживание рейтузов в НИИ! Зато каковы запросы! Джинсы, французские сапоги, турецкие халаты. Ковры, машины, дачи, золото, — да откуда? Почему? За что, в конце концов?! Откуда такая психология: ничего не создаю — но дай мне все! А?! Ведь требуют от жизни всерьез! Как будто так и должно быть. Ох, потребители!

Наталья Михайловна заскрежетала зубами, стон вырвался из груди, вытянула вперед руки, сложила на них седую голову, решила полежать, отдохнуть. Из окна в комнату лился рассвет, слабый пока, густо-сиреневый, но все-таки... Ночь проходила в провалах сознания и памяти, в видениях и борьбе...

“Наталья Михайловна, дорогая, — сказал как-то Скоробогатов, в самом начале еще совместной жизни, — надо жить в мире, зачем нам ссориться, что делить, за что бороться?..”

Тогда она не ответила зятю, не сказала правды — только присматривалась к Скоробогатову, а сейчас бы выложила напрямую:

“В мире с вами жить?! Не ссориться?! Да тогда от жизни одна навозная куча останется! Какой же толк от вас, кроме навоза? Не создавая — едите, не создавая — одевае-

тес, не создавая — роскошествуете, не создавая — пьете, не создавая — дачи снимаете, — и чтоб вам все самое лучшее, самое мягкое. Самое модное, самое престижное, да при этом и сострадание вымалывают, смотрят жалобными глазами, в демагогию пускаются, чужих жен и мужей любят, — кто же вы?! Откуда?! И я должна с вами в мире жить? Я должна потакать ничтожествам, холодам и потребителям?

На-кось, выкуси, зятюшка Скоробогатов!”

Федор Алексеевич бился за жизнь, как лев, а она, Наталья Михайловна, должна молчать теперь, когда толстозадые дочери да толстомордые зятя рвут жизнь на клочья, как дармовой лакомый кусок?!

Наталья Михайловна почувствовала, как по ногам, которые она вроде перестала чувствовать, побежали пупырышки озноба, словно их стали колоть тысячи иголок...

“Ты же бесчувственная, — говорила дочь. — Ходячий лозунг. Плакат в платье...”

Сморщившись от боли, Наталья Михайловна оперлась сзади на руки и неожиданно села. Посидела, отдышалась, привыкая к новому состоянию. А новизна была в том, что она могла двигать ногами, сгибать их. Вот только не верилось, правда ли это? Совсем недавно ползала по полу, как червь. И вот сидит. А вдруг и встать может? Наталья Михайловна подогнула под себя ноги, несколько наклонилась, оттолкнулась сзади руками. И ведь поднялась! Ноги дрожали, подгибались, но не подводили ее.

Она сделала шаг... Стояла, шатаясь; долго стояла, но не упала. Руки выбросила по сторонам, балансировала ими, потому что заносило ее туда-сюда изрядно. Но стояла. На полусогнутых ногах, но стояла. Сделала еще шаг. Потом еще шаг, еще... Минут за десять — не больше — она пересекла всю комнату. Теперь самой было удивительно, как это недавно столько часов ползла, ползла и так не смогла доползти до телефона...

И когда стояла теперь рядом с телефоном, оставалось только руку протянуть, он вдруг сам зазвонил — да так резко, неожиданно, что Наталья Михайловна вздрогнула, испугалась. Но вот взяла трубку.

— Да, — сказала Наталья Михайловна.

В трубке было молчание, хотя и чувствовалось чье-то дыхание.

— Да, — повторила Наталья Михайловна.

— Наталья Михайловна, это Скоробогатов. Мне нужно поговорить с вами...

От неожиданности она присела на стул рядом с телефоном: Скоробогатов? Что ему нужно?

И самое главное — что они могут сказать друг другу?.. ■

У вас в руках — совершенно необычный номер “Смены”. Без ярких цветных иллюстраций, старого, до 1998 года, формата, отпечатанный на простой газетной бумаге, конечно, не в Италии, как предыдущие номера, а в типографии издательства “Пресса”. Этот сдвоенный номер — иллюстрация того, какой удар по “Смене” нанес августовский финансовый кризис, затронувший буквально все сферы нашей с вами жизни. Курс доллара, выросший почти в три раза, мгновенно обесценил рубль, и редакционные средства на выпуск 11 и 12 номеров враз растаяли. Вдобавок из-за разрушения банковской системы мы несколько месяцев не могли выплатить гонорар авторам и зарплату сотрудникам. Естественно, не мы одни оказались в таком сложном положении — многие хорошо вам известные газеты и журналы просто закрылись или до минимума сократили штаты, — но мы держимся, а в доказательство жизнеспособности “Смены” — этот номер, который, хотелось бы надеяться, станет и для вас, и для нас своеобразным раритетом. Тем более, что по насыщенности интересными материалами он ничуть не уступает предыдущим номерам. Вы, наши преданные подписчики, ведь и сами изрядно пострадали от финансовых бурь и катаклизмов, так что спасти нас с вами в это трудное для всех время могут только взаимная поддержка, понимание и доверие.

Скоро — 1999 год. Что он принесет всем нам? Мы, сменовцы, оптимисты по натуре и надеемся, что жизнь постепенно будет улучшаться. Для нас самое главное — чтобы вы, читатели “Смены”, не расставались с нами, радовались и горевали вместе с нами, и верили в нас. Подписная цена на “Смену” увеличилась, но можно ведь оформить подписку и на две семьи, и на три, и даже на целый подъезд. Главное, чтобы вы, как и прежде, ощущали духовную потребность и необходимость в чтении своего любимого журнала.

В новом году “Смена” будет такой же яркой, красивой и, смеем надеяться, интересной, к какой вы уже привыкли, а вот помочь ей выжить сможете только вы, читатели, подписавшись на журнал.

С Новым Годом вас, дорогие друзья! Счастья всем и благополучия!

ПИТИЕ НА

Путевые
наблюдения
пристрастного
дегустатора

Олег ДЗЮБА

Два дела любят и умеют делать на Руси — выпивать и закусывать. Понимают наши люди в них толк и изобретательность при этом проявляют невиданную. Города и веси разнятся не только монументами и пейзажами — отличаются именами водки и причитающимися к ней закусками. Исторически так сложилось, что в капле водки национальный характер и эпоха могут яснее отразиться, чем в капле Волги...

Об интимном

...За стеклом придорожного трантирчина мелькнули серебряные буквы "Ностальгия", украшенные ласковыми для глаза цифрами 3,62. Но, видимо, создатели новинки по возрасту недалеко опередили поколение, выбирающее "пепси", иначе вряд ли упустили бы из виду, что в свое время известны всем были и другие приятные сочетания цифр. Вспоминается в связи с этим эпизод в одной советской повести сорокалетней давности. Юные герои отправляются из опусты-

левшей Москвы за приключениями в безвизовый тогда еще Таллинн. В поезде они натываются на компанию рыбаков, и те предлагают загадку на засыпну: "Кто разъезжает на автомобиле с номером "МО 23-40"? Столичные тинейднеры пасуют, а торжеству-

РУСИ-

ЕСТЬ...

фото Игоря Брента

ющие ловцы салати радостно называют бутылку "Московской особой", купленную за былинную эту цену...

В те хрущевские времена страна делилась не только на часовые, но еще и на ценовые пояса. Жители Сибири или Узбеки-

стана с приведенной в повести ценой могли ни разу в жизни и не познакомиться, ибо восточней Москвы бутылка с зелеными полосочками стоила 28 рублей 70 копеек, после денежной реформы 1961 года трансформировавшиеся в 2, 87...

Ностальгия, однако же, дело глубоко интимное. Старый полярник Токарев, получивший в предвоенные годы Золотую Звезду Героя за трехгодичный дрейф на пароходе "Георгий Седов", нан-то раскрыл мне происхождение известной в свое время водки в 56 градусов. Чаще всего полярные "волки" предпочитали не мудрствовать лукаво и чокались неразбавленным "цедва-ашпять-оаш". Зато на праздники спирт разбавляли до цифирности широты, с которой звучали кремлевские куранты и лился рубиновый свет башенных звезд, гревших душу и сердце куда сильнее северного сияния...

На кремлевском приеме по случаю завершения ледовой страды этот обычай раскрыли попыхивающему трубкой Сталину, тот приказал принять "полярный метод" к промышленному освоению.

Были, очевидно, и другие поводы к повышению хрестоматийной со времен Дмитрия Ивановича Менделеева крепости. Обычная сорокаградусная не выдержи-

вала даже сибирских холодов, не говоря уже про арктические стужи, и замерзала. Отсюда и появление 56-градусной, пришедшейся очень даже ко двору...

Об истории с географией

Продолжение пути к Владивостоку распахивало алкогольную душу державы все шире.

В Костроме пили "Дворянскую", в Нирове "Вятскую", а также водку с претенциозным названием "VIP", что в переводе с английского означает "очень важная персона". Пермляки предпочитали "Пермскую", омичи предлагали отведать фирменной соронаградусной "Тарские ворота", а городок Барабинск, что в Новосибирской области, — водку "Наинский нупец".

В самом Новосибирске в чести водка "Проничев", на этикетке которой прославил себя местный фабрикант. А вот иркутяне ничего другого вливать в себя не хотят, кроме "Байнальской", сотворенной на воде из глубин "славного моря".

Иные этикетки приходилось разгадывать как ребус... В Улан-Удэ появилась на столе бутылка, примечательная изображением восточного красавца в смокинге и полным отсутствием русских надписей. Английский текст ни малейшей связности не обретал, если бы не крохотное примечание, что напиток сей выпущен в честь столетия российского кино. Тут-то все и растуманилось. Джентльмен в вечернем наряде на этикетке оказался знаменитым антером "великого вемого" Валерием Иннининовым в роли

потомна Чингис-хана (был такой в тридцатые годы кинобестселлер режиссера Всеволода Пудовкина). В английском языке нашу буну "ж" передают сочетанием из трех латинских, и немудрено, что прочитав непривычную по звучанию фамилию с ходу никак не удавалось.

Победу ума над неведомым следовало отметить, что я и сделал, благо, день назавтра предстоял выходной. Напиток оказался хоть куда, вполне под стать бывлой кинозвезде...

Северо-Запад и Центральная Россия Дальнему Востоку фантазией не уступят. Удмуртский городок Глазов осчастливил республику водной "Налашнинов" с портретом знаменитого конструктора и скрещенными автоматами. Глазовцы — народ веселый и одну из первых партий "огнестрельной" водки пустили на призы победителям конкурса... по прицельному метанию валенка. (Боже, если бы мы всегда счеты сводили одним лишь войлоком...)

Чувашка от Удмуртии отставать не захотела и выпустила водку "Господа офицеры". Придумали там и соронаградскую под названием "Анатуй". Сие для меня загадка. И не потому, что страшная наторга времен царизма, да и последующих режимов не стоит горьких слез, пролитых в рюмку с мемориальным напитком, а по незнанию: чем же так запомнилась она чебоксарским винокурам?

Впрочем, наторжная тема в алкогольном мире заметных следов, кроме "Анатуй", не оставила. Авторы крепких напитков предпочитают все же ориентироваться

на законопослушное население, полагая очевидно, что завсегда-таки мест не столь отдаленных предпочтут на столе не напоминающая о "Черном вороне", а что-нибудь повеселей.

В особом фаворе у производителей водки воинская слава. Судите по бутылкам: тут и "Синопская" с берегов Невы, и "Маршальская" неизвестного происхождения, и "Чарна" в бутылки, по виду напоминающей снаряд. А винокуры наивязского Черкесска решили напомнить о фронтовых стаграммах, поместив на этикетку водки "Нарком" облик Клим Ворошилова в довоенном маршальском мундире.

У тулянов другие ассоциации, свою водку они прозвали "Леша". Всех, однако же, переплюнули земляки Ниналая Чернышевского, обогатившие тему моего эссе водкой "Что делать?". Следуя по саратовскому пути, ульяновцам надо бы сотворить злодейку с налейной "С чего начать?". А москвичам, в память о клятве Герцена и Огарева на Воробьевых горах, засандалить ленарство от всех

печалей под девизом "Кто виноват?".

Винокуры ближнего и дальнего зарубежья "проклятыми" вопросами себя не слишком обременяют, но свято держатся за "русскость" своих прозрачных напитков.

С Гавайских островов в мою коллекцию угодила водка "Намчатка". В эпоху Русской Америки неумные наши коннистадоры умудрились основать там форт "Елизавета" и даже подбили короля благодатного архипелага попроситься в русское подданство, так что с исторической памятью у островитян все в порядке. С "забугорной" этикеткой соседствует нашенская вологодская "Форт Росс". После нее калифорнийские секвойи перед глазами громоздятся...

Иван Нусков, основавший первое поселение россиян на землях нынешнего "Золотого штата", родом из Тотьмы, а потому и почтили его на родине мемориальным водочным "лейблом".

Уроженцы Великого Устюга тоже не пали физиономиями в грязь. Тамошний линеро-водочный заводчик отметил 350-летие плавания Семена Дежнева водкой во славу его открытий. Землепроходческую "обойму" устюжане продолжили водкой "Федот Попов" в честь сотоварища Дежнева. На очереди "Владимир Атласов" в честь присоединителя Намчатки, "Ерофей Хабаров" во славу предводителя Амурских назачьих походов, "Михаил Неводчинов" — по имени устюжанина, бороздившего моря с Витусом Берингом. Прославителям земляков надо спешить, ибо есть мнение, что великие имена с "соронаградусной" ассоциироваться не должны... Тех, кто успел за стол-

бить имена своих земляков на этикетках, трогать уже не будут, однако новых "персон" в аллюгольный "пантеон" могут и не допустить.

Зато соседям по СНГ наши порядки не уназ. В Нустанайской области местная фирма "Арай" (порусски "Родник") предложила приверженцам исконно степных ценностей водку "Чингис-хан". Русскоязычному же населению, которому нестопий покоритель Евразии не так мил, как его потомкам, адресовали водку с портретом Петра Великого. При виде такового плюрализма меня потянуло было запеть прямо в магазине: "Дети разных народов, мы мечтаю о счастье живем..."

На Украине свои заморочки. Говорят, что во Львове надумали выпустить водку "Степан Бандера", но сам я ее не видел, голову на плаху в подтверждение истинности не положу. А водку "Одесса" пивал в "жемчужине у моря". Выбирать именно эту из многих других "самостийных" меня подговорил симпатичный абориген в белой панаме, утверждавший: его земляки могут подделать все, что угодно, но за фальшивый напиток с таким именем потомки Мишки Япончика любому "фраеру" голову оторвут!

О русской смаклке

Великий идеалист Федор Достоевский пестовал в душе образ русского мальчика, способного исправить по своему разумению даже карту звездного неба, коли она угодит в пытливые ребячьи руки. Но дети взрослеют, и пристрастие к совершенствованию мира

сменяется попытками комфортабельней устроить хотя бы микро-уголок Вселенной, площадь которого строго оговорена в квартирном ордере.

Здесь уж на вкус и цвет товарищей не сыскать. Одним подавай бесшумные филенчатые двери, другим гидромассаж, а третьи, махнув рукой на усаду глаза, получают удовольствие от вливания в организм пьянящих жидкостей...

Отсутствие их переносится тягостно и ведет к изыскам. Славный пример борьбы с прорехами снабжения я отыскал в "Описании Земли Камчатской" Степана Крашенинникова, запечатлевшем бытие краесветного полуострова в XVIII веке. Назани, придя 300 лет назад на кромку Тихого океана, устроились там совсем не худо и жили, "как дворяне за холопами", ибо "соборей и прочей мягкой рухляди получали довольно". "Одно их мучило, — травит нам душу страданиями предков академик Крашенинников, — что вина достать было негде..."

Полет пылливой камчатской мысли требовал действий, и отважные землепроходцы ринулись в эксперименты. Первым успехом стало открытие напитка из ягод, напоминающего хмельной квас. Додумавшись перегонять слабо пьянящую влагу, они вздохнули спокойно. Но год на год не приходился — урожай рябины или жимолости для винных затей не всегда хватало. Выручило открытие градусных свойства перебродившего сона "сладкой травы", как именовали на Камчатке местную разновидность борщевина. Если сок этот смешать с настоем иванчая — будет "в самый раз"...

Но время шло, и государевы слуги сообразили, что "сладкая трава" хороша и без добавки: выход итогового продукта был весьма недурен. Из двух-трех пудов травы удавалось выгнать ведро "вина", которое местная назна продавала алчущим по 20 рублей. (При всей сложности перевода курса времен Витуса Беринга на современные цены риску предположить, что обладателю той суммы в сегодняшнем эквиваленте удалось бы ударно отметить все официальные праздники календарного года...)

Перегоняли камчатскую "раку" в чугунных и медных котлах, в которые за отсутствием труб вмазывали... ружейные стволы. "Сия рана, — свидетельствовал очевидец, — крепости подобна хорошему вину, его ради и пьют оную за вино, не переганывая в другой раз. А ежели переганать, то вино столь крепко бывает, что можно травить железо..."

О совершенствовании этой самой смаклянчи

Опыт хитроумных камчадалов пророс через века. В эру последней по времени попытки насильно втащить советский народ в безалкогольное будущее я собрал целую коллекцию методов тихого саботажа попыток превращения бюрократических свазок в повседневную быль.

Современные приемы затуманивания мозгов не слишком отличались от казацкого "ноу-хау" с поправкой на ингредиенты для получения "огненной воды". Тут уж ни-

чего не напишешь. Наменные джунгли — не намчатская тайга, со сладкой травой и пьянящей ягодой — напряженна, так что творили из того, что под рукой. Умельцы из химического института запустили в дело... обыкновенный антистатин "Лана". Для искусственных в лабиринтах формул знатоков не было секретом, что антиэлектрическая смесь готовилась на чистом спирте, и "лановый" первач почти не требовал дополнительной очистки. Ну, а стеклянных трубок для конденсации дурманящей влаги в любой лаборатории хватает.

Любители питья поблагородней и понатуральней додумались получать вполне приличную чачу... из просроченного болгарского "наберне". Водна в Москве тогда уже бралась с бою, но вкусить прокисшего вина с заплесневелыми пробками еще мало кто отваживался. "Дары" солнечных Балкан застоялись в каних-то заброшенных хранилищах, и в другое время вагоны бутылок просто свезли бы на свалку. Но личная экономика, в отличие от социалистической, всегда находила быть экономной: кому-то кстати пришло в голову, что перегонять бросовое вино куда дешевле и веселее, чем выстаивать чачу.

сы за назенным лекарством от всех печалей. В очереди — пьяные рони, перегар, вырванные с мясом пуговицы и реальная перспентива угодить на глаза недремлющей милиции. А дома — тишь, благодать и только напли "самопала" о донышно банки позвянивают...

"Наберне" в конце концов иссякло, но живому творчеству масс никакой уназ не преграда.

Нак-то на кухне знакомого геолога я с изумлением узрел целый стеллан трехлитровых банок созревающих домашних бормотух. Над многими посудинами поначивались надутые резиновые перчатки. "Алхимик" снисходительно пояснил, что в пальчиках защитных рукавичек им прожжены микроскопические отверстия для выхода неизбежных при брожении газов. Приподнялась перчатка над горловиной — значит, процесс пошел! Началась, словно сигнала "Привет, Миша", — таинство в разгаре. Понинкла, наподобие розы из увядшего бунета: пора к столу!

Бывали на моем пути и другие открытия. Коллега из районной газеты с Номандорских островов Борис Горецкий угощал меня канто настойкой на почках... рододендронов. Содержимое рюмки слегка отдавало смолой и ласково обжигало язык на манер легкой горилки с перцем.

А вот охотник Светцов, встреченный мною в тайге близ Ключевской сопки, предпочитал домашнюю анисовку. Услышав от меня, что анисовую водку весьма уважал император Петр Великий, познавший вкус ее с подсказки голландских моряков, Светцов совсем возгордился и сказал, что придумал рецепт без всяких подсказок. Оказалось, что наравне с императором и анису очень неравнодушен... драгоценный зверек соболь. Добытки пушнины, отправляясь на промысел, непременно прихватывают пахучий экстракт для сдабривания приманок. Совсем недавно пристрастие императора и пушных зверьков приняли к сведению алкогольных дел кудесники из Вологды и запустили в производство "Анисовку Петра I", дополнив популярный в Европе ряд анисовых напитков вроде греческого "аузо", болгарской "мастини" и французского "перно".

О трезвости и Нобелевском лауреате

Перефразируя классика, воскликну: неунто все мы немного соболи? Неунто все стремимся на сладкий и роновой запах, не щадя печени и самой шнуры своей?

Справедливости ради припомним, что мятущиеся или же просто совестливые умы издавна пытались антиалкогольным глаголом жечь сердца и рассудки. Озарения снисходили даже на самых забубенных и проспиртованных. Петроградский пьяница Чуринов в начале века внезапно прозрел, протрезвел и целую секту последователей вокруг себя собрал, заклиная не пить и верить только Христу. В активистах у предводителя трезвенников ханивали заслуженные выпивохи с Пути-

пов-ского завода, а дамскую часть представляли состарившиеся на панели дамы полусвета.

Чуринов появлялся перед последователями в русской рубашке навыпуск, в лаковых сапогах, и неграмотными, но доходчивыми своими призывами исхитрялся за несколько минут вогнать зал в подобие транса. На него смотрели, как на мессию, безропотно соглашаясь с путаными, зато пронзительными увещаниями.

"Отвернетесь ли от зла?" — вопрошал Чуринов паству. "Отвернемся, Иванушна", — разом выдыхал зал.

Видавший виды народ расходился с чуриновских молений просветленным и дане оглядываться

не смел на маящие вывески распивочных.

Но пока Чуринов доморощенным Дон-Кихотом бросался на зеленого змия, особы, приближенные к алкогольному бизнесу, пытались поставить русское пьянство на добротную теоретическую основу. В 1912 году на рассмотрение Государственной Думы поступила смета Главного управления накладных сборов и казенных питей. В качестве приложения к статьям предстоящих расходов законодателям подали еще и записку об устройстве института для изучения влияния алкоголя на организм. Экспертом по этой части Дума пригласила знаменитого академика Ивана Павлова, который к потребности в горячительном относился как к сугубо научной проблеме: "...доказано, что алкоголь является самым могущественным возбудителем сокоотделения. Так что если инстинкт человека и завел его слишком далеко в употреблении алкоголя, то, с другой стороны, начало его употребления вызвано потребностью организма..."

Терпимость великого физиолога к национальной страсти должна была бы побудить его к самому лучезарному отклику на запрос водочного ведомства. Но академик по прочтении записки попросту унааснул. И что ему еще оставалось, если безымянные сочинители в качестве исходного постулата объявили безвредным употребление 250 граммов сорокаградусной водки ежедневно. "Если же выяснится факт, что алкоголь является веществом, не чуждым реакциям организма, — гласила записка далее, — то не исключается возможность того,

что с течением времени после тщательного изучения вопросов можно будет найти способ употребления алкоголя без всякого побочного вредного его действия, соблюдая лишь определенные условия при пользовании им".

Слотнувшись об этаний пассаж, Нобелевский лауреат растерянно констатировал: "Надо заключить, что составители записки надеются сделать безвредными еще более значительные дозы алкоголя, чем один грамм на кило веса тела". Недоумение академика надолго не затянулось, и думцы получили возмущенную отповедь, сводившуюся к тому, что "институт с такой задачей, очевидно, представлял бы собою своеобразную постоянную рекламу казенной продажи питей... а потому... все те, кому дороги государственные средства, здоровье населения и достоинство русской науки, имеют обязанность поднять свой голос против учреждения института такого назначения".

Дума поверила Павлову, а не "казенным питеям", и до учреждения института безвредного пьянства дело не дошло...

Через два года разразилась Первая мировая с последовавшим после ее начала полным запретом на алкоголь в России, далее грянул октябрьский переворот, вслед за которым большевики вспомнили опыт графа Витте по стабилизации рубля на основе монополии на водку. И выпустили для начала тридцатиградусную, прозванную в народе "рыновкой". Немного позднее вернулись к обоснованному Менделеевым сорокапроцентному стандарту, и все пошло дальнейшим чередом, при-

ведя к тому, что теперь мы в этой сфере жизни имеем.

Единственной из известных мне дальнейших попыток обратить пьянство на пользу здоровью была затея Института питания АМН, предлагавшего выпустить водку с витамином С. На Западе к тому времени набили руку в обогащении целебными надобьями национальных напитков вроде сонов и йогуртов. Наши национальные напитки производились совсем по другим формулам, и ученым мужам привиделось, что, обогащая "аскорбинной" содержимое всесоюзно популярных поллитровок, можно исконное зло в какой-то степени облагородить.

Докладная записка собрала множество одобрительных резолюций. Это и не мудрено, так как под прикрытием витаминизации запросто можно было лишний раз повысить цены. Но на высотах Политбюро тема все же забуксовала. Затем пришла пятилетняя пышных похорон, а после нее прихлынули другие времена с другими песнями...

*О зубовских
мужиках и авторе
"Мартина Идена"*

Если вырुлить из Вологды прямо на север, то километров через триста можно выкатиться к прозрачной речке Шоле, впадающей в Белое озеро.

По одну сторону прохладных темных струй живет себе село Зубово-1, за мостом то же Зубово, но под вторым номером. На южном берегу сохранился симпатичный купеческий особнячок начала столетия, именуемый по фамилии пос-

леднего дореволюционного владельца "Сунина дача". Напротив, за мостом, благородный сосновый бор на песчаных гривах, родник, укрытый от непогод бревенчатым теремком, и сельский магазин над крутым откосом.

Угодив на Шолу с десяток лет назад, я узрел там сцену, которую проще всего сравнить с васнецовской картиной о последствиях жестокого сражения со степняками.

Залитая солнцем сельская площадь усеяна была леначими чело-веческими существами. Между телами массово посверкивало бутылочное стекло. Кто-то пытался подняться на ноги, но через несколько шагов вспоминал о ньютоновском законе всемирного тяготения...

На лавочке у родничка понуривал местный "Анисий" в отпущенной форме, к которому я и подна-тил — осведомиться о причинах массового пьяного храпа.

Милиционер печально посмотрел на меня и ответил, указав на село, что сегодня впервые за три месяца отоваривали водочные талоны. День был субботний, и обладатели ключиков бумаги, гарантирующих две поллитры в месяц на душу, с утра собрались к магазину из обоих Зубовых да плюс к тому из окрестных лесных поселков.

К полудню, когда привезли-таки водку, народ оголодал и осовел от жаркого солнышка. Зубовцы, выстояв в очереди, все ж таки разбежались по домам к грибкам и напуге, а лесорубы, не в силах устоять после трехмесячного воздержания, принялись хлестать проклятую с ходу, прямо из горлышек...

Сетовать на грубые инстинкты было бы лицемерием, а гнать си-

туацию и подавно
бесмысленно,
так что я по-
ехал своей
дорогой,
утешая
себя
тем,
что
вся планета
одним
миром мазана.

Писал же биограф
Джона Лондона Ирвинг
Стоун, как будущий классик в компани
прочих калифорнийских любителей
дармовой выпивки отправился в
соседний городок ради предвыборного
шествия, не интересуясь, что за партия
наняла их проспиритованную компанию.
Будущий автор "Мартина Идена" самолично
отбивал горлышки бутылок о края
бетонных панелей и вливал в себя
неразбавленный виски, что, в общем-то,
не в традициях законанского
пьянства.

Правда, мои земляки горлышки
бутылок щадили: то ли посуду
берегли для последующей сдачи,
то ли за сто минувших лет челове-
чество слегка продвинулось по
шкале эволюции...

...И, наконец, об особенностях национальной удали

Однанды была у меня встреча
и с обладателем чрезмерного обилия
национальной граненой посуды.

Дело было на севере Камчат-
ки как раз под старый Новый год.
По заиндевелому селу Тиличини
брела развеселая компания с би-

дончином спирта и банкой соленых
огурцов.

Уличный тамада "приветство-
вал" встречаемых зычным рыком,
адресованным кому-то из поначи-
вавшихся спутников: "Нора, све-
жий стакан!". В извлеченную из
сумки посудину щедро плескали
неразбавленного питьевого и под-
носили, не забывая про соленый
огурец на вилке. Спирт провали-
вался в луженые камчатские же-
лудни, станан летел в сугроб вме-
сте с алюминиевой вилкой, и клан
новогодних благодетелей брел
дальше под лучами пышной луны,
мета дорогу гранями двухсотграм-
мовых емкостей.

Сетовать на подобное тран-
жирство тогда и в голову бы не
пришло: разбитые рюмки, фингалы
под глазами, а, тем более,
медные пятны на Камчатке нико-
гда не считали. Находили стака-
нам и другое, прямо-таки факир-
ское применение... Фотокор одно-
го военного журнала забрел как-
то в лабораторию моего дальнево-
сточного коллеги и угодил как раз
на вечернее распитие прощаль-
ной поллитровки. Вот он-то и во-
гнал честную компанию в дронь,
смачно раздробив клыками тол-
стостенный сосуд. Вряд ли подоб-
ный алкоспорт (а как еще назвать
чисто российское увлечение само-
убийственной удалью!) можно спи-
сать на причуды мастеров свето-
писи.

Вспомним хотя бы толстовско-
го Долохова из "Войны и мира",
который на пари опустошал бу-
тылку рома, примостившись на
законном карнизе. Ну, так чем
же его гусарская удаль лучше
прантини лихих потомков?!

Знавал я и кандидата наук, на
четырёх языках свободно изъяс-

нялся, но обладал неодолимым пристрастием к общению на равных с далеким от его интеллента людом. Поднять их до своего уровня за время таежной экспедиции он явно не успевал. А уважение и равенство многого стоит. Вот и приходилось стирателю грани между социальными условиями одолевать тернистый путь от азов "алноспорта" до его вершин. А было на этом пути и питье политуры ("Полины Ивановны"), и клей "БФ" ("Бориса Федоровича"), а также иной противной, но веселящей жидкости, благороднейшей из которых был знаменитый одеколон "Тройной". Сегодняшняя судьба этого ученого мужа мне неизвестна...

Самый же симпатичный из известных мне приемов питания крепких напитков вывез из Болгарии покойный Владимир Солоухин. В братской тогда еще стране онающего классика угостили виноградной водной ранней, а разливали ее по сочным стручкам сладкого перца, из которых заранее удалили сердцевину. Этими мясистыми "чарными" сопитейничи и закусил.

Впрочем, тут я уже не столько о водке, сколько о закуске. А эта тема слишком ответственна и мила, чтобы размениваться на снегурговорну.

О ней — в следующем номере... ■

"Смена" — библиотекам, библиотеки — "Смене".

В числе наших подписчиков почти двадцать тысяч российских библиотек и именно к их сотрудникам обратились мы со страниц профессионального журнала "Библиотека" (№ 4, 1998 г.) с предложением принять участие в конкурсе на самое интересное письмо о "Смене" — поделиться опытом работы с читателями, высказать свои предложения и пожелания в адрес редакции.

К сожалению, писем мы получили меньше, чем рассчитывали. Внимательно их проанализировав, жюри решило первый приз не присуждать, но нескольким участникам будут вручены заслуженные награды.

Итак, представляем победителей:

Л.Н.ЧЕРНЕЦКАЯ, заведующая детской библиотекой пос. Янтарный Калининградской области получит магнитолу.

Г.Н.КОРОВИНА, директор Централизованной библиотечной системы Майского района Кабардино-Балкарии — фотоаппарат.

И.В.БОЯРКО, библиотекарь Высшего профессионального училища № 3 из Севастополя и **Т.Д.ИВАНИЩЕВА** из центральной библиотеки села Краснотуранск Красноярского края будут получать "Смену" в течение всего 1999 года.

**Поздравляем призеров и благодарим
всех участников конкурса!**

"Вы опоздали ровно на двадцать лет", — сказала мне в телефонную трубку Татьяна Самойлова. В ее голосе звучала явная обида. Актрисе понять можно: когда-то именно она принесла советскому кинематографу славу и всевозможные призы, в том числе и "Оскар" за

"ЖИЗНЬ ВЛЕТЕ"

мировой вклад в киноискусство. А сегодня о ней почти все забыли. ...В Московском Доме кино на Васильевской улице всю кипит жизнь. Кто-то пришел заплатить взносы, кто-то по делам, кто-то забежал просто так, поболтать с друзьями. Такие знакомые и такие одинаковые лица. Они везде: шагают из картины в картину, из тусовки в тусовку. Некоторые из них сами себя снимают и сами себя смотрят. Я перехватываю ее взгляд: "Вот вам у кого надо брать интервью" — наверное, именно это хотела сказать актриса, но промолчала.

— Татьяна Евгеньевна, вас ведь только за одну Веронину нужно всю жизнь носить на руках...

— Меня и носили. Но не всю же жизнь... Это вы уж слишком. Я и так двадцать лет была звездой.

— Знаю, что вас, звезду, принесшую нашему кино мировую славу, заставляли сниматься в эпизодах. Это правда?

— Калатозов очень строго обошелся со мной. Меня "запустили" в "Неотправленное письмо". Это была плохая работа. Там нечего было играть. Я пыталась отказаться, но меня заставили сниматься. Калатозов сказал: "Мы тебе дали славу в "Нуравах", теперь слушай".

— Что значит "слушай"? Вы же не собачка какая-нибудь. А если бы вы отказались?

— Отказаться было невозможно.

— Почему? Разве вы рабыня?

— Рабыней я не была. Просто Напатов приказал мне сниматься в "Неотправленном письме". И я снималась: сидела по уши в болоте, лазила по горам, бежала за белнами...

— А вы не могли сказать Напатову, что это благодаря вам фильм "Петят журавли" стал, вырвавшись сегодняшним языком, хитом. Ведь сыграв Веронину другая актриса, фильма бы не было. Неужели вы не могли так и спросить Напатова: состоялась бы ваша картина без моей Вероники?

— Нет, не могла.

— Наверное, только мы можем позволить себе такую роскошь, чтобы гениальная актриса годами сидела без работы...

— Почему без работы? У меня пятнадцать фильмов.

— Но для меня вы только Веронина и Анна Каренина. Обидно, что в остальных картинах вас просто использовали. Вашу красоту, ваш талант, который так и не был реализован. Ведь все предлагаемые вам роли были в несколько раз слабее того, что вы можете играть.

— Конечно, Вероничка очень благодарная, очень хорошая роль. Я была полна Верониной. Это, действительно, трагедия, когда отнимают все: дом, родителей, любовь... Почему она не верит в смерть Бориса? Потому что уже отнято все, она не может потерять единственное, что у нее осталось — Любовь! И когда рушится последняя надежда и она осознает, что Бориса больше нет, начинается совсем другая жизнь — она одна, рядом никого нет и надеяться больше не на что. Вот об

этом нужно было написать, сделать продолжение фильма. Но, к сожалению, Виктор Сергеевич Розов не внял моей мольбе, а я просила его написать Веронику в мирной жизни. Но в мирной жизни Вероника его не воодушевляла.

— *А вы никогда не задумывались над тем, что ваша Анна Наренина и есть продолжение Вероники?*

— О чем вы говорите? Это же совершенно разное время.

— *Сейчас говорят, что бхунуться головой на рельсы гораздо проще, нежели бороться за свою любовь.*

— Это верно.

— *Как вы думаете, бросилась бы Анна под поезд, если бы Вронский ей не изменил?*

— Думаю, что нет. Она не выдержала именно потому, что узнала об измене.

— *Анна не выдержала. А вы? Вы бы простили измену?*

— Нет.

— *В вашей жизни был такой момент?*

— Нет. Я мало любила. Всего два раза. Первый раз влюбилась лет в девятнадцать, да же в восемнадцать. Первая любовь была очень сильная. Нетронутая никем и ничем. А потом была любовь мучительная, долгая. Я любила и была любима.

Первая любовь — это Вася Лановой, мальчик, который учился со мной на курсе, с которым мы "сидели за одной партией" в институте.

— *Он красиво ухаживал?*

— Это были сумасшедшие поездки в Рузу, в Петербург, в Одессу.

— *А почему вы с ним разошлись?*

— Потому что любовь ушла. А с нелюбимым мунем жить — мучение. Это не жизнь, а страдание, негодование, возмущение. Не надо жить с нелюбимым человеком, нельзя выходить замуж за нелюбимого человека. Это оборачивается трагедией.

— *А что такое любовь, как вы думаете?*

— Страсть. Совпадение полов. Это спяние мужского и женского рода. Оно может происходить очень темпераментно, а может очень спокойно.

— *Вы могли бы изменить мужу?*

— Не изменяла никогда.

— *Измена может быть разной. Про актрис говорят, что для того, чтобы получить хорошую роль в театре или в кино, нужно подружиться с режиссером.*

— Переспать. Это вы имеете в виду? Я никогда не спала с режиссерами.

— *Но предлагали же, наверное?*

— Ухаживали, настаивали... Но тут же получали отказ.

— *Вы во всем такая мансималистка?*

— У меня перед глазами пример родителей. Мама с папой прожили вместе 62 года. У них была и серебряная, и золотая свадьбы. Жизнь моих родителей — образец служения друг другу. Это и дружба, и любовь, и все, все, все...

— *Считаете, что между мужчиной и женщиной может быть дружба?*

— Конечно.

— *Насколько я знаю, когда снималась "Анна Наренина", вы с Лановым уже были в разводе. В жизни. А на экране любили друг друга...*

— Мне было с ним легко работать, у нас одна школа. По роли легко. А по-человечески... трудно. Увидев его, я заплакала. Мне было очень трудно видеть его.

— А как он вас встретил?

— Он был тоже взволнован. Но... предложения возобновить супружеские отношения не последовало.

— А вы ждали этого? Как бы вы отреагировали, если бы оно все-таки последовало?

— Я любила другого человека и была любима.

— Можно назвать, кто этот человек?

— Эдуард Самойлович Машнович закончил Высшие сценарные курсы. Он был старше меня на двенадцать лет. Он тяжело болел и умер в 55 лет от диабета. С тех пор я одна. Так и не смогла больше никого полюбить.

— Почему одна? Ведь у вас есть сын. Говорят, что от большой любви красивые дети рождаются.

— Мите сейчас 29 лет. Когда учился в шестом классе, спрашивал меня: "Мама, а когда я выйду замуж, ты умрешь?"

— И что вы отвечали?

— Говорила, что мне странен этот вопрос. Я буду всегда любить твою вторую половину. И дружить с ней. Мы с ней действительно дружим.

— Интересно, какую профессию выбрал ваш сын?

— Он будет хирургом. И хотя в нашем роду медиков не было, но он сам выбрал эту профессию.

— Хирург и актер в чем-то родственные профессии: хирург врачует тело, актер — душу. Получается, что в какой-то степени сын пошел по вашим стопам, захотел врачевать людей. Как вы считаете,

те, то, что вы стали актрисой, это закономерно?

— Не стоит говорить о закономерности. Я очень люблю папу как актера. И все мое детское внимание было отдано ему. В четыре года я наизусть читала Пушкина и Лермонтова — это папино воспитание. Конечно, он оказал колоссальное влияние на выбор профессии. И не только мой. У меня ведь и брат актер.

— Интересно, что вы унаследовали от мамы, а что от папы?

— От мамы я унаследовала любовь к быту — научилась готовить, вести дом и хозяйство, разбираться в этом. А папа — это любовь к искусству. Конечно, он сыграл очень большую роль в моем формировании как актрисы. Но это не закономерность, так сложилось.

— Каким было ваше детство?

— Это было сплошное счастье. Мама всю себя отдала дому и детям: она нас выпестовала, вырастила.

В школе я была тихоней. Всерьез занималась балетом. До десятого класса. Танцевала в балете Театра имени Немировича-Данченко.

— Могло случиться такое, что вы стали бы балериной?

— Меня остановило кино. Остановило и повело за собой.

— В жизни вы какой человек?

— Очень мягкий.

— Вы оптимистна?

— Даже не знаю, что вам сказать.

— Вы часто плачете?

— Сейчас редко.

— Хотя поводов, наверно, предостаточно.

— Они есть у каждого из нас.

— Сегодня во многих фильмах играют артисты, имеющие весьма

смутное представление об искусстве. И эти люди очень неплохо живут. А настоящие актеры получают в театре напейни. Хотя и собирают полные залы зрителей. Вот вы на что живете?

— Я получаю пенсию. И работаю по мере сил — езжу с концертами по стране. Иногда приглашают принять участие в кинофестивале. Мне тяжело стало работать — я болею, у меня проблемы с легкими. То я дышу, то у меня пропадает дыхательная пауза. Особенно плохо чувствую себя весной и летом. Тогда все распухает и цветет. Поэтому работать стало тяжело. В месяц я раз пять уезжаю из дома.

— Вам хотелось бы поработать в театре?

— Да, но я не знаю, где. Меня пригласили в "Школу современной пьесы" сыграть старуху. Мне не понравилась эта роль. Хотела сыграть Екатерину Великую, но тоже не сложилось. Театр имени Маяковского тянен для меня, во МХАТе и без меня народу полно. Я бы поработала в "Ленноме", но меня туда не приглашают.

— Многие известные актеры сейчас зарабатывают на жизнь рекламой...

— Я не согласилась бы рекламировать прокладки даже за

очень большие деньги. Но я никогда не осуждаю, я говорю только про себя. Раньше у меня были самые красивые платья, теперь я одеваюсь очень скромно. Мне помогают брат, отец. Мы нанто все стараемся быть одной семьей.

— Татьяна Евгеньевна, если бы можно было жизнь начать сначала, вы, зная свою ситуацию изнутри, прожили бы ее точно так же?

— Да.

— И все равно стали бы втри-сой?

— Да.

— И ничего не хотели бы изменить?

— Изменила бы. Я бы больше берегла свою маму. Мне очень жално, что она ушла из жизни. Она болела, ее мучило давление.

— Вас можно назвать счастливым человеком?

— Да. У меня счастливая жизнь. У меня была Вероника, была Анна, была любовь. Я любила и была любима. У меня есть сын, папа, брат. Есть семья, друзья.

— И все-таки, что вы ждете от сегодняшней жизни?

— Только работы. Потому что я без этого не могу. ■

Беседу вела Лада АКИМОВА.

БЫЛЫ

Иван НОЛЬКЕН

Рисунок **Геннадия Новожилова**

Россия — на удивление традиционная страна. Мы сегодня частенько клянем “новых русских” за жлобство и аморализм, чиновников — за казнокрадство и махинации, политиков — за косноязычие и тупоумие, но забываем при этом, что нравы и ушедших времен часто далеки были от идеала...

Несколько штрихов, мимолетных картинок нашего уже неблизкого прошлого набросал ныне совсем забытый писатель, который в 20-30-х годах уходящего века выпускал свои книги под именем барон Иван фон Нолькен.

Его перу принадлежат несколько увлекательных, живо и легко написанных романов — “Роман пианиста”, “Зарево”, “Живые и мертвые”, “В Курляндском замке”, а также книги мемуарного характера — “Строптивый генерал-адъютант”, “Быль и быт” и другие.

Сведения о писателе весьма скупы. Известно, что барон Иван Владимир-Станиславович фон Нолькен родился в 1866 году в Ставропольской губернии, закончил кадетский корпус и военное училище, служил в Варшаве. Однако отказался от карьеры в армии, закончив военно-юридическую академию, жизнь связал с юстицией. До революции он достиг генеральских чинов и, разумеется, бежал от советской власти.

Свою первую книгу выпустил еще будучи молодым офицером и к литературе снова обратился лишь в эмиграции. Помимо писания романов и воспоминаний, активно участвовал в жизни русской общины в Риге, был секретарем редакции газеты “Сегодня” и музыкальным критиком, писал многочисленные рецензии на книги русских писателей.

Внимательный, меткий взгляд, легкость слога, верность традициям снискали ему симпатии читателей.

Когда писатель умер — точно неизвестно. Во всяком случае, в домовой книге его рижского жилища за 1943 год он еще числился.

Свидетельства Ивана Нолькена о своей эпохе придают новые краски даже уже известным фактам.

ВОЛЧЬИ ХВОСТЫ

В шестидесятых годах (XIX-го века. — С.Н.) в одной из северных губерний развелось много волков. Испросив соответственные кредиты, губернатор объявил по деревням подведомственной ему губернии, что за каждый предъявленный ему волчий хвост казна будет уплачивать по одному целковому.

Эта премия очень пришлась крестьянам по вкусу, и они деятельно самыми разнообразными способами принялись унич-

тожать волков в лесах губернии. Добывание волчьих хвостов превратилось в очень доходный промысел.

Через некоторое время губерния от волков была почти совершенно очищена. Такой поворот дела, однако, для крестьян показался невыгодным: они лишались хорошего заработка. Надо было что-нибудь придумать.

И придумали: изобретательные мужички занялись изготовлением искусственных волчьих хвостов из пеньки. Сдавать пеньковые хвосты вместо настоящих, конечно, было не так просто. Но... "рука руку моет". Благожелательные губернские чиновники охотно пошли навстречу изобретательному крестьянству: за известный "процент", за некоторую, так сказать, "смазку" "заинтересованные лица" стали принимать от мужиков пеньковые хвосты, уплачивая за них причитавшиеся за настоящие волчьи хвосты деньги.

В губернии, таким образом, возник в широком масштабе новый промысел. Крестьяне нескольких деревень сообща изготовляли волчьи хвосты кустарным способом. Одна группа кустарей готовила стержни хвостов, другая прикрепляла к ним пеньку, третья расчесывала, четвертая подкрашивала и т.д.

Кустари-изобретатели очень скоро достигли большого совершенства и при поверхностном осмотре искусственный волчий хвост мог легко сойти за настоящий.

Так продолжалось много лет. Но вот назначили нового губернатора. Он обратил внимание на те громадные суммы, которые тратятся в виде премий за волчьи хвосты, и потребовал, чтобы ему показали последнюю партию волчьих хвостов, предъявленную крестьянами. Хвосты оказались пеньковыми. Возникло дело. Хотя энергичный губернатор скоро получил другое назначение, но возбужденному делу был дан законный ход.

Предварительное расследование "о волчьих хвостах" затянулось на многие годы. Запутанные в нем чиновники, по системе знаменитого чичиковского юрисконсульта, всячески старались "выиграть время" и оттянуть на долгий срок разрешение вопроса о привлечении виновных к законной ответственности...

БЫЛЫЕ САНОВНИКИ

Не составляет секрета, что в императорской России многие выдающиеся сановники обнаруживали подчас поразительную неосведомленность в вопросах, не имевших прямого отношения к их специальности. Тонкие юристы и замечательные знатоки кассационной практики иногда только понаслышке знали о Толстом, Бетховене, Щедрине, Чехове...

В этом отношении не был исключением известный первоприсутствующий сенатор Николай Николаевич Шрейбер, о котором один из его сослуживцев по Сенату выразился: "Это не человек, а учреждение".

Однажды он присутствовал на музыкальном камерном вечере в доме известной пианистки Екатерины Карловны Якоби.

В числе исполнителей был скрипач-любитель Владимир Александрович Брюллов, племянник знаменитого художника Карла Брюллова.

Во время ужина Брюллов, к общему удовольствию присутствующих, начал рассказывать о разных курьезных случаях из артистической жизни.

— Однажды, — стал он вспоминать, — у меня в Павловской даче собрались на музыкальное утро. Во время одного из перерывов известная пианистка Сандра Друккер обратилась ко мне с вопросом: "А не сыграть ли нам Крейцерову сонату Бетховена?". Тут раздался голос маститого генерала Кареева:

— Позвольте, позвольте, господа, объясните мне, кого, собственно говоря, предлагают играть — Бетховена или Крейцера? Я что-то не понимаю.

— А разве Крейцера соната переложена на музыку? — поинтересовался один из гостей-сенаторов.

— Как так? — изумился я. — Предлагают сыграть ту Крейцерову сонату, о которой Толстой написал повесть.

Этот рассказ Брюллова вызывает за столом взрыв дружного хохота. И вдруг сидевший около хозяйки сенатор Шрейбер приводит всех присутствующих в полное недоумение следующим вопросом:

— В чем дело, господа? Я, конечно, знаю, что граф Лев Толстой написал "Крейцерову сонату". А разве и Бетховен написал такую же сонату?

Не приходится пояснять, какое действие произвели эти простодушные слова на хозяйку и ее гостей-музыкантов. За столом воцарилось неловкое молчание. Затем любезная Екатерина Карловна, подавляя смех, объяснила почтенному сенатору разницу между повестью Толстого и сонатой Бетховена...

Другой случай. Место действия — соединенное присутствие 1-го и кассационных департаментов Правительствующего Сената. Докладывается дело по частной жалобе на мирового судью, который в своем приговоре в отношении одного из участвующих в деле лиц употребил выражение — "желудочно-половой космополит".

В своих объяснениях на жалобу мировой судья доказывал, что ничего обидного в инкриминируемом ему выражении нет, так как он лишь цитировал известную фразу великого русского сатирика.

— Ну, да, — прерывает докладчика первоприсутствующий Н.Н.Шрейбер, — все это тлетворное влияние Максима Горького.

— Вы ошибаетесь, ваше высокопревосходительство, — почтительно поправляет первоприсутствующего сидящий с ним рядом сенатор В.В.Смитен. — Русским великим сатириком считается не Горький, а Гоголь.

Тут помощник обер-секретаря П.Н.Якоби что-то шепчет сидящему за отдельным столом товарищу обер-прокурора Ник.Ник.Булдакову.

Булдаков утвердительно кивает головой, затем встает и по возникшему вопросу дает свое обер-прокурорское заключение:

— Если высокому присутствию благоугодно осведомиться, кто именно слывет великим русским сатириком, то считаю долгом доложить, что фамилия его не Горький-Пешков и не Гоголь, а Салтыков-Щедрин.

Но и ссылка на Щедрина не спасла судью. Высокое присутствие определило: "Разъяснить судье такому-то неправильность его действий и поставить ему на вид допущенное им неуместное употребление литературных цитат в приговоре".

Другой первоприсутствующий сенатор, барон Штакельберг, был так стар и дряхл, что однажды, разговаривая с рядом с ним сидящим сенатором Г.К.Репинским, по рассеянности подписал на сенатском определении свою фамилию таким образом: "Штакельпинский". Он же вносил в журнал заседаний такие резолюции: "Продрать судью" (вместо предать судью суду)... "Оставить переписку без последствия..." (Ш. никогда не писал "последствий", а всегда с неизменным упорством "последствия").

Был случай, когда, вписывая состав присутствия, Штакельберг вместо "Яковлев" написал "январь", а там, где следовало пометить "январь", поставил "Яковлев".

Сенатор Николай Николаевич Шрейбер, не знавший разницы между повестью Толстого и сонатой Бетховена, думавший, что "великим сатириком Земли Русской" называют Максима Горького, в то же время был тонким, вдумчивым и в высшей степени знающим юристом. Свое мнение, свои взгляды он не стеснялся высказывать, не считаясь с побочными соображениями...

Однажды известный сенатор барон Тизенгаузен докладывал в Сенате одно дело. В конце доклада, желая заранее устранить всякие возражения, он воскликнул:

— Все это так, как я имел честь доложить, и только какие-нибудь ослы могут держаться другого мнения.

После этих слов среди присутствовавших в заседании около ста сенаторов, торжественно восседавших на исторических

креслах, обитых малиновым бархатом, воцарилось глубокое пеловкое молчание.

Когда Тизенгаузен сел на свое место, председательствующий в заседании Н.Н.Шрейбер обвел глазами высокое собрание и бесстрастным голосом произнес стереотипную фразу:

— Желает кто-нибудь возразить докладчику?

Никто из сенаторов, однако, не желал попасть в число тизенгаузенских “ослов”, а потому на предложение первоприсутствовавшего никто не отозвался.

Тогда Шрейбер, чуть-чуть повысив голос, отчетливо и внушительно проговорил, обращаясь к докладчику:

— Ваше превосходительство, вы можете быть какого угодно мнения о ваших противниках, но считаю все же долгом возразить вам, что я именно держусь противоположного мнения на основании следующих соображений...

Сделав такое вступление, он блестяще развил свою точку зрения на возбужденный вопрос, убедительно доказав несостоятельность мнения докладчика. К мнению Шрейбера присоединилось подавляющее большинство сенаторов.

Запальчивому барону оставалось лишь покаяться и во всеуслышание заявить, что столь неосторожно сказанные им слова он берет назад.

В шестидесятых годах прошлого столетия, как известно, в России была произведена коренная судебная реформа. В связи с этим Н.Н.Шрейбер, служивший в это время в министерстве юстиции, был командирован в Париж, чтобы ознакомиться на практике с отправлением уголовного правосудия во Франции, по образцу которой и были выработаны наши новые судебные порядки.

В Париже представитель нашей юстиции встретил в высшей степени радушный и отзывчивый прием со стороны французских судебных деятелей. Ему предоставили полную возможность ознакомиться со всеми тонкостями французского уголовного процесса и даже разрешили доступ в совещательную комнату во время совещания судей.

Во время обеденных перерывов Шрейбер всегда ходил обедать в небольшой ресторан, находившийся по соседству со зданием судебных установлений. Там ему подавали скромный, но ведурной обед и традиционно полбутылки красного вина.

Через столетия на склоне дней своих Шрейберу довелось опять попасть в Париж. Здесь он узнал, что тот маленький ресторанчик, в котором он питался пятьдесят лет тому назад, преобразился в большой и модный ресторан. Николай Николаевич направился туда и, заказав обед представителю метрдотелю, стал делиться с ним своими воспоминаниями, подробно поведав о том, как полвека тому назад он ежедневно здесь обедал, какие были его излюбленные блюда, ка-

кое подавалось вино, как все было смехотворно дешево сравнительно с теперешними ценами и т.д.

Метрдотель с большим любопытством и вниманием слушал посетителя и, приняв заказ, ушел, а Н.Н. углубился в чтение "Temps".

Через некоторое время, оторвавшись от газеты, Шрейбер с удивлением заметил, что к нему торжественно направляется целое шествие. Впереди шел метрдотель, за ним ковыляла какая-то старая чета, а замыкала шествие толпа лакеев и ресторанных мальчиков.

Особенный интерес представляла старая чета. Старичок в старомодном платье, опираясь на палку, вел под руку старушку в чепце с зелеными лентами. Вся публика, находившаяся в столовой, обратила внимание на происходившее и с любопытством ожидала дальнейшего.

Чета приблизилась к столику Шрейбера и представилась ему. Это были владельцы ресторана, руководившие им свыше полстолетия. Старичок приветствовал Николая Николаевича как своего старейшего клиента краткой речью, закончив ее следующим заявлением:

— Мы вам будем подавать так, как подавалось пятьдесят лет тому назад.

И действительно, Шрейбер получил свои любимые блюда, но только еще лучше приготовленные и полбутылки красного petit vin, превратившегося за пятьдесят лет в драгоценнейший нектар.

Когда же чествуемый пожелал расплатиться по счету, то с него взяли ту сумму, которую он обыкновенно платил за свой обед полвека тому назад. Возражения Николая Николаевича не были приняты во внимание, и ему было любезно заявлено, что он за свой обед и вино всегда будет платить ровно столько, сколько платил пятьдесят лет тому назад.

Тогда растроганный Шрейбер потребовал шампанского и выпил за здоровье почтенных владельцев ресторана.

Революция застигла Шрейбера в очень преклонном возрасте.

В 1917 г. группа матросов ворвалась к нему на квартиру, чтобы арестовать его и отвезти в Таврический дворец, где содержались арестованные сановники. Матросы застали Шрейбера в кабинете за письменным столом. С невозмутимым спокойствием встретил он "товарищей" словами:

— Здравствуйте, присядьте! Что слышно у нас нового? Не хотите ли покурить, миленькие? Вот рекомендую лучшие папиросы фабрики Чужого!

Приветливый прием и добродушные шутки престарелого сенатора так ошеломляюще подействовали на представителей "красы и гордости русской революции", что намерения своего

в исполнение они не привели и покинули квартиру сановника, не только не арестовав его, но даже извинившись перед ним за причиненное беспокойство.

— Он, видимо, уже выжил из ума, — решили матросы.

Как потом оказалось, Шрейбер, принимая "товарищей", думал, что они пришли приглашать его на соединенное заседание Сената и Государственного Совета. В то время ему было под восемьдесят лет. Умер он в Николаеве в 1919 году.

МЕЛОЧИ

Во время последней войны принц Александр Петрович Ольденбургский был назначен Верховным начальником санитарной части. Как известно, принц при многих своих положительных качествах отличался некоторой несдержанностью характера и на подчиненных ему лиц наводил страх, иногда граничащий с паникой.

Однажды он приехал в какой-то польский городок, где главным врачом военного госпиталя был еврей, очень робкий и пугливый. При посещении принцем госпиталя главный врач встретил его во дворе. За несколько времени до описываемого случая, — дело происходило в 1915 году, — принц повелел (принц именно "повелевал", а не приказывал), чтобы в госпиталях дезинфекция после заразных больных производилась ветеринарными врачами. В госпитале, который посетил высокий начальник, был отмечен заразный случай. Когда врач, бледнея и дрожа от страха, отрапортовал принцу, тот, свирепо глядя на него, отрывисто спросил:

— Ветеринарного врача употребили?

Эта фраза — увы! — растерявшимся доктором была превратно понята, и он, путаясь, несвязно стал лепетать:

— Ложный донос... гнусная клевета... никогда этим не занимался... ничего подобного, Ваше Императорское Высочество!

— Что такое? Что вы несете? — в полном недоумении проговорил принц, наступая на своего собеседника.

Последний, продолжая держать руку у головного убора, стал пятиться назад и, оступившись, упал прямо в яму, вырытую во дворе для какой-то надобности. Раздался общий хохот присутствовавших. Появилась улыбка и на суровом лице принца. Он успокоил боязливого представителя медицины, даже обласкал, и после обхода госпиталя похвалил его за усердное отношение к службе.

Принц, как утверждало его окружение, отличался добрым сердцем, но характер у него был очень вспыльчивый, и в минуты гнева тем, кто попадался ему на глаза, приходилось вы-

слушивать не только неприятные, но и оскорбительные вещи. Впрочем, удачная фраза, находчивый ответ подчиненного сразу же усмиряли гнев пылкого сумбур-паши (такую кличку носил принц среди подведомственных ему чинов).

Так однажды при посещении одного из госпиталей на фронте за какую-то мелкую неисправность принц яростно, не жалея слов и выражений, обрушился на главного врача госпиталя, закончив свой разнос такими словами:

— Да вы знаете, что я могу с вами сделать?.. Да вы знаете, кто я?

— Так точно, Ваше Императорское Высочество, — твердо и громко без малейшего смущения отчеканил врач, — вы доктор медицины Королевского Кембриджского университета.

Все присутствующие опешили и подумали, что врач спятил с ума. Но, к общему удивлению, принц, как бы по волшебству, сразу же успокоился и мягко и примирительно сказав — “то-то же!” — пошел дальше. Верховный начальник объявил благодарность за образцовый порядок в госпитале.

Заметим тут, что действительно Кембриджский университет поднес принцу за плодотворную его деятельность на пользу науки диплом на звание почетного доктора медицины, чем принц очень гордился и что мало кому было известно.

Принц Ольденбургский незадолго до войны очень интересовался устройством курорта в Гаграх, где проводил многие месяцы. Однажды в разгаре сезона у какой-то знатной иностранки, жившей в казенной гостинице, пропали разные драгоценности. Потерпевшая пожаловалась принцу, который приказал местной полиции во что бы то ни стало обнаружить похитителя. Однако раскрыть преступления местным властям не удалось.

Месяца через два принц уехал в Петербург. Как-то при свидании с императором Николаем II он стал жаловаться ему на бездеятельность и неспособность гагрской полиции, которой не удалось разыскать драгоценности, похищенные у вышеупомянутой иностранки.

Николай II, благоволивший к принцу, предложил тогдашнему министру юстиции Щегловитову попытаться обнаружить виновника кражи в Гаграх.

В те годы следователем по особо важным делам был действительный статский советник Бурцев. Он славился своей способностью распутывать самые сложные дела. Щегловитов, вызвав Бурцева к себе, приказал ему поехать в Гагры и произвести расследование по делу о похищении в гостинице драгоценностей.

Бурцев отправился в Гагры, поселился там в той же гостинице, где жила знатная иностранка, и приступил к выпавшей на его долю трудной задаче. А задача действительно была

трудная, так как найти вора по "горячим следам" уже не представлялось возможным. Со дня кражи прошло около трех месяцев.

И вот хитроумный следователь очень искусно стал распространять по гостинице слух, что он потерял всякую надежду найти похитителя драгоценностей.

— Очень неприятное положение, — часто говорил он во всеуслышание знакомым, обедая в ресторане гостиницы, — мне поручено обнаружить виновника, похитившего из номера графини Б. драгоценности, а как найти его?.. Но что меня поражает, — с возмущением продолжал следователь, — это порядки в этой гостинице. Подумайте только: в моем номере мне негде хранить производство и весь письменный материал по делу, из-за которого я командирован сюда: ключи и от письменного стола, и от шкафа отсутствуют. Вот и боюсь все, чтобы кто-нибудь не похитил дела. Тогда ведь окончательно исчезнут все следы преступления, и я уже ничего не в состоянии буду обнаружить.

В конце концов "Дело о пропаже драгоценностей графини Б.", — вернее, не "дело", а разные непригодные бумаги в синей обложке с наименованием упомянутого дела, — были похищены из номера Бурцева. Тут "по горячим следам" следователь при помощи сыщиков быстро обнаружил похитителя. Им оказался коридорный лакей. У него же нашлись и драгоценности графини Б.

Вор, похищая дело о пропаже драгоценностей, надеялся окончательно скрыть все следы своего преступления и попался в поставленную ему ловушку...

Покойный Василий Ильич Сафонов, европейская знаменитость, и как пианист, и как дирижер любил пооригинальничать.

Он, например, дирижируя, никогда не брал в руки капельмейстерской палочки и управлял оркестром при помощи рук, сжатых в кулак, выписывая ими в воздухе причудливые узоры. По этому поводу острословы уверяли, что вся сила масти того дирижера — в его кулаках.

Когда Сафонов гастролировал в Северной Америке, все тамошние газеты уделяли этому способу дирижировать сугубое внимание. Создавалась своего рода своеобразная реклама. Отсутствием в руках дирижера палочки журналисты интересовались гораздо больше, нежели его музыкальными достижениями за дирижерским пультом.

В конце прошлого столетия в Москву приезжал знаменитый французский симфонист К. Сен-Санс. Он был очень дружен с П.И. Чайковским и Н.Г. Рубинштейном. И вот однажды после сытного завтрака приятели заперлись в большом зале

Московской консерватории. Николай Григорьевич сел к роялю, а Чайковский и Сен-Санс принялись танцевать и мимировать "по-балетному". Сен-Санс при этом изображал танцовщика, а Чайковский балерину.

Продолжалось это до тех пор, пока оба великих музыканта совершенно изнемогли от усталости. На этом, единственном в своем роде представлении, не было, увы, ни одного зрителя.

О балетном выступлении композиторов Н.Г.Рубинштейн рассказывал своим друзьям, уверяя, что Чайковский в роли балерины был бесподобен.

В Шестой симфонии, этой своей "лебединой песне", П.И.Чайковский достиг, можно сказать, кульминационной точки своего творчества.

Впервые эта симфония исполнялась в Дворянском собрании в Петербурге в 1893 году под управлением самого композитора. Через месяц, как известно, Чайковский заболел холерой и умер.

Любопытно, как это гениальное произведение было встречено петербургской публикой. Я сам присутствовал на этом вечере. Публике определенно симфония не понравилась: жидкие аплодисменты, почти полное отсутствие вызовов... Одним словом, никаких знаков сочувствия. А в антракте слышались фразы: "...выдохся... ничего выдающегося... перепевы старого". И это говорили музыкальные критики и разные общепризнанные авторитеты в области искусства. Сам П.И.Чайковский, раскланиваясь перед публикой, имел вид подавленный и несколько сконфуженный.

Через месяц великого композитора не стало. В том же Дворянском собрании в скором времени в память о П.И.Чайковском под управлением Направника была опять исполнена Шестая симфония, а знаменитый Ауэр сыграл скрипичный концерт его.

И тут вдруг все переменялось: Шестая симфония завоевала все сердца, Направнику и Ауэру была устроена горячая овация с цветами и венками; публика точно прозрела и, наконец, поняла, что такое Шестая симфония.

Маринист Айвазовский, как известно, великолепно писал море, но все остальное талантливой кисти его не давалось, особенно же человеческие фигуры.

Однажды перед известной картиной Айвазовского "Потоп", висевшей в Императорском Эрмитаже, отличавшийся остроумием художник Дмитриев сказал:

— Глядя на эту картину, я начинаю понимать, почему понадобился всемирный потоп. Если люди имели тогда такую отвратительную и отталкивающую внешность, как на этой картине, то они, несомненно, подлежали уничтожению.

МИНИСТР — ДЕМОКРАТ

Наш бюрократический строй императорского периода, конечно, имел много недостатков и изобиловал разными курьезами. Но у этого строя были свои положительные стороны: веками выработанная традиция, пунктуальность, точность установленных форм и "отделка" работы. Чиновник трепетал перед начальством и выбивался из сил, чтобы не навлечь на себя гнев какого-нибудь сановника, Юпитера-громовержца.

Но вот наступил 1917 год. На смену старым умудренным опытом государственным людям протолкнулись болтуны, чаще всего бывшие присяжные поверенные, у которых не было ни сноровки, ни привычки к административной деятельности, ни усидчивости к постоянному труду.

Еще в 1883 г. в "Русской мысли" В.А.Маклаков, сам присяжный поверенный, писал о своих коллегах, что у них нет убеждений, а есть только "аргументы". Представляя интересы частных лиц и нападая сегодня на то, что вчера с жаром защищали, они, в большинстве случаев, благодаря особенностям своей профессии не могли подняться на орлиную высоту государственности.

В период хаоса, водворившегося при Временном правительстве, в котором на первой скрипке играл присяжный поверенный, сразу почувствовалось, что государственный механизм расстроен. Усидчиво работать целый день новые министры не могли, так как часами были заняты бессодержательной болтовней. Если министр юстиции императорского периода обходился при помощи двух товарищей, то в эпоху Временного правительства сразу же понадобилось двойное их количество, но и то они не справлялись с текущей работой. Столоначальник получил еще большее значение, нежели при Николае I, и фактически вершил все дела.

Среди государственных неудачников этого периода исключительно трагикомическую фигуру представлял Александр Федорович Керенский. Со своей истерикой и митинговой болтливостью он, стоя у кормила государственного корабля, неминуемо должен был разбить его в щепы.

Уже первое появление Керенского в министерстве юстиции ознаменовалось курьезом. Мелочь, но какая характерная!

Войдя в вестибюль министерства, Александр Федорович, с целью наглядно иллюстрировать особенности вводимого нового демократического строя, поспешил протянуть руку старшему швейцару министерства, не удостоив этой высокой чести остальных своих подчиненных, встретивших его и состоявших в гораздо более высоких званиях.

Этот "товарищеский привет" произвел неопишное впечатление на престарелого служаку-швейцара. В эту минуту он решил, что министерский и швейцарский посты в государственном механизме страны равнозначны, а потому счел ниже своего достоинства "принять" от министра-демократа пальто, когда тот для этого повернулся к нему спиной.

Тогда Керенский сам сбросил с плеч пальто, надеясь, что швейцар его подхватит. Не тут-то было! Оно не только не было подхвачено, но седой ветеран даже демонстративно отвернулся, и пальто упало на пол.

На следующий день новый министр, хотя и подал опять руку швейцару, но сделал это, как было заметно, очень неохотно. С пальто же повторилось в точности то же, что и накануне: швейцар опять не принял его, и оно упало на пол.

После этого министр стал ходить в министерство с другого подъезда и больше со швейцарами за руку не здоровался. Вино власти, оказалось, очень быстро забродило в голове Александра Федоровича и от своих "демократических рукопожатий" он отказался.

Скоро опомнился и швейцар, придя к меланхолическому заключению, что достоинство достоинством, но подача пальто также вещь хорошая, так как связана с чаевыми. И стал он опять охотно и услужливо подавать пальто старорежимным "господам", получая от них за это привычную мзду.

В первый же день своего вступления в должность министра юстиции Керенский в знаменитом "полуциркульном" зале министерства с большим подъемом сказал хлесткую митинговую речь, которую начал словами:

— Впервые здесь раздается слово права...

Но уже на заре своей государственной деятельности новый министр стал нарушать им же самим установленный правовой порядок. В нем очень быстро проснулся грибоедовский Фамусов.

Сначала служащие министерства легкомысленно поверили в искренность своего нового демократического начальства, не постеснявшегося во имя "торжества справедливости" выселить из насиженного гнезда видного чина министерства известного Маламу и предоставить его казенную квартиру под клуб чиновников министерства.

В своей вступительной "речи-декларации" Керенский торжественно заявил, что отныне протекция упраздняется, и всякая новая вакантная должность будет замещаться им по представлению союза служащих министерства, которому надлежит соорганизоваться и действовать. Соорганизовались, конечно, немедленно.

Надо же было случиться, что на третий или четвертый день после провозглашения упомянутой "декларации" в министерстве освободилась должность редактора. Соорганизовавший-

ся союз служащих после долгих и горячих дебатов на своем митинге выбрал кандидата и вынес резолюцию о замещении им открывшейся вакансии.

Однако когда делегация союза представила упомянутую резолюцию по начальству, оказалось, что демократический министр подобно Фамусову "порадел о родном человечке" и уже успел самостоятельно назначить редактором своего бывшего школьного товарища, присяжного поверенного.

Узнав об этом, делегация решила потребовать от министра объяснения и с этой целью явилась к нему на квартиру.

Александр Федорович жил в это время в министерстве. Он отказался принять делегацию и приказал курьеру передать ей, что у него спешная работа. Члены делегации, вкусившие уже сладкий плод от древа демократии, ответом этим не удовлетворились и просили передать министру, что они подождут в столовой окончания его "спешной работы".

Керенский, укрывшийся в спальне, долго не появлялся. В конце концов ему все же пришлось выйти из своего убежища, так как делегация обнаружила беспредельное терпение.

Как только он показался в столовой, делегаты вплотную подступили к нему и стали требовать, чтобы он объяснил им причины нарушения собственного постановления.

Тут новоявленный сановник разыграл знаменитую сцену из пьесы Толстого "Царь Федор Иоаннович", причем вместо слов "Я царь или не царь!" визгливо и истерично выкрикивал:

— Я министр или не министр!

С этой фразой, преследуемый делегатами, он обежал несколько раз стоявший посредине комнаты обеденный стол и опять скрылся в своей спальне. Делегация, еще недостаточно "одемократившаяся", не решилась за ним последовать и ушла "не солоно хлебавши".

Так начал А.Ф.Керенский насаждать правовой порядок в министерстве юстиции, которое он так неудачно возглавлял несколько месяцев. ■

Предисловие и публикация **Станислава НИКОНЕНКО.**

ИНТЕРВЕНЦИЯ

ГРОЗИТ ЛИ НАМ СОВРЕМЕННЫЙ НОВОЯЗ?

С тоило нам опубликовать в № 10 обстоятельный ответ известного литературного критика Павла Басинского на письмо нашей читательницы из Тульской области, которая сетовала на отсутствие в книжной продаже серьезных произведений прозы и поэзии, как в редакцию стали приходить новые письма с не менее актуальными вопросами из области культуры и литературы.

На одно из таких писем, показавшихся нам наиболее своевременным, мы снова попросили ответить кандидата филологических наук **Павла БАСИНСКОГО**.

Не могу читать сегодняшние газеты и журналы, слушать радио, смотреть телевизор. Столько новых слов, и все какие-то непонятные, нерусские... "Лизинг", "маркетинг", "консалтинг", "промоушен" — что все это значит? Или вот словечко, которое повторяют всякий раз, когда берут у Запада деньги взаймы — "транш". Неужели нельзя подобрать русские слова? Или наш язык не способен отражать новые понятия, возникшие во времена рынка?

Анастасия Чагина,
школьный учитель,
Москва

Вот уж действительно проблема, которая, как говорится, у всех на слуху, причем не в переносном, а в буквальном смысле этого устойчивого словосочетания. (Историю устойчивого словосочетания в языкознании называется "идиомой", однако никто, кроме специалистов, не станет использовать этот специальный термин в повседневной речи.) Сознание простого русского человека (не только рабочего или колхозника, но и представителя трудовой интеллигенции) несомненно страдает от избытка новых слов, как правило, иностранного происхождения, которые заполнили язык прессы и телевидения и постепенно вторгаются в язык улиц, метро, электрички и т. д. Назалось бы, чего проще: не люблю, не слушай! Однако не все так просто. Если, например, телезритель десять раз в сутки слышит, что о его здоровье постоянно заботится какой-то загадочный "Джонсон и Джонсон" (один в

двух лицах), то его сознание вынуждено на это как-то реагировать. Если в теленовостях нас постоянно убеждают, что без каного-то не менее загадочного "транша" от Международного валютного фонда России просто не выжить, то понятия "транш" и "Россия" невольно соединяются в нашем сознании. Не надо быть специалистом в языкознании, чтобы понять: состояние языка так же влияет на состояние человека, как и экология. Замусоренный, неудобоваримый язык — такая же национальная беда, как и отравленные реки.

Проблема, однако, еще сложнее, чем представляется противникам всяческой языковой "иностранщины". Если новые слова возникают, начинают "работать" в общении, значит, они отражают какие-то реальные изменения в обществе.

Словечко "транш", которым злоупотребляют экономические обозреватели, конечно, довольно противное! И ввели его в обращение люди, лишенные элементарного национального слуха. Дело в том, что фонетически это слово в русском языке всегда останется своеобразным "ублюдком", как и множество слов, оканчивающихся на шиплящие. В англоязычных странах шиплящие звуки в конце слов обычное дело. У нас же даже слово "борщ" в известных обстоятельствах может вызывать рвотный рефлекс. Недаром Владимир Маяковский писал о "словах-трупинах" и о тех словах, что "живут, жирея": "сволочь" и "борщ" ("Облако в штанах"). Литературная память подсказывает и еще пример: Манар Нагульнов в "Поднятой целине" всерьез счи-

тал, что проклятые буржуины специально произносят "революшн" ("revolution" — революция) с шипящим звуком: тем самым они выражают ненависть к восставшим пролетариям.

Разумеется, было бы приличней вместо "транш" говорить: "заем". Взять займы, пусть и с процентами, — это, в общем, понятней. Плохо, конечно, что проценты эти надо платить, что все эти долги достанутся нашим детям... Но это — хотя бы понятно. А вот "транш"... Но дело-то в том, что "транш" не есть обычный "заем" (по словарю Даля: "взятие в долг, с обязательством возратить"). Изначально "транш" не английское, а французское слово. "Tranche" с французского переводится как "ломать". В английский это слово вошло уже в качестве финансового термина и означает оно часть денежного кредита. Эти части большого кредита выдаются России Международным валютным фондом под конкретные экономические программы. И являются они результатом вполне целенаправленной политики Запада по развитию российской рыночной экономики. Грубо говоря: не просто деньги в долг, а деньги "под что-то". И думать надо, собственно, не о том, хорошо или плохо это слово, а о том, выгодна или губительна для России эта западная экономическая политика? В данном случае само слово ни при чем. Просто оно более точно отражает суть экономических отношений России и Запада, чем привычное слово "заем".

Это же можно сказать и о столь раздражающем многих слове "маркетинг". (Истати, ударение в этом слове обязательно

должно быть на первом слоге.) Что делать, если рыночная система отношений в одночасье свалилась на головы наших грандэн, совершенно к ней не готовых? Что делать, если русский язык (по известным политическим причинам) в XX веке не выработал своего слова для обозначения той достаточно сложной и запутанной системы взаимоотношений продавца и покупателя, которую и представляет из себя современная рыночная экономика?

Еще 10-15 лет назад советский человек, оказавшийся за границей, впадал в мистический ужас, купив товар в магазине за одну цену и увидев тот же товар в соседнем магазине чуть не вдвое дешевле. Сегодня наная-нибудь московская старушка и не зная смысла слова занимается "маркетингом", когда продает возле метро сигареты *дешевле*, чем они стоят в киоске, и при этом получает свою *прибыль*, ибо сигареты эти она купила *еще дешевле* на оптовом рынке. Если бы при этом ей еще знать, что эти импортные сигареты в своих родных краях стоят чуть не впятеро дороже, чем в России, то могла бы получить диплом с отличием на курсах маркетинга и менеджмента...

Хотим мы этого или нет, но все это новая реальность, которую всего лишь отражает новый язык. Отворачиваться от этого языка, закрывать от него уши означает прятаться от самой реальности. И хотя человека, который прячется от непонятной для него реальности, вполне можно понять и пожалеть (особенно если этот человек две трети своей жизни прожил в совершенно иной системе общественных от-

ношений), но придется признать, что это путь — тупиковый...

Значит, что же — смириться с тем, что русский язык наводняется множеством несвойственных ему слов, одно только звучание которых ранит слух? Совсем нет!

Просто надо смириться с тем, что сам по себе язык (старый или новый, жаргон или специально-научный) никогда и ни в чем не виноват. Если он существует, значит, существуют какие-то люди, которые в нем нуждаются, и есть какая-то система отношений, которая без этого языка не сможет работать. Специалисты, изучающие воровской жаргон (блатную феню), могут подтвердить каной это живой, пестрый и сложный язык. Но это, конечно, не говорит о том, что система отношений, в которой этот язык работает, замечательна. Сторонний человек, слушающий научный диспут, не может понять: как это люди могут с таким пылом спорить о таких скучных и непонятных вещах на скучном и непонятном для него языке. Немецкая речь назалась чудовищной жителям русских деревень, захваченных войной 1941-45 годов. Но человек, читающий Гете и Гейне на языке оригинала, слышит совсем другую немецкую речь...

Главная вина современного "новояза", собственно, и состоит в том, что слова, сами по себе неплохие и даже замечательные в своем контексте, искусственно переносятся в чужой контекст, где они воспринимаются врагами. Но даже и в этом случае язык выполняет свою благородную мис-

сию, сигнализируя нам о том, что в обществе что-то неблагополучно.

Накая слесь и не та же ли зависть звучит в речах и статьях тех, кто сегодня норовит "вернуть" экзотическое иностранное словцо в обычный разговор! Ведь если ты знаешь (или делаешь вид, будто знаешь), что такое "лизинг" и "консалтинг", это как минимум означает, что ты тонне принадлежишь к касте преуспевающих людей. Есть замечательный анекдот на эту тему. "Новый русский" впервые побывал в Америке. С восторгом говорит приятелю:

— Представляешь, Вася! Тамашные доллары точь-в-точь как наши российские банксы...

Язык не виноват в том, что его насилуют низкокультурные и малообразованные люди. На своем месте хороши и "лизинг", и "консалтинг". Даже если считать эти слова особым экономическим жаргоном — они допустимы в своей среде и до тех пор, покуда не выносятся в бытовой язык и не совершают интервенции в чужую языковую область. Не будучи экономистом, но зная английский язык, могу догадаться, что "лизинг" — это нечто вроде аренды или сдачи внаём, а "консалтинг", очевидно, связан с консультационной работой.

Но вот типичный пример опасности всякой языковой интервенции. Скорее всего, люди, произносящие слово "лизинг", не знают о том, что в английском языке это слово имеет двойное значение. "Lease" — "аренда", "сдача внаём". "Leasing" — "неправда", "лечь", "обман" (см. Новый большой англо-русский словарь). И

как тут не вспомнить замечательное новое слово **"прихватизация"**, которым живой народный язык мгновенно отреагировал на языковую иностранную интервенцию, превратив туманную и криминальную "приватизацию" в игровой и иронически осмысленный "термин".

Не мной замечено: чем ярче, крупнее, "фигурнее" человек, тем проще он в своих не только бытовых, но и культурных жестах. Главной отличительной чертой гения Пушкин называл простодушие. И наоборот: именно всевозможная мелочь старательно рядится в пестрые разноцветные одежды. Это — формула, но она требует поправки. Не всякая простота признак внутренней глубины. Есть простота отвратительная — следствие не душевного благородства, а душевного плебейства.

В Америке в "русском кафе" выступает молодой поэт, эмигрант. Смотрю, слушаю и не верю ни ушам, ни глазам своим. Гладколицый, точнее, толстомордый, с маленькими свинячьими глазами... Но главное: о чем стихи? Об осинах, о березах, о сурепке, чуть ли не о яровой пшеничке. Отчитав и даже сорвав аплодисмент, парняга садится за столик, элементарно с кем-то напивается, и вот слышу, словно в бреду:

— Старик, ты пойми! Это яркая личность!

Это он о ком-то из своих дружных говорил. Мрачно так подперев щеку, с лицом, налившимся кровью от водки. Боже, думаю... И стоило мне в Америку ехать. Стоило за семь верст киселя хлебать.

Замечательной танне бывает простота наших "новых русских". От нее немеешь, впадаешь в столбняк, потому что часто она не выше, а ниже простого человеческого понимания. Вот история о том, как меня, литературного критика, *покупали*. Вроде бы ею стоит гордиться: раз покупают, значит, чего-то стоишь. Но — не выходит...

В редакцию без звонка явился некто в сером, длинном и сильно помятом сзади пальто (в машине помял, сменил я, в метро не так помнут).

— Это литературный отдел?

— Да.

— Надо рецензию на книгу.

— Кому — надо?

Некто в сером объяснял с довольно усталым видом: я, верно, был не первым в его списке. Баннир. Не крупный, но баннир. Пишет стихи. Издал свою книгу. А он (то есть, этот некто в сером) делает ей **"промоушен"** (то есть устраивает необходимую рекламу). Нужна рецензия. Разумеется, положительная. И, разумеется, за деньги.

О Боже, подумал я. "Промоушен". И слова-то у них какие-то солитерные! И тут же совершил ошибку, которой до сих пор простить себе не могу.

— Можно на книгу взглянуть?

Некто вытащил из дипломата книгу и протянул мне, но неожиданно предупредил:

— Учтите, что автор этой книги — столь же амбициозен, сколь и бездарен.

У меня отвалилась челюсть. Ни фиги себе "промоушен"! Мало того, что пришли как проститутку покупать, но еще и честно оговаривают, что клиент-то СПИДом болен.

Нороче, хватило ума книжку эту в руки не брать. Указав той самой рукой на дверь.

Не тут-то было! Некто меня "не понял". В самом деле — что это за игры такие!

— Вам что — деньги не нужны?

— Нужны.

— Ну и...

Я стал говорить, что в моей среде "так не принято". И вновь допустил ошибку, все запутал, усложнил. Потому что некто стал допытываться, *как именно* в моей среде принято (то есть, деньги брать), а на ответ, что *никак* не принято, смотрел на меня как на барана и начинал все сызнова. Ситуация плавно перерастала в скандал, которого мне не хотелось, потому что сам повел себя дураком. Не надо было книжку спрашивать. И тогда я решился испытать последнее. Понимаешь, сказал я, инстинктивно переходя на "ты". Понимаешь, для меня честное имя это и есть деньги. Если в журналах, не дай бог, прознают, что я "покупной", меня печатать перестанут. Ты понял меня, номандир, в натуре?

Номандир, наконец-то, в натуре, меня понял! Даже с каким-то уважением посмотрел. Мол, извини, за простого фраера тебя принял.

Тогда он ушел, а я вздохнул с облегчением и подумал, какая это, на самом деле, сложная языковая среда — наша современная уголовна.

В конце своих несколько сумбурных заметок попытаюсь — насколько это возможно — просто и кратко ответить на вопрос из письма читательницы. Если вы не

знаете значения нового слова, не пугайтесь, не растревляйте в себе комплекс неполноценности. Слов в языке человека должно быть равно столько, сколько необходимо для живого и нормального общения с себе подобными. Но и не впадайте в другую крайность: не воображайте незнакомый язык своим врагом. Гораздо интереснее узнавать значения новых слов, чтобы, наконец, понять: что именно стоит за ними? Кто-то из великих сказал: выясняйте значения слов и вы многое поймете в этой жизни.

А в качестве лучшего средства для очистки своего языка могу посоветовать старое и испытанное — перечитывайте Пушкина! И не только стихи, прозу и драматургию, но и статьи и письма. Быть может, главная заслуга Пушкина состоит в том, что он создал замечательно эконоичный язык, равного которому для живого общения не было, нет и не будет. Это язык не 19-го и даже не 20-го, а какого-то будущего века. Когда Россия, наконец, устанет от болтовни и займется настоящим делом — в том числе, и делом собственного познания и совершенствования, которым мы еще не занимались по-настоящему. Это тот язык, на котором заговорят культурные российские политики, экономисты, бизнесмены, просто работающие в разных сферах жизни люди. Они не будут, подобно нынешним, мучительно подыскивать эпитеты, сравнения и иностранные слова для выражения своих мыслей и чувств. Они заговорят просто и откровенно и будут объясняться в любви столь же дельным языком ("Я Вас люблю, хоть я бешусь..."), каким говорить

с анрана об "экономическом положении страны", то есть: "как государство богатеет... и почему не нужно золота ему, когда *простой продукт* имеет..."

Когда недавно в тонюсенькой книжечке о необходимости платить налоги я прочитал: "Я не ропщу, что отназали боги мне в *сладкой участи* оспаривать налоги..." (А. С. Пушкин), — то прежде всего подивился не безвкусию ее составителей, а тому, что фраза Пушкина и в этой, сугубо прагматической книжечке, рассчитанной на выколачивание государством денег из своих граждан, звучит вовсе не чужестранно и несет в себе, вместе с легкой иронией, здравую и *глубо-*

ко нравственную мысль, верную на все времена. Налоги надо платить! Ибо боги отказали нам в "сладкой участи" пренебрегать своими земными делами и обязанностями. Вот отдай Богу богово, а несарю (государству) несареву. Дальше так и просится что-то из современного телеролина: "Заплати налоги и спи спокойно!" Только последнее звучит вульгарно, панибратски и даже почти хамски, вроде угрозы от рэкетира. А Пушкин — о том же! — говорит *языком культуры*, соединяя религию с экономикой и деньги с моралью. Это и есть задача всякой истинной культуры: гармония разнородных понятий — а не вранда. ■

ТРИ КОВА

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

Эта история началась полтора десятилетия назад в одном из сибирских городов, где на одном из предприятий, производивших сложнейшее электронное оборудование, работали три молодых человека: Алексей, Николай и Виталий. Были они не просто сослуживцами, а еще и добры-

ми товарищами. Занимали одинаковые должности — ведущих инженеров, получали одинаковые зарплаты, жили в одинаковых квартирах. Вместе отдыхали, вместе проводили отпуска. И практически одновременно влюбились в одну и ту же девушку — Машу, заводскую лаборантку.

РИЦЦА

Красавицей Маша не была, но зато обладала другими ценными достоинствами: добротой, хозяйственностью, скромностью и всем очарованием молодости. Тогда подобный набор женских достоинств еще ценился, в длинные ноги и осиная талия фигурировали только в иностранных кинофиль-

мах. В конце концов, не с ногами же жить — с человеком. Даже если этот человек всего лишь женщина.

Получив "чоком" три предложения руки и сердца, Маша какое-то время размышляла, поскольку особо пылких чувств ни к кому из потенциальных мужей не

испытывала. Задача ей предстояла нелегкая: из трех практически равноценных кандидатур выбрать одну, да чтобы не промахнуться — чтобы все-таки по сердцу, а не просто по расчету. И, наконец, выбрала Аленсея: наименее красивого, наименее энергичного, но зато надежного по сравнению с двумя другими претендентами, как доллар по сравнению с нашим многострадальным рублем. Впрочем, повторяю, дело было давно и долларовых ассоциаций тогда ни у кого не возникало и возникнуть не могло.

Разумеется, отношения между тремя товарищами на какое-то время испортились. Во всяком случае, наметились некоторый холодок и натянутость. Но добрая и бесхитростная Маша искренне привечала друзей мужа, не как своих бывших поклонников, а вот именно как его друзей. И постепенно все наладилось: к рождению второго ребенка у Аленсея и Маши так же благополучно женились и Николай, и Виталий, и все три семьи дружили домами.

А потом грянул 1991 год, положивший начало серьезным переменам. Настолько серьезным, что все мы в результате оказались в совершенно другой стране с совершенно иными законами. Но еще до того, как понатилась эта лавина, Аленсею предложили высокую должность в соответствующем министерстве в Москве. Сделали, в общем, предложение, от которого он не мог отказать. Не без сожаления, однако, он со всей семьей переехал в столицу. Через два года с завода ушел и Виталий, нашедший в себе ярко выраженную коммерческую жилку и подавшийся в сво-

бодный бизнес. Только Николай ничего не пожелал менять в своей жизни: полученная должность главного инженера его вполне устраивала, всех денег, как известно, не заработаешь, а такой рыбалки, как в Сибири, вообще больше нигде нет. И не будет. Да и работать кому-то надо, не всем же руководить и заниматься коммерцией.

Такова, в общих чертах, предыстория. А собственно история, по которой со временем и было заведено уголовное дело, началась уже в наши дни. Точнее, около года тому назад. Именно тогда на прием к одному из заместителей министра радиоэлектронной промышленности Алексею Васильевичу явился Виталий Геннадьевич, президент некоего акционерного общества. Как говорится, "друзья встречаются вновь". Особенно приятным было то, что не виделись они десять лет, если не больше. С Николаем, то есть с Николаем Ивановичем, теперь уже директором сибирского завода, Алексей Васильевич виделся достаточно часто: то директор приезжал в командировку в столицу, то замминистра отправлялся на отдых в родные пенаты. А Виталий точно пропал — ни слуху, ни духу.

И вот — объявился в высоком кабинете. Ухоженный, душистый, элегантно одетый, приятный во всех отношениях мужчина. Только несколько излишне напиравший на понятие "старая дружба". Чего Аленсей Васильевич в силу своего характера решительно не переносил.

Именно настырная настойчивость давнего друга заставила его особенно тщательно ознакомиться

ся с делом, для решения которого не хватало пустячка — его визы. А ознакомившись, Алексей Васильевич сказал:

— Извини, старина, но этого я не подлишу. Твои действия вызывают у меня, мягко говоря, некоторые сомнения в их законности. А участвовать в них-то махинациях — уволь. Это не мое.

Виталий Геннадьевич на всякий случай проверил, плотно ли закрыта дверь кабинета и понизил голос почти до шепота:

— Так ведь не даром же, Алешна! Ты что думаешь, я по старой дружбе хочу "на халяву" просночить? Обижаешь, старик. Просто мне приятнее отстегнуть эти бабки тебе, чем наному-то дяде. Возможно, для тебя это даже не сумма, но, извини, чем богаты...

Алексей Васильевич чуть заметно поморщился. Жаргона он не воспринимал точно так же, как смешение понятий "дружба" и "слубба".

— Видишь ли, Виталий, тебе надо было навести кое-какие справки, прежде чем предлагать мне... деньги. Всем известно, что я — не беру. Ни деньгами, ни "борзыми щенками", ни встречными одолжениями. Может, мы с Николаем только двое таких и остались — "ископаемых". Остальные, похоне, вымерли, как динозавры...

— Так ведь все мы там будем...

— Кто бы спорил. Только я умру в своей постели, а не за решеткой и не от рук какого-нибудь наемного уголовника. У меня взять нечего. Квартира обычная, мебель — самая простая, дети учатся не за границей, а в обычной

школе. И у супруги моей шуба не из норки, а из цигейки. Иномарки нет, по своим делам езжу на "Жигулях". Так на кой мне та иномарка? Чтобы взорвали или угнали? Нет, старина, нет и не проси. Лучше приходи к нам завтра в гости, вместе с женой, конечно. Маша тебе рада будет, пельменей надевает. Выльем, закусим, вспомним молодость...

— Спасибо, конечно, за приглашение, придем с удовольствием, — мгновенно отреагировал Виталий, у которого в глазах вновь зажегся огонек потухшей было надежды. — Только с первой моей женой я давно в разводе, она в Сибири осталась. А новая моя супруга может Маше не понравиться.

— Да брось ты! Маше все нравятся, дане я.

— Все шутишь... Лолите, жене моей, двадцать один год. Она очень современная, раскрепощенная, дипломатическим тонностям не обучена...

— Чудан ты, Виталий, право слово, чудан. Я ж тебя не на дипломатический прием приглашаю, а в гости. Как старого друга. Поладит Маша с твоей... как ее, Лолитой, она со всеми ладит. Ну так как?

— Спасибо, придем. А ты, Алешна, все-таки подумай: вдруг да решишься. Кто не рискует, тот не пьет шампанского, а тут и риска-то почти нет, зато тебе пятьдесят "косых" зелененькими, и моя фирма свое получит. Евроремонт сделаешь...

— Я же сказал — нет. И закончим этот разговор. Завтра ждем с супругой, вот адрес и телефон. Пока, старина, не сердись. У каждого свои недостатки.

— Кто здесь сердится? — лучезарно улыбнулся Виталий Геннадьевич.

На следующий день в назначенное время гости прибыли. Лолита оказалась точной копией небезызвестной Мадонны — американской эстрадной звезды. К хозяевам дома отнеслась с явным снисхождением, дескать, я же, молодая и красивая, умру тут с вами, вахланами, от серой снуни. Ну, так и быть, пообщаемся, раз моему мужу это зачем-то нужно...

Лолита сбросила на руни Алесея Васильевича какие-то замысловатые меха и осталась в том, что с большой натяжкой можно было назвать платьем. Недостаток материи, правда, с лихвой компенсировался ювелирными изделиями немалой стоимости и внушительным количеством косметики. Маша, раскрасневшаяся от стояния у плиты, слегка растрепанная и скромно одетая, смотрела на гостью, как на инопланетянку.

— Ух ты! — сказал Алексей Васильевич. — У тебя, Витальна, не жена, а прям-таки Царь-девица. И где только такие водятся?

"Там, куда ты, дурак, не ходишь", — хотел сказать Виталий Геннадьевич, но сдержался. Не потому, что пожалел старого друга, а потому, что присутствие Мэши странным образом возопновало его. Ведь она могла бы быть его женой, а выбрала скромного и скучного Алексея. И, похоже, была счастлива.

— Прошу прямо к столу, — пригласила Маша. — Поназанусим, пельмени подспеют. Уж не взыщите за угощение, что Бог послал...

— Да ладно тебе, Маруся, — поморщился Алексей Василье-

вич. — От твоего стола гости чуть живые отваливаются, а ты все сиротские слезы льешь. Не конетничай.

Маша действительно конетничала, потому что стол был — выше всякой критики. Соленья, маринованная домашняя колбаса, копченая тетерна, пироги, рыба трех сортов... Все это скромно называлось "закусочной" и предполагало еще одно основное блюдо — сибирские пельмени. Со сметаной, маслом, уксусом, словом, всем, что в таких случаях положено.

— Да, — с уванением сказал Виталий, — Сибирь она и есть Сибирь. Таного нигде больше не увидишь: ни у нас, ни за границей. Иностранцы, гады, вообще жмоты. Поставят и выпивке блюдец с солеными орешками — вот и вся закуска. Да и самой выпивки — смешно сказать, мухе утонуть не в чем...

— Зато у всех фигуры — заначеешься! — впервые разомкнула алье уста Лолита. — А у нас одно удовольствие — нажраться от пуза, как та корова клеверу...

Виталий незаметно двинул супруге локтем в бок. Алексей Васильевич сделал вид, что ничего не слышал. А Маша и вида делать не стала, наоборот, с готовностью подхватила тему:

— Правильно, Лолочка, не умеем мы за собой следить! Ну так ведь как гостей голодными оставить? Это не по-нашему. Напоить, накормить, поговорить по душам. Садитесь, садитесь, берите, что в рот просится. А ты, Лешенька, разливай. Мне чуть-чуть, нан всегда...

И застолье плавно потекло по вековому народному традициям. Выпили за встречу, за хозяев до-

ма, за прекрасных дам. Выпили за предложенный Виталием тост: "Чтобы у нас все было и нам ничего за это не было". За отсутствующего друга Николая тонко чокнулись. Хозяйна пила чисто символически, зато Лолита опрокидывала рюмку за рюмкой не хуже мужчин.

— Какова? — нивнул на нее Виталий. — Сгонь-баба, любого мужина стоит. А ты, Машенька, не жалеешь, что не за меня замуж вышла? Сейчас бы в соболях да в золоте ходила, за границей отдыхала.

— Да ладно тебе, Виталин, — добродушно отмахнулась Маша. — Я скоро бабушкой стану, а ты вон какой молодой да шустрый. Зану-сьвай лучше, а то сам не знаешь, что несешь.

— Я-то знаю. Алешка вообще мой должник. Если бы я захотел, увел бы тебя тогда, Мария, с таким треском — закачаешься.

— А ты сейчас уведи, — внезапно подала голос Лолита. — Только смотри, не пожалей.

Хозяйна дома всполошилась:

— Лолочка, да не обращайтесь вы внимания! Мужин выпил, болтает... Великое дело! Разве он вас на кого-то променяет?

— Если с выгодой, то променяет, — усмехнулась Лолита. — Он у меня такой. Мог бы продать меня с барышом — продал бы.

— Все шутите, — не поверила Маша. — Ну ладно, вы тут болтайте, а я чай соберу. У меня варенье брусничное — язык проглотишь.

Она отправилась на кухню. Виталий встал и, похонье, направился следом. Но, натолкнувшись на неласковый взгляд Лолиты, передумал и обернулся к Алексею Васильевичу:

— Слушай, одно маленькое дельце есть. Только между нами.

— Опять? — нахмурился Алексей Васильевич.

— Нет-нет, мне нужен только твой совет, ничего более. Три минуты, не больше. Лолита нас извинит.

— Ну, пойдём в кабинет, — не слишком охотно пригласил хозяин.

Кабинет был столь же стандартен, сколь и вся квартира. Традиционный отечественный гарнитур, портативный телевизор и репродукция картины "Покорение Ермаком Сибири" над диваном. И лишь одна вещь выбивалась из общего стиля — старинное глубокое мягкое кресло. В нем вальяжно развалился раскормленный рыжий котяра. На мужчин он не обратил никакого внимания, даже ухом не повел.

— Маркиз! — прикрикнул Алексей Васильевич. — Я ведь тебя выдеру, паразит, когда-нибудь. Нельзя здесь сидеть! Брысь!

Кот неторопливо потянулся и не спрыгнул, а нан-то даже стек с кресла и плавно отправился во-свосяи.

— Ничего не боится, скотина такая! — не без восхищения отметил хозяин. — И ведь вот мерзавец, обязательно ему надо в это кресло забраться. Другого места в доме нет.

— Могу его понять, — заметил Виталий, удобно устраиваясь в этом самом кресле. — Очень удобно, не то что современные уроды...

Алексей Васильевич невольно поморщился:

— Слушай, не сердись, пересядь куда-нибудь. У меня, понимаешь, такой бзик, не люблю, когда

в это кресло кто-то садится. Даже детям запретил. Один Марниз, подлец, игнорирует.

— Встаю, встаю, извини. Я тебя вот о чем хотел спросить: а кто, кроме тебя, может решить мое дело? Посоветуй.

— И советовать не буду. Я тебе сказал — без меня. В соучастники на процессе мне тоже лезть не хочется. Забудь. Дружба дружбой...

— А табачон врозь, — закончил Виталий. — Понял, не пень. Ладно, давай выкурим по сигаретке и пойдем к дамам.

Виталий полез в пиджак за портсигаром и в этот момент в соседней комнате что-то со страшным грохотом разбилось. Алексей Васильевич высочил из кабинета. Через минуту к нему присоединился и Виталий.

В столовой Лолита, присев на норточни, пыталась из черепков слепить целую тарелку, но у нее плохо получалось. Прибежала из кухни Маша, всплеснула рунами, запретила госте трогать осколки ("не дай Бог, порежетесь!") и быстро навела порядок. Потом пили чай, потом долго прощались, договаривались обязательно увидеться, и, наконец, гости покинули дом. А Алексей Васильевич отправился спать, да еще не предложив жене помочь с уборкой. Заранее знал — откажется.

Неделю спустя перед Машей, возвращавшейся из магазина домой, как из-под земли выросла красавица цыганка.

— Позолоти ручку, милая. Всю правду снаку, ничего не спрячу.

— Да нет у меня денег. И предсказывать ничего не надо, — отбивалась Маша, которая боялась цыганок, как ядовитых змей.

— Ох, пожалеешь, красавица, да поздно будет. Беда тебя большая ждет, сердце подсказывает. Помогу, беду отведу, средство дам...

Маша все-таки вырвалась из цепких объятий гадалки и помчалась в подъезд. Дома отдышалась, проверила, все ли цело. Деньги были на месте, ключи — тоже. Маша с облегчением вздохнула — и выбросила эпизод из головы.

А через неделю Алексея Васильевича привезли домой с работы среди бела дня. Посреди ванного совещания он почувствовал дурноту, во рту у него стало сухо, в глазах все поплыло. Поскольку вызванная "Скорая" не обнаружила ни инфаркта, ни инсульта, Алексея Васильевича по его требованию отвезли не в больницу, а домой — отлежаться.

— В этих самых больницах и здорового залечат, — пояснил он исполошившейся жене. — Да и нет у меня ничего особенного. Переработал, не выспался. Заварила, Маруся, наной-нибудь травки, да принеси чайку покрепче. К утру все пройдет.

Увы, ни к утру, ни через два дня не прошло. Головокружения стали чаще, аппетит исчез, сон испортился. Но в больницу на обследование Алексей Васильевич отназывался ехать наотрез, поскольку, как и большинство нормальных мужчин, заведения такого рода на дух не переносил.

— Будто спазил кто мужика, — сочувственно сказала по телефону одна из Машиных подруг, выслушав ее леденящий душу рассказ о неведомом недуге, сразившем здоровяка-сибиряка. — Врачи тут не помогут, надо звать экстрасенса. У

меня есть одна знакомая — чудеса творит.

Маша замерла. Цыганка! Цыганка знала о том, что кто-то должен навести порчу или уже навел... Или сама навела, рассердившись на Машин отпазд "позолотить ручку". Действительно, большей беды, чем болезнь ногоньбудь из близких Маша и предсказать себе не могла... Значит, только она и виновата в том, что случилось.

— Лешенька, давай позовем экстрасенса, — робко попросила она мужа. — Тебя, наверное, сплэзли. Пусть порчу снимет...

— Глупая ты баба! — рассердился Алексей Васильевич. — Сплэз, порча... Ты еще шамана пригласи, пусть попрыгает вонруг меня, в бубен побьет. Вот пришлет кума медвежьей желчи, все как руной снимет.

Но и срочно присланная медвежья желчь не помогла, равно как и женьшеневая настойка. Алексей Васильевич сдался.

— Зови своего экстрасенса. Может, что путное снажет. Не поможет — придется лечь в больницу. Не по себе мне.

Услышав такое признание из уст никогда ни на что не жаловавшегося мужа, Маша приготовилась к худшему. Тем более, что "не по себе" было явным преуменьшением. Алексей Васильевич худел прямо на глазах, густые волосы вылезали прядями, лицо стало изжелта-серым. Маша из сил выбивалась, готовя для него самые соблазнительные блюда, но он к ним почти не притрагивался. Только пил брусничный морс, больше ничего "душа не принимала".

Экстрасенс оназалась дамой средних лет, изысканно одетой, с

многочисленными перстнями на пальцах. Перстни она, впрочем, почти сразу сняла ("Металл мешает чувствовать биополя"). Никаких вопросов не задавала, только делала руками разные таинственные пассы и время от времени прикрывала глаза, словно в изнеможении. И, наконец, изречла:

— К вашему биополю присосался вампир. Кто-то из близких, возможно, женщина. Я поставила временную защиту, но, чтобы закрепить эффент, нужно кипарисовое дерево. Носить на теле что-нибудь из него, дернать веточку кипариса в изголовье. Нстати, у вас кровать стоит неправильно, биоманнитные поля иснажены. Удивительно, что вы до сих пор не болели. Неужели так трудно было поставить кровать правильно?

Получив немалый гонорар, экстрасенс удалилась, пообещав через неделю провести еще один сеанс исцеления. Маша стала напряженно раздумывать, где бы в Москве среди зимы раздобыть кипарис. Справедливости ради следует сназать, что и летом это была бы задача не из легких. И тут раздалась длинная трель междугороднего телефонного звонка.

— Маруся! — кричал в трубку друг Николай из Сибири, — я завтра к вам вылетаю. Командировка! Что привезти, говори прямо?

— Коленья, — заплакала Маша, — ничего не надо, сам приезжай. Беда у нас — Алексей заболел...

Когда сутни спустя на пороге квартиры возник Николай, Маше сразу стало как-то легче. Высокий, широкоплечий, бородатый, пылуший здоровьем, он одним своим видом внушал уверенность в том, что болезни — это все глупо.

пости и распущенность. Заневог мужин — тан поиди в баню, распарься, онунись в прорубь, прими "четвертинку". Сибиряни, они та-ние.

— Маруся, ты чего паникуешь? Довела, небось, мужина до истощения, я-то знаю, как ты умеешь головы кружить. Ну, ладно, ладно, шучу. Что с Алешной? Наная порча? Ты спатила в этой Москве! Да нас с Алексеем не то что порчей — танновым снарядом не возьмешь. Вот только если с ядерной боеголовкой...

Но оптимизм Николая бесследно испарился, когда он увидел, как изменился его друг.

— Да что с тобой, действительно? Врачей, однако, надо спросить. Я таких, как ты, только один раз в жизни видел: облученных после аварии у нас на заводе. Да ты-то вроде в министерстве штаны протираешь, а не радиационные приборы мастерить.

Алексей Васильевич слабо пожал плечами. Ему уже и говорить было трудно.

— Слушай, Алешка, а может, это... того... Мы в нашем медвежьем углу слышали, что кое-где дома понастроили, которые облучают. Панели в них какие-то неправильные.

— У нас кирпичный дом, — всхлинула Маша, снова упавшая духом. — Да и как проверишь?

— А вот это, Марусеньна, пожалуйста. Это мы — как от нечего делать. Я ведь в командировку зачем приехал? Утвердить новую модель дозиметра. Значит, мы его прямо тут и проверим. Просто для прантики, да и начальство посмотрит, что мы там не рукав сосем и не пню молимся: умеем делать не хуже, чем за граница.

Николай принес из прихожей "дипломат" и достал оттуда маленький изящный приборчик, похожий на электробритву.

— Вот! — с гордостью сказал он. — Маленький, а работает — ого-го! Можно замерять хоть в эпицентре взрыва, хоть с экрана телевизора.

Спальня оказалась абсолютно "чистой", на кухне слегка "фонил" холодильник, в гостиной — большой телевизор, но все в пределах нормы. В кабинете же дозиметр, похоже, вышел из строя, потому что взвыл прямо с порога. Даже Николай опешил, однако постарался точнее определить источник излучения. И тогда возле кресла стрелка прибора "зашкалила", уверенно сказал.

— Вот она, твоя порча. Нужно специалистов вызывать, шут его знает, что туда засунули. И врачей зови — это облучение. Точно знаю.

Через час в доме уже были и врачи, и специалисты, и милиция. Что, впрочем, и естественно: если излучение исходит из железобетонной стены производства десятилетней давности, то это — производственный брак и чье-то разгильдяйство. Если ядерную энергию излучает старинное кресло, то источник этой энергии должен был поместить туда кто-то вполне конкретный. И недавно.

Специалисты со всеми предосторожностями извлекли из кресла нечто, похожее на маленький металлический цилиндр. Николай подошел поближе и... помрачнел. Что не укрылось от следователя.

— Знаюмая вещьца? — спросил он.

— Да как сказать... Пять лет назад мы прекратили выпуск од-

ного прибора с таким вот направленным источником излучения. Очень ненадежная она оказалась конструкция — малейшая царапина и излучение "гуляет" как угодно. У нас двое рабочих пострадали...

— Ну и что дальше?

— А дальше — обычное российское... — употребил крепкое словечко Николай. — Прекратили производство, собранные приборы списали, убрали в специальное помещение. Я директор, я отвечаю. Уехал в отпуск, а без меня эти приборы — на свалку. Нак картофельную шелуху. И виновных, естественно, нет. Иван нивает на Петра, Петр на Ивана, а за подпись на акте о списании конкретно я в ответе. Схлопотал, разумеется, выговор, радиоактивную помойку кое-как убрали. Но ведь на этих приборах чего только не было — и излучатели, и платина, и медь... Знающие люди могли снять и хорошие деньги получить.

— Такие излучатели делали только на вашем заводе?

— Насколько мне известно, да. А почему вы...

— Да потому, что остается только выяснить, кто из связанных с вашим заводом был за последнее время в этой квартире. Или кто мог знать, что именно на заводе производили...

Узнали это у Маши на следующий день. В больнице Алесею Васильевичу стало чуть-чуть лучше, и жена его несколько успокоилась. Да и Николай был рядом, поддерживал. Но, выяснив, кто посещал дом замминистра, следователь отнюдь не решил проблему. Одну ночь ночевал проездом домой из санатория Машин дядя — тоже бывший рабочий

злополучного завода. А две недели назад приходил в гости Виталий с женой. И обо всех Маша отзывалась совершенно одинаково — милейшие люди!

— Но ведь кто-то из них спрятал в кресло излучатель! И знал, что ваш муж никому там сидеть не разрешает. Данке коту.

— А ведь знаете, я только сейчас сообразила, что Маркиз перестал не то что в кресле валяться — данке в кабинет заходить...

— Когда это произошло? — вскинулся следователь.

— Ну-у, не помню точно. Где-то после прихода Виталия с Лолочкой. И до моей встречи с цыганкой.

Цыганку следователь пона пропустил мимо ушей.

— А какие отношения были у вашего мужа с этим самым Виталием?

— Прекрасные! Они же старые товарищи, как и с Колей. Нет, что вы, это не он. Милейший человек. И Лолочка у него замечательная. Немножко резвая, конечно, но сейчас молоденькая такая сложная...

Тему молоденьки следователь не поддержал и задал следующий вопрос:

— Но ведь кому-то понадобилось убрать вашего мужа. Кому это было выгодно, как вы считаете?

— Не знаю. Никому. Алеша... он такой, у него нет врагов.

— А на работе?

Маша понажала плечами.

— Я не знаю. Он не говорил. Вроде, все его любят.

— Мария Степановна, не бывает так, тем более у заместителей министров! — повысил голос следователь.

— А у него — так, — кротно ответила Маша.

Следователь попробовал зайти с другой стороны:

— А какое отношение имеет к этому цыганна? Почему вы о ней так настойчиво упоминаете?

— Наверное, никакого. Просто она рассердилась, что я не дала денег. И пригрозила... Я забыла о ней, а когда Алеша заболел, да еще все подруги и знакомые убеждали, что на него порчу напустили — я и вспомнила. А оно вон как оназалось...

— Значит, если бы у вашего друга не оназалось дозиметра, вы бы так и переставляли кровати, доставали кипарисовое дерево?

Маша вместо ответа заплакала.

Короткий разговор с Алensem Васильевичем тоже ничего не дал. Дуществование у него врагов он допускал, но не смертельных. С Виталием о деле был лишь один короткий разговор, закончившийся отназом помочь в сомнительном деле. Вряд ли излучатель подсунил Виталий: во-первых, они друзья, а во-вторых, он ни на минуту не оставался в кабинете один.

Сам же Виталий отрицал все: и то, что он просил старого друга помочь повернуть каную-то сделку, и то, что в отместку за отказ подлонил в кресло смертоносную "детальну".

— У меня этих излучателей никогда в жизни не было, а уж с помойни тем более ничего не беру! Да и в то время, когда эти приборы вычинули, меня в России не было.

— Но позвольте, откуда вам известно, что и когда произошло?

Виталий несолько смутился.

— Не помню, наверное, кто-то из земляков сназал. Я ведь наезжаю в родные места, интересуюсь, что и как. Да и бывшая жена у меня там, дочка. Привонку ей кое-навание гостинцы, то-се.

С Виталией взяли подписку о невыезде, но через несолько дней выяснилось, что он отбыл в очередную заграничную командировку, причем на неопределенный срок.

Пришлось побеспокоить Лолиту, которая, разобидевшись на то, что супруг оставил ее дома, выполнила все, что знала. Знала она, впрочем, немного.

— Виталин попросил меня разбить что-нибудь в столовой, когда они с приятелем пойдут в кабинет. Досчитать до трехсот и грохнуть тарелку об пол. Пожалуйста, мне не жално. Тем более, что он жутко обозлился на этого Аленса за то, что тот сорвал ему "верное дело". "Я ему устрою, — говорил. — Он запомнит, как в наше время чистеньким быть. В своей постели он хочет умереть? Вот в ней и умрет".

— Что же вы не предупредили Аленса Васильевича?

— Я хотела предупредить... Переоделась цыганной, поднараулила эту дуру, наседку толстую. Хотела заодно и кое-навание деньги получить с нее. Виталин на меня всякие цацки для престижа навешивает, а денег у него не допросишься... Ну так вот. Эта идиотка так от меня шарахнулась, будто я ее изнасиловать хотела. А потом я подумала: она рассканет мушу, тот, правильный таной, конечно, захочет сначала поговорить с Виталием. А этот ото всего отопрется, а потом придушит меня или утопит. С него станется, за день-

пшто. Хорошо еще, что он успел эту свою сделку оформить, когда дружок его заболел.

— Кто же ему оформил?

— Понятия не имею! Знаю только, что пришел домой веселый, с подарками, с шампанским и говорит: "Вот ведь дурак, от пятидесяти нуснов "зелеными" отказался. А я нашел умного — тот за двадцать пять все сделал. И болеть не собирается".

Спросить Алексея Васильевича, о какой сделке шла речь, было уже невозможно — он скончался от белокровия во сне ровно через месяц после "сибирского засто-

пья". А в бумагах министерства не нашлось ни одной, где фигурировала бы фамилия Виталия. Так что прямых улик против него не было.

Зато, по-видимому, были крепкие связи и хорошие адвокаты. И суду привлекли только Лолиту за "попытку вымогательства денег путем обмана". То есть за представление, которое она устроила, переодевшись цыганкой. А поскольку денег она не получила, то просто заплатила штраф за нарушение общественного порядка — пять минимальных зарплат.

Не имей сто рублей, а имей сто друзей? ■

спасительный АРГОН

Андрей ФИЛИППОВ

Автор — российский журналист участвует в уникальной, первой в мире серии научных экспериментов по лечению различных заболеваний на больших глубинах и испытаниям целебных свойств гелиевой и аргоновой атмосфер на подопытных животных и людях-добровольцах. Идеи А. Чижевского по аэрофикации, оказались, вновь актуальны.

В Институте медико-биологических проблем в конце минувшего года проведен уникальный эксперимент "Баронархоз-97". Он стал очередным звеном в многолетней программе ученых-гипербарийцев, направленной не только на освоение глубин и сокровищ Мирового океана, но и на решение ряда проблем современного здравоохранения.

...Во время опытных погружений водолазы неделями не уезжают домой, вечерами пьют чай и рассказывают друг дружке малоизвестные даже морским волкам тайны глубин.

Взять, к примеру, клады. Есть среди них очень оригинальные, не то что тривиальное золото там или бриллианты. Хотя бы вино-водочные. У берегов Финляндии,

совсем недалеко от Санкт-Петербурга, лежит на глубине около 20 метров шведская посудина среднего водоизмещения. А на ее борту — 51 тысяча бутылок отборнейших крепких напитков. От портвейна до шотландского виски. Когда-то, в дни Первой мировой войны, этот груз предназначался для двора российского императора. Всю Балтику шведы прошли спойно. А вот в Финском заливе наткнулись на немещую подводную подку. Солдаты найзера пересадили экипаж в шлюпки, а судно затопили. Теперь, спустя восемь десятилетий, груз его оценивается ни много ни мало в 60 миллионов долларов. Одна бутылка ноньяка со дна моря тянет на тысячу бансов!

— Это примерно с десяток моих месячных окладов, — невесело усмехается главный водолазный врач Игорь Комордин. — Ничего себе напитки! Как дел поважнее не будет — я бы понырял за ними, а на вырученные деньги купил бы нам лабораторных мышей для опытов...

— Есть и другие "сокровища" на морском дне, более ценные для человечества, — включается в разговор руководитель федеральной программы Гипербари-

ческая физиология" Борис Павлов. — Лично я очень возражаю против того, чтобы проложенные под водой нефтяные и газопроводы давали трещины. Это ущерб для экологии, да еще и нание потери вытекающего сырья! Два-три в срочном порядке заделанных под водой таких трубопровода окупят всю водолазную подготовку и затраты на наши эксперименты. Собственно, ради этого мы и работаем, а не для того, чтобы на потребу богачей-коллекционеров на дно за выпивной лазить...

Последние слова Бориса Павлова обращены ко мне, журналисту, одному из немногих, допущенных в святая святых водолазных глубоководных экспериментов.

Отглядываюсь по сторонам. Установка "Нязь Гвидон", как ее окрестила журналистская братия, или подводный дом, или, если быть технически точным, глубоководный водолазный комплекс ГВК-250, в котором ведутся испытания на людях-добровольцах, оранжевого цвета, диаметром метра в два и длиной около восьми. Он установлен на подмосковной базе Планерное, недалеко от Шереметьево. От установки отходят металлические трубопроводы, шланги, провода. Перед иллюминаторами — теленамеры. Рядом — пульт управления ренжимами "погружения", — экраны телемониторов, по которым следят за состоянием зиппана, когда он "на глубине". Очередной эксперимент только что закончился, водолазы "всплыли", и телегруппа ушла. Водолазный специалист П. Спирьнов и кто-то из техников сворачивают полотнище андреевского флага, который для антура-

Руководитель водолазного спуска на установке "Нязь Гвидон" Павел Спирьнов.

на закрепляли на апельсиновом бону уникальной медико-биологической установки.

Мне обещали дать попробовать на них остатки аргоновой атмосферы. Она, по прогнозам ученых, полезнее для земной жизни, чем азотная, которой дышит сейчас все живое на планете. В ней последний раз пребывал, испытывая ее, себя и средства наркоза, зиппан, опускаясь вглубь до давления в шесть атмосфер.

Протискиваемся в люк вместе с главным водолазным врачом Игорем Комординым. Размещаемся, как в железнодорожном купе, на койках, под портретом Хемингуэя. Мы схожи с мореплавателями XVII века, улыбаются испытатели, вспоминают писателей Нира Бульчева и Хемингуэя, которые как две капли воды похожи между собой, а на них однозначно — капитан команды Борис Павлов. Но сходство не только внешнее. Все, как один, — романтики, отлично понимающие, что океаны безбрежны и полны тайн. Карты океанов — сплошные белые пятна, кое-где пересеченные маршрутами капитанов.

что побывали в этих широтах и сто лет назад, и десять. Богатая фантазия картографов заполнила плоскости белых пятен двухголовыми чудовищами, морскими змеями, сиренами и огнедышащими горами.

— Нет в нашей работе ни чудовищ, ни островов, ни темнокожих красавиц, все газетчики наврали, — говорит заведующий отделом гипербарической физиологии и водолазной медицины ИМБП Борис Павлов, один из испытателей, составляющих экипаж эксперимента "Баронарнос-97". — И воды Атлантического океана не омывают Московскую кольцевую автодорогу. Да это и ни к чему, ибо опускать субмарины с учеными в соленую бездну при наших испытаниях не требуется. Просто внутри нее, в отсеках, где размещаются испытатели, создается давление до 25 атмосфер, как если бы она ходила на глубине до 250 метров. Там в течение 24 суток акванавты и бывали ежедневно от 4-х до 12 часов.

Кто же они, команда водолазов-добровольцев, участвующих в испытаниях новых медицинских технологий конца XX века? В эксперименте участвовали 4 опытных водолаза, работу которых наверху обеспечивали с десяток ведущих российских ученых и специалистов. В пучину "опускались" Анатолий Вялов, горный инженер, нессонный мастер Мосметростроя; Сергей Плоскин, водолаз 2 класса, старший научный сотрудник Института океанологии РАН; Игорь Шумилов, водолаз 1 класса, нессонбригадир Мосметростроя; уже знакомый нам Борис Павлов, руководитель феде-

ральной программы "Гипербарическая физиология".

— Мы ставили целью выявить, как протенает наркоз, вызываемый общепринятыми в хирургической практике анестетическими веществами, у водолазов, ушедших под волны. Понаинто не знал их дозировку при возможных травмах, болевом, оноговом шоке, которые могут получить водолазы-спасатели, глубоководники, нессонные рабочие, труд которых протенает под повышенным давлением, — продолжает Б. Павлов. — Представьте, человек получил травму, ремонтируя газо- или нефтепровод, проложенный на дне моря. Теряет сознание от боли. Или у него острый приступ аппендицита. А подъем с рабочей глубины, иными словами, декомпрессия, может занять от нескольких часов до нескольких суток. Быстрее нельзя, иначе из крови человека по закону Бойля-Мариотта начнут пузырьками выделяться растворенный в ней газ, закупоривая сосуды мозга, сердца, других органов. И водолаз погибнет от нессонной болезни. Теперь мы установили, какие дозы обезболивающего сработают под давлением в 6 атмосфер так же эффективно, как в обычных условиях, при давлении примерно в 760 миллиметров ртутного столба, то есть при одной атмосфере.

— Вы принимали разные наркотические, само собой, разрешенные к применению, средства, доводили себя до эйфории, снижения болевой чувствительности, потери координации движений?

— Да, примерно до состояния "море по колено", когда тебя охватывает чувство радости. От это-

го строго-настрого предупреждают кандого анвалангиста, иначе он может запросто на 50-метровой глубине вынуть свой загубник, через который дышит, и предложить его проплывающей мимо рыбине... Поэтому в нашей четверне анестетические средства принимали лишь двое, а два других водолаза страховали, смотрели, как бы мы чего не натворили. Кстати, потом иные газеты написали сущую ерунду из серии "чудовища XVII века". Что я вел беседу с каким-то мировым разумом, что путешествовали мы по некоей виртуальной реальности и будто мы боялись не вернуться откуда-то "оттуда". В общем, в духе видеонастинов типа Фредди Крюгера с улицы Вязов. А у меня ощущения на самом деле были такие: то, о чем писали, были типичные галлюцинации, вызванные фармакологическими препаратами и гипербарическим наркозом, — я не мог вывести на бумаге личную подпись, не оценивал расстояние до листа и почти не чувствовал авторучку, сознание уплывало. Это знакомо людям, побывавшим, снахем, в состоянии сильного алкогольного опьянения, когда, придя домой, не попадаешь ключом в замочную скважину...

Да, теперь нам ясно, как действует половина, — больше пока не нужно — клинической дозы анестетических веществ. Но в специальной атмосфере. Ведь обитатели барокомплесов и несонных щитов, как известно, дышат не только снятым атмосферным воздухом, но и специальной газовой смесью. В нее в этот раз наши ученые впервые в мире включали сочетание газов азота

и аргона. Выяснили: они не только увеличивают работоспособность глубоководников, но и изменяют газовый состав в их органах. Поэтому наркотическое опьянение "там" происходит совершенно иначе.

Кроме того, в предыдущих экспериментах по гипербарической фармакологии впервые стал известен препарат, позволяющий без нервного синдрома высоких давлений (когда человека или подопытных животных начинают трясти, бить конвульсии — такова природная реакция нервной системы на быстрый, без привыкания, перепад давления) за 10-15 минут (а не за несколько долгих часов!) погрузить в кислородно-гелиевую среду на глубину 200-300 метров водолазного врача или другого специалиста. Это важно как для оказания медицинской помощи, так и при аварийных и экстренных ситуациях — аварии подводных нефтепроводов или устьевого оборудования на морских буровых установках. В подобных разработках нундаются страны с богатыми шельфами — Бразилия, Норвегия, Азербайджан, естественно, Россия. Поэтому, хотя препарат утвержден Федеральным управлением Минздрава РФ "Медбиоэкстрем", он остается ноу-хау ГИЦ РФ-ИМБП и Института фармакологии РАН.

Гипербарийцы не раз указывали на замеченную ими перспективность для подводных работ и здравоохранения аргоновой дыхательной смеси. В чем тут дело?

Вспомним школьную физику. Современная атмосфера Земли на 78 процентов состоит из азо-

та, на 21 процент из кислорода, в ней 0,9 процента аргона и 0,03 процента углекислого газа. В двадцатые годы уходящего столетия великий химик Н.Н. Семёнов, вошедший в историю науки как автор теории цепных химических реакций, целенаправленно изучал свойства аргона. И установил: он — отличнейший катализатор окислительных реакций. К примеру, при добавлении его к фосфору процесс сгорания последнего шел моментально, как взрыв. Окисление важно для жизни. И тогда возник вопрос: возможно, аргон способен иметь принципиальное значение для жизнедеятельности организмов?

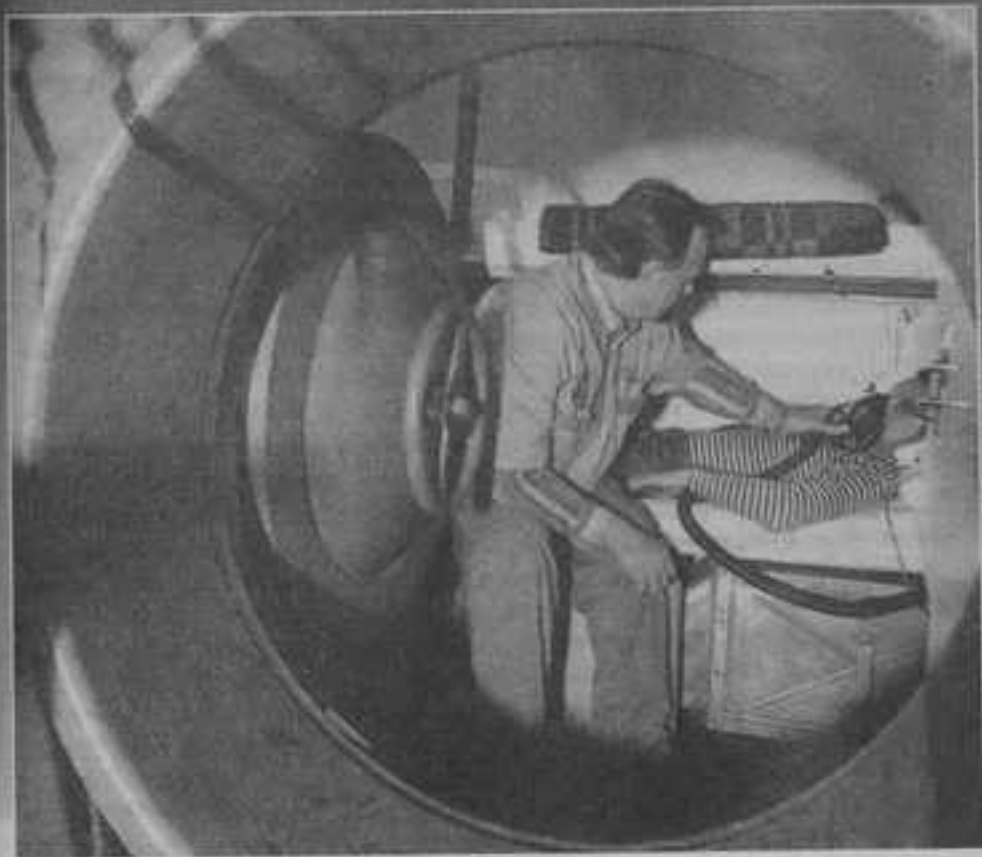
Принципиальное или нет, но современные ученые уже считают аргон физиологически инертным газом. Выяснилось это в экспериментах на животных. Сначала в воду, насыщенную кислородно-аргоновой смесью, поместили гидр. Это первое многоклеточное животное на Земле, знаменующее собой начало эволюции. Увидели, что там они размножаются и растут быстрее, чем в атмосфере азотной. Затем посмотрели, что в гипоксической аргоновой атмосфере и крысы чувствуют себя превосходно. У них даже повышается устойчивость к кислородному голоданию. На сегодня установлено, что в воздушно-аргоновой смеси может жить длительное время и человек. Пока сроки — семь, десять дней. Что ж, так и просится аналогия: первый виток вокруг "шарика" Ю. Гагарина длился всего 108 минут. А теперь врач Валерий Полянов имеет непрерывный налет в невесомости 1 год 4 месяца. Американцы идут дальше. Планируют, что в XXI ве-

не обратный перелет от Марса к Земле пойдет в среде с аргонном, полученным из атмосферы нашего соседа по Солнечной системе.

Истории, описываемые эксперименты, когда ученые заменяют в воздухе азот на аргон в гипоксической среде, являются последним словом науки, ее новейшей историей. Они ставятся последние четыре года. Раньше почему-то ведущие физиологи мира, даже такие, как Джон Холдейн или наш великий соотечественник Леон Абгарович Орбели, не догадались этого сделать.

— А ведь есть основание думать, что аргоновая атмосфера поможет более быстрому заживлению ранней, — делится планами еще один "гипербариец", руководитель водолазного спуска Павел Спирьнов. — Вскоре мы хотим поставить эксперимент на искусственно "раненых" тритонах и лягушках. Приходите, посмотрите. Затем настанет черед крыс и кроликов. После этого планируем эксперименты на человеке — как в кислородно-аргоновой атмосфере, быстрее или нет, заживут на нем порезы и царапины? Или как в сравнении делаются нормальные и раковые клетки? Истории, не хотите поучаствовать? Лично я собираюсь добровольцем...

Не сразу, но я соглашаюсь, понимая, что дело это для российской научной журналистики интересное и новое. И постановщик эксперимента, будьте уверены, ученый с мировым именем. Отца Бориса Павлова, офицера флота, в печально знаменитые послевоенные годы переселили из Выборга в Хабаровск. Там маленький Боря с пяти лет увлекся чтением Жюль Верна. "20 000

лье под водой" и все такое прочее. Естественно, стал одним из первых дальневосточных подводников, тренером сборной Дальнего Востока по подводному спорту. На глубину ходит уже 40 лет из своих пятидесяти, 3000 часов провел под давлением. Кандидат медицинских наук, написал докторскую. Воспитал десятки блестящих учеников-медиков, работающих в разных уголках России и мира. Одна из научных целей — добиться, чтобы кислородно-аргоновая дыхательная смесь принесла человечеству максимальную пользу. Тщательно избегает разговоров, тянет ли такое дело на Нобелевскую премию в области науки.

... Вот такую легенду, навеянную Библией, рассказал мне Па-

Госпитальный отсек. 2ВН-25.

вел Спирьнов... Когда первые люди, Адам и Ева, впустили плод с древа познания, совершили тем самым грех, но прозрели, Бог расстроился. И принял решение: оставить их, таких непослушных людей, смертными. Ибо если они еще, чего доброго, впускают плодов с древа жизни, то станут совсем как небожители, бессмертными. Им, небожителям, это надо? Нет, на этот случай следовало обезопаситься. С точки зрения современной науки или, если хотите, научно-фантастического жанра, это могло выглядеть так. Кто-то щелкнул тумблером. И в атмосферном воздухе аргон моментально заместился азотом. Так закончился рай на Земле. А бес-

смертные небожители до сих пор дышат аргоновой смесью, укрывшись от любопытных взоров где-нибудь внутри полого Фобоса, спутника Марса. Или Ио, спутника Юпитера...

Итан, если без шуток, а серьезно, следующий эксперимент "из глубоководной серии" с людьми, то есть на самих себе, намечен командой Б. Павлова на июнь-июль 1999 года.

Подробности такие. Испытатели войдут в установку, дружелюбно прозванную журналистами "Нязем Гвидоном". Только он будет не с азотной, а с аргоновой атмосферой. Чтобы испытать, насколько быстрее идут процессы заживления операционных ран у млекопитающих, кроликов и крыс, им анастезируют, по всем правилам хирургии сделают кое-где вивисекции. Возможно, добровольцы сделают это и на самих себе. Если новая атмосфера окажет положительный эффект, если все получится, как задумано, ее можно будет рекомендовать для заполнения барокамер или специальных палаток в больницах и клиниках всего мира, где первые дни после тяжелых и не очень операций станут отлеживаться люди — больные, травмированные, раненые, обожженные и обмороженные разной степени тяжести.

В команду испытателей-гипербарийцев собирается и ваш автор, пишущий эти строки. Один из следующих шагов, который команда "подводников" намечает в исследованиях целебных атмосфер, если получится подготовиться к нему технически и организационно, — выяснение аэро-

ионизационных свойств гелиевой и аргоновой смесей по Чиневскому.

О чем идет речь? Александр Чиневский еще в 30-е годы, работавшая по заданию тогдашнего правительства систему воздушной среды "морского или горного курорта" для гигантского Дворца Советов, что должен был вознестись на месте храма Христа Спасителя, предлагал гораздо более широкое, чем только для сохранения и профилактики здоровья сталинских чиновников, применение аэрофинации в промышленности и здравоохранении. Например, в герметических кабинах высотных самолетов, в подводных лодках (борьба с аэрионным голоданием); в космонавтике — в кислородных приборах космических кораблей; в кислородных подушках и палатках, в том числе и для недоношенных детей.

С той поры минуло более полувека. Однако до сих пор в смысле аэрофинации человечество находится в прошлом веке. Приборов Чиневского по очистке атмосферы нет вдоль улиц и на площадях мегаполисов, в санаториях и в цехах предприятий, в салонах пассажирских морских, подводных и воздушных судов. Да что говорить! Похоже, сверхталантливые конструкторы современных и будущих аэроносимых систем были непроходимыми двоечниками по предмету "история науки и техники". Ибо аэрионизация не была предусмотрена на орбитальных станциях серии "Салют", нет ее на ныне летающем комплексе "Мир", не предполагается она даже и на перспективной международной станции

"Альфа". И современные студенты в упор не видят ее необходимости в своих проентах лунных и марсианских баз...

Впрочем, по данным, полученным из информированных источников, на атомных подводных лодках или кораблях типа новейшего титанового крейсера "Обь", вставшего совсем недавно на боевое дежурство у берегов Камчатки, ионизаторы Чижевского в коенных отсеках есть. Но это, как вы сами понимаете, военная тайна.

Процитируем генерального конструктора самолетов О. Антонова, который в 1968 году писал Н.А. Чижевской: "В моем рабочем кабинете установлены в 1960 году ионизаторы Александра Леонидовича. С тех пор они регулярно включаются по утрам перед началом работы в течение уже 8 лет. В кабинете воздух всегда свежий, дышится легко.

Трудно сказать, наной долей работоспособности и здоровья я обязан своему организму, а наной ионизации, но чувствую себя, несмотря на возраст (62 года), отлично, работоспособность высокая. Последние остатки фибрино-навернозного туберкулеза, которым страдал с 1946 по 1958 г., исчезли практически без применения антибиотиков..."

Почему не тогда он не внедрил ионизаторы в авиацию?

В наше время, когда никому ничего, кроме быстрых денег, не надо, основная трудность, стоящая перед командой гипербарии — найти спонсора уровня Саввы Морозова для широких испытаний целебных свойств гелиевой и аргоновой атмосфер. Пока

титановых фактически не наблюдается.

Отлинулось только земное движение страны, на чьи средства ведется проектирование и изготовление аппарата "Теофарм-2", предназначенного для профилактики и лечения легочных заболеваний дыханием подогреваемых кислородно-гелиевыми смесями. Эффективность их высока при бронхиальной астме, бронхообструктивном синдроме, переохладении, а в перспективе и регулируемой гипотерапии во время сложных операций. Сейчас небольшими партиями аппарат уже выпускает специальное КБ, и это лишь один небольшой пример конверсии гипербарических исследований.

— Последние четыре года жизнь единственного гражданского барокомпленса России, исследования на нем возможны только благодаря единственному ручейку — финансированию Министерством науки РФ, ученые и чиновники которого показали себя настоящими государственными людьми, понимающими перспективы фундаментальных исследований, — отмечает директор ИМБП, академик А. Григорьев.

...Выбираемся через люк обратно на железный "причал". Спори́м, кому было сложнее с финансированием — Христофору Колумбу или Афанасию Никитину? Скотту, Амундсену? Повезло Нильсу Бору, который на средства датской пивной фирмы жил в вилле на морском берегу и работал себе над моделью строения атома.

Но это уже совершенно другая история. ■

© 1970 Микеланжело Шабанова

Виктория МУРАШОВА

 стремлении современных российских женщин и девушек выйти замуж за иностранца и уехать, уехать, уехать из этой сумасшедшей страны с ее безумными законами, космическими ценами и "отрицательными" зарплатами не писал только неграмотный или очень ленивый. Мне же эта тема буквально свалилась на голову, но в "зернальном", так сказать, исполнении. Судьба столкнула меня с иностранцем, который предпочитал русских женщин всем остальным, но ему просто фатально не везло: дамы никак не желали отвечать ему взаимностью. Впрочем, обо всем по порядку.

Ровно год назад мне позвонила знакомая, которая занимается тем, что устраивает счастье других людей. Проще говоря, владе-

ет брачным агентством. Поосмотревшись, она поняла, что на соотечественниках особенно не разбогатеешь, и включила в орбиту своих интересов иностранцев. Подробностей я не знала, потому что меня они не интересовали: замуж я не собиралась и уж тем более — при помощи агентства. Правда, в глубине души я не имела ничего против того, чтобы завести поклонника-иностранца, но (так уж исторически сложилось!) обязательно француза. Американцы, немцы и разные прочие шведы меня не интересовали ничуть.

Так вот, эта самая Тамара, хозяйка брачного агентства, позвонила мне и трагическим голосом произнесла:

— Можешь меня выручить? Тут возникла проблема...

ЖЕНИШОК из Парижа

Проблема заключалась в том, что в агентство обратился... француз. Самый что ни на есть настоящий, который просто мечтал познакомиться с русской девушкой и увезти ее с собой во Францию. Милый, интеллигентный мужчина, не первой, правда, молодости, но такой обаятельный.

— Подонди, — прервала я свою знакомую, — все это прекрасно и удивительно, но при чем тут я? Я — к счастью или к сожалению — русская, но уже давно не девушка, а, как тебе известно, бабушка, хотя и молодая. Клиент тебе дал вполне определенный заказ...

— Знаю, знаю, но пока ничего подходящего нет. Умоляю тебя, встретиться с ним, поговори, проведи время. И не сообщай ему, сколько тебе лет, это совершенно не обязательно, тем более, что ты все равно выглядишь моложе. Позвонишь ему, а? Ты же говоришь по-французски...

Это меня убедило. Когда еще представится случай поговорить на моем любимом языке с его носителем! И от меня, в конце концов, не убудет: французы, как правило, галантны и любезны, к женщинам относятся с большим пиететом и нинаних вольностей себе не позволяют. Так что я позвонила, договорилась о встрече на следующий день и начала к ней активно готовиться, причем уделяла основное внимание не столько внешности, сколько освещению в памяти французского языка, ибо предупредила меня по имени Анри, что приеду только поговорить, побеседовать, так сказать, на светские темы, поскольку не вполне соответствую его возрастным требованиям. Тамара

проговорилась, что требуется девушка 25-30 лет, а **так** молодо я, положила руку на сердце, все-таки не выгляжу.

Не знаю, что почувствовал Анри, когда я возникла на пороге его квартиры, но мое состояние можно было определить коротко и емко: шок. Невероятно худой, чуть ли не изможденный, очень пониженной человек, на котором одежда висела, как на вешалке, причем одежда, похонне, приобреталась на местной барахолке. Желтые от никотина пальцы, пух на голове, долженствующий изображать волосы, явная нехватка зубов во рту... Н-да, Тамаре придется много потрудиться, чтобы найти ему спутницу во Францию, если только он, конечно, не чудан-миллионер.

Оказалось — не миллионер, а самый обыкновенный коммерсант, причем скорее мелкий, чем средний. В Россию он последние десять лет регулярно приезжал на три-четыре месяца по делам службы. И вот три года тому назад...

Ей было двадцать лет и звали ее Оксаной. Она приехала в Москву то ли из Рязани, то ли из Твери, то ли еще откуда-то, чтобы стать фотомodelью. Но не прошла по конкурсу и чуть было не соскользнула на торную тропу, которая редню ного приводит к благополучию и благосостоянию. И тут судьба ей улыбнулась: она встретила Анри, который, судя по всему, влюбился в нее без памяти. Нет ничего страшнее любви, которая настигает шестидесятилетнего мужчину, которому канется, что все — ну, почти все! — уже в прошлом, и который вдруг начинает вести себя, как юный Ромео,

решительно не желая интересоваться тем, как это выглядит со стороны, и что на самом деле испытывает и нему предмет его страсти. Анри увез Онсану в Париж...

— Мадам, я сделал для нее все, что мог. Устроил учиться на курсы французского языка, потом — в Сорбонну на филологический факультет, поселил у себя в квартире, покупал вещи, возил отдыхать. Да, мы не слишком много развлекались, но я работаю, я вынужден работать, потому что у меня нет другого источника доходов. И Онсана меня любила — она сама мне об этом говорила сто раз.

Ну что ж, любовь, как известно, зла. Случается и не такое: полюбила же семнадцатилетняя Мария-Матрена Ночубей престарелого гетмана Мазепу. Кстати, юная девушка Онсана повела себя поумному и до поры до времени прилежно училась сначала языку, потом филологии в знаменитом парижском университете, убирала крошечную квартирну своего возлюбленного, готовила ему обеды и ужины, словом — воплотила в себе мечту любого мужчины. К тому же была хороша собой.

— Вот, мадам, ее фотографии, я постоянно ношу их с собой. Красавица, не так ли?

С фотографий улыбалась хорошенькая девушка, каких на российских просторах — тысячи, если не десятки тысяч: щени с ямочками, выщипанные белокурые волосы, голубые глаза и... обнаженный пышный бюст. Стало понятно, почему Онсану не взяли в модельное агентство, но вот почему она решила сфотографироваться на фоне Версальского дворца именно в таком виде —

для меня осталось загадкой. Впрочем, возможно, я просто отстала от времени.

— А потом она меня бросила. Ничего не объяснила, даже записки не оставила, просто исчезла, пока я был на работе. Потом узнал — ушла к другому, богатому. Но как можно вечером клясться мне в любви, а на следующий день уйти? Я не понимаю...

Как можно, как можно... Еще и не так можно. С точки зрения логики, поступок Онсаны был предельно ясен: попала в цивилизованную страну, выучила язык, пообтесалась и — рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше. Дело житейское, Анри не первый и не последний сентиментальный романтик, верящий в вечное, большое и чистое.

— Вы бы могли так поступить, мадам? С человеком, который вас любит, который все для вас сделал?

Я только вздохнула. Увы, мадам не могла бы так поступить даже с человеком, который ее вообще не любит, а просто хоть что-то для нее делает. Поэтому мадам сидит в России, а не в какой-либо другой стране, сама себе зарабатывает на жизнь, ни на кого не рассчитывая, и заполняет пустоту в личной жизни тем, что беседует на своем любимом языке с мучиной о женском коварстве, корысти и прочих неприятных особенностях дамской натуры. Как говорится: знала бы прикуп, жила бы в Сочи.

— Я уже готов был на ней жениться, но... Потом я узнал, что она и своего нового любовника бросила и вернулась в Россию. И вот теперь я приехал сюда, чтобы разыскать ее, потому что не могу

забыть. Я люблю ее. Но она не подходит к телефону, не отвечает на мои письма, она не хочет меня видеть и даже слышать. Что мне делать, мадам?

На счастье Анри, моего знания языка оназдалось недостаточно, чтобы перевести на французский точный и емкий совет, который дают в таких случаях порусски. К тому же несколько ошарашивало то, что безутешный влюбленный первым делом обращается в брачное агентство на предмет подыскания ему новой пассии. И — что уж совсем странно — желает встретиться с такой же молодой девушкой, как и его замечательная Онсана. В зеркало он, что ли, не смотрится? Или видит себя таким, каким он был лет тридцать тому назад? Все может быть. Мужчины — странные создания, а их отношение к собственному возрасту и к возрасту их жен и подруг вообще вызывает непреходящее чувство умиления. Никогда не забуду, как все мужчины, поздравлявшие меня с рождением внука, произносили одну и ту же санраментальную фразу:

— Знаешь, стать дедом еще куда ни шло. Но спать с бабушкой...

Как будто им кто-то это предлагал! Да и без интимностей несправедливости хватает: женщины мучают себя диетами, разоряются на всякие омолаживающие кремы, изобретают прически из все еще пышных волос — и все это для того, чтобы выглядеть моложе и привлекательнее в глазах мужчин, не блещущих ни фигурой, ни шевелюрой, ни свежестъю ланит. Но они — мужчины — и возрасту как бы неподалостны. Редкие исключения в этом плане

лишь подтверждают общее правило.

— Почему бы вам не попытаться познакомиться с... ну, более зрелой, что ли, женщиной? После тридцати пяти обычно не так ветрены, напризны. Не так избалованы, что ли. Уне привыкли ценить то, что получают, и многое могут дать взамен...

Почему бы ему не попытаться познакомиться с женщиной лет сорока пяти? С одной из моих приятельниц, например, интеллигентной и прекрасно сохранившейся, которая, наверное, была бы только рада уйти с грошовой должности библиографа в Библиотеке Иностранной литературы, пожить в Париже, который видела только в кино и на фотографиях. Ноторая будет заботиться об Анри, готовить ему, вести с ним интеллектуальные беседы, до которых он, как сам признался, великий охотник...

— Мадам, — пресек мои фантазии Анри, — я еще недостаточно стар для того, чтобы сосредотачиваться исключительно на душе. А женская красота с годами...

Понятно. Дедушкой быть бы мог, с бабушкой спать отназывается. Ей-богу, зла не хватает.

Мы с Анри распрощались, в общем-то, довольные друг другом. Помимо его разбитого сердца, удалось обсудить еще некоторые более нейтральные темы: современное французское искусство, различия в климате Франции и России, кое-что из русской литературы. К тому же я получила ту порцию комплиментов, которую каждый уванкающий себя француз обязательно делает даме, нравится она ему или нет. Ну и — языко-

вая прантина, конечно. Но об еще одной встрече я думала с некоторой опаской.

Два дня спустя Тамара нашла девушку, согласную поехать с Анри во Францию. Молодую, красивую, по ее словам — генеральскую дочь по имени Жанна. Анри в цветистых выражениях поделился со мной по телефону своим счастьем, столь же изысканно поблагодарил за прекрасно проведенное со мной время и...

И спустя три месяца прислал письмо, в котором две трети было посвящено описанию неслыханного коварства девушки Жанны, которая оназдалась корыстной, злой, несвязно фальшивой и вообще — дрянью, воспользовавшейся удобным случаем прокатиться на халыву за границу и обобравшей несчастного Анри чуть ли не до нитки. "Настоящая сволочь", — написал он печатными буквами по-русски, чем убедительно продемонстрировал глубину и горечь своего разочарования. "Неужели все русские девушки такие?" — вопрошал он. Я была не готова ответить на этот вопрос и в своем письме отделилась общими фразами, деликатно намекнув на возможное непонимание из-за принадлежности к разным поколениям.

Следующие два письма были посвящены исключительно незабвенной Оксане, которая и снилась, и мерещилась, и вообще незримо присутствовала в жизни моего корреспондента. На третье письмо я — ну как — уже не ответила, горячо надеясь, что мое молчание будет отнесено за счет плохой работы российской почты, о которой уже и за границей достаточно слышаны. Но пришло еще одно послание, в котором Ан-

ри сообщал, что в середине лета снова придет в Москву по делам. Я совсем было собралась уйти в подполье, но телефонный звонок застал меня врасплох, а обращение "мадам" доконало. Нестерпимо захотелось снова поговорить по-французски, поскольку за истекший год таковой возможности мне как-то не представилось. И я отправилась по знакомому адресу.

Анри почти не изменился. Тот же костюм, внутри которого он мог свободно передвигаться, та же прическа, то же измодренное лицо. И те же жалобы на непостижимых русских девушек, которые хотят непонятного и даже не дают себе труда маскировать отсутствие каких-либо нежных чувств. Деньги, только деньги...

— Вчера я встречался с одной дамой, ей тридцать два года. Она рассказала, что живет с матерью в однокомнатной квартире, получает, кажется, четыреста рублей и мечтает уехать из России. Но мне учинила форменный допрос: какая у меня квартира, какая машина, сколько я зарабатываю, сколько буду давать ей денег. Мадам, я в унасе. Больше, конечно, я с этой дамой встречаться не буду. Сегодня вечером у меня свидание с девушкой: ее зовут Алена и ей двадцать два года. Не знаю, чем это закончится...

Я была почти уверена: ничем хорошим. Поводился кувшин по воду ходить — тут ему и голову сложить. Если бы еще удосунился вставить зубы и купить новый костюм, тогда, может быть...

Анри как будто прочитал мои мысли:

— Почему у вас, в России, такое значение придают одежде?

Почему им всем важен мой костюм, а не я? Это же второстепенно. От того, что я сменяю пиджак и брюки, я не стану лучше или хуже. Вы, русские, совершенно непостижимая нация. Все жалуется, что получают гроши, а в магазинах вещи для миллионеров. Женщина приходит на встречу днем в вечернем платье и дорогих украшениях и жалуется, что ей не на что купить продуктов. Как это понимать, мадам?

— У нас есть и очень богатые люди, только их мало, — терпеливо начала я объяснять. — Вы снимаете квартиру в самом дорогом районе Москвы, на Тверской, здесь действительно почти все магазины для миллионеров. Но почти такие же красивые вещи, только без фирменных этикеток, можно купить во много раз дешевле, ваша дама, наверное, именно так и делает. А золото... так нас много лет приучали вкладывать сбережения именно в него. В каждой семье есть какие-то украшения... И потом, зачем сразу обобщать? Встретились с двумя-тремя дамами и сразу — нация. Кстати, у меня нет золотых украшений, одета я, как видите, достаточно скромно и не жалеюсь вам на то, что у меня проблемы с деньгами. Хотя, если честно, они есть, но как-то я привыкла решать их самостоятельно.

— А вы и не похожи на русскую, — огорошил меня Анри. — Вы слишком собранны, расчетливы, неромантичны. Конечно, вас это несколько не портит, вы по-своему прелестны, но это — не по-русски.

При всей моей собранности я разозлилась. Не столько на Анри, сколько на себя. Отличительной

чертой русских женщин является не столько романтичность и безалаберность, сколько жертвенность. Не говорю про традиционные женские забавы на Руси: коня, там, не стану остановить или забенать в горящую избу. Я про будни: отдать все силы возлюбленному, мужу, детям, получить в ответ равнодушную неблагодарность и утешать себя тем, что, слава Богу, мало пьет и совсем не бьет — вот это по-нашему, по-русски. Мне-то досталось всего чуть-чуть из этого набора, но миллионы моих ровесниц и соотечественниц хлебнули полной мерой, мало не показалось. И продолжают хлебать...

Но попытка донести до Анри эти соображения успехом не увенчалась. У него, по-видимому, уже сложилось собственное четкое представление о "загадочной русской душе", и менять его он не собирался. Тогда спрашивается, зачем снова искать русскую подружку? Тем более, что ищет он, судя по всему, не там, где можно действительно найти, а там, где ему удобнее. Как тот пьяный, который искал деньги не на обочине, где их потерял, а под фонарем, потому что светлее.

Я посмотрела на часы: до встречи Анри с очередной кандидатной оставалось четверть часа. Пора было собираться. Да и, если честно, эта встреча доставила мне куда меньше удовольствия, чем первая. Но всему прочему, я проголодалась, а мой галантный француз не догадался даже чашни чая предложить. Если он так принимает и своих потенциальных партнерш, то немудрено, что их реакция оказывается соответствующей.

— Как жаль, что у нас так мало времени, — с неподдельным огорчением сказал Анри, — мы могли бы еще о многом поговорить. А может быть, вы приедете в Париж? Я был бы рад вас видеть...

— Денег нет, — с затаенным злорадством сказала я, — мои доходы мне не позволяют такой роскоши, как заграничные поездки. На еду, впрочем, хватает.

Анри вышел из дома вместе со мной: свидание с Аленой он назначил около дома, возле телефона-автомата. Там действительно уже обреталось юное создание с немислимо гладкой кожей, ногами "от шеи" и прочими атрибутами фотомодели. Похоже, мой знакомый собирался в третий раз наступить на те же самые грабли. Ну что ж — каждому свое, учить жить мужчину, которому перевалило за шестьдесят, я не собиралась.

Но по дороге меня посетило несколько мыслей о том, почему с Анри происходит то, что происходит, и почему он решительно не в состоянии понять, в чем его ошибка. Нет, его мне совершенно не было жалко, и весь этот расказ я затеяла не для того, чтобы вызвать это чувство у кого-то еще. Но поразмышлять было о чем.

Нам представляется, что все иностранцы — это обязательно прекрасные принцы, ну, в крайнем случае — прямые наследники Рокфеллера, если не сам Рокфеллер. И как-то не приходит в голову простенькая мысль, что за мо-

рем обычно ищут невест и подружек, кому, в общем-то, ничего не светит на родине. Россию иностранцы открыли для себя сравнительно недавно, а до этого возили жен из юго-восточных слабообразованных стран: безработных нищих, которые за кров и еду выкладывались по полной программе, испытывая к тому же чувство благодарности к благородному избавителю. Похоже, нам предлагают заменить на брачном рынке вьетнамки и таек, которые уже не так экзотичны, как "русские красавицы". Но тут ведь есть один крохотный нюанс, который может все это стройное здание разрушить — гордость. Мы унаследовали это замечательное чувство из совсем недавнего советского прошлого и продолжаем его холить и лелеять. Да, мы нищие, но покупать нас должны за очень большие деньги. А, с другой стороны, если мы такие умные и гордые, то почему мы бедные?

Ну, это, впрочем, глобальная проблема. Меня же, женщину, больше заботит другое: почему мужчины, независимо от национальности, страдают таким комплексом повышенной полноценности? Почему бы не посмотреть правде в глаза и не осознать, что молодость тянется к молодости, а свои возможности нужно все-таки здраво оценивать.

Я не говорю о любви — это святое и непредсказуемое. Я о реальной жизни. От неожиданных поворотов которой никто из нас не застрахован. ■

ЕЩЕ

**В ЛЮБЛЯИТЕСЬ
В ВЕДЬМУ**

Чарльз Бернард ГИЛФОРД

Том Партейн был сущим дьяволом в отношениях с женщинами. Он будто для того и родился на свет, чтобы заниматься любовью. И если успех в этом деле можно определять талантом, то Том, несомненно, был талантлив, что сулило ему в равной степени или преуспевание и богатство, или кучу неприятностей.

Том был высоким, широкоплечим, стройным парнем с большими и сильными руками. По-мужски твердые и резкие черты лица вместе с густыми светлокаштановыми волосами, непослушными прядями спадающими на лоб, как у мальчишки, придавали ему особое очарование.

Женщины так и льнули к нему. Они толпами вились в его магазине, и в этом не было ничего удивительного, ибо во всем мире большую часть покупателей составляют женщины. А в магазине "Партейн Эмпориум" для них было приготовлено все, что ни пожелается.

Многие задавались вопросом — что заставило Тома Партейна при его внешности и таланте, о котором мы уже упомянули, стать всего-навсего владельцем магазина. Все обстояло довольно банально. Первая причина заключалась в том, что Том получил это заведение в наследство от своего дяди, таким образом одна из главных проблем — чем зарабатывать на жизнь, решилась для Тома как бы сама собой. Вторая причина была еще проще. Тут сыграли роль характер Тома, а точнее его любовь к женщинам. Он прекрасно понимал, что никакая другая профессия не дает человеку возможность шесть дней в неделю непрерывно общаться с особами противоположного пола.

Итак, Том процветал. Большой выбор товаров позволял женщинам посещать его магазин так часто и оставаться там так долго, как бы им того хотелось. Словом, магазин всегда был полон женщин. Ожидая, пока он их обслужит, они задавали ему вопросы, болтали

между собой, хихикали, стараясь привлечь к себе внимание владельца магазина. Эту идиллию нарушало лишь одно обстоятельство — у Тома Партейна была жена. Звали ее Мэг. У нее было приличное состояние, и она не была дурнушкой. Правда, иначе бы он на ней не женился. Очевидцы рассказывали, что во время венчания Том выглядел довольно странно. Можно было подумать, что он выпил лишнего; иногда он не отказывал себе в этом удовольствии. А может быть, так подействовали на него чары Мэг. Во всяком случае, не так выглядит на собственной свадьбе счастливый жених.

У Мэг были огненно-рыжие волосы, но она была довольно холодной женщиной. И не очень крепко держала Тома на привязи. Она прекрасно знала о флиртах в "Эмпориуме", но считала, что это идет на пользу делу. Поэтому ничуть не беспокоилась, вполне довольствуясь своим положением законной супруги.

Так продолжалось до тех пор, пока не появилась Одри Мэнс. Вообще-то она ниоткуда не появлялась. Она просто подросла, эта неуклюжая девчонка, которая жила по соседству, частенько заходила в "Эмпориум" за покупками, изредка застенчиво обменивалась несколькими словами с Томом и, без сомнения, была в него по уши влюблена. И вдруг в один прекрасный день, как по мановению волшебной палочки, она превратилась в прелестную женщину, с блестящими черными волосами, с гладкой нежной кожей и с дивной фигуркой, лучше которой Тому не доводилось видеть.

Одри хотела, чтобы Том принадлежал ей полностью. Ее не удовлетворяли ни шуточные разговоры в торговом зале, ни страстные поцелуи в задней комнате. Том перестал замечать других покупательниц, для него существовала одна Одри, он не сводил с нее восхищенных глаз и вскоре всем стало ясно, что вот-вот что-то случится. Быть может, беда. Только Том пребывал в блаженном неведении. Он всегда любил женщин, но не очень хорошо понимал их. И, естественно, никак не связал появление крысы в его магазине с женскими кознями. Хотя сам по себе факт появления этой крысы насторожил его. Станным было уже то, что это была одна-единственная крыса. И почему-то Тому казалось, что она не случайно забрела именно в его магазин. Поначалу он был озадачен, а вскоре и не на шутку обеспокоен. Нормальной крысе нечего было делать в его магазине, здесь не было ничего съестного — Том не торговал продуктами. Но крыса, между тем, пришла, причем среди бела дня, уселась посреди торгового зала и уставилась на Тома. Он был так поражен ее наглостью, что даже не предпринял попытки убить ее. Он почувствовал, что слабый холодок пробежал вдоль спины — это было похоже на страх. В этой крысе было что-то необычное. Может быть, дело было в ее окраске — она не была ни серой, ни черной, ни коричне-

вой, ни даже белой. Она была огненно-рыжей, и это напоминало Тому о... Однако он старался отогнать от себя эти нелепые мысли.

Когда крыса появилась в магазине впервые, они с Томом довольно долго, замерев, неотрывно глядели друг на друга, пока крысу не спугнул звонок у входной двери. Это была миссис Харрингтон, она чуть не час выбирала пару туфель, и все это время Том замирал от страха. Он представлял себе, что будет, если миссис Харрингтон увидит крысу, и вполне отдавал себе отчет в том, что эта одна-единственная крыса может разорить его. Ведь его прелестные покупательницы больше всего на свете боятся именно крыс.

Том с ужасом думал, что если по городу пройдет слух, будто в "Эмпориуме" появилась крыса, ничто не поможет ему заманить в магазин хоть одну покупательницу — ни любовь к нему женщин, ни его умение обращаться с ними. И тогда конец его бизнесу и всем удовольствиям, которые его сопровождали. Однако миссис Харрингтон в конце концов благополучно покинула магазин. Том искал глазами крысу, но ее нигде не было. Тогда Том стал уговаривать себя, что зря так разволновался — эта тварь, по-видимому, поняла, что здесь ей нечем поживиться и убралась восвояси.

В полдень, во время ланча, когда в магазине никого не было, к Тому забежала Одри Мэнс. Он стоял к ней спиной, и она тихонько подкралась к нему сзади и, приветав на цыпочки, слегка укусила за правое ухо.

— Одри! — радостно воскликнул он и обнял ее. Но тут же быстро огляделся вокруг и, отстранив от себя девушку, сказал: — Мы не должны это делать здесь.

Тому самому было странно, что, стоя рядом с любимой, он вспомнил об этой проклятой крысе. Одри взглянула на него с недоумением.

— Но Том, здесь же никого нет. — И она поцеловала его долгим и страстным поцелуем. — О, Том, я так люблю тебя, — сказала она, и ее черные глаза сияли от счастья. — У меня дыхание перехватывает, когда ты меня обнимаешь. А как ты меня ласкаешь и целуешь... Том, когда ты меня целуешь... Я больше не могу сдерживать себя, я вся твоя.

Вдруг выражение ее лица резко изменилось. Она широко раскрыла глаза, губы у нее задрожали, и она в ужасе закричала:

— Крыса!

Том оглянулся через плечо. Крыса сидела на полке у него за спиной, обнажив маленькие острые зубы и сверкая черными глазками. Том схватил с прилавка стеклянное пресс-папье, со всего размаха швырнул в крысу и не промахнулся. Крыса запищала и побежала по полке, волоча правую переднюю лапу. Том и Одри, словно загнипотизированные, наблюдали за

ней, пока она не спряталась за рулонами с тканью. Том вполне мог бы залезть на стремянку и убить ее голыми руками, но Одри все еще дрожала и всхлипывала. Поэтому он схватил ее за руку, потащил в заднюю комнату и закрыл дверь, оставив крысу в торговом зале. Одри не могла успокоиться даже в его объятиях. Теперь Том воочию убедился, что страшнее крыс для женщины ничего нет. С хорошенького личика Одри исчез румянец, а глаза метались по сторонам как у сумасшедшей.

— Откуда взялась эта крыса? — спросила она шепотом.

— Я не знаю, у меня раньше никогда не было крыс.

— Пожалуйста, Том, я очень прошу тебя, постарайся избавиться от нее.

— Я постараюсь, постараюсь. Не волнуйся.

— Какой кошмар! Я так боюсь!

— Ну, в общем-то, ничего страшного. — Он покрывл поцелуями ее бледное лицо. — Крысы не нападают на людей. Успокойся, — добавил он и тут же пожалел, что произнес эти слова.

Откуда ему знать, на что способна крыса, если она не боится людей. А эта крыса была явно не из трусливых.

— Забудь о крысе. Я сделаю так, чтобы ты ее больше не видела, — убеждал Том девушку, но она никак не могла успокоиться и забыться в объятиях Тома.

— Нет, все же это не обычная крыса, — снова заговорила Одри.

Она уже перестала плакать, но в глазах ее застыл испуг.

— Что ты имеешь в виду?

— Она заколдованная, вот что.

Да, подумал Том, такое может придумать только перепуганная до смерти женщина. Он снова попытался успокоить ее единственным доступным ему способом, но на сей раз она не позволила даже прикоснуться к себе. Тогда он попробовал отвлечь ее какими-то безделушками, но и это не помогло. Наконец Одри ушла, и впервые после ухода любимой Том испытал облегчение.

Он вернулся в торговый зал и принялся искать крысу, осторожно передвигая товары на полках, заглядывая во все темные углы. Однако крысы нигде не было.

Возвращаясь вечером домой, Том с надеждой думал о том, что раненая крыса навсегда покинула его магазин и больше ему не придется гоняться за непрошенной гостьей. Он успокоился настолько, то даже выпил с друзьями пару пинт эля.

Вернувшись домой, Том позвал Мэг, чтобы, как обычно, поцеловать ее, и вот тут он пережил самое больше потрясение в своей жизни.

— Ты поранила руку, Мэг, — вскрикнул он, увидев, что ее правая рука забинтована. — Что случилось?

Том подошел поближе к жене, но она остановила его.

— О, ничего страшного, — сказала Мэг, пряча руку за спину.

Том выжидающе смотрел на нее, и она поняла, что должна что-то объяснить.

— Я полезла в шкаф за фруктами, и на меня свалился стеклянный кувшин.

“Стеклянный кувшин, стеклянное пресс-папье”, — мелькнуло у Тома.

— Когда это случилось?

— Когда я... готовила себе ланч.

Значит, около полудня! В это время обычно к нему в магазин приходит Одри.

Том абсолютно не был склонен к мистическому восприятию мира, и слова Одри о том, что крыса заколдованная, приписал исключительно женской фантазии. И вдруг это странное совпадение. Выходило, что Мэг была одновременно в двух местах. Дома готовила себе ланч в своем обычном облике, и в то же самое время, обернувшись крысой, подсматривала за ним и Одри в магазине. Том уже почти не сомневался, что это именно так. Значит, он женат на ведьме.

В тот вечер Том старался не глядеть на Мэг и все время думал о случившемся. В его магазине появилась рыжая крыса, которая подсматривала за ним, когда он целовал Одри Мэнс и, если так можно сказать про крысу, была явно расстроена. На самом же деле это Мэг была расстроена. Недаром же все, что случилось с крысой, случилось и с Мэг. Вот и получается, что крыса — это Мэг, а Мэг — это крыса.

С этого момента Том думал лишь об одном. Он не желал, чтобы в его магазине были крысы, и для него не имело значения, обыкновенные ли это крысы или заколдованные, с рыжей шерстью. Он должен уничтожить эту крысу. У него нет выбора. Всю ночь Том думал о том, как осуществить свое намерение. Утром он встал раньше обычного и поспешил в магазин. Крысы нигде не было. Он подождал немного, но она так и не появилась. Однако Том не хотел терять время даром и приступил к делу. Первое, самое простое, что он сделал — разложил по углам отравленную пищу. Ведь даже заколдованная крыса может проголодаться. Затем он достал ружье и пистолет и положил их так, чтобы в нужный момент они оказались под рукой. Кроме того, расставил по разным местам щетки, швабры, палки и, наконец, он решил позаимствовать у Макферсонов их кота Фиделиса. Однако это последнее мероприятие кончилось полным провалом. Когда он принес в магазин Фиделиса, огромного свирепого вида черного кота, тот выгнул спину и шипя направился к прилавку с товарами для кухни. Но сделав несколько осторожных шагов, он вздрогнул и остановился. Шерсть поднялась дыбом, он пронзительно мяукнул и выпрыгнул из дверей магазина на улицу.

В этот момент Том Партейн понял, что ни один кот на свете никогда не поймает эту крысу.

— Но я должен избавиться от нее, — вслух произнес он.

Целую неделю Том пытался поймать крысу, но все его усилия были тщетны: отравленная еда оставалась нетронутой, ружья лежали наготове, он был готов прострелить стену в своем магазине, но крыса не появлялась. Хотя Том ничуть не сомневался, что она все еще где-то здесь, в магазине. Он проводил бесконечные часы в напряженном ожидании, прислушиваясь к каждому шороху. Но за все это время в "Эмпориум" ни разу не зашла Одри. Том чувствовал себя одиноко, и ему было обидно, что Одри этого не чувствует. И тем не менее он не искал встреч с ней ни на улице, ни у нее дома. Он боялся скандала, прекрасно понимая, что скандал может повредить его делу. Так же, как крыса, неожиданно поселившаяся в его магазине.

Поэтому Том набрался терпения и ждал. Ровно через неделю он услышал тихий стук в дверь задней комнаты. Том бросился открывать, точно зная, что так могла стучать только Одри. Влюбленные кинулись в объятия друг к другу.

— Том, — прошептала Одри. — Я так по тебе скучала.

— И я тоже, — признался он, покрывая поцелуями ее лицо и шею.

Они пробыли вместе довольно долго, и их ни разу не потревожил звонок у входной двери магазина.

Наконец Одри спросила:

— Ты избавился от нее?

— От кого? — переспросил Том, сделав вид, что не понял.

— От крысы.

— Не знаю, — ответил он неопределенно.

Одри, почувствовав, что он пытается ее обмануть, взволнованно заговорила:

— О, Том, ты должен от нее избавиться! Ты понимаешь, почему, правда? Ответь мне — ты понимаешь?

Он отрицательно покачал головой.

— Она хочет укусить меня!

— Ну что ты, Одри, с чего ты взяла?

— Особенно мое лицо!

Том снова покачал головой, он даже слушать не желал такие ужасные вещи. Но от слов Одри знакомый уже холодок пробежал у него по спине. Конечно, он должен успокоить девушку, но что он может сказать ей? Что?

— Ну, что ты, Одри, кому может взбрести в голову кусать такое прекрасное личико. Только целовать, — неловко пошутил он и хотел поцеловать ее.

Но Одри отшатнулась от него.

— Ну, как ты не понимаешь? Она хочет изуродовать меня. Разорвать в кровавые клочья своими острыми зубами, чтобы ты никогда больше не взглянул на меня. Том, — трясла она

его, — да это же твоя жена заколдовала эту крысу и подослала сюда. Она хочет вернуть тебя, а для этого ей нужно избавиться от меня.

Том все прекрасно понимал сам. Конечно, Мэг всегда знала о его слабости к хорошеньким женщинам. В конце концов это могло надоесть ей, а в случае с Одри он зашел слишком далеко. И не исключено, что Мэг хочет избавиться от соперницы таким страшным способом. Скорее всего Одри права. Она не знает только одного — что это не просто крыса, заколдованная Мэг, а сама Мэг. Этому он бедной девушке говорить не стал, она и так перепугалась до смерти.

— Так ты не убил ее? — настаивала она.

— Я пытался это сделать. Все, что мог, попробовал: яд, кот, оружие приготовил. Всю неделю я высматривал ее и прислушивался к каждому звуку. Но она ни разу не появилась. Может быть, ушла отсюда, — не очень уверенно добавил он.

Одри в отчаянии покачала головой.

— Нет, Том, она здесь. Она и сейчас смотрит на нас из укрытия, я это чувствую.

Том почувствовал, что она вся задрожала, и стал беспокойно оглядываться.

— Я не хочу, чтобы она меня изуродовала. Не хочу! Я боюсь... Мы больше не сможем встречаться, Том...

Тут она вскрикнула, как в тот раз, когда впервые увидела крысу, лицо ее исказила гримаса ужаса, не в силах выговорить ни слова, она показывала пальцем куда-то в темноту за его спиной. Том резко обернулся и успел разглядеть рыжую крысу, прошмыгнувшую из угла в угол и скрывшуюся за каким-то бочонком.

Том ринулся за ней, готовый схватить эту тварь голыми руками. Он с остервенением расшвырял все бочонки и коробки, но крысы нигде не было. Он в отчаянии обернулся:

— Одри!

Но дверь была распахнута настежь. Одри убежала, и он не стал ее догонять. Ему нечем было утешить ее.

Том остался один на один со своей проблемой. Ему все было ясно: пока жива эта крыса, он не сможет видаться с Одри. Она убежала и не вернется, пока он не обеспечит ей полную безопасность.

Впервые в своей жизни Том Партейн серьезно и надолго задумался. Вообще он не отличался большим умом и знал, что не за это нравится женщинам. Кроме того, Том никогда еще не попадал в столь отчаянные обстоятельства. Желание выбраться из этой ситуации без потерь обострило его ум. Он проанализировал все свои предшествующие шаги и пришел к выводу, что все делал неправильно. Теперь он знал, как должен поступить, и вместе с надеждой ощутил небывалый прилив энергии.

Покупателей в магазине не было, но если бы они и были, он выпроводил бы их под каким-нибудь благовидным предложением. Заперев на ключ все двери в магазине, он приступил к сборам. Нашел на складе мешок, веревку, еще раз внимательно осмотрел все углы. Крысы не было видно, но он ни на миг не усомнился, что она где-то здесь, поблизости, притаилась между бочонками, ящиками, стеллажами. Ему даже казалось, что он чувствует на себе ее удивленный взгляд — куда это он собрался с таким снаряжением в столь раннее время дня и что у него на уме?

Он решительно направился к выходу, но около двери остановился и оглянулся.

— Ну, рыжая, — прошептал он, злобно улыбаясь, — берегись. Подожди немного и ты узнаешь, кто такой Том Партейн.

Том повесил на входную дверь табличку: "Магазин закрыт" и пошел по главной улице города с мешком на плече, не думая о том, что кто-то может увидеть его. Затем он свернул направо, прошел дворами к полю, пересек его и углубился в лес.

Теперь он превратился в охотника. Ступая медленно и бесшумно, он весь обратился в слух, а глаза хищно высматривали добычу. Том долго бродил по лесу, уже солнце закатилось за вершины деревьев, а он все искал, уверенный в успехе. Вдруг он остановился и улыбнулся. Затаив дыхание, сделал еще несколько осторожных шагов, потом стремительно бросился вперед. Тому не сразу удалось запихнуть свою добычу в мешок, но все же он справился с этой задачей и быстро затаил мешок веревкой.

Возвращался Том окольным путем, минуя центр города. Ему не хотелось, чтобы кто-нибудь видел, как он в темноте с мешком за спиной будто вор пробирается в "Эмпориум". Открыв дверь, он бесшумно проскользнул в магазин, не зажигая света, развязал веревку и вытряхнул содержимое мешка на пол. Потом быстро выбежал на улицу. Здесь он остановился и улыбнулся, довольный собой. Затем прислушался к тому, что творится за дверью, но оттуда не доносилось ни звука. Однако это ничуть не смутило его. Он развернулся и весело зашагал домой.

Тома ничуть не удивило, что Мэг не оказалось дома. Ее не было ни на кухне, ни в комнатах, и вообще не было никаких следов ее пребывания. Чтобы окончательно убедиться в этом, Том тщательно обследовал все комнаты и даже выглянул в темный двор. Он тихонько, так, чтобы не услышали соседи, звал Мэг. Но ответа не было. Мэг исчезла. Испарилась, как будто ее никогда и не было...

Больше Том не мог сдерживать своих чувств. Радость победы переполняла его. Он добился желаемого. Он свободен.

Том выскочил на улицу и вприпрыжку, пританцовывая и кружась, быстро направился к "Эмпориуму". Перед дверью его охватило такое волнение, что он никак не мог попасть ключом в замочную скважину. Войдя в магазин, он торопливо включил свет и почти сразу же споткнулся. Еще не глядя, он понял, что это. Она была длиной не меньше 7 футов, толщиной с его руку и тускло поблескивала переливами черного цвета.

Почуввав опасность, змея угрожающе вскинула голову, и ее раздвоенный красный язычок быстро задвигался туда-сюда. Это было довольно страшное зрелище, и Том подумал: "Хорошо, что Одри не видит этого". Сам же он смотрел на змею почти с нежностью — где-то в середине ее тела была заметна выпуклость, не слишком большая, но вполне достаточная, чтобы там могла поместиться крыса.

Вскоре весь город облетела весть об исчезновении Мэг Партейн. Происшествие взбудоражило всех, судачили, строили различные предположения. Но никто не знал, что же произошло на самом деле, даже Том мог лишь предполагать. В конце концов сошлись на том, что Мэг просто устала от бесконечных флиртов Тома и однажды ночью сбежала.

Конечно, Том изо всех сил старался изображать человека, потрясенного тяжелой утратой. Однако довольно скоро все заметили, что он начал оправляться от своего горя и уже в открытую ухаживал за Одри Мэнс. Это была довольно скандальная история, но Том был хорошим парнем, в городе его любили, поэтому он по-прежнему успешно торговал в своем "Эмпориуме". А когда судебное разбирательство по делу об исчезновении Мэг Партейн за неимением каких-либо доказательств и не признавшее Мэг мертвой, все же дало Тому разрешение на развод, он тут же воспользовался этим и женился на Одри Мэнс.

Одри, как и Мэг, все время проводила дома, счастливая уже тем, что стала его законной женой. Том же несколько не изменился под влиянием всех предшествующих событий и продолжал свою любимую игру с особами женского пола, целыми днями толпившимися в "Эмпориуме". Это была легкая, безопасная игра, но было совершенно очевидно, что рано или поздно вновь появится та, особенная, из-за которой он будет готов на все.

Ее звали Эллен Харди. Совсем юная, светловолосая и очень застенчивая девушка влюбилась в Тома без памяти. И в этом не было ничего удивительного. В том числе и для Тома. Поэтому он очень обрадовался, когда однажды она зашла в "Эмпориум" в полдень. В это время в магазине обычно бывало пусто и Том сразу разгадал ее хитрость.

— Мистер Партейн, — начала она, заливаясь румянцем от смущения.

— Привет, Эллен.

— Мистер Партейн... я давно уже приглядела вот эту нитку жемчуга. Можно мне ее померить? Я хочу посмотреть, идет ли она мне.

— Ну, конечно, Эллен. Почему бы нет? Я помогу вам, — заговорил Том возбужденно. — Знаете ли вы, Эллен Харди, что у вас самая хорошенькая, самая беленькая, самая мягкая шейка из всех, что я когда-либо видел...

Он наклонился, чтобы поцеловать ее в шею, но девушка вскрикнула. Ее глаза с ужасом смотрели в одну точку. Вздрогнув от какого-то страшного предчувствия, Том обернулся и увидел огромную черную блестящую змею, выползшую из-за коробок.

— Эллен, подожди, — окликнул Том, но девушка уже убежала из магазина.

Он не стал догонять ее, вместо этого внимательно посмотрел на змею — маленькие сердитые глазки, недовольное покачивание черных блестящих колец...

— Одри! — внезапно вскрикнул он.

Затем вышел из магазина и больше никто и никогда не видел Тома Партейна. ■

Перевод с английского **Виктории ПОЛИЩУК.**

«Пасынок не сын,
чужая бадь не своя»

(«Толковый словарь»
Владимира Даля)

Наверное, нашим читателям будет интересно узнать, что мужчины пишут в журнал раз в десять реже, чем женщины. И не потому, что они в десять раз счастливей или удачливей, а потому, что не любят жаловаться посторонним на свою личную жизнь. С приятелем да за бутылкой — другое дело. Но уж если написал — значит, припекло. Или непьющий.

Денис Владимирович (имя изменено) написал в "Смену" коротко: нужен совет. И за советом в назначенное время и явился. Но потом оказалось, что человеку нужно просто выговориться — ответы на свои вопросы он знал сам. И отдавал себе отчет в том, что его семейная жизнь не состоялась. Не состоялась из-за пасынка, сына его жены от первого брака. Привожу рассказ Дениса Владимировича в том виде, в каком услышала его сама. В комментариях он, по моему, не нуждается.

Я женился на Алле, когда Вадику, ее сыну, было тринадцать лет. Возраст трудный, мальчишка избалованный: мама и бабушка выполняли любой его каприз. Так повелось с раннего детства, когда Вадин тяжело болел. Так продолжалось и потом, когда парень был уже абсолютно здоров, спортивен и очень

неглуп. Из двух обожающих его женщин он просто веревки вил. И совсем не обрадовался, когда я появился в доме. Второй мужчина ему решительно не нужен, а о том, что матери — тридцатидесятилетней женщине — нужен муж, он слышать не хотел. Для него что мать, что бабушка — старухи, обязанные обслуживать его — наследного принца.

Алле тогда хватило силы воли впервые в жизни не пойти на поводу у обожаемого сыночка и выйти за меня замуж. И с тещей мы вроде бы общий язык нашли. Я к ним не приманом пришел, у меня была своя квартира, и зарабатывал я неплохо. Это плюс к тому, что Аллу я любил и до сих пор люблю, хотя мы уже развелись. По взаимному, так сказать, согласию.

Пытался я к Вадику найти подход несколько лет. Сам люблю в свободное время с машиной возиться — хотел его приохотить. Не получилось: пасынок мне прямо заявил, что ленатая на земле под грязным кузовом и пачкать руки в машинном масле не намерен. Для этого существуют станции техобслуживания. Хотя ездил в машине с удовольствием, да еще окончил курсы, получил права и через мать заставил меня дать ему доверенность на управление. После этого я не столько на своей машине ездил, сколько ее чинил.

Жили мы втроем в моей квартире, теща большую часть года проводила на даче, а в своей квартире сдавала одну комнату — пенсия у нее небольшая, а она человек гордый, одалживаться не любит. Сколько раз я ей деньги предлагал — всегда отказывалась. Но это так, между прочим. Так вот, жили мы в моей квартире и, есте-

ственно, время от времени нужно было что-то делать: обои переклеить, мебель переставить, плитку в кухне переложить. Я никогда в жизни никаких мастеров не вызывал, сам все умею. Хотел и Вадику научить — мужик должен быть с руками, а не только с головой. Куда там! Шкаф передвинуть — еще куда ни шло, но с ремонтом помочь... Для этого, по его мнению, тоже существуют профессионалы и нечего при моих заработках в известие и клею пачкаться.

Алла теоретически была на моей стороне, но практически продолжала Вадику баловать и портить. Если я пытался ей доказать, что она губит парня бесконечными потачками, что он уже — законченный бездельник и эгоист, начинались истерики, рыдания и причитания, что я просто ревную ее к мальчугану и несправедлив к нему изначально. В конце концов я махнул рукой на все это. Да и неприятно мне было всякий раз слышать от жены: "Конечно, отчим — не родной отец, ты его просто не любишь". Пылкой любви я, разумеется, к Вадику не испытывал, но относился к нему поначалу хорошо, думал, со временем он оттаит, повзрослеет и мы подружимся. Это во-первых. А во-вторых, родной отец ушел от них, когда Вадин заболел — мальчишке еще трех лет не исполнилось — и с тех пор не обнаружил ни малейшего желания повидаться с родным сыном. Алименты, правда, переводил аккуратно. Но после того, как Вадин исполнилось восемнадцать, никаких признаков жизни уже не подавал, хотя живет тоже в Москве. Родной отец, между прочим, не отчим.

К нему Вадин особых претензий не имел, только посетовал

нан-то, что нарманных денег стало меньше: все алименты именно на это и уходили. Я же давать мальчишине лишние десятки и четвертаки — по тем деньгам — отказывался наотрез. И не потому, что мне жално, а потому, что я за него боялся: он привык ни в чем себе не отказывать и вполне мог впутаться в наную-нибудь скверную историю. Разумеется, оназался жмотом и скупердяем — отчим же, не родной отец! — но своего мнения не изменил. Алла, конечно, без конца совала ему то трешку, то пятерку, причем экономила на себе. А потом стала экономить на нас.

Занончил Вадин школу, с грехом пополам поступил в институт. Библиотечный, остальные его отпугивали слишком большим конкурсом. Я попытался посоветовать ему сначала отслужить в армии, стать мужчиной, а потом уж поступать не абы в какой институт, а с перспективой получить хорошую профессию. Но армии он боялся ничуть не меньше, чем Алла, а о будущей профессии у него были самые смутные представления: главное, чтобы работа была чистой и хорошо оплачивалась. Все остальное не имело ровно никакого значения. И опять я оназался "извергом и ревнивцем", потому что понепал ребенка хоть на два года сплавить с глаз долой, отдать в солдаты. А то, что на "ребенка" пахать можно было: рост под два метра, плечи широченные и силушкой Бог не обидел — так этого вроде нинто, кроме меня, и не замечал. В доме он даже мусорное ведро не выносил, Алла не позволяла. Мальчик должен учиться и отдыхать, успеет еще поработаться.

Ну, мальчик и жил в свое удовольствие: не столько учился, сколько отдыхал. Тан был этим занят, что когда Аллу положили в больницу на операцию, причем операцию серьезную, был у нее за два месяца два раза. Ездили мы с тещей: день она, день я. Теща, кстати, переживала еще, что со мной ребенок будет плохо питаться, но когда увидела, что готовлю я нормально, обед и ужин в доме всегда есть — успокоилась. А мне эти два месяца двумя годами показались: себя-то я привык сам обслуживать до того, как на Алле женился, но ведь приходилось еще и Вадику кормить. А его Бог и аппетитом не обидел: сколько ни приготовь, все подчистую подметет. Экспериментировать же, оставлять пустой холодильник, а самому есть в столовой, я не решился: Алла очень беспокоилась о том, как Вадин питается, а мне ее нервы дороже были.

Только я так и не простил Вадину того, что он мать в больнице почти не навещал. Алла-то быстро забыла, хотя сама и плакала, и переживала тогда. А потом нашла тысячу оправданий: занятия, долгая дорога, друзья и т.д. и т.п. И меня всякий раз обрывала, когда я пытался ей напомнить, как сынок на самом деле к ней относится. Отчим — он и есть отчим, всегда в пасынке только дурное видит.

На пятом курсе Вадин объявил, что женится. Я не одобряю ранние браки, когда муж не в состоянии обеспечить свою семью, но счел за лучшее промолчать. Сыграли свадьбу, Вадин переселился к жене и... через полтора года вернулся обратно. Хорошо, что с детьми не поторопились. Ал-

ла до сих пор свято верит в то, что мальчику просто не повезло: нарвался на корыстную и ленивую стерву, да и тесть с тещей добавили. Свое мнение я высказал: мол, Вадин далеко не подарок, ничего делать не приучен, сам себя обслужить не может. Реакцию можете себе представить сами, мне неприятно об этом вспоминать.

Ни в какой библиотеке или музее после института Вадин, разумеется, работать не захотел. Алла задействовала все свои связи и устроила его на какую-то иносфирму, делопроизводителем, канцелярщиком. Там он продержался полгода — уволили за постоянные опоздания и безответственность. На другом месте проработал то ли три, то ли четыре месяца с тем же результатом. От армии Алле удалось его освободить, не знаю, каким образом, она мне не рассказывала, знала, что не одобрю. Я просил ее этого не делать, говорил, что она парня окончательно загубит, сами понимаете, что просьбы мои она проигнорировала. Хотя тогда еще ни Чечни, ни всех этих современных ужасов службы в армии не было.

После этого Вадин устроился где-то сторожем — сутки через трое — и переселился к бабне. Там ему было вообще вольготно, теща на все его художества смотрела сквозь пальцы. А Алла вбила себе в голову, что мальчику нужно снова жениться, тогда, мол, возьметесь за ум, повзрослеет, и принялась искать ему невесту. Встречаться с девушками Вадин не от назывался, но жениться совершенно не собирался, ему и так было неплохо. Бабка обслуживает, мать устраивает его личную жизнь и подкидывает деньги, от-

чим под ногами не путается и не нудит — зачем что-то менять?

На парня я уже рукой махнул, но Аллу мне было очень жаль. Она постоянно моталась к матери и сыну, нервничала, перекручивалась с деньгами, чтобы ее оболтус ни в чем не нуждался. И так было не год, не два — пять лет. И Алле уже сорок семь исполнилось, и мне скоро шестьдесят будет, пора было о себе подумать, друг о друге заботиться. И теща моя тоже не железная, и ей почти тридцатилетнего мужика обихаживать тяжело стало. Нет, по-прежнему все крутилось вокруг Вадина: то ему новый костюм, то отдых на море, то очередную невесту...

Мое терпение лопнуло, когда Аллу снова положили в больницу — спасибо, хоть не на операцию, а на лечение, а она оттуда сбегала досрочно, потому что теща простудилась и слегла. Черт меня дернул ей об этом сказать! Ушла под расписку — кто же будет мальчика ее дорогого кормить? И пока теща не поправилась, жила там, причем не столько за матерью ухаживала, сколько Вадина облизывала. Вернулась домой — через неделю снова в больницу попала с обострением язвы. А у меня от всего этого давление снапать начало. Да и нервы — на пределе.

Когда Алла выписалась, я попытался с ней по-хорошему поговорить. Убедить, наконец, что Вадин может сам о себе позаботиться, а ей нужно о собственном здоровье думать. Ну, и о моем — хоть иногда. Вроде бы она согласилась, тем более, что я так сказал: если что случится, не дай Бог, конечно, я первый помогу парню. Но нужно наконец дать ему возмож-

ность стать самостоятельным. Согласилась — и через несколько дней снова сорвалась к сыночку: у того сигареты кончились, он с насморком, из дома не выходит, а бабушка на три дня к какой-то приятельнице сбегала — отдохнуть от внука, я думаю. И мамочка повезла сигареты, прямо после работы, не заходя домой, чтобы я не задержал.

Через два месяца после этого мы развелись, и Алла переехала обратно к матери. Официальная причина развода — не сошлись характерами. Пятнадцать лет, получается, мучились, пока наконец не выяснили, что друг другу не подходим. Теперь бывшая теща у меня время от времени гостит: отдыхает от дочери и внука и жалуется мне на них. Кается, что Аллу поддерживала, когда та меня во всех смертных грехах обвиняла и считала: отчим к пасынку не может хорошо относиться. Как мачеха — к падчерице. Только одна теща это и понимает, а в глазах всех остальных я — чудовище, которое поставило мать перед выбором: или я, или твоё отродье. Но ведь все было совершенно не так...

Рассказ Дениса Владимировича, по-моему, в комментариях не нуждается. Я хотела бы только добавить, что очень похожую историю, только с менее грустным концом — до развода дело пока не дошло — слышала уже дважды. И в обеих семьях конфликт зарождался не только и не столько между отчимом и пасынком (во втором случае — падчерицей), сколько между этим самым отчимом и родной матерью, баловавшей любимое чадо до неприличия и

не слушающей никаких резов мужа. Денису Владимировичу придется поверить на слово, а ситуацию в двух других семьях я наблюдала лично. Отчимам там действительно не позавидуешь.

А в третьей семье мать нашла в себе силы преодолеть естественный материнский инстинкт и взглянуть на ребеночка со стороны. После чего переделала позицию мужа и перестала ребеночка опекать, даже, с точки зрения окружающих, велась себя излишне сурово. Сын сначала жутко обиделся, потом вроде бы осознал, но хорошие отношения с отчимом так и не наладились. И только много позже, уже, к сожалению, на поминках, сын встал и сказал:

— Я очень благодарен маминному мужу за то, что он заставил меня повзрослеть. Он для меня стал примером настоящего мужчины во всем: от его отношения к женщине до образа жизни в целом.

Что ж, как говорится, лучше понять это поздно, чем никогда. Да и вообще, не пора ли перестать считать всех отчимов сволочами и извергами просто по определению? Жизнь ведь значительно сложнее схем, а ситуации в ней бывают самые разные. В том числе, и нестандартные.

Согласитесь, дорогие читатели, что словосочетание "хороший отчим" встречается нечасто. Так кто же виноват в том, что большинство отчимов — плохие? Очень хотелось бы услышать ваше мнение по этому поводу.

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

Белых ночей голубой аромат

Ольга МОРОЗОВА

Два месяца я проводила над собой жестокий эксперимент: можно ли прожить, пользуясь одной лишь отечественной косметикой, без всяких там шампуней "Пантин про-V", мыла "Сейфгард" и зубной пасты "Колгейт"?

Теперь могу сказать, что прошел эксперимент вполне успешно. Более того, по его завершении я научилась разбираться в мыле, шампунях и кремах почти как Сара Монзани в губных помадах.

Иметь "Нестор"
стремились все

В свое время американский новеллист Чарльз Сидней Портер, более известный читающему человечеству как О. Генри, утверждал: есть вещи, абсолютно неотделимые друг от друга. Ну, например, розовый муслин и зеленые розы, или грудинка и яйца, или ирландцы и беспорядки. Если продолжить этот ряд, понятие "петербургское качество" всегда имело

еще и такую парную величину, как "парфюмерия и косметика". И не случайно совсем недавно в сумках и портфелях командированных в Северную Пальмиру граждан, уезжали тюбики ланолинового крема и блоки мыла "Детское": эти ленинградские сувениры, изготовленные на Невском заводе косметических изделий высоко ценились во всех городах измученного дефицитом Советского Союза.

Еще в те далекое времена, когда основанное в 1839 году и выросшее из маленького свечного заводика производство наладило, кроме свечей, выпуск олеина, глицерина и мыла, его продукция уверенно и быстро заняла нишу на рынке товаров самого что ни на есть народного потребления — от крестьянки до придворной дамы.

Мыло всегда было "коньком" завода. В газетах середины прошлого века предлагалось вниманию благосклонной публики черное хозяйственное мыло производства "Невской компании": "Выводит пятна с

НЕВСКОЕ СТЕАРИНОВОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

С-ПЕТЕРБУРГЪ,

МОСКВА.

ЛУЧШЕЕ МЫЛО

НЕСТОР

МЕНЬШЕ ТРУДА — БОЛЬШЕ ВЫГОДЫ

большой экономией, применимо к стирке грубого и тонкого белья, мытью полов, сосудов, шерсти овец и также для смазки деревянных двигательных устройств и для умывания надкостных болезней". По пяти копеек серебром за фунт в розницу оно разлеталось вмиг. Позже был налажен выпуск мыла высочайшего качества: "Карболин", сразу сделавший "Невскую компанию" крупнейшим в стране поставщиком армии и медицины, и "Нестор".

Ах, какое это было чудо! Иметь "Нестор" старались все. Оно содержало кокосовое масло, нежнейшее хлопковое, и в него добавлялись светлая французская канифоль специальной очистки и рициновое масло — для прозрачности. Упаковывалось мыло в тончайшую папиросную бумагу и укладывалось в картонную изящную коробочку с изображением томной дамы в жемчугах и при перманенте. Мыло давало обильную душистую пену, было приятным во всех отношениях, нарядные рекламные плакаты "Нестора" украшали лавки и аптеки, а столичное врачебное управление уверяло, что оно не содержит никаких вредных для здоровья веществ.

Для более прозаических бытовых надобностей выпускалось мыло "Санлайт" — скопированное с "аглицкого продукта", получившего свое название в честь города в Старой Англии, где оно производилось. Производимый с отечественной доработкой российский "Санлайт" также сразу стал популярен. "Невская компания" про-

цветала и с обоснованными надеждами взирала в светлое капиталистическое будущее.

Конец красивой жизни пришел в 1918 году — тогда с "капиталистическим будущим" пришлось подождать... Но, несмотря на бесчисленное количество пертурбаций в судьбе завода — взлетов и падений, пожаров, революций и послереволюционных натанализмов, перестановок в руководстве, изменений названия и форм собственности, — за полтора века позиция "давать товар качественный и одинаково доступный и ценный и во дворцах, и в хижинах" осталась неизменной. И сегодня каждый день около ста тонн душистой продукции отправляется с АО "Невская косметика" — таково нынешнее название предприятия — в более чем три тысячи торговых точек Санкт-Петербурга, а потом расходится в дома горожан самого разного достатка. Кремы, зубные пасты, шампуни, бальзамы для волос и, конечно же, мыло...

"Сделайте нам красиво..."

Возможно, кто-то будет разочарован, но на предприятии, где работает лишь 600 человек, созданием кремов, паст, мыла и прочего занимается группа всего из... четырех специалистов. Они же отслеживают весь технологический цикл и контролируют качество, как это принято здесь говорить, "на выходе". Не ждите и рассказа о том, в какой атмосфере волшебства и сказочного антура-

жа рождаются новые сорта мыла, кремов и зубных паст. Ни реторт с таинственно переливающейся в них разноцветной жидкостью, ни клубящихся над колбами душистых испарений, над которыми колдуют повелители ароматов и знатоки кислотности-щелочного баланса, — ничего такого увидеть на "Невской косметике" мне не довелось. И о тернистом творческом пути, который приходится пройти создателям современной косметики, пока рождается их новое детище, здесь тоньше никто не говорит. Все намного проще и скучнее.

Дело в том, что все производимое в нашей стране мыло делится и делится на три группы, или класса — "экстра", "первая" и "вторая" (особняком стоят "Детское" и "Хозяйственное"). Состав мыла, входящего в каждую из групп, определен раз и навсегда ГОСТом, утвержден и незыблем: столько-то жиров, столько-то биодобавок, столько-то отдушки (ароматизаторного вещества). То же касается и кремов, и зубных паст. Так что с составляющими ингредиентами особо не поэкспериментировать. А какого класса будет выпускаемая продукция, зависит не столько от желания производителя, сколько от имеющихся у него технических возможностей. И так как оборудование, необходимое для производства мыла класса экстра, имеется только в Москве (в свое время на приобретение итальянской линии "Мэцони" был выложен чуть ли не весь "золотой запас" отрасли целой страны), "Невская косметика",

что называется, по жизни вынуждена уступать московским коллегам первенство в производстве мыла.

Итак, для творчества остается не так уж много: форма, цвет, запах и, конечно, упаковка. Вопреки всем представлениям, создание косметического запаха — это мучительный и тяжелый труд. Например, чтобы заставить мыло "Ландыш" пахнуть ландышем, приходится работать не меньше, чем с сотней образцов отдушен. Терпеливо комбинировать каждую с мыльной стружкой, жирами, биодобавками, заливать в крошечные формочки. Результат этой кропотливой работы — около семидесяти процентов отдушен в таком полуфабрикате запаха не дают вообще. Из оставшихся же тридцати двадцать процентов выбывают из игры на следующем этапе — при создании более зрелых образцов. С образцами, прошедшими и это испытание, начинается уже серьезная работа, сопровождаемая опять-таки серьезными проблемами. То подходящая добавка не позволяет уложиться в планируемую и утвержденную цену, то, пока суд да дело, поставщик используемого в образцах сырья куда-то запропал, вместо него два других стучатся в дверь, но их сырье отличается свойствами, и, значит, все надо начинать сначала.

Примерно то же происходит и с красителями. Их запускается в работу столько, сколько нужно, чтобы сделать образцы не только разного цвета, но и разной степени интенсивности его многочисленных оттенков.

Скажем, от едва зеленоватого и нежнейше салатового до насыщенного (и даже немного ядовитого) зеленого. Хрохотные, в половину спичечного коробка, мыльца сушат, держат на свету, потом выкладывают — прямо на подоконник в лаборатории — на солнце. Через несколько дней смотрят, не побледнел ли цвет? Не изменился ли? А если изменился, — то в лучшую или в худшую сторону?

А случаются и вовсе непредсказуемые вещи. Как, например, вышло с мылом "Земляничное", которое выпускается здесь со столь незапамятных времен, что стало уже своего рода традиционным продуктом, символом "Невской косметики". Было решено "омолодить старушку": облагородить "Земляничное", улучшить запах, цвет, сделать их более соответствующими названию. После долгой череды неудачных попыток на свет появилось благоухающее, как целая лесная поляна, сочно розовое "Земляничное". Гордые своим трудом создатели принимали заслуженные поздравления коллег и торговых занушдинов. А мыло грандане покупать перестали. Консерватизм потребительского вкуса оказался сильнее красоты и качества. Пришлось вернуться к исходному варианту...

С формой, учитывая стереотипы покупательского восприятия, тоже много не экспериментируешь. Наним, теоретически, может быть мыло? Круглым. Возможно, квадратным. Треугольным, — почему бы и нет? Но потребителю привыч-

нее прямоугольный брусочек — классика, так сказать. К тому же любые фантазийные формы (в виде цветов или, скажем, фигурок животных) непременно требуют технических нововведений. Иное дело, что и на тему вечного возможны вариации. Например, в моде сейчас мыло со скругленными краями и слегка обозначенным прогибом — чтобы не раскисало в мыльнице и легче удерживалось в ладони. Слегка помучившись, на "Невской косметике" наладили выпуск такого мыла в новой серии "Дивный сад" и "Цветы любви".

Гораздо интереснее выглядит работа с кремами. Они сложнее и богаче, чем мыло, по составу (в "Ланолиновом", например, более 10 составляющих), мода на них гораздо более причудлива, изменчива и предполагает самые различные варианты. Но и тут — своя головная боль.

Нозырь "Невской косметики" — натуральные компоненты. Если уж ланолин — то натуральный. Если уж норковый жир — то действительно норковый, а не какой-то искусственный заменитель. И только в крайнем случае — вместо миндального масла косточковое (выжатое из сердцевинки абрикосов и персинов, что тоже неплохо). Минерального масла, которое есть не что иное, как продукт переработки нефти и прочей химии, минимум.

Все это хорошо для здоровья кожи, но плохо для внешнего вида кремов. Желтоватый оттенок — первейший признак высококачественного состава

ва — не нравится дамам. Как претит их эстетическим представлениям и маслянистый дух натуральных отечественных кремов. Перебить же его ничем не удается: натуральные жиры и масла не держат никаких отдушек. Тут, как говорится в известном анекдоте, "либо ехать, либо шашечки" — либо по-настоящему питать и омолаживать кожу, либо умащать ее благоухающим, но малоэффективным для здоровья и красоты суррогатом. Эту дилемму на "Невской косметике" решают с помощью подбора эмульгаторов — веществ, превращающих отдельно взятые жиры, масла и воду в собственно крем-эмульсию. Тонкое сочетание эмульгаторов позволяет добиться желаемого: и преимущественно натуральный состав крема сохранить, и отдушку в него ввести, "прицепив" ее к эмульгатору, который не столь строптив, как исходные масло или жир.

Особый разговор — новомодные экзотические биодобавки. Прежде считалось, что ни того, ни другого в России нет и быть не может. Сегодня того же масла ореха жожоба или масла чайного дерева хоть залейся. Но — задорого. Точно так же обстоит дело и со всяческими липосомами, энзимами и прочими, весьма для здоровья и красоты полезными ферментами-белками. Бери — не хочу! Но на тех же условиях: плати немалые деньги. И приходится делать вид, что не особенно-то и хочется.

Тут следует сделать необходимое пояснение. Сегодня на "Невской косметике" могут се-

бе позволить закупать дорогое сырье. Но ясно представляют пределы покупательской способности населения, с одной стороны, и уровень потребительских притязаний — с другой. Не фокус сделать зубную супер-пасту или "навороченный" крем, которые (вспомним систему всевозможных торговых накруток на цену и зверские налоги) по цене будут равны французским. Ну и кто их купит? Ведь психология любой из нас такова, что при равной стоимости товаров рука сама потянется к импорту. И пусть заграничный крем с вредными консервантами. Пусть он в баночке, которая, в отличие от старомодного металлического тюбика, если что и гарантирует, так это прогоркание и провисание содержимого после того, как два-три раза запустить в него пальцы, хотя бы и чисто перед тем вымытые. Зато на той баночке значится: "Made in France".

**"Что немцу
хорошо,
то русскому
смерть"**

Милые наши женщины... Столько лет они жили в условиях тотального дефицита, когда "достать" хотя бы болгарский шампунь "Роза" считалось невероятной удачей, а привезенный родственником из зарубежной командировки брусок мыла в яркой шелковистой обертке ни в коем случае не использовался по прямому назначению: он месяцами так и лежал

в красочной своей "одежде" на почетном месте в ванной — благоухающий принц заморской крови, волею судеб угодивший в компанию отечественных плебеев. Не знаю, повернется ли у него язык осудить наших женщин за непреходящую вот уже несколько лет радость от появившегося в их жизни изобилия всех этих "Орифлейнов", "Синерджи" и прочих парфюмерно-косметических изысков известных фирм...

Мне и самой эта радость понятна: иметь возможность выбора — это здорово. Хотя почти всегда она оборачивается проблемой выбора. И уж раз мы заговорили о проблеме выбора, поделюсь некоторыми сведениями, которые получила на "Невской косметике".

Если бы мои дорогие соотечественницы внимательно послушали объяснения профессионала-технолога, — назойливая реклама импортных косметических средств уже меньше воспринималась бы ими как руководство к немедленному действию. Ибо ни один крем в мире не разглаживает морщины "всего за две недели" да еще и "на семьдесят процентов" — этот параметр просто невозможно измерить. И, при всех своих достоинствах (несомненно, имеющих в наличии), импортный крем будет малоэффективен в отечественных условиях: слаб импорт против наших морозов, ветров, городских пылевых бурь, сырости, сквозняков и переменчивого русского солнышка. Покрывает лицо пленкой, не дает коже дышать и практически ее не питает. Не

зря же опытные косметички, опыт которых позволяет им оставаться независимыми от агрессивно осваивающих наш рынок зарубежных косметических фирм, предпочитают пользоваться средствами, приготовленными самостоятельно. Из того же ланолина, спермацета, оливкового или облепихового масла, согревающих кожу, тонизирующих ее, заставляющих расцвести румянцем щек. Иное дело — те же импортные кремы, но в условиях помещения со сто раз перегранным кондиционерами воздухом. Там они как раз кстати: увлажняют, не дают испаряться влаге. Только часто ли мы в такой среде пребываем?

Иронически относятся профессионалы и к рекламе "чисто" глицеринового мыла. Это полная глупость: из одного глицерина мыла не сделаешь. Даже самое что ни на есть глицериновое мыло должно содержать и щелочь, и жир (как известно, глицерин — многоатомный спирт). То же, что выдается за оное — красивое, прозрачное, изнутри светящееся цветом и дорогое, годится только в подарок — красивый и малополезный.

Такой же миф — преимущества мыла, содержащего бактерицидные добавки. Все в нем хорошо. Вот только постоянное его использование снижает защитные функции кожи. Или — показатель pH 5,5. Это — не хорошо и не плохо. Это — показатель нейтральной реакции, и все. Кстати, одно из постоянно проводимых в "мыльном мире" испытаний показало

недавно, что наше мыло "Детское" и является одним из самых-самых злейших врагов вредоносных микробов. И при этом — наиболее щадящим ко-жу.

Довольно высокий рейтинг имеют и зубные пасты "Невской косметики", особенно последние разработки типа "Жемчуг" с фтором. Хотя лучшей из семейства питерских паст была и остается "Лесная". Ее первой называют в качестве средства для профилактики заболеваний зубов и десен стоматологи. А неожиданный анти-гриппо-вирусный эффект, подтвержденный специалистами-экспертами, и вовсе вывел "Лесную" на особую позицию.

Семь раз проверь...

В Санкт-Петербурге кому-то, вероятно, еще памятен скандал: в одной из партий зубной пасты обнаружили превышение допустимой нормы содержания микроорганизмов. Мел, входящий в состав пасты, вроде бы подначал. Жертв, разумеется, не было. Однако шум в городской прессе был поднят такой, какого не случилось даже по поводу факта массовых отравлений сметаной производства одного из пригородных предприятий. Отчего бывает так сладок призыв "Агу"? И отчего следующие за ним нападки обычно бывают тем яростнее, чем менее тот призыв справедлив? Мне жаль нервов работников предприятия, затраченных, что называется, на пустом месте.

К качеству продукции относились на "Невской косметике" всегда придирчиво, теперь же — особенно. Даже в тех случаях, когда можно и не переживать особенно: когда все по ГОСТУ, все "как надо" — а крем выходит чуть жидковатым или шампунь, зная напасть, пенится не так, как от него ожидалось. (Вспомним рассказ о сменяющихся внезапно поставщиках, про долгий и кропотливый подбор компонентов, про "напризность" натурального сырья.) Наверное лучше других это могут понять кондитеры, у которых при изготовлении конфет или печенья такое случается: чуть что-то новое добавили, а уже вкус не тот.

Что же касается качества в его гигиеническом понимании, то оно контролируется достойнейшим образом. Поскольку, как мы уже говорили, состав каждого вида продукции строго определен, а поставщики обязательно имеют все необходимые сертификаты и лицензии, то и проблем особых не возникает. Единственное уязвимое звено — поведение собранных в единый букет компонентов. Чтобы исключить всякую вероятность какого-либо неожиданного эффекта от взаимодействия ингредиентов, готовое мыло, крем или любую другую продукцию везут в единственную в Санкт-Петербурге лабораторию, уполномоченную проводить подобные испытания — в НИИ травматологии и ортопедии им. Вредена. Там образцы проверяют на мышках: не будут ли провоцировать аллергические реакции? Если все благополучно

(в чаще всего это бывает именно так) — партию товара направляют в торговую сеть.

Когда речь заходит о контроле качества, на "Невской косметике", кажется, готовы в буквальном смысле не щадить живота своего. Так, сразу два свежесмешанных крема (лабораторные образцы) — один для загара, а другой для восстановления после него — лично генеральный директор АО "Невская косметика" Владимир Александрович Плесовских и его зам по маркетингу Винтор Николаевич Кононов испытали на себе прежде мышен. Сей научный и гражданский подвиг совершался под жгучими лучами на побережье Красного моря летом этого года. Начальственные носы и животы оказались защищены кремами собственного производства от агрессивного ультрафиолета не хуже, чем белоснежное белье девушек из рекламных роликов крылатыми прокладками "Always". Коллектив вздохнул с облегчением и приступил к доработке новой серии. Если все сложится благополучно, средства для загара очень скоро займут новую строку в перечне продукции.

И тогда прибавится работы дизайнерам рекламного агентства, разрабатывающим упаковку для всех мыл, кремов, шампуней и зубных паст "Невской косметики". Извините за банальность, но мало сделать качественный товар — надо, чтобы он еще и выглядел прилично. К счастью, на фирме не скупятся на изучение чужого опыта, на командировки, на по-

иски. Здесь четко представляют, как должна выглядеть их фирменная упаковка: чтобы красиво, чтобы "как в лучших домах". В стремлении к идеалу сменили не одно рекламное агентство — искали образ, ход, идею. Нашли. Подобрана "своя модель" — русская красавица, не хуже той, что рекламирует французское мыло "Камей". Обыграны старинные рецепты, родились новые названия, воскрешены прежние. Теперь все тюбики, коробочки и флакончики с маркой "Невской косметики" оформлены в едином стиле, они узнаваемы, привлекательны и, будучи уложенными на витрине в ряд, образуют нарядный пестрый островок.

С редкой международной выставки команда "Невской косметики" не привозит никаких наград. Так что перед "предками", также частенько привозившими почетные трофеи то из Парижа, то из Лондона, краснеть не приходится. И если бы сейчас, как встарь, было принято каждый факт общественного признания отмечать изображениями государственного герба (знак покровительства власти) или завоеванных медалей, весь фирменный упаковочный дизайн пришлось бы переделывать заново. По крайней мере, два раза в год.

Впрочем, покупателей-оптовиков у "Невской косметики" и без того хватает. Их ровно столько, сколько нужно для того, чтобы не думать о пресловутом завтрашнем дне — есть, есть пророк в родном Отечестве. Сегодня он зовется потребителем. ■

Виктор МАЛЫНЦУК

* * *

*Не поблекла память. Не померкла,
Давнее высвечивая зло.
Сколько вас, в кавычках политзеков,
В стыльную землю полегло!
Скольких вас тут находили пули,
Кулаки, заточки да ножи?
Скольких тут в бараний рог загнули.
Воркута, всю правду расскажи!
Воркута, тебе я буду братом.
Где б я ни был, ты во мне живешь.
Здесь отец томился в казематах,
Отвечая правдою за ложь.
Лагеря — как полигоны смерти.
Сколько судеб — в дымную трубу.
Вертанись ты, Берия Лаврентий,
Сорок тысяч раз в своем гробу!
Лагеря! Вы памятником стали
Вашим жертвам. Но — не палачам.
Ты гори огнем, товарищ Сталин.
Ты сердца неправдой накачал.
Воркута! Со мною навсегда ты,
Где бы ни ходил я по земле.
В сумраке отцовских казематов
Посветлей, порою, чем в Кремле.
Воркута! Я клятвы не нарушу,
Памятью суровой дорожа.
Снег полярный падает мне в душу,
Над отцовским лагерем кружа.*

Больница в северной глуши

*Метель вприсядку тут кружится.
Чуть вечер — двери на засов.
Стоит отшельница-больница
В селе среди северных лесов,
Стоит больница по-над склоном
Всегда зеленым, точно май.
Из всех достоинств — пес ученый:
Своих — пускай, чужих — облай.
Дырявы двери. В окнах стекла
Где есть, а где... Сойдет. Пустяк!
И кладбище неподалеку -
Болезнь кончается и так.
Хочу я, чтоб в больницу эту
Пришла комиссия одна:
"Смерть — отменить. Условий нету".
И смерть была б отменена!*

*"Иногда аскеты видят меньше, иногда больше,
чем обычные люди".*

Г.К.Честертон

Иван ЗЮЗЮКИН

Круг на площади

В свое время И.Ильф и Е.Петров в фельетоне "Саванарыло" остроумнейшим образом высмеяли тупость и ханжество бюрократов от искусства. (Одна фраза в нем чего стоит: "Поцелуйный звук для них страшнее разрыва снаряда".) Конечно, сатирики, наверное, не хотели сказать ничего плохого о

ДИ СИГЬОРИИ

знаменитом итальянском монахе Джироламо Савонароле (1452-1498 гг.) Но, спародировав его имя, они невольно причислили монаха к числу врагов и гонителей искусства. И что сатирики! В школьных учебниках и исторических трудах, написанных в то время, когда церковные деятели у нас скопом за-

носились в число отъявленных реакционеров, Савонарола предстает проповедником средневекового мракобесия и виновником уничтожения множества бесценных картин и скульптур того времени. Даже великий мудрец Гете плохо отзовется о монахе, назовет его "карикатурным, фантастическим чудовищем"... Да, с именем Савонаролы связано немало прискорбных эксцессов. Но чем они были вызваны? На самом ли деле он тянул людей назад, во мрак и варварство прошлого? И если он был карикатурой, то карикатурой — на кого, на что?..

Родители Джироламо, люди в Ферраре не самые богатые и влиятельные, но образованные и культурные, мечтают о том, чтобы их сын стал врачом. Понятное дело: они рассчитывают, что эта профессия обеспечит ему достаток и положение в обществе. Возможно, они также предполагают, что медицинские познания будут полезны самому Джироламо: он растет хрупким, болезненным, какой-то недуг точит его здоровье и в детские, и в юношеские годы...

На лице мальчика всегда написано выражение глубокой печали. В отличие от своих жизнерадостных, непоседливых сверстников, он любит тихое уединение, много читает, сам пишет стихи и сочиняет музыку, проникнутую, как и стихи, все той же непреходящей печалью.

Откуда она в нем берется, чем питается? Здесь следует сказать несколько слов о времени и городе, в котором он живет. Не в пример остальной Италии XV века, феодальными междоусобицами разодранной на мелкие и даже крохотные государства, правители которых беспрестанно воюют с соседями, а часто и с собственным народом, Феррара долгое время остается островком мира и гражданского согласия. Но вот и до нее докатывается губительный вал. В городе — и как раз в то время, когда наш герой находится в трудном переходном возрасте — происходит жестокая разборка между претендующими на лидерство кланами. Наконец один из них одерживает верх над остальными. И еще с улиц убраны не все трупы, еще не успевает высохнуть пролитая кровь, как в городе затевается отвратительная пирушка в честь победы. С той поры в этом городе, как уже и повсюду в Италии, царит произвол. Феррара становится олицетворением страшного, смутного времени: в центре города высятся замок, в просторных залах которого местная знать предается пьянству и разврату, в то время как в сырых темных подвалах палачи истязают и убивают ни в чем не повинных людей...

Видя, как некогда счастливая Феррара изо дня в день погружается в пучину зла, юный Джироламо еще сильнее уходит в себя. Говорят, именно в это время он встретит и полюбит девушку из знатной семьи, но будет ею грубо отвергнут. Возможно, полагают некоторые биографы Савонаролы, несчастная лю-

бовь предопределил его пессимистическое мироощущение, делает его характер резким и раздражительным. Но такое объяснение все-таки односторонне. Сердечная неудача могла ожесточить юношу, породить у него обиду и неприязнь ко всем женщинам. Он же — обидится на весь мир, считая его устроенным несправедливо и жестоко...

Однажды, во время очередной пирушки, в которой участвуют его родичи, юноша выходит за ворота Феррары и отправляется куда глаза глядят. А пред взором его — равнины и взгорья красивой, богатой, словно самим Богом созданной для райской жизни, но до слез несчастной страны Италии. Судьба подведет его к воротам монастыря, принадлежащего ордену доминиканцев. Монахи, выслушав юношу, примут его в свое братство. Нет, фра (брат) Джироламо вовсе не смотрит на монастырь как на крепость, из которой удобно и безопасно наблюдать страдания своей родины. Придет время, и он выступит за всеобщую справедливость и очищение людских душ. А пока, обосновавшись в монастырской келье, он пишет в Феррару письмо, прося у родных прощения за то, что своим внезапным бегством причинил им боль. "...Но поймите, что мои скорбь и горе при мысли о разлуке с вами были так велики, что я был уверен: расскажи я вам о своих намерениях, и во мне бы прежде разорвалось сердце, чем я решился бы оставить вас", — с присущей ему страстностью и искренностью объяснит он родным, почему покинул город тайно. Этот замкнутый, болезненный юноша наделен сильной волей, он обуреваем высокими — не побоимся этого слова — честолюбивыми помыслами: "...но я не раскаиваюсь в своем проступке, я бы поступил точно так же, если бы даже наперед знал, что впереди меня ждет участь выше участи Цезаря". Запомним эти его слова, читатель, — они являются примером поразительного самопророчества...

Доминиканцы довольны молодым феррарцем. Фра Джироламо свято блюдет монастырский устав. Он прекрасно знает священные книги, хорошо знаком с учением Аристотеля, Фомы Аквинского и других духовных светочей того времени. Самых больших похвал удостоивается за свои проповеди в местных церквях: прихожане слушают молодого монаха, затаив дыхание, и верят каждому его слову... И вот его, талантливое, усердного служителя Бога, способного далеко распространить влияние ордена, направляют во Флоренцию, где у доминиканцев есть свой монастырь, носящий имя святого Марка.

Надо заметить, что получить назначение во Флоренцию для священнослужителя в те времена — высокая честь и признак большого доверия. Этот город — особое место на земле. Уж на что Рим издавна считается столицей мира, но даже он в ту пору по сравнению с Флоренцией выглядит, как выразился один историк, "мрачной дырой". Да и от других европейских городов,

пока что больше похожих на мрачные крепости феодалов, чем на города, Флоренция заметно отличается. Благодаря своим просторным площадям и светлым улицам, великолепным, похожим на восточную сказку, дворцам с садами и фонтанами, множеству красивых, внушительного размера церквей (одна из них, Санта-Мария дель Фьоре, вмещает в себя до тридцати тысяч прихожан!), окруженная живописными холмами Тосканы, подпоясанная серебряным поясом полноводной реки, Флоренция кажется городом солнца и сбывшейся мечты... Несмотря на то, что и ее порой сотрясают внутренние раздоры, в ней процветают ремесла, город ведет оживленную торговлю чуть ли не со всем миром, здесь сосредотачиваются огромные богатства. Здесь, как нигде, умеют отдыхать и веселиться: флорентийские карнавалы длятся по нескольку дней, местные богачи, ублажая простолоудников, не скупятся на вина и закуски. Но все же главное достоинство Флоренции в другом: она является столицей Возрождения. В ней наравне с ремеслами расцветают литература, философия и искусство. Данте, Боккаччо, Микеланджело, Пико делла Мирандола, Боттичелли, Америго Веспуччи, Макиавелли — одни имена этих великих флорентийцев, можно надеяться, скажут читателю об этом городе больше, чем что-либо другое...

И еще об одном следует сказать особо: фра Джироламо прибывает во Флоренцию, когда ею правит Лоренцо Медичи. Хотя город формально считается республикой, он правит им как настоящий монарх. Но — монарх просвещенный. Крепко держа власть в своих руках, Лоренцо, человек умный и демократичный, позволяет спорить и даже возражать ему. Он не только, как и положено просвещенному монарху, дружит с поэтами и философами, но и сам пишет неплохие стихи, иногда, забыв обо всем на свете, увлеченно спорит на философские темы во время диспутов, которые устраивает в садах своих дворцов и на загородных виллах. Однако более всего Лоренцо (за что его и в глаза и за глаза называют Великолепным) славится как тонкий ценитель искусства и щедрый меценат. При нем и флорентийские карнавалы превращаются в праздник всех сословий.

Вот в этом-то граде благоденствия и веселья и начинает выступать со своими проповедями доминиканец Савонарола. И что же гордые флорентийцы слышат из уст монаха небольшого росточка, худощавого человека с большим орлиным носом и синими глазами, грозно сверкающими из-под низко надвинутого на лоб монашеского капюшона?

— Я вижу прелатов, не заботящихся о своей духовной пастве, но развращающих ее дурными примерами, — пронзительным голосом с плохо переносимым для слуха флорентийцев феррарским выговором вещает с кафедры Санта-Мария дель Фьоре угрюмый монах. — Священники разбрасывают дорогие церкви, проповедники проповедают пустое тщеславие, от-

цы и матери дурно воспитывают детей, князья давят народы, разжигая вражду и страсти, граждане и купцы думают только о наживе, женщины — о пустяках, крестьяне — о кражах, солдаты — о богохульствах... — Проповедник на мгновение умолкает. Но под сводами огромного купола мгновение воспринимается как вечность, леденящая душу и кровь, а сам маленький монах в трепетном зареве тысяч зажженных свечей кажется голиафом. — Я хотел бы молчать, но не могу. Слово Божие горит во мне неугасимым огнем, и если я ему не уступлю, оно сожжет мозг моих костей! — продолжает он проповедь, похожую одновременно на исповедь, и его неприятный голос теперь звучит как призывная труба архангела. — Да, я утверждаю, что князья Италии посланы ей в наказание. ("И Лоренцо — тоже?" — мысленно спрашивают самих себя прихожане, слушая Савонаролу.) Их дворцы — убежища диких зверей и земных чудовищ, то есть негодяев и развратников. Там обитают злые советники, изобретающие все новые и новые налоги, высасывая кровь из бедных людей, придворные философы и поэты, рассказывающие тысячи сказок, чтобы довести до богов генеалогию своих владык. ("А уж это точно — про нашего Великолепного!") Это действительно Вавилон, город безумцев и негодяев!

По признанию одного известного флорентийца той эпохи, у него волосы дыбом вставали, когда он слушал неистового феррарца. (И, надо полагать, не только у него.) Грозный монах не просто обличает людские пороки, он также пророчествует, открытым текстом говорит о скорой смерти Лоренцо, грядущих мятежах во Флоренции, нашествии чужеземцев на Италию, чуме. Есть от чего содрогнуться! Но самое главное в другом: фра Джироламо говорит вслух о том, о чем другие, пугливо оглядываясь, лишь шепчутся. Да, при Лоренцо Флоренция достигает зенита своей славы и могущества. Но зенита при нем достигает и разрыв между богатством знати и бедностью остальных людей. Да, во дворцах Великолепного устраиваются философские диспуты и поэтические вечера. Но там "золотая" флорентийская молодежь, составляющая свиту стареющего правителя, во главе с ним предается чревоугодию и утонченному блюду. Карнавалы иногда превращаются в непристойные оргии. (Как всякое историческое явление, Ренессанс имел свои плюсы и минусы. Его можно уподобить ликующей весне, когда одновременно с пробуждением и цветением природы льются мутные потоки половодья.) Впрочем, многие флорентийцы уже давно считают, что и двойная жизнь Лоренцо (его еще называют "деспотом в бархатных перчатках") и распущенность нравов — в порядке вещей. Но вот приходит новый пророк Савонарола — и некоторые граждане, в том числе богатые и образованные, начинают смотреть на град благоденствия и веселья как на вертеп греха и лицемерия.

Что интересно: в отличие от местных проповедников, известных мастеров красноречия, Савонарола говорит каким-то диким, рваным, лишенным блеска и остроумия языком. Но, в отличие от местных проповедников, он говорит лишь то, что думает, и это создает ему славу златоуста. Толпы людей осаждают двери храмов, чтобы послушать его проповедь. А по ее окончании к монаху (а как только фра Джироламо сходит с кафедры, он вновь становится маленьким, тщедушным с виду человеком) одновременно бросаются десятки людей, желающих тут же исповедаться ему в совершенных грехах и даже преступлениях. Бывают случаи, когда знатные дамы, словно бы прозрев во время проповеди, срывают с себя украшения и драгоценности и раздают их бедным прихожанам...

Дальновидный и осторожный Лоренцо прекрасно сознает, какую опасность для него и его клана представляет этот невесть откуда свалившийся на его голову грубиян из Феррары. Но что Великолепный, некоронованный король Флоренции, богатейший человек Европы, может поделаться? Он знает: монаха уже пытались убить. Но отчего-то у убийц, когда они заносят над ним кинжалы, отнимаются руки. Он что, святой? Но даже если его убьют, здраво рассуждает Лоренцо, что изменится? Вместо этого пророка придет другой, еще более страшный... Не без подсказки Медичи Савонаролу назначают приором (настоятелем) монастыря Сан-Марко. И что же? Феррарец ни на йоту не становится уступчивее и мягче. Создается впечатление, что он не знает никакого толка в жизни: его не интересуют ни слава, ни богатство, ни вино, ни женщины. Однажды правитель, надеясь на откровенный разговор с феррарцем, без свиты и охраны приходит в монастырский сад. Об этом тотчас докладывают приору. "Он звал меня?" — спросит Савонарола, на минуту оторвавшись от чтения священного писания. "Нет". "Тогда пусть гуляет", — равнодушно скажет приор и снова уткнется в книгу.

— Говорят, умирая, Лоренцо — как все-таки странно ведут себя люди перед смертью — захочет, чтобы причастие у него принял тот, кто столько попортил ему крови, отравил сладостных минут жизни — отец Савонарола. Может быть, Великолепный, этот блестящий итальянец, изнеженный баловень судьбы, пресыщенный духовными и телесными наслаждениями, захочет напоследок понять, что же движет вечно угрюмым, все и всех яростно обличающим монахом. Тщеславие? Мания величия? Зависть ко всем здоровым, полноценным людям? Феррарец вежливо — о, вблизи он не такой сердитый, как на кафедре, и культуры ему, кажется, не занимать! — выслушает покаянную исповедь Лоренцо. Но прежде, чем отпустить ему грехи, коротко посоветует умирающему правителю завещать городу все нечестно приобретенные богатства. Лоренцо обидится. Он и его семейство мало сделали? Не Медичи ли помогли церкви, в том

числе и монастырю Сан-Марко? Не на деньгах ли Медичи, как на дрожжах, взошли величайшие гении Италии? Лоренцо повернется спиной к черствому монаху и умрет без причастия...

Еще больше, чем светским государям, Савонарола попортит крови князьям католической церкви. Говоря о Вавилоне, "городе безумцев и негодяев", он, конечно, в первую очередь имеет в виду Рим и находящийся в нем святой престол. Таков печальный парадокс истории, но именно в папском дворце аморализм и вседозволенность в ту эпоху перейдут все мыслимые границы.

— Ступайте в Рим! — уже не прибегая к аллегориям, призывает свою паству Савонарола. — Вместо христианства там прелаты предаются поэзии и красноречию. С внешней стороны она прекрасна, эта церковь, с ее украшениями и позолотой, с блестящими церемониями, роскошными облачениями, с золотыми и серебряными дароносицами, — задолго до Лютера и других реформаторов церкви подметит доминиканец тягу римских иерархов к роскоши и мишуре. И напомним: — Но в первоначальной церкви дароносицы были деревянными. Это праздники ада празднуют прелаты теперь, они не верят в Бога и издеваются над его таинствами... О, Рим! Готовься, твоя казнь будет ужасна, — словно уже видя перед собой картины смерти и разрушения, монах прикрывает лицо руками. — Италия, ты больна, больна тяжким недугом, и ты, Рим, болен смертельной болезнью. О, Италия! Казни пойдут за казнями, бич войны сменится бичом голода, бич чумы дополнится бичом войны. У вас не хватит живых, чтобы похоронить мертвых...

Еще никогда за всю историю католической церкви ни один человек (и добро бы язычник или мусульманин, а то — христианин, монах из ордена доминиканцев, одной из опор папского престола!) не подвергал духовных владык такой хуле. Но Савонарола знает, о чем говорит. Жажда власти и богатства толкает иных иерархов на подкуп и убийства, за что они впоследствии будут осуждены историей и самой церковью.

Но Савонарола не был бы самим собой, если бы обрушивал свой гнев лишь на верхушку церкви. Нет, он не щадит и тех рядовых священнослужителей, которые, презрев стыд и позора свой сан, предаются порокам. "О вы, попы и монахи, — пищет один из единомышленников приора Сан-Марко, а их у Савонаролы год от года становится все больше. — Когда вы сквернословите, богохульствуете, когда требуете вина, карт, блудниц, вы хотите заставить нас поверить, что, слушая вас... мы внемлем Богу?!" У себя, в монастыре, приор устанавливает железную дисциплину: монахи (во главе с ним) денно и нощно молятся, работают в поте лица своего, малейшее нарушение монашеского обета карается изгнанием послушника. Логично было бы предположить, что монахи, пусть втихомолку, ненавидят сво-

его неумолимо строгого, педантичного приора. Но вот приходит роковой для него день, и все они стоят за него горой, дерутся как львы.

С наследником Великолепного Петром Медичи, Савонарола обходится еще круче: добивается его изгнания из Флоренции. При этом он опирается на помощь французского короля Карла VIII, вторгшегося (по просьбе одного крупного итальянского феодала) в эту раздробленную страну с огромным войском. Да, патриотические чувства для нашего героя мало что значат по сравнению с его мечтой установить во Флоренции "божью республику". В ней, истово верит он, все будут равны перед законом, все станут блюсти евангельские заповеди, все смогут управлять делами города. "Откажитесь от роскоши и тщеславия, — взывает он к богачам и аристократам, — продайте излишние вещи и деньги раздайте бедным. Если этого окажется мало, позвольте положить руку на сосуды и украшения церквей. Я сделаю это первым".

Когда французы, основательно пограбив дворцы Медичи, уйдут из Флоренции, ее духовным владыкой станет Савонарола. Он предложит, а избранные демократическим путем Большой совет и Совет восьмидесяти одобряют введение новых налогов на имущество богачей, создание ссудных касс для бедных и т.д. И все же главным своим долгом Савонарола считает нравственное очищение людей. Из жизни Флоренции почти напрочь исчезают светские праздники. Прежние шумные карнавалы и театральные действия на площадях заменяются религиозными шествиями с церковными песнопениями. Как бы сказали сегодня, с подачи отца Савонаролы на площади Синьории начинают пылать костры: в них монахи и другие восторженные поклонники приора с криками проклятий бросают в огонь роскошные одежды, отнятые у аристократов, предметы роскоши местных куртизанок, безнравственные книги (к ним будет причислен и бессмертный "Декамерон" Бокаччо), порочные картины и непристойные скульптуры. По улицам города шествуют "стражи нравов" — отряды подростков и юношей, истово верящих в Бога. Они останавливают прохожих, с их точки зрения, одетых нескромно, женщин легкого поведения, праздных гуляк, советуют им чаще молиться, а в образе жизни во всем брать пример с преподобного отца Савонаролы. У себя дома "стражи нравов" тоже не упускают случая наставить на истинный путь своих родителей, а когда те отказываются их слушать, жалуются приору, зная, что тот найдет время и обязательно поговорит по душам с "непослушными" родителями...

Между тем дела в "божьей республике" складываются не очень хорошо. В городе не с кого взимать налоги и не хватает работы — многие богачи, купцы, хозяева мастерских бегут из города. Крестьяне плодородной Тосканы все реже привозят на го-

родские рынки продукты питания, боясь, что товар у них возмрут, а деньги, за неимением таковых, не заплатят. В городе появляется все больше недовольных всякого рода запретами и ограничениями. Несмотря ни на что, флорентийцы, в том числе и неимущие, хотят хоть иногда повеселиться от души, хоть изредка есть и пить, что называется, от пуза. ("Как странно, что самая непопулярная доктрина та, что признает божественной простую жизнь!" — пишет по этому поводу цитируемый в начале очерка английский писатель и историк Г.К.Честертон, автор эссе о Савонароле, проникнутого симпатией к доминиканцу и его "божьей республике".) В "стражей нравов" начинают бросать камнями. И кто же это делает? Такие же, как они, подростки и юноши, которым надоели заунывные песнопения и жизнь без игр и забав. Про самого отца Савонаролу распространяются слухи, один хуже другого. Например, что ретивый монах на самом деле слуга сатаны и все его слова и дела — от лукавого. В одном из советов города принимается решение: проверить, к какому полу принадлежит преподобный на самом деле...

И действительно, проверят и установят, что он все-таки мужчина. Но это произойдет позже, а сначала враги Савонаролы, зная, что монах — гордый и бесстрашный человек, потребуют, чтобы он прошел сквозь огонь и тем самым доказал, что не знается с нечистой силой. И вот на площади Синьории, плотно оцепленной солдатами, раскладываются костры. Раскладываются так, что человека, оказавшегося среди них, пламя охватит сразу со всех сторон, и шансов выйти из огня у него — один на тысячу... Отец Савонарола и еще двое монахов (один доминиканец, другой — францисканец) согласны пройти эту процедуру "очищения огнем", хотя сам приор считает ее не стоящей внимания. Ведь он, как и все люди, смертен, а значит, лишь это и подтвердится, если он не выйдет из огня живым... Когда над площадью взвиваются столбы пламени и едкого дыма, Савонарола, готовясь к испытанию, осеняет себя крестным знаменем и молится за всех людей. Но что-то не видать монаха-францисканца. (Как выяснится потом, у него просто-напросто сдадут нервы.) А без него, есть опасение у организаторов "очищения огнем", люди не признают результаты проверки истинными. И, кроме того, откуда ни возьмись, на Флоренцию налетает туча и проливает на город бурный грозовой дождь, от чего костры, злобно пошипев, гаснут, а вся площадь Синьории тонет в белом дыму...

Когда костры еще только разжигали, у многих собравшихся на глазах стояли слезы. Но что их вызвало? Страх и жалость к Савонароле? А, может, слезы вызвал едкий дым? Увы, во Флоренции все больше людей, которые считают, что во всех их бедах (в том числе и в навесившей город чуме) повинен чертов феррарец. Опасный он человек: что ни предсказывает, то сбывается! Не лучше ли избавиться от такого?..

Таким переменам в настроении флорентийцев радуются в Ватикане. Из Рима в город прибывает посланник папы Александра IV Борджиа (пожалуй, самой темной фигуры в истории папства), он требует от старейшин Большого совета: "Монах должен умереть, будь он даже вторым Иоанном Крестителем!". Чтобы старейшин ничто не смущало, папа отлучает Савонаролу от церкви как еретика, хотя тот за всю жизнь не усомнился ни в одном догмате христианства. Но феррарца не испугать! Он посылает папе письмо и предупреждает, что вступает с ним в борьбу и жизнь свою положит, чтобы низложить его. Тогда враги приора, следуя правилу "куй железо, пока оно горячо", вооружают несколько сот граждан и начинают штурм монастыря, где по их уверениям, засел злейший враг Флоренции. Монахи Сан-Марко, стоя на стенах монастыря, дерутся врукопашную, но их ряды редеют: кулаками против оружия многого не сделаешь. И вот, чтобы остановить кровопролитие, приор добровольно выходит из ворот и один, без охраны, идет в Синьорию — за справедливостью. Но там о ней имеют своеобразное представление: монаха заковывают в железо и препровождают в тюрьму.

Так заканчивается попытка Джироламо Савонаролы через пятнадцать столетий после распятия Иисуса Христа воплотить на деле все его светлые заветы...

Судьба нашего героя, как, может, ничья из числа великих фигур прошлого, наглядно подтверждает мудрость всем известного выражения: наши достоинства — продолжение наших недостатков... Наверное, Савонарола мог бы остаться в памяти человечества как пламенный и бесстрашный проповедник правды и добра — всего лишь. Но он с юных лет, не страшась трагической участи Цезаря, горит нетерпением побыстрее переделать людей и жизнь в лучшую сторону. Когда же переходит от слов к делу (забыв при этом старую как мир истину: "Каждому — свое!"), он, наделенный от природы великими достоинствами, начинает совершать великие и непоправимые ошибки.

Нет, он не рвется к власти, как в этом обвиняли его при жизни и после смерти. Когда ему предложат стать вместо Петра Медичи правителем Флоренции, он твердо откажется, сказав: "Дожем этого города может быть только Иисус Христос". Его резиденцией и домом до конца останется монастырь. Но, возмев над людьми власть духовную, обладая смутными, если не сказать, детски наивными представлениями о равенстве, государственных делах и хозяйственных проблемах большого города, он направляет свою неистовую энергию главным образом на нравственное преобразование людей, которым при пустом желудке, будем откровенны, просто не до того...

Это неправда, будто Савонарола заведомо ненавидит искусство и впадает в слепую ярость скопца, увидев на картине жен-

щину с глубоким вырезом на платье. Если он и в ярости, то потому, что хорошо осведомлен: многие художники и скульпторы, вскормленные щедрым Лоренцо, сами по себе очень талантливые и даже гениальные, изображая Богородицу и других святых женщин христианства, часто использовали в качестве моделей любовниц Великолепного и наиболее красивых проституток Флоренции. И все же, считая это святотатством, он велит сжигать лишь те картины, на которых, к примеру, Богородица предстает с полностью обнаженной грудью. Да и другое следует принять во внимание: стоически нося на себе клеймо ханжи и ретрограда, он дружит и пользуется уважением философа-гуманиста Пико делла Мирандола, молодого Микеланджело, несравненного мастера кисти Боттичелли и других титанов Возрождения. Но, предавая огню греховные, с его точки зрения, картины и книги, он словно бы не ведает, что сила — не лучший аргумент в споре за истину, что художники и писатели, в конце концов, изображают то, что есть в жизни.

Вряд ли Савонарола лично руководил деятельностью отрядов "стражей нравов": как неформальному лидеру Флоренции и приору монастыря ему просто недосуг этим заниматься. Но не приходится сомневаться: он на их стороне. Вот так добрый по своей сути человек и, как свидетельствуют близко знавшие его люди, преклоняющийся перед детьми, верящий, что именно они, чистые и непорочные, спасут мир (хотя во все времена среди них можно встретить еще более испорченных, чем иные взрослые), Савонарола сам того не заметит, как любезные его сердцу "стражи нравов" начнут своими действиями нарушать святую заповедь христианства: чти отца своего...

Не забудем также, что и наши недостатки — суть продолжение наших достоинств. Да, суровый монах слывет человеком, который ко всему относится чересчур серьезно и начисто лишен чувства юмора. Наверное, он таким и был на самом деле. Что ж, фанатики, а Савонарола, несомненно, был одним из них, не способны смотреть на себя со стороны. В этом их слабость, но в этом и их сила. Ведь то и дело сомневаясь в правоте своих слов и глядя на все (как это, к примеру, умел его антипод Лоренцо) с известной долей цинизма, Савонарола не стал бы, пусть на время, кумиром Флоренции, изрядно разуверившейся в христианских идеалах, он не смог бы, не имея ни денег, ни войска, сокрушить могущество клана Медичи и восстановить республиканский строй в городе-государстве.

Да, как все люди, одержимые какой-то идеей, Савонарола часто нетерпим к мнениям других, не умеет прощать человеческие слабости. Но даже самый последний негодяй Флоренции знает, что душа приора чиста, как у голубя, что для себя он не берет ни полшки и не подвержен тайным порокам, каким предавались тогда и предаются поныне иные моралисты. Это верно: заботясь о справедливости и благе бедных, он намеренно

возбуждает их гнев, можно даже сказать, науськивает их на сильных и богатых мира сего. Но, одержав с их помощью победу над Медичи, он первым призывает горожан остановить братоубийственную гражданскую войну и вносит в советы города предложение амнистировать сторонников прежних порядков, разрешить им вернуться с миром домой...

Не станем тешить себя иллюзией, будто то, что сегодня в отношении Савонаролы очевидно, не было для многих очевидным в то время. Что человек не во всем властен над собой, знали уже древние. Что ж, тем тяжелее вина и ответственность тех, кто, зная это, расправился с монахом точно с закоренелым преступником.

Его четыре раза вздергивали на дыбу. И все четыре раза монах просит остановить пытку и начинает признаваться чуть ли не во всех смертных грехах. Хуже всего то, что свои признания он делает в присутствии свидетелей, среди которых есть и такие, что все еще верят ему. Что же им теперь думать о нем? Выходит, феррарец обманывал их, был всего-навсего лжепророком? К несчастью, среди его сторонников из числа монахов отыщется предатель. Он возведет на Савонаролу клевету, заявив, что тот мечтал о папском престоле. Ах, вот почему, догадываются свидетели, которым очень хочется, чтобы это было правдой, он так напал на Рим!..

Что еще возмущает его судей и свидетелей, так это то, что монах, едва придя в себя, начинает отрекаться от своих показаний. Видимо, им невдомек, что этот изможденный человек совершенно не в состоянии переносить физические муки и идет на все, чтобы, получив маленькую передышку, опять начать эту страшную игру с палачами.

Его приговорят к смертной казни через повешение с последующим сожжением. Приговорят вкупе с двумя монахами. Один из них — фра Доменико, верный ученик и друг приора. А другой — тот самый, что оговорил своего учителя. Его тоже решат казнить. На всякий случай. По заведенному в те времена обычаю смертникам перед казнью дадут "обед палача" — более обильный, чем обычно. Затем предоставят возможность выразить "последнюю волю". Фра Доменико, обращаясь к братьям-доминиканцам, попросит их сохранить все, что написано отцом Савонаролой. Это и есть его последняя воля. Сам же Савонарола, глядя куда-то вверх дворцов и соборов Флоренции, промолчит: за свои сорок шесть лет он сказал людям все и, может, даже больше, чем нужно было. Перед тем, как повести его к помосту с виселицей, палачи сорвут с него сутану, и он закричит на всю площадь от боли: его одежда, пропитавшись кровью, пристала к ранам. (Вот и цена его будто бы добровольных признаний.) Епископ, которому папа римский поручил присутствовать на казни, кончиком ножа окропит феррарца водой, но

сделает это с нарушением ритуала. И верный себе до конца монах сделает ему по этому поводу строгое замечание.

Когда его, переодетого в тряпье, подведут к виселице, из толпы, собравшейся посмотреть на казнь ее бывшего кумира, раздадутся подзадоривающие крики:

— Сотвори же чудо, пророк!

— Скажи что-нибудь напоследок!

И на этот раз Савонарола промолчит, лишь с присущей ему неизбывной печалью посмотрит на тех, кого собирался сделать счастливыми. Но, говорят, когда он уже будет повешен и в огне перегорят веревки, которыми его опутали перед казнью, он, уже мертвый, весь в копоти, вдруг погрозит толпе освобожденной от пут рукой.

Люди останутся недовольными исходом казни. Они ожидали чуда, но чуда не произошло. Иные, уходя с площади, с досадой бросали камни в обгорелые трупы казненных. (Видимо, от всеобщей любви до всеобщей ненависти, как и от великого до смешного, тоже всего лишь один шаг.) Вскоре площадь Синьории опустеет, но над ней еще долго будут висеть клубы черного дыма. А, может, это были клубы Божьего гнева...

Но нет, не все флорентийцы одобряют казнь Савонаролы. Есть свидетельство, что Боттичелли назовет ее несправедливой, а самого монаха отнесет к числу невинно пострадавших людей. Великий Микеланджело, в молодости слушавший проповеди феррарца, по мнению знатоков живописи, вложит его могучую страсть в гениальные образы библейских пророков, когда будет расписывать фресками Сикстинскую капеллу, а на одном из плафонов изобразит самого Савонаролу. В последующие века монаха, за редкими исключениями, вроде Г.К.Честертона, чаще всего осуждали и при упоминании его имени в кругах интеллигенции обычно недовольно хмурились. Но вот недавно — и автор счастлив сообщить читателям, что это событие совпало по времени с завершением работы над очерком — в газетах появилось сообщение о том, что в связи с пятисотлетием со дня казни Савонаролы папа римский реабилитировал его и отнес к числу великомучеников. Вот так: Александр IV Борджиа велел казнить, а Иоани Павел II вернул Савонароле доброе имя.

Тем, кто посещает Флоренцию, гиды показывают круг, выбитый в брусчатке площади Синьории. На этом самом месте, поясняют они, был казнен Савонарола. Что ж, можно по-разному воспринимать сей незамысловатый символ. В том числе и так: на этом самом месте человечество расписалось в том, что когда-то оно имело привычку убивать тех своих сыновей, кто пусть не всегда умело, но желали ему счастья и добра... ■

Любовь

ПОПОВА

Михаил ЛЕБЕДЯНСКИЙ,
доктор искусствоведения

Есть художники, которые всем своим существом устремлены к новому, к экспериментам, к обновлению изобразительного языка. Таких мастеров не устраивает, а даже, наоборот, угнетает их волю следование устоявшимся традициям, канонам, мнениям. Их цель — быть в постоянных творческих поисках, участвовать в разрушении шаблонов, в обретении свежих и неповторимых образов искусства.

В русском театре XX века таким новатором был, например, Всеволод Мейерхольд; в архитектуре — Константин Мельников; в живописи — Владимир Татлин и Казимир Малевич. Среди них была и Любовь Попова (1889-1924). Знаменитый скульптор Вера Мухина в своих воспоминаниях писала о Любви Сергеевне Поповой: "Л.С. была высока ростом, хорошо сложена, чудесные глаза, пышные волосы. При всей ее женственности у нее была невероятная острота восприятия жизни и искусства".

Почти тридцать лет назад мне довелось быть в доме известного искусствоведа, профессора МГУ Д.В.Сарабьянова, где на стенах комнат и в коридоре висели абстрактные картины, написанные Поповой. Тогда первая встреча с живописью Л.Поповой никак не затронула меня. Чуть позже, в середине 70-х, мне показалось интересным высказывание Поповой, приведенное в каталоге 10-й Государственной выставки "Беспредметное творчество и супрематизм", открытой в 1919 году в Москве: "Изображение реального — художественно не деформированного и не трансформированного — не может быть предметом живописи. Целью настоящей живописи являются образы "живописных", а не "изобразительных" ценностей". Это суждение Поповой и по содержанию, и по своей краткости, и по решительности звучало веско и убедительно.

Затем, когда в нашей стране творчество Мейерхольда вышло из-под запрета и о его постановках стали повсеместно говорить и писать, оказалось, что для одного из самых знаменитых его спектаклей "Великодушный рогоносец" оформление и эскизы костю-

ВА

мов создала Л. Попова и по праву поделила со знаменитым режиссером успех этой постановки. Художница такого разнообразного дарования уже не могла не привлечь к себе и к своему творчеству самого пристального внимания.

Читатели, интересующиеся изобразительным искусством, могли заметить, что среди художников подавляющее большинство составляют мужчины. И это, может быть, происходит потому, что сам по себе труд создателей изобразительного искусства — их картины, скульптуры, декоративно-прикладное творчество — связан подчас с работой долгой, сложной, порой просто грязной. Такой труд, естественно, не под силу многим женщинам, да и круг их повседневных обязанностей, не менее трудных и напряженных, не оставляет им времени и возможностей заниматься изобразительным искусством.

Поэтому особенно интересно, что в начале XX века в России появляется целое созвездие женщин-художниц, ставших известными не только у нас в стране, но и получивших признание в истории европейского искусства. Большинство этих художниц было связано с русским авангардом. Они принимали активное участие в таких выставках, как "0,10", "Трамвай В", "Магазин", а затем, уже после революции, проявили себя в самых различных видах творчества: от живописи и скульптуры до театральной декорации, росписей тканей и фарфора, создания новых видов и моделей одежды.

Любовь Попова последовательно прошла стадии увлечения кубизмом, футуризмом, кубофутуризмом, супрематизмом, беспредметным искусством, конструктивизмом. Ее короткая жизнь прошла в период зарождения, развития и взлета русского авангарда. Она испытала не только суровые упреки критики, безапелляционно обращенные ко всему "левому" искусству и к его мастерам. Она при жизни испытала подлинный успех и признание, правда, в первую очередь, в области театрально-декоративного искусства, а не в живописи.

Жизнь Л. Поповой можно представить как классический пример судьбы талантливого русского человека, прожившего короткий век (она умерла тридцати пяти лет от рождения), но сумевшего раскрыть свои способности и дарования. Ее жизнь совпала с переломными годами истории, отмеченными первой мировой войной и революциями 17-го года. Ее творческие успехи в послеоктябрьский период, прославившие ее имя, пришлись и на самые тяжелые годы личной судьбы, когда она, как и все, жила впроголодь, работала ради скудного пайка, потеряла мужа, умершего от тифа, сама переболела тифом и умерла через пять лет от скарлатины, которая за два дня до ее смерти унесла жизнь ее пятилетнего сына. Все было в этой короткой жизни — и все она перенесла с достоинством и мужеством.

Л.С. Попова родилась в имени Красновидово под Москвой в состоятельной купеческой семье владельцев мануфактурного производства. Ничто не мешало развитию ее дарования. После окончания гимназии училась в частных студиях, сначала у Ю. Жуковского, затем у К. Юона и И. Дудина. Самостоятельно объездила старинные русские города: Псков, Новгород, Ростов Великий, Ярославль, Суздаль, Юрьев-Польский. Русская иконопись и древнерусская архитектура найдут свое отражение в ее творчестве, но не так, как это можно видеть, например, на картинах А. Лентулова этого времени, а косвенно, как образцы высокого духовного напряжения, колористического совершенства и разнообразных конструктивных форм.

Когда Л. Попова в 1919 году писала, что "целью настоящей живописи являются образы "живописных", а не "изобразительных" ценностей", то в этих словах, звучит решительный протест против того, чтобы картины художника иллюзорно воспроизводили увиденное, и такое же страстное убеждение, что на картине надо создавать свой собственный пластический мир. Только тогда картина становится предметом подлинного искусства.

Иногда кажется, что такое суждение идет вразрез с традициями русской живописи, однако, если взглянуть на историю древнерусского искусства, видно, как сложно и многообразно было наше искусство, которое создавалось по канонам и при подлинном подвизничестве, отнюдь не связанном только с передачей реальных образов увиденного в жизни.

И если с этой точки зрения взглянуть на творчество русских художников-авангардистов начала XX столетия, то окажется, что очень многое, что им удалось сделать, можно рассматривать не только как изолированный факт в истории нашего искусства, но и как плодотворный опыт, который имеет под собой животворящую почву древних традиций отечественного искусства.

Л. Попова с удовольствием и страстью окунулась в авангардные течения современной живописи. Почему она увлеклась авангардным искусством? Почему, имея творческие влечения и художественные способности, не пошла по традиционному пути: под-

ПРОЗ

ОДЕЖЬ

ДА

АКТ
ЕРА

НО

5

Летопись 1921

Продолжение статьи №5. 1921

готовка к поступлению в Академию художеств или в Московское Училище живописи, ваяния и зодчества, длительная учеба, диплом и творческая деятельность, как, например, это было у А.Остроумовой-Лебедевой? Ведь у Л.Поповой были для этого и материальные средства, и другие возможности.

Однозначно ответить на этот вопрос трудно. Может быть, у Л.Поповой рано пробудилось увлечение новыми возможностями и новым художественным языком, более отвечающим ее пониманию современности и окружающего мира. Может быть, сыграло свою роль и ее нежелание идти проторенным, академическим путем в искусстве. А может быть, на ее формирование как художницы оказали влияние друзья и единомышленники? Рядом с ней всегда были люди своеобразные, энергичные, талантливые. В школе К.Юона она подружилась с Л.Прудковской, сестрой художницы Н.Удальцовой, с А.Весниным и с В.Мухиной. Она была дружна с А.Экстер, которая, приезжая в Москву из Киева, особенно во время работы в Камерном театре, останавливалась в доме Л.Поповой. В 1921-1922 годах они одновременно были профессорами ВХУТЕМАСа, преподавая студентам основы цветоведения и композиции пространства. Конечно, эксперименты В.Татлина и К.Малевича тоже сильнейшим образом отразятся на творчестве Л.Поповой. Вместе с ними она будет участвовать в выставках. Но она не будет подавлена их энергией и их влиянием, а найдет свой собственный путь и художественный язык.

Свое художественное образование она отшлифует во Франции и в Италии, а знакомство с кубизмом и футуризмом получит из первоисточников на месте рождения этих художественных направлений. В Париже, куда она поедет со своей верной гувернанткой А.Р.Дегэ, Попова учится у А.Ле Фоконье, А.Сегонзака и Ж.Метценже, одного из авторов книги "Кубизм", известной в России и раскритикованной Г.В.Плехановым. Учеба в частных студиях, а затем продолжение занятий в студии "La Palette" в Париже в 1912-1913 годах составили основу ее художественного образования. В Москве, до отъезда во Францию, она посещает галерею С.Щукина. В это время складывается круг ее друзей и близких знакомых. В 1914 году она вместе с В.Мухиной и И.Бурмейстер путешествует по Италии.

К этому времени относятся ее картины, в которых особенно сильно чувствуется влияние кубизма и футуризма: "Этюд натурщицы", "Композиция с фигурами" (1913), "Итальянский натюрморт", "Часы" (1914), "Портрет философа", "Скрипка" (1915). На этих картинах видно, как с увлечением Л.Попова осваивает не только приемы, но и образы искусства таких всемирно известных французских художников, как П.Пикассо и Ж.Брак.

Попова была хорошо и разносторонне образованна. Ее брат Павел Сергеевич Попов занимался философией. Был ли "Портрет философа" его портретом, трудно сказать, да это и не столь важно. Интересно, что этот кубофутуристический портрет соединил в се-

бе многие увлечения и искания Поповой тех лет. Хотя все изображение дробится на отдельные части, среди которых ясно читается и изразец печи, и абрис черного цилиндра, и кисть руки, выступающая из-под белого манжета сорочки, и какие-то другие детали, ассоциирующиеся с конкретными предметами, — весь портрет состоит из четко прописанных геометрических объемов, в которые введены буквенные и цифровые сочетания. Можно вообразить себе, что таким образом передан не столько внешний, сколько внутренний мир философа, который мыслит и представляет себе окружающий мир разложенным на четкие формулы, подчинения и соподчинения взаимозависимых явлений и упорядоченных законами логики событий.

Попова в 1916-1917 годах была в числе членов группы "Супремус", организованной К. Малевичем. Она сделала эскизы к эмблеме общества "Супремус", но сами основы живописи супрематизма она восприняла достаточно избирательно. Точная, геометрическая, отчасти сухая и строгая, супрематическая живопись К. Малевича позволила Поповой поверить "алгеброй" свою живописную гармонию, твердо очертить квадраты и ромбы, наслаивая их друг на друга, как это делал Малевич. Но она никогда не уходила в супрематизм "с головой", всегда сохраняя красочную и объемную структуру своих картин. Попова была ближе к В. Татлину, а Татлин и Малевич мало контактировали друг с другом, часто взаимно противопоставляя свои творческие устремления и достижения.

В. Мухина в своих воспоминаниях так пишет о творческом складе характера Л. Поповой: "Она первая начала раскрывать мне сущность искусства... научила смотреть на цвет, на отношения цветов в русской иконе, например. Ее трогало все новое. Она любила высказываться по поводу произведений искусства... Юон, художник установившейся формации, не давал ответа на запросы внутреннего художественного порядка. А вопросов было много".

Особенность творчества Л. Поповой заключалась в том, что она не останавливалась на вопросах, а стремилась давать и давала своим искусством ответы, цельные и завершенные. Кубизм и футуризм были ею пройдены. Специфически русское художественное явление — кубофутуризм — сделал Л. Попову одной из ключевых фигур русского авангарда. Она решительно отказалась от всякой изобразительности и литературного сюжета в своих картинах, считая их родовыми признаками отжившего уже искусства. Чистый цвет, сопряжения линий и объемов, отмеченные сильными цветовыми контрастами, живописная фактура холста, отдаленно ассоциирующаяся с поверхностью фанеры, жести, дерева, железа, подчеркнутая плоскость ее композиций составили основные черты ее живописи послереволюционной поры.

"Живописная архитектоника" — так называлась серия ее крупноформатных холстов 1916-1918 гг., продемонстрировавших ответ Л. Поповой на многие вопросы и проблемы, вставшие перед

первооткрывателями беспредметного искусства. В этой ее живописи присутствует сила и мощь сложившегося мастера, который не только комбинирует и сопрягает по собственной программе цветные плоскости на поверхности холста, но который менее всего хочет философствовать, а создает новые композиционные живописные пространства для создателей будущего общества и будущего мира. Ее художественный язык можно обозначить фразой В.Маяковского: "Над реями рея". Так независимо, своеобразно и просторно, как Л.Попова, в то время в русской живописи говорили немногие.

Вершиной достижений Л.Поповой в станковой живописи можно считать ее цикл картин: "Живописные архитектурники". Их известно свыше сорока холстов и созданы они были художницей в самый пик революционных бурь в России. В какой-то мере они своеобразно отразили эти глубокие общественно-политические перемены. "Живописные архитектурники" Л.Поповой можно рассматривать и как один из путей революционных преобразований в станковой живописи.

В своем творческом кредо "О живописи", опубликованном в 1919 году в каталоге 10-й Государственной выставки "Беспредметное творчество и супрематизм" Л.Попова со знаком плюс упоминает все, что она принимает в искусстве, а со знаком минус все, что она отвергает. Отвергает Попова "не живопись, а изображение действительности: а) иллюзионизм; б) литературность; в) эмоции; г) узнавание". А со знаком плюс она пишет: "архитектоника: а) живописное пространство (кубизм); б) линия; в) цвет (супре-

матизм); г) энергетика (футуризм); д) фактура”.

Из этих тезисов ясно, что Попова решительно отказывается от всяких вариантов реалистической живописи и утверждает беспредметное искусство, почти архитектурно составленное и основанное на принципах кубизма, супрематизма, футуризма и с подчеркнуто линейной и фактурной живописью. “Живописные архитектурники” были реальным, видимым, практическим подтверждением ее принципов.

Тяготение художественного мышления Л.Поповой к архитектуре в какой-то мере определило и ее творческую близость и плодотворное сотрудничество с одним из основателей конструктивизма в русской архитектуре Александром Весниным. Он был младшим братом в содружестве трех архитекторов — братьев Весниных. Все они были волжанами, выходцами из купеческого рода, как и Л.Попова.

Сохранился карандашный портрет А.Веснина, сделанный Л.Поповой в 1911 году, хранящийся теперь в фондах Государственной Третьяковской галереи. Сходные творческие увлечения новейшими течениями авангардного искусства привели Л.Попову и А.Веснина в студию Владимира Татлина. Рисунки Татлина, его “угловые контррельефы”, энергия его художественных исканий повлияли и на Л.Попову, и на А.Веснина. Однако они шли своим путем, и вскоре А.Веснин ушел из мастерской “Евграфовича”, как он называл, по отчеству, Татлина.

Л.Попова, всегда стремившаяся быть в кругу единомышленников, организовала свою мастерскую в доме на Новинском бульваре, где собирались В.Татлин, А.Веснин, А.Грищенко, Н.Удальцова, искусствовед Б.Виппер, богослов Павел Флоренский, историк архитектуры и древнерусского искусства, будущий муж Л.Поповой Борис фон Эдинг, и другие талантливые и известные впоследствии художники, философы, искусствоведы.

После революции Л.Попова принимает самое активное участие во многих общественных начинаниях: она и член Отдела ИЗО Наркомпроса, профессор ВХУТЕМАСа, где преподавала дисциплину “Цвет”, член коллектива Института художественной культуры (ИНХУК), была одним из организаторов Музея живописной культуры, преподавала курс “Анализ элементов материального

Портрет. 1911

рисунка" в театральных мастерских В. Мейерхольда. Несмотря на такую общественную активность, жизнь была нелегкой, и она мужественно переносила все жизненные тяготы тех лет.

Особенно трудным, даже трагическим, был для нее 1919 год. От этого времени до нас фактически не дошло ни одной ее картины. В ноябре 1918 года у нее родился сын, и она полностью была поглощена заботами о нем. Летом 1919 года она с мужем уезжает на юг, в Ростов-на-Дону, где Б. фон Эдинг умирает от тифа. Она тоже переболела сыпным и брюшным тифом, получила порок сердца и в тяжелом состоянии вернулась в Москву, сопровождаемая своей няней и гувернанткой А. Дегэ. Только в 1920 году она смогла вновь вернуться к творческой деятельности.

К 1920-1921 годам относится большая серия картин, написанных, как правило, на фанере, и рисунков, исполненных на коричневом картоне и на бумаге, объединенных названием "Пространственно-силовые построения". По своему характеру и композиционным приемам эти работы существенно отличаются от "Живописных архитектурных".

В это время Л. Попова активно участвует в создании нового художественного стиля — конструктивизма. Кубизм предложил художникам представить видимый мир в простых объемных геометрических формах в виде куба, цилиндра, шара. Конструктивисты стремились представить структурные каркасы видимых предметов, передающиеся на живописной поверхности или бумаге с помощью различных линий, проведенных прямо, параллельно, по окружности или дугами, напряженных в местах своих пересечений с помощью неожиданных сочетаний и введения в межлинейные пространства цвета — черного, белого, красного, синего, желтого, вплоть до присыпок металлическим порошком.

В сентябре 1921 года в Москве открылась выставка живописи "5 x 5 = 25". Расшифровываются эти цифры довольно просто: пять художников выставили по пять своих картин, в итоге вся выставка состояла из двадцати пяти произведений. Пятью мастерами на этой выставке были: Варет (В. Степанова), А. Веснин, Л. Попова, А. Родченко, А. Экстер. Эскиз афиши выставки сделал А. Веснин, а эскиз обложки машинописного каталога сделала В. Степанова. Все представленные на этой выставке картины были беспредметными композициями, а Родченко представил из пяти работ три холста, один из которых покрашен красным, другой — синим, третий — желтым цветом.

Идеями конструктивизма в то время были увлечены многие художники. А если принять во внимание разруху, оставленную повсеместно в России после гражданской войны, и необходимость нового строительства и возрождения, то станет понятна та общественная атмосфера, в которой складывалась теория конструктивизма. Наиболее полно и ярко она проявила себя в архитектуре, но и в других областях творчества конструктивизм прямо или косвенно заявил о себе.

Сервов. 1915

В. Мейерхольд посетил выставку "5 x 5 = 25". Л. Попова сотрудничала с ним, преподавала в Государственных Высших режиссерских мастерских (впоследствии — Государственный институт театрального искусства), которыми руководил Мейерхольд. Размышления Мейерхольда в это время о дальнейших путях развития "Театрального Октября", как он сам определил свою художественную позицию, совпали с теми творческими устремлениями, которыми была увлечена и Любовь Попова. Выставка "5 x 5 = 25" в какой-то мере стала для Мейерхольда дополнительным стимулом в утверждении принципов театрального конструктивизма и биомеханики, придуманной и теоретически обоснованной им системы игры актера на сцене.

В том же 1921 году, когда и была открыта выставка "5 x 5 = 25", Мейерхольд писал: "Будущий театр сложится из элементов физической культуры, радости, простоты, солнечности, отваги и порывов к всеобщему братскому всемирному единению". А в 1922 году он утверждал: "Всякая театральная сущность" нового театра должна возбуждать в зрителях "радость нового бытия". Л. Попова разделяла эти взгляды Мейерхольда.

Особенно ярко это проявилось в их совместной экспериментальной, как подчеркивал Мейерхольд, работе над постановкой комедии-фарса Ф. Кроммелинка "Великодушный рогоносец". Премьера этого спектакля 25 апреля 1922 года прошла с ошеломляющим успехом, равного которому, как вспоминал впоследствии исполнитель одной из главных ролей Игорь Ильинский, не было даже в его актерской биографии, богатой победами.

За два месяца до премьеры "Великодушного рогоносца" состоялась премьера "Принцессы Турандот" в Вахтанговской студии. Праздничный, искрометный спектакль разбудил послевоенную театральную Москву. После суровых тягот и лишений особенно живо воспринималось желание художников сделать искусство темпераментным, радостным, веселым. Это почувствовали и Вахтангов, и Мейерхольд. В создании такого искусства с полной отдачей участвовала и Любовь Попова.

Художница, соавтор Мейерхольда в этой постановке, поняла экспериментальный замысел режиссера. Мейерхольд решил представить театральное зрелище, полностью свободное от всех условностей и атрибутов старого театра: без кулис, занавеса, задника, костюмов, грима, без всей театрально-декорационной бутафории прошлых лет. Да, надо признать, что и денег на подобную театральную роскошь в то время ни у кого и не было: эстетические установки совпали с материальными возможностями.

На сцене художнику надо было создать такое устройство, чтобы оно выявляло все возможности актерской игры, основанной на физических и пластических способностях человеческого тела. Молодые актеры должны были передать всю незамысловатую, даже "пошлую", по мнению А. В. Луначарского, фабулу пьесы, не столько текстом, сколько стремительным ритмом движений, доходящих до эксцентрики, буффонады и клоунады.

В своем решении Попова использовала станки и конструкции, на которых крепилось и монтировалось все декоративное оформление сцены. Только она этот подсобный материал сделала основой своего проекта. Проект понравился и был утвержден Мейерхольдом. Но здесь надо сказать, что Попова не только выдвинула на первый план в спектакле эти, раньше скрытые декорациями, конструкции. Она думала и об образном представлении места действия пьесы, поэтому и некоторыми элементами своих конструкций дала представление зрителю и об образе крыльев ветряной мельницы, и об образе колес мельницы водяной, поскольку главный герой спектакля Брюно, которого играл Игорь

Портрет философа. 1915

Ильинский, был мельником, а все действие происходило на мельнице.

В центре сцены, абсолютно чистой и свободной, стояло два станка, один выше другого, соединенных между собой помостом. На станки вели две лестницы, а верхний станок имел еще прикрепленную к нему сбоку балку, на которой был большой четырехлопастной пропеллер, напоминающий крылья ветряной мельницы.

За станками, на балочных конструкциях, размещались три, разного диаметра, колеса, окрашенные белым, черным и красным цветом, напоминавшие колеса водяной мельницы. В зависимости от реплик и движений актеров, спокойных или очень темпераментных, и пропеллер, и колеса вращались или врозь, попеременно, или все разом, усиливая динамическое напряжение разыгрываемых актерами сцен.

Отвлекаясь от служебного назначения установки Поповой для игры актеров и рассматривая ее чисто эстетически, мы видим организацию пространства по новым художественным критериям: это мир машинерии, где энергичный человек труда движется в разумно и целесообразно организованном пространстве, завоевывая свое место не только на земле, но и устремляясь в поднебесье, в космос, в будущее, о котором так много и так страстно говорили люди, начавшие строить мир равенства, братства и свободы. Попова впервые зрительно представила конструктивистский облик нового мира. Поэтому так восторженно было встречено то, что она сделала. Своей конструкцией Любовь Попова обогнала время. Ее работа воспринималась открытием, шагом в будущее.

Особую известность получила и созданная по ее эскизам "прозодежда актера" для этого спектакля. Свои эскизы "прозодежды" Л. Попова создавала в 1921 году. Сама идея производственной одежды для актеров, а не стильных, в соответствии с эпохой и местом действия пьесы, костюмов была, по всей вероятности, задумана Мейерхольдом.

Костюм актера в этой спектакле должна была составить практически единая по цвету и крою, малозаметная и малопривлекательная для зрителя, скромная одежда, близкая по своему назначению к спортивному костюму, только приспособленная не для занятий спортом, а для занятий актерским искусством. Попова создала такую одежду, Мейерхольд принял ее эскизы. Когда актеры в "прозодежде" разыграли спектакль "Великодушный рогоносец", то это стало событием не только в русском, но и в западноевропейском театре.

В день премьеры Попова смотрела на свою установку с балкона. Актеры, одетые в "прозодежду", по существу, в одинаковые, одноцветные костюмы, не мешали воспринимать конструкцию в том виде, как она была сделана, и темпераментно исполняли свои роли. Сама Попова, когда увидела свою конструкцию, освещенную лучами мощных морских прожекторов, установленных Мейерхольдом в боковых ложах, пережила, по ее собственным словам, самый счастливый день в своей жизни.

После премьеры у Поповой возникли неприятности в среде ее единомышленников — конструктивистов. Они осудили ее в товарищеском, творческом суде за то, что она позволила себе те принципы конструктивизма, которые они коллективно вырабатывали, представить не на экспериментальной выставке, в узком кругу специалистов, а вынести на подмостки сцены, перед самой широ-

Л
Е
Т
О

1924

кой публикой. Попова оправдывалась и говорила своим товарищам, что свое имя на афише она поставила после большой внутренней борьбы и колебаний и только в самый последний момент накануне премьеры. Вот такие были в то время моральные отношения в среде творческих единомышленников.

Подчинившись коллективному решению художников-конструктивистов об отказе заниматься станковой живописью, Любовь Попова взялась за создание эскизов рисунков для тканей и конструирование моделей одежды. Ее творческий темперамент и художественный вкус, ее талант живописца, создателя беспредметных композиций, проявились и в этих видах творческой деятельности.

Выдумка и фантазия были свойственны росписям тканей, сделанных Л. Поповой для ситценабивной фабрики. Энергичное чувство цвета и ритма повторяющихся узоров, будь то квадраты, круги, разнообразные сочетания различных по длине и толщине полос, проведенных на рисунках и параллельно друг другу, и в форме ромбов, пирамид, прямоугольников, которые неожиданно сопоставляются и соединяются друг с другом, — были свойственны творчеству художницы.

Если сейчас попробовать создать расцветку тканей по эскизам Л. Поповой, то эти ткани смотрелись бы вполне современно и, может быть, в какой-то мере могли подсказать модельерам и конструкцию самой одежды, созданную из этих тканей.

Любовь Сергеевна Попова умерла 25 мая 1924 года. Ее смерть была ранней, трагической и потрясла ее друзей. В газете "Вечерняя Москва" обсуждался вопрос, как хоронить Попову: по православному обряду, как хотели ее родственники, или по-советски, как хотели, например, А. Родченко, В. Степанова, В. Маяковский, Н. Асеев, поскольку ее имя ассоциировалось с достижениями молодого советского искусства. Друзья, в их числе А. Веснин и художественный критик И. Аксенов, составили каталог ее работ и приняли участие в организации посмертной выставки.

Через несколько лет после кончины имя и искусство первого художника-конструктора были прочно забыты. В систему нарождающегося социалистического реализма Попова не вписывалась, а была, наоборот, по терминологии тех лет, самым настоящим "формалистом".

А этот ярлык был тогда почти ругательным. С формализмом активно боролись и в 30-е, и в 40-е, и в 50-е и даже в 70-е годы. Поэтому обретение общественного признания искусства Любони Сергеевны Поповой надолго задержалось и пришлось только на конец 80-х годов. В Третьяковской галерее состоялась персональная выставка художницы, вышел в свет посвященный ее жизни альбом. Сегодня искусство Поповой существует для нас как ощущение молодости, свежести художественных поисков, своего неповторимого пути в творчестве. ■

Андрей ШАЦКОВ

Декабрь в Ленинграде

*Над пропастью Нового Года
Невольню стихают шаги.
По стеклам сечет непогода,
Хватают за полу долги.
Сверлит пустоту полустанка,
Гремя про былые дела,
Состава консервная банка —
Не "Красная" и не "Стрела".
Стрела Петропавловки шпиля
Осталась в декабрьском сне,
Где белые хлопья кружили,
И дыбился конь Фальконе.
Где шепот взволнованный женский
Ожег поцелуями рот,
Где тенью стоял Оболенский
В каре взбунтовавшихся рот.
Литья антикварного прутья
Из голой брусчатки растут.
Наверное, Гришка Распутин
Когда-то прохаживал тут.
И пахла навозом и квасом
Застылых веков старина,
И страшного судного часа
Ждала в полудреме страна.
От пропасти Нового Года
невольню попячусь назад,
Что там обещает погода?
Неужто зимою гроза?!
Неужто ни в снах, ни в подпیتی
Забвенья не встречу нигде?..
И чудится айсбергом Питер
На масляной невской воде.*

Какое лето отстояло

*Какое лето отстояло!
Какая осень отгорела!
Вот-вот снега, как одеяло,
Падут. И станет белым-бело.
И станет память, словно заметь,
И павшая потом пороша.
И ничего нельзя исправить,
Итоги прошлого тревожа.
Я разгадал твои загадки,
Я разрешил свои вопросы...
Осенних волн стальные складки*

*Домают берега откосы.
И будет пепел над кострами,
Да первый лед в овале следа,
И воск свечи, что в древнем храме
Растаял в жаркий полдень лета.
И серп моста над перекатом.
Колодца рубленного чаша,
А в нем вода, незримым ядом
Отравлена, как встреча наша.
И никнут ветви краснотала.
И рвутся в небо сосен стрелы...
Какое лето отстояло!
Какая осень отгорела!*

Михаил ЗНАДВОРОВ

Старый художник

*Тяжелой громадою валится стол
на спинку железной кровати.
Ему бы сейчас для почину грамм сто —
все будет тогда в аккурате.
За окнами снега на тысячу лет,
подрамник белеет, как платице,
и память ненужная, как инструмент,
на углях сознания плавится.
Ему говорили, что вечного нет,
а если в театр, то пожалуйста...
Он женщины той незабываемый портрет
все пишет — с любовью и жалостью.
Он в сумерках примет стаканчик "сучка"
и долго натуженно перхает.
Потертые плечи его пиджака
посыпаны пеплом и перхотью.*

** * **
*В нежной лепке лица —
ощущенье земного причала.
Неизбежность конца —
это тоже возможность начала.
Над болотами дней,
светосмыслами высветив выси,
редкой цепью огней
пролетают, проносятся мысли.
Это, веки смежив,
про себя ты мотив повторяешь...
Недоверчива жизнь,
и разгадки ее ты не знаешь.
Между светом и тьмой*

так зыбка и неверна граница.
Чтоб остаться собой,
надо кончиться иль измениться.
Не разжать мертвых губ,
не спасти от татарского плена...
Дом — как выжженный сруб,
словно венчик, кровавая пена.
И свинцово вода
отливает в зацветших каналах,
это будет всегда:
горький дым, груды листьев в канавах.
Медный Всадник, как встарь,
бездыханно над площадью замер.
Если пуст Твой алтарь,
значит, время кончается... Амен!

Иван Грозный

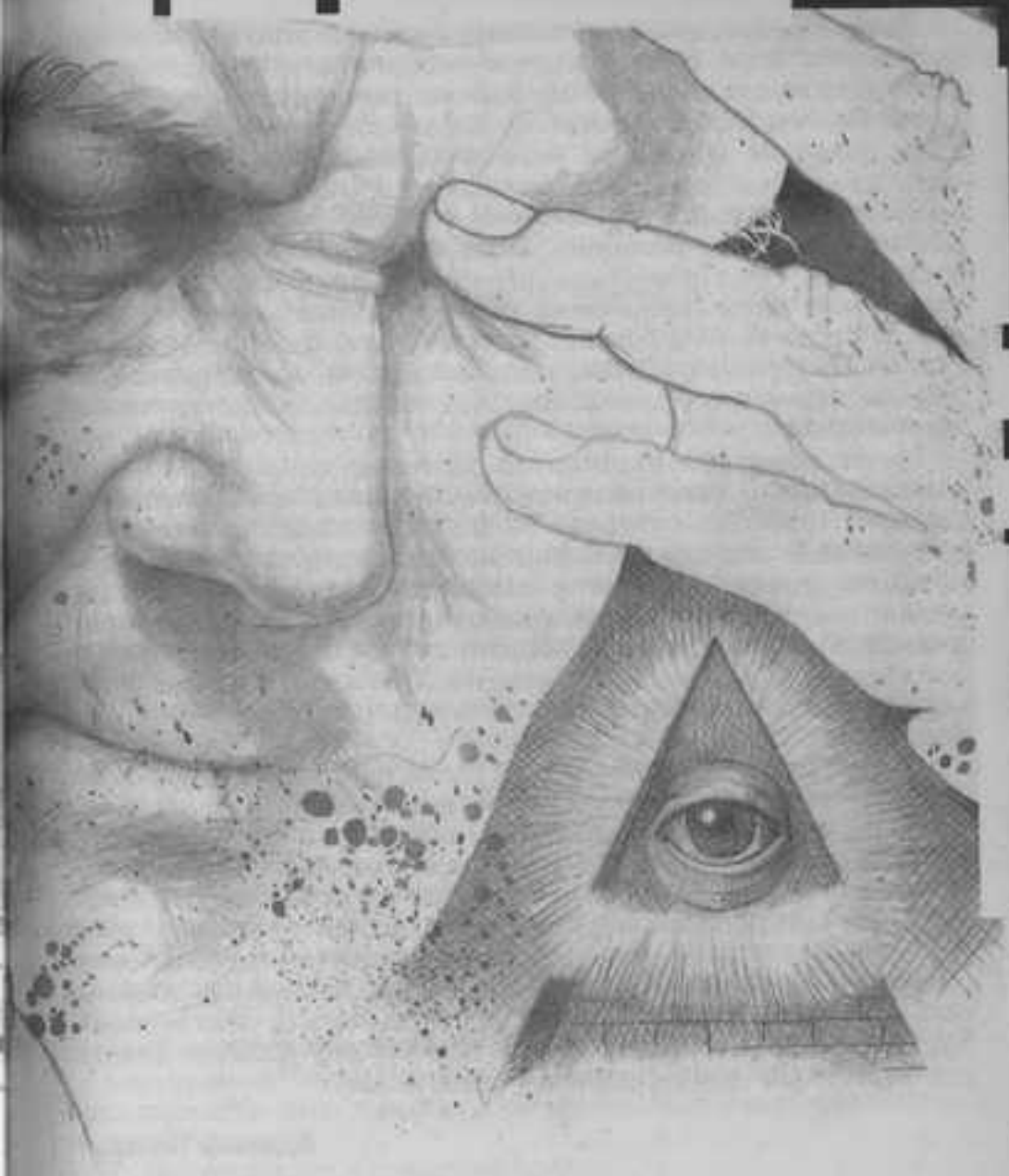
Все ушло... Есть только этот вечер,
душный, как перина на пуху.
Три литые восковые свечки
у иконы Спаса наверху.
Есть старик, от боли одичавший...
В горле сжат, зубами стиснут звук.
Первенец его, как лист опавший,
валится из помертвелых рук.
Есть глаза, набухшие от муки
влагою невыплаканных слез,
и в охвате беспощадном руки
прядь ласкают слипшихся волос.
Бог не спас — так чем отец поможет?!
Кровь из раны хлещет — не унять.
Разве что на мягкое положит...
"Мягко стелешь — жестко будет спать".
Что Москва, и жизнь моя, и слава,
если нету сына моего?
И убийца на ковре кровавом
стиснул в пальцах голову его.

И это снится мне, и это — все не ты,
не ты, которая истлела.
Душа, лишенная мечты,
приобретает форму тела,
которое свернулось, как клубок,
и хочет спрятаться в утробу,
в пещеру вечную, в заветный уголок,
где печь горит и тлеет уголек,
превозмогая тьму и злобу.

Схождение

Андрей МОЛЧАНОВ

**BO
A
B**

"Если нам суждено быть победенными в этой войне, наше поражение будет окончательным. Наши враги провозгласили свои цели таким образом, что у нас не остается никаких иллюзий относительно их намерений. Евреи, русские большевики и тьма шаналов, идущих за ними и таянющих у их ног — ни один из них, мы знаем это, не сложит оружия до тех пор, пока они не разрушат и не уничтожат нацистскую Германию, превратив ее в груды развалин. В этом страшном конфликте, в этой войне, где столкнулись две такие непримиримые и несовместимые силы, неизбежно полное разрушение одной или другой стороны. Это борьба, которая должна вестись обеими сторонами до полного обоюдного истощения, и с нашей стороны, мы знаем, что будем воевать до победы или до последней капли крови.

Какой совет можно дать, что порекомендовать выжившим и сохранившим свои незапятнанные души и непоколебимые сердца? Разбитые, оставленные в одиночестве, поглощенные собственным спасением, живущие как сторожа во мраке ночи немцы должны приложить максимальные усилия, чтобы неуносительно блюсти те расовые законы, которые мы для них выработали. В мире, который становится все более и более извращенным в результате воздействия еврейского вируса, народ, выработавший иммунитет против этого вируса, в конечном итоге оказывается наверху.

Второй заботой послевоенной Германии должна стать идея сохранения нерасторжимой связи всех германских народов. Только когда мы объединимся, мы можем полностью выявить свой потенциал. Пруссани при Бисмарке первыми собрали германцев в один Рейх, тем самым дав им возможность показать, что они первые люди в Европе. Я сам, объединив их в Третий Рейх, указал им путь, как стать архитекторами новой Европы. Что бы ни было уготовано в будущем, немцы должны помнить: крайне важно, чтобы они избавились от всех элементов, вносящих в их среду разногласия, и они должны делать все возможное для укрепления их единства.

Адольф Гитлер*

"Запомните одно: в этой войне не может быть никаких компромиссов. Может быть только победа или поражение. И если немецкий народ не сможет вырвать победы у врага, то он будет уничтожен."

Я никогда не забуду слов, которыми Гитлер закончил: "Да, тогда он заслужит уничтожение, потому что лучшие люди Германии погибли на войне. Конец Германии будет унасным, и немецкий народ заслужит его".

* Журнальный вариант

Мне казалось, что посреди комнаты стоит умалишенный, и все нити, которые еще связывали меня с этим человеком, в этот момент оборвались: он хотел приговорить к смерти самое дорогое для него — свой народ. Он нандал его уничтожения ради удовлетворения собственной злобы."

Из воспоминаний **Вальтера Шелленберга**, бригаденфюрера СС, начальника 6-го отдела РХСА.

Фридрих Краузе

Пасмурное берлинское небо. В этом марте оно было по-октябрьски низким и мглистым, словно предвещало унылую сырую зиму, а не скорое лето, должное, согласно прогнозам, выдаться на редкость жарким.

Даже чрезмерно жарким... Краузе усмехнулся — растерянно и горько. Да, лето будет горячей порой — особенно здесь, в столице Рейха, — от бомбежек и артиллерийского огня, если, конечно, враг не войдет в Берлин уже в апреле-мае. И просто не верится, что остались какие-то недели до появления на этих улицах русских солдат, до даты великого крушения... Крушения несостоявшейся империи арийцев.

Что же будет? Как жить, а вернее, выживать, сначала попросту ища спасения, а после — зачиная продуманное долгое возрождение?..

Внезапно его пробрала дрожь, и он замер прямо посередине улицы, уцепив ворот шинели судорожно сведенными пальцами.

Все как бы качнулось и поплыло перед глазами: серо-черные колонны Рейхстага, Бранденбургские ворота, аккуратный ряд машин с хромированными облицовками радиаторов у входа в канцелярию фюрера, красные стяги с упрямой, будто готовой к решительному повороту свастикой, недвижимые фигуры охраны СС...

— Штандартенфюрер? Вам нездоровится?

Серебряный череп на черном бархате околыша фуражки, мальчишеское лицо в россыпи веснушек, выжидательно-почтительный взгляд...

— Все в порядке, унтершарфюрер.

Перед ним стоял один из офицеров внешней охраны бункера.

Чисто механическим усилием воли Краузе как бы переместил образ его туда, в темень будущего... Этот уцелеет, этому еще жить.

— Все в порядке, — повторил он, доброжелательно кивнув младшему по званию, и пошел к своей машине. Устраиваясь на холодной коже заднего сиденья, еще раз обернулся в сторону рейхсканцелярии.

Да, это финал, подумалось отрешенно, как о чем-то давнем и пережитом. Он — Фридрих Краузе — в числе проигравших без

какой-либо надежды на реванш. Он попросту участник общей агонии, погибающая частица великой идеи, мусор истории, уже сметаемый ею в никуда, в безвестие. Обреченный жрец... Может, с такими же мыслями ощущали близкую катастрофу и жрецы Атлантиды, и видения грядущего тоже вставали перед ними, как внезапно разверзающиеся пропасти, повергая дух в цепенящее отчаяние?

Атлантида. Уж он-то знал: она была. Как и Лемурия, чьей частью Атлантида являлась, как и таинственный остров Туле, погибший в арктических водах, хотя... погибший ли? Или существующий доныне, сохраненный высшими силами в ином пространстве, а под студеные волны ушла всего лишь часть земной суши?

Краузе равнодушно смотрел на развалины города, проносящиеся в оконце. Да, он — жрец, да, ему выпало испытание, ему дан жесточайший урок, и урок этот — унижение и разгром Германии, однако все впереди, и будущее — за ним, облеченным знанием, прошедшим через страдание и горнило высшего опыта. И путь его указан ему извне, и знание дано не напрасно, равно как и дар ясновидения. Там, в неведомых соседних мирах, он, конечно, расценивается как ученик, но, одновременно, и как избранный, однако осознание себя избранным — не повод для самовозвеличения и эйфории, а жесткое руководство к действию. Действием же явится проникновение в те миры, что словно тончайшие капилляры питают его сознание мыслью, надеждой, уверенностью и смыслом. Он очутится там, благо ключи к великим вратам, ведущим туда, в руках его. А затем вернется обратно, наделенный могуществом и бессмертием, дабы начать иную игру — выверенную и тонкую. Об этом бредит сейчас неудавшийся кандидат в повелители мира — деградант, промотавший все, дарованное ему: идею, власть и даже физическое здоровье. Он был слишком упоен собою, этот Адольф. Чересчур эмоционален. И гнетуще прямолинеен. Он почитал себя посланцем высшего разума, носителем великой идеи, и в чем-то был прав, однако впоследствии отождествил себя с силой, стоящей над ним, не понимая, что пенка и игрок — категории разные, общее у них лишь одно: процесс игры. Он шел на поводу чувств и интуиции, когда событиями должна была управлять логика, причем не его, а логика профессионалов. Он честно назвал врагами всех, кто был ими, а далеко не всем надо было объявлять о том, кем они для него являлись.

Он не оставил даже и тени надежды славянам, а ведь мог бы взять их во временные союзники, мог! И вот эти озлобленные азиато-славяне идут сюда. Как победители. Виновником в глазах освобожденного от фашизма человечества предстанет безумец-Гитлер — он, и только он. Намеки на обозначение фюрера как сумасшедшего уже прослеживаются и в восточной, и в западной прессе, и пусть версия такого рода пошла в своей незамысловатости, однако ею, как удобным широким щитом, прикрывается то многое, что не предназначено для глаз простых смертных. А он, Гит-

дер, да и Сталин, впрочем, знают, у кого в мире самый сильный и проворный капитал, и кто владелец идеологического наркотика, в том числе коммунистического. А уж сами заправила Запада слепо и безоговорочно подчинены тем суфлерам, по чьей подсказке играют свои хорошо оплачиваемые роли. А потому, если и будет суд, то тщательно срежиссированный и скорый, а для знающих подоплеку как суда, так и событий, суду предшествовавших, будет выбор: примкнуть к победителям и помалкивать, события прошлого не комментируя, или же обречь себя на верную, скорее всего, гибель.

А что же он, Краузе? Ему ведь тоже придется затаиться до поры, посвятив себя последним разгадкам тибетских тайн из древних манускриптов, и каждая тайна — ключ к невидимой двери, ведущей в те миры, куда обычному смертному хода нет. И когда отыщется последний необходимый ключ, тогда, возможно, он получит все: вечную молодость, власть...

Невольно вспомнился фюрер: согбенный, со смертной тоской в немигающем больном взоре вопросительно и с надеждой устремленных на него, Краузе, глаз. Дай, как бы говорил этот взгляд, дай мне оружие и силу, дай...

Нет. Он не даст фюреру ничего. Пусть питается радужными перспективами, что рисуют ему каждодневно придворные астрологи — лукавые и трусливые, а он, истинно посвященный, тоже, как и астрологи, попросту будет тянуть время, занимаясь личным спасением, а не реанимацией трупа.

Обреченный Адольф... Ты ведь не знаешь основы основ: смысла своей миссии в нынешней инкарнации. Не знаешь, что одна и та же сила выпестовала как тебя, так и главного твоего противника. И сила эта, сатаной именуемая, столкнула вас, всего лишь попробовав: кто окажется наиболее годным для задачи будущего, задачи Пришествия. Впрочем, кто знает планы Князя мира сего? Да и состоится ли такое Пришествие?

Реалии же дня нынешнего означают одно: безусловный крах фюрера. Он, Краузе, намекнул сегодня вождю: дескать, шанс все-таки есть... Он умышленно солгал, сказав, будто бы говорил с силами, и что фюреру необходимо вступить с ними в контакт, после чего, вероятно, пойти на последний и крайний шаг — на *договор*...

О, они прекрасно понимали, о чем идет речь, — два черных мага, но понимали каждый по-разному... Ему, Краузе, тайному мистическому советнику вождя, было превосходно известно, что пути сообщения с существами иных планов во власти патрона, но инфернальные иерархии разнятся в своих возможностях, а помочь фюреру ныне в состоянии лишь кто-то весьма могущественный...

Поможет ли? Вряд ли. Но вдруг? Это "вдруг" Краузе устраивало. Однако реальным представляется иной, нелучший исход... Договор — шаг отчаяния. С другой стороны, это тот же деловой контракт. Услуга, оказываемая за определенную плату. А ее,

плату, адские легионы требуют непременно. И — наперед. Платой же, как правило, является жертва. Фюрер утверждает, что потери никогда не бывают слишком большими, ибо сеют семена будущего величия. Так, по крайней мере, он заявил маршалу фон Ратенау. А значит, жертвам не будет числа. Уже сейчас предпринимается уничтожать свои города, фабрики, мосты, уже сейчас истребляются люди, причем, даже близкие фюреру люди, и кто знает, не войдет ли в их число штандартенфюрер Фридрих Краузе? Но дело даже не в этом. Фюрер уже не перспективен в нынешней своей инкарнации. Он — отработанный материал, что не состоялся ни в политике, ни в воинской стратегии и тактике, ни, наконец, в том, что составляло стержень его как личности — в мистике.

— Роланд, — внезапно спросил Краузе водителя, — слышишь меня?

— Да, штандартенфюрер...

— У меня вопрос.

— Да-да...

— Ты знаешь, почему Христа называют Спасителем?

— Своей смертью... он как бы спас человечество...

— И все?

— Вроде бы...

— Спас от чего?

— Ну, сформулировал заповеди, кажется. Я вообще-то не поп, штандартенфюрер.

Краузе хохотнул.

— И тебе даже неинтересно, Роланд?

— Мне? Почему? Вы всегда рассказываете удивительные вещи, почище, чем в любых университетах!

— Тогда слушай. Миссия Христа очень конкретна. Как при жизни его, так и после смерти. После смерти он сошел в ад.

— Как?..

— Ну так. Довольно банальный факт. Он сошел в ад, чтобы дать томлящимся там грешникам возможность выхода в высшие миры. Миры просветления и гармонии. До его сошествия они данной возможности были лишены. Он как бы прорубил окна...

— Хм, — откликнулся водитель неопределенно.

А Краузе подумал:

“Бряд ли я стал бы просвещать тебя в таком плане, дружок, если бы все шло к победе, а не к поражению... Ведь фюрер мыслил поместить на всех церквях, соборах и часовнях вместо крестов свастику, на алтари возложить “Майн Кампф”, слева от них — шпаги, ну а священников заменить офицерами СС. Вначале фюрер, конечно, заигрывал с попами, вынуждала ситуация, ну а после отбросил дипломатию напрочь... Как он сказал в сорок третьем? “Вы думаете, Ватикан смущает меня? Этот сброд... Да я пойду прямо на Ватикан!” И насчет протестантов неплохо сказал: мол, кто они такие? — незначительные людишки, покорные как

собаки, потеющие от смущения, когда вы разговариваете с ним..."

Краузе вновь взглянул на шофера.

Этот паренек возил его уже около года. Шарфюрер. Исполнительный, аккуратный и безотказный. Механический человек. Водитель, адъютант и секретарь в одном лице.

— Прибыли, штандартенфюрер!

— Спасибо, Роланд.

Машина стояла у института Маятника.

И.С.В.И. "М"

Строго секретно

Штандартенфюреру ОС Ф.Краузе

Рапорт

Из известного Вам источника "Лемур", по линии связи английского сектора 8-го отдела РКСА, пришла информация, суть которой сводится к следующему:

1. Согласно личному распоряжению У.Черчилля от 08.09.1940 г. об использовании в вооруженных силах Великобритании квалифицированных астрологов и магов, проводился тщательный отбор кандидатов среди данного контингента лиц, привлекавшихся к работе как непосредственно в военных ведомствах, так и в секретных службах.

2. Ответственным работником по интересующей Вас тематике в составе британской разведки является привлеченный туда Луи де Войль — по национальности венгр, лицо с правом проживания в Англии.

3. Согласно полученным сведениям, основная задача указанного лица заключается в установлении им астрологических прогнозов д-ра Крафта, близкого к высшему руководителю Рейха. Как следует из высказываний де Войля, методика д-ра Крафта ему известна. Оповещения вызывает и факт связи де Войля с румынским министром В.Тилес, ныне проживающим в Лондоне и также осведомленным о ряде занятий д-ра Крафта.

4. Приостановка операции "Морской Лев", чьим итогом является оккупация нашими войсками территории Великобритании, объясняется тактическими мероприятиями, проводимыми военно-морским ведомством противника в Гемпшире. Как следует из анализа стратегической обстановки, высадка германского десанта на территорию Англии не сопряжена с оказанием силами противника сколь-нибудь существенного сопротивления, тем более, нами преодолена "Линия Мажино" с ее основными защитными укреплениями и взяты под безраздельный контроль все порты Франции.

Группа лиц женского пола, имеющая кодовое название "гемпширские ведьмы", насколько известно, осуществляет регулярную групповую медитацию, направленную на создание известного импульса, трансформируемого нашим высшему руководителю.

Ритуалы осуществляются на берегу пролива.

По непроверенным данным, во время ритуалов имели место добровольные жертвоприношения, связанные с отказом некоторых участников принять защитные меры от холода, что, согласно уставкам, в значительной мере усиливает магический эффект действия.

Гано фон Томль, унтерштурмфюрер СС

Фридрих Краузе

...Он захлопнул дверцу "хорьха" и поднялся по ступеням к знакомому подъезду, на ходу вынимая из внутреннего кармана шинели пропуск.

Коридоры были пустынные, он не встретил никого из знакомых, чему невольно порадовался, ибо и не хотел никого видеть, он слишком устал, к тому же, давило какое-то черное предчувствие беды, и беды близкой, что просто дышала в затылок могильной грозной жутью...

Открыв кабинет, сел за стол. Занавеси на окне были сдвинуты, мебель черного дерева громоздилась вдоль стен, и казалось, уже глубокие осенние сумерки, а не мартовский полдень.

Ощущение страха. Откуда оно? Из-за мрачных размышлений о будущем? А может, патологически подозрительный фюрер уловил какую-то фальшь? И тогда ему достаточно лишь позвонить Гиммлеру, чтобы уже сегодня Фридрих Краузе оказался в каторжной тюрьме Плетцензее, где в одном из подвалов выдающая виды гильотинка, любовно обихоженная палачом Квалпфом, выполняющим свою деликатную работу неизменно во фраке и в белых перчатках...

Да, он слишком много знает, Фридрих Краузе, слишком много... И уберут его безо всяких объяснений, следствия и уж, конечно, не по приговору имперского военного суда. Он тот же носитель информации, только куда более значимой, он ведает высшие тайны и способен рассказать, что именно есть третий Рейх, а есть он — оккультное государство, начавшее удовлетворять потребности века и общества в сатанизме. Долго будут потом историки и философы объяснять этот феномен причинами экономическими и политическими, но какой экономикой они объяснят изготовление мыла из человеческого жира и каким антисемитизмом — уничтожение миллионов и миллионов в печах и газовых камерах? Он же в состоянии как объяснить, так и оправдать то и другое...

Краузе вздрогнул от телефонного звонка.

— Слушаю... — произнес осторожно.

— Штандартенфюрер? — послышался тихий бесцветный голос Гиммлера.

— Так точно, рейхсфюрер... — Краузе невольно привстал, проглотив вязкую слюну.

— Я хотел бы вас видеть... — Гиммлер выдержал паузу. — Завтра. В десять утра.

— Слушаюсь, рейхсфюрер.
Отбой.

Краузе медленно опустил на рычаг внезапно потяжелевшую трубку. Ужас — горячечный, полыхнувший в мозгу как разорвавшаяся граната, овладел им безраздельно и властно.

Неужели конец?

Он подошел к одному из шкафов, достал недопитую бутылку коньяка, хлебнул прямо из горлышка...

Вот оно — сбывшееся предчувствие, вот...

И что же делать, куда деваться? В его распоряжении еще есть неполные сутки, он что-то обязан придумать, чтобы только не очутиться завтра на Принц-Альбрехт-штрассе, в Министерстве имперской безопасности, а вернее, в подвалах его, застланных тяжелыми красными коврами, отчего подзаемелье именовалось среди сведущих лиц "красной тюрьмой".

Повод же для ареста будет незамысловато обтекаем: государственная измена. Без каких-либо уточнений. Да и кто уточнений потребует?

Как опасно порой много знать, как опасно...

Он несколько успокоился. Закрыв глаза, уткнулся лицом в ладони. Неожиданно вспомнилась Вестфалия тридцать девятого, замок Вевельсбург, выстроенный в семнадцатом веке на месте старой крепости, зал с огромным круглым столом, обставленным креслами с высокими спинками, обтянутыми свиной кожей, куда словно были вдавлены серебряные пластины с именем каждого из владельцев кресел. В креслах — тринадцать избранных, включая Великого Магистра. У каждого — ритуальный кинжал. Все "рыцари" — члены СС.

Взоры собравшихся устремлены в центр зала, где словно в колодец ведут ступени, а на дне колодца — каменная купель, окруженная двенадцатью пьедесталами. Со смертью любого из избранных, помимо лишь Великого Мастера, герб его подлежит сожжению в купели, а затем замурованный в урну пепел установится на каменное возвышение. Великий Мастер — Генрих Гиммлер.

В Вевельсбурге рейхсфюрер собрал элиту ордена, как бы сконцентрировав сам дух СС под сводами старого замка, что стал резиденцией высшей иерархии, и наверняка пошел бы и дальше в таком своем начинании, учредив в каждом полку подобный центр германского величия, истории и культуры.

Краузе тоже немало поработал над целой программой специального обучения офицеров, включавшей рунические доктрины, положения о внутренних кругах и ритуальных празднествах, проходивших согласно календарю СС. Был там и праздник тридцатого января — день прихода партии к власти, и много иных торжественных дат, включая двадцатое апреля — день рождения фюрера, и тридцатое апреля — праздник костров, переходящий в

Вальпургиеву ночь, однако главным праздником СС лично Гиммлер установил середину лета — то есть летнее солнцестояние, одно из четырех соляных торжеств, возродив тем самым древнюю магическую церемонию.

В деле становления ордена принимали участие и интеллектуалы, и невежды, а порою и просто паранойки, проникшие потом сюда, в институт, где вполне серьезно пытались воплотить в жизнь бредовые свои замыслы типа изучения силы розенкрейцеровского содружества, символизма ирландской арфы из Ольстера, тайного значения готических башен и итонских высоких шляп. Они же после неудачной бомбежки Оксфорда, когда бомбы не достигли цели, затеяли расследование якобы магических свойств колоколов городского собора, что являли собой оккультную защиту от бомбардировщиков "Люфтваффе".

Гиммлер странно соединял в себе и здравый эзотерический практицизм, и явную мистическую шизофрению. Прекрасный полицейский администратор, вполне материалистически оценивающий реалии жизни, и, одновременно, непредсказуемо-эксцентричный безумец. Главой СС он стал в двадцать девятом году, уже после пятилетнего существования организации, сформированной Юднулом Шреком по приказу Гитлера как охранная структура штаб-квартиры партии. Вначале в ней было всего восемь человек, но и уже тогда они представляли собой некую элиту, связанную жесткими правилами поведения, где даже мелкие прегрешения могли караться смертной казнью. Однако созданный Гиммлером орден "Мертвая Голова" отличался еще более строгими ограничениями для посвященных, кто должен был осуществить, согласно его замыслу, связь между Рейхом и могущественными существами литтоновских и тибетских подземных миров.

Структурно организация копировала орден иезуитов, орден магический, ибо одной из основ обучения его членов являлась систематическая визуализация, чья цель — приблизить монаха к Внутреннему Христу, и отсюда родилось положение, созданное иезуитами: "Царство Божие — внутри нас". Основатель ордена святой Игнаций составил "духовные упражнения", что, конечно, весьма разнились от эзотерического тренинга школ черной магии, но технику имели практически ту же.

Гиммлер перенимал у иезуитов и принцип особых привилегий, дающихся членам ордена перед простыми смертными, и систему слепого повиновения руководителю, и, наконец, даже организационную основу, созданную еще Лойолой, когда орденом управляет генерал с пятью советниками, за что получил от Гитлера прозвище "мой Игнаций Лойола", а от иных же — "черный иезуит".

Отбор новобранцев в СС производился с особой тщательностью. Вначале отбор шел по расовому признаку, разработанному Бруно Шульцем — профессором, гаупштурмфюрером СС. Он выделил несколько расовых подгрупп: собственно нордическую, нордическую с примесью динарических, альпийских или же сре-

диземноморских характеристик, ненордическую европейскую и, наконец, ненордическую внеевропейскую. На членство в СС могли претендовать лишь представители первых трех категорий. Согласно Шульцу, блондины чисто нордической крови должны были явить собою тот тип идеального немца, что повсеместно укоренится в Рейхе на протяжении будущих ста двадцати лет.

Однако новобранец СС считался поначалу всего лишь допущенным к ордену, но никак не членом его. Ему еще предстоял долгий период обучения перед тем, как произнести торжественную клятву фюреру и, особо, — ордену, в которой порою он обязывался отказаться от брака, если его расовый признак или же здоровье не удовлетворяли надлежащим критериям.

Итогом же для избранных была черная форма, "сиг" на петлице — руна в виде двух молний, высокие сапоги, пояс "Сэм Браун" и фуражка с эмблемой мертвой головы. Серебряное кольцо с той же эмблемой поначалу давалось автоматически, но после для его получения требовался не менее как трехлетний стаж, а уж право на именной кинжал имела сугубо элита.

Но с каждым своим шагом вверх неопит обнаруживал, что он переходит как бы по мостикам из одного круга в иной, доселе потаенный, и что внутри храма существуют храмы другие... Таким был принцип внешних и внутренних кругов, последний из которых мог быть пересечен лишь в замке Вевельсбург, за круглым рыцарским столом...

Краузе с трудом заставил себя оторваться от раздумий и воспоминаний, подошел к шкафу и открыл дверцу, за которой скрывался сейф. Долго возился с ключами, проклиная заедающий старый замок.

Наконец достал из сейфа портфель, поставив его на стол, нежно провел по желтой мягкой коже ладонью. Здесь было все, в этом портфеле: настоящее, прошлое, будущее. Нет, отнюдь не его, скромного Фридриха Краузе. Человечества. Мира. Однако на сегодняшний миг — он держит все это в своих руках.

"Нет-нет, я только касаюсь, только оберегаю"... — поправился он суеверно и даже вжал голову в плечи, страшась, что будет наказан за невольную свою гордыню теми, кто вверил ему находящееся в портфеле сокровище, теми, кто сейчас незримо обступал его и вел, конечно же, дорогой спасения из города, застланного огромной тенью смерти, ощутимо густеющей с каждой свинцовой минутой наступающего краха.

Из жизни Ричарда Валленберга

Он не предполагал, что задержится в Арабских Эмиратах надолго. Рутинные дела, по которым он сюда прилетел, завершились буквально за день, еще сутки заняли отчеты, мгновенно отосланные спецсвязью в Лэнгли, а уж там-то и начались их пятидневные блуждания по бюрократической иерархии, покуда, нако-

нец, начальство не вынесло свое резюме и дало ему, Ричарду Валленбергу, "о'кей" на возвращение в Штаты.

Впрочем, сетовать на задержку в своем пребывании здесь он не мог.

Летняя жара уже спала, Персидский залив был спокоен как озеро, и бирюзовая вода его, светившаяся золотом растворенного в ней солнца, уже приобрела осеннюю легонькую прохладцу.

Побережье утопало в зелени кустарников и цветочных кущах, мир был полон тишины и благолепия, и Ричард, лежа под коренастой пальмой на комфортабельном пляже, невольно мечтал, чтобы мгновения этой дивной командировки, превратившейся в отпуск, тянулись как можно дольше. Вернувшись с пляжа на арендованной японской машинке — юркой и на диво экономичной, он хотел переодеться и съездить за зарезервированным билетом, но едва вошел в номер отеля, тут же раздался звонок из резидентуры, нарушивший все планы: его срочно вызывали к себе здешние коллеги.

Местный резидент был Ричарду превосходно знаком, около года они работали в одном из отделов главной конторы, покуда тот не был командирован на периферию, отношения у них сложились едва ли не товарищеские, хотя известный официоз в общении соблюдался неизменно, особенно здесь, да и неудивительно: ведь господин Валленберг вскоре окажется в далеких кабинетах начальства, где будет вынужден по элементарному долгу службы доложить свое личное мнение об обстановке в резидентуре и лицах, ее составляющих. А от таких докладов зависит многое. Вернее то, каким именно образом доклад составлен и преподнесен.

— Ричард. — Резидент выдержал паузу. — Сегодня с утра я говорил с шефами, ваша миссия завершена, однако возник некоторый непредвиденный момент, к вам непосредственного отношения не имеющий, однако...

— Билл, вы всегда любили обтекаемые длинные предисловия.

— У нас возникла горяченькая рабочая ситуация. Я не хотел бы задействовать в ней своих людей, а если уж откровенно — за-свечивать их...

— По пустякам.

— Ну-у, Ричард...

— Хорошо, я пошутил. И так?

— Мы хотим, чтобы вы поработали с одним человеком. Установочная беседа. Кстати. О методиках. Руководство полагает, что в данном вопросе вы просто виртуоз.

— Передайте спецсвязью мою благодарность руководству. Обожая лезть.

— Кроме того, — оставив данный комментарий без внимания, продолжил резидент, — вы хорошо знаете страну, откуда этот человек явился...

— Отлично, — кивнул Ричард. — Кто такой? Откуда? И прочие общие данные.

Легонькая, коварная усмешка...

— Всенепременно, сэр.

Ситуация оказалась довольно стандартной, хотя и отличалась некоей деликатностью. Молодой парень, попавший в Эмираты из Ирака, вышел на людей из торгового представительства, заявив, что располагает полезной для США информацией, а затем, при повторной встрече с лицом, близким к резидентуре, сообщил, будто бы является офицером разведки Ирака, желающим установить контакты с ЦРУ.

Данный орешек, возможного "инициативника", предложили раскусить ему, Ричарду. Точнее — надкусить, если за объектом действительно стояло что-либо перспективное. Термин же происходил из понятия "инициативный шпионаж".

В свое время на подобных установочных контактах Валленберг специализировался достаточно плотно, но пик такого рода деятельности пришелся на семидесятые годы, когда в Америку хлынул мутный поток третьей российской эмиграции, сплошь состоявший, впрочем, из лиц еврейской национальности, что возжелали приехать в благополучные Штаты, а не в вечно воюющий, плотно зажатый арабским миром Израиль, являвшийся официальным конечным пунктом их эмиграции.

Тогда Ричард работал в ФБР, куда попал после окончания славянского отделения нью-йоркского университета, выявлял русских шпионов, в том числе — и среди множества новых переселенцев из СССР, однако в большинстве своем "шпионы" сдавались сами, разделяясь в основном на две категории: либо завербованные за возможность своего выезда из тоталитарного государства мелкие информаторы с неясной перспективой, либо вообще откровенные аферисты, наивно полагающие сорвать куш с американских спецслужб в обмен на всякого рода "истории с географией", что легко проверялись специалистами и шли в бездонный "мусорный" архив. Серьезных персон среди этой сволочи обнаруживалось весьма немного. Да и откуда им было взяться?

В конце восьмидесятых Америку буквально захлестнул "перестроечный" поток всякого рода шпионов — и реальных, и мнимых. Рухнувшая система осела, как взорванное здание, выплеснув кучу мусора и пыли, частью долетевших до всех спецслужб Запада. Этим "материалом" с ЦРУ охотно делились все европейские собратья, возлагая таким образом неблагоприятную работу по проверке людей и информации на мощнейшую аналитическую машину крупнейшего разведывательного ведомства, что перелопачивала горы шелухи в поисках редких полезных зерен.

Таким образом, предложенная Ричарду задача ничем не отличалась, разве несла на себе некоторый оттенок конъюнктурности: Ирак представлял собой стратегического противника, и заполучить оттуда грамотного информатора — тем более, связанного с разведкой! — было бы не просто удачей, но и серьезнейшим достижением.

Поэтапный план разработки "инициативника" был тривиален: во-первых, выяснить, что это за человек в принципе — путем крайне дружественного, непринужденного расспроса, начав буквально с даты и места его рождения, далее подробнее пройтись по всей биографии, уделив особое внимание положению родителей, родственникам, службе в армии, обучению в разведывательной школе, включая сюда имена преподавателей, дисциплины, расположение учебных классов, и, когда составится более-менее ясный психологический и социальный портрет, сделать паузу, выясняя главное: мотив сотрудничества. Идейные соображения, корысть, месть начальству, желание эмигрировать из-за боязни преследований?

Вопрос о мотиве Валленберг, как правило, оставлял на разгар беседы, когда контроль над естественными реакциями у собеседника несколько ослабевал, и ложь ловилась уже не на уровне интуиции, а в явных мимических и интонационных "провалах".

Далее надлежит выяснить круг прошлых и настоящих служебных обязанностей, вероятные перспективы, и массу всякого-разного, подведя, наконец, итог: чего же, мол, вы хотите? Деньги, американскую грин-карту или же просто "спасибо"? Как правило, просят и то, и другое, и третье.

Затем уже он, Валленберг, сделает предварительное заключение об объекте: либо тот показался ему пустым авантюристом, либо провокатором, либо реальным разведчиком, стремящимся к сотрудничеству. Впрочем, две последние категории друг другу не противоречили. Существовали и иные вариации, как, например, "хитрый сумасшедший", но, в основном, все так или иначе укладывалось в треугольник старой доброй схемы.

Встречу организовали в номере дешевого отельчика на одной из торговых улочек, заполненных крохотными магазинчиками, что пестрили горами свезенного со всего мира товара.

Вначале Ричард "снял объект" в безлюдном, располагавшемся возле пляжа районе, задействовав арендованную через подставное лицо машину, представился ему как Хантер, затем, ведя разговор на отвлеченные от основного мероприятия темы, некоторое время ездил по городу, "проверяясь".

Парень был молод — всего двадцать шесть лет, в меру контактен, английским, несмотря на сильный акцент, владел довольно-таки свободно, хотя знания отдавали явной книжностью, особой нервозности в его поведении Ричард не усмотрел, держался тот ровно, соблюдая ответную корректную доброжелательность, и в номер отеля, приятно выстуженный кондиционером, они вошли, обоюдно готовые к долгой актуальной беседе.

— Должен предупредить, — произнес Ричард сочувственным тоном свою коронную для данных случаев фразу, — что основой нашего разговора должна быть правда и искренность, иначе... Иначе я не могу гарантировать конфиденциальности наших отношений.

Парень кивнул, сцепив кисти рук в замок — знак отчуждения и обороны. Пальцы его внезапно дрогнули, и Ричард подумал, что, вероятно, переборщил в своей мягкой угрозе: в конце концов, надо понять, что перебежчик из Ирака и в самом деле рискует головой — тем более здесь, в арабском мире, с паспортом, где нет ни одной визы цивилизованных стран...

Валленберг, шумно открывая морозные банки с "сэвэн-ап", неприкужденно увел беседу в сторону, делясь своими наблюдениями о специфике бытия арабских стран и не забывая при этом, конечно же, о комических казусах, в которые невольно попадает неискушенный американец, пребывающий на этом восхитительно-экзотическом мусульманском Востоке.

Перебежчик несколько успокоился, даже размяк и вдруг, словно бы покорившись уже окончательно некоему тяжело выстраданному решению, разоткровенничался.

Психологически ситуация разрешилась, отметил Ричард, участливо кивая собеседнику. Главное — неуклонно вести ее в выбранном русле: исключительно дружеском и доверительном.

Извинившись, он вытащил из папки блокнот и ручку, стенографируя все здесь произносимое, пользование аппаратурой исключалось — он работал на чужой территории.

— Хорошо. А сколько лет было этому инструктору?.. Ну, примерно... Около пятидесяти? Вы могли бы начертить схему учебного полигона? Замечательно. Сколько человек занималось с вами в этой группе? Вы помните их по именам? Вы встречались с ними в дальнейшем?

И так далее, так далее, так далее...

Валленберг заменил ручку — в стержне иссякли чернила.

Пик беседы: мотив.

Прерваться, выпить глоток газированной кисло-сладкой водички и затем — серьезно-учтивым тоном...

Впрочем, вопрос о мотиве уже отпал, причины, по которым этот парень находится здесь, выяснились в ходе разговора: диктатура в стране, гибель нескольких родственников, приближенных к высшему кругу власти, боязнь как бы самому не угодить под чугунную пяту тирании... Факты логичные и проверяемые. Но все-таки констатация мотива от первоисточника — вещь необходимая хотя бы потому, что за ней выкристаллизовывается личность. В формулировке есть суть и средства, ее выражающие, и оценкой их оценится этот парень. Вначале здесь, после — в Лангли, в чудовищно-гениальных компьютерных мозгах, что моментально разложат по полочкам каждое его слово и выплывут через принтер скальпельно-логическое решение по поводу дальнейшей участи "объекта".

— Простите, а какова ваша национальность?

Вопрос прозвучал для Валленберга несколько неожиданно.

— Национальность? — переспросил он. — Мои родители родом из Англии. А что?

— Так... — Собеседник пожал плечами. — В общем, я так и предполагал. Раньше почему-то аягосакс представлялся мне неким коренастым типом, с крупными чертами лица, рыжеволосым...

— А сейчас?

— Ну... стереотип где-то сидит в подсознании, но почему-то в большинстве своем мне встречаются такие, как вы: высокие, худощавые, кареглазые и черноволосые.

Ричард усмехнулся. Все перечисленное безусловно относилось к нему, но внешние данные он получил от матери, чьи предки в самом деле были родом из Англии, отец же родился в Германии, откуда после войны переехал в США и являл собою типично нордический тип: высокий блондин с ясными голубыми глазами.

Волосы отца выбелило время, он сильно ссутулился, однако и сейчас в нем многие безошибочно признавали немца.

Впрочем, подробности своего происхождения он прояснять в данной ситуации не желал.

— Вернемся, если не возражаете, к нашей общей тематике, — продолжил Ричард. — Как понимаю, вы хотели бы попасть в Америку, забыть весь кошмар прошлой жизни и...

— Да-да-да, — перебил собеседник с некоторой долей раздражения.

Что-то опять не так с этим арабом, чем-то он вновь внутренне озабочен и, судя по болезненной тени в глазах, по нервному подергиванию века, снова произошел сбой...

— Поймите, Хантер, — произнес парень, скрипнув зубами, — или же Джон, Джеймс... Мы с вами играем в игру, правила которой мне тоже более или менее известны. Я могу еще целые сутки диктовать вам имена, рисовать схемы зданий, указывать, где в кабинете моего начальника стоит стол, а где сейф, я также великолепно понимаю, что мой статус достаточно скромный: оперативный сотрудник среднего уровня, пусть и из главного аппарата... В том числе, я сознаю и другое: если бы перед вами находился не перебежчик, а действующий агент спецслужб противника, могла бы строиться какая-либо перспектива, пусть с допущением провокации, и так далее, тому подобное. Но перед вами именно что перебежчик, невозвращенец. А посему главное для вас — выжать информацию. Всю. До капли. А уж что потом...

— Но...

— Я хочу договорить.

— Извините.

— Так вот. "Потом" — важно для меня, не для вас. Вы — благополучный стареющий мужчина, вам ведь уже за сорок?

— Увы.

— Тем не менее, у вас есть стабильная престижная работа, дом, деньги, гражданство в мощнейшем государстве мира... А что у меня? Объяснять, полагаю, не надо. Поэтому, чтобы не быть выкинутым в мусорную корзину как выжатый апельсин, простите за

банальное сравнение, я должен иметь реальные козыри и сыграть ими не здесь, а в ваших Соединенных Штатах. Козыри таковы: мне известно, каким образом, куда и кем распространяются в арабском мире современные технологии по производству химического, бактериологического и ядерного оружия из бывшего СССР. Вот мой сегодняшний ночной конспект. — Он вытащил из кармана брюк вчетверо сложенную бумагу. — Здесь — общие данные. Однако есть и пикантные детали: фамилии некоторых ученых с генеральскими погонами, их контакты...

— Забавно, — произнес Валленберг в нос, внимательно изучая бумагу.

— Я старался писать насколько мог отчетливо, извините, ни компьютера, ни печатной машинки под рукой не имеется...

— Текст четкий, не беспокойтесь.

— А я и не беспокоюсь, честно говоря. Вы передадите эти данные куда следует, и, думаю, ответ на мое требование по перемещению в Штаты придет положительный.

Мгновение Валленберг пребывал в замешательстве. Подобный поворот учитывался, однако то, чем располагал перебежчик, было необходимо не только в Лэнгли, но, наверняка, и еще кое-где... И в первую очередь он, Ричард, лично нуждался в полнейшей и всесторонней информации по данному поводу...

— М-да, — принял он озабоченный тон. — Все это крайне серьезно, но на сегодняшний момент суть нашей беседы все равно остается прежней. Я буду откровенен: в мою задачу входит определение степени вашей полезности, а потому мне необходимы детали... Вы — профессиональный человек и должны понимать, что мой доклад о вас пойдет по инстанциям, а в этих инстанциях — люди. Причем, разные, каждый обладает собственными представлениями и логикой, но в равной степени никто из них не ведает, кто вы такой, они не видели, да и вряд ли когда-нибудь увидят вас, а судить же о вас будут исключительно через меня. Мне же вы симпатичны, я чувствую в вас интересного и... думаю, глубокого человека, а потому просто хочу помочь вам. Тем более, представляя положение в вашей стране... — Он вздохнул.

— Вам необходимы подробности, — произнес араб утвердительно.

— Да. И вот почему. Подробности — доказательство компетентности. Мало ли кто что слышал или видел... Я обещаю, что сделаю все возможное, чтобы вы улетели отсюда в США в кратчайшие сроки, но пусть они там поверят, понимаете... в вашу действительную ценность...

— Стоп! — Собеседник легонько хлопнул ладонью по журнальному столику. — У нас пошел торг. Бессмысленный. Просчитанный, не скрою, мною заранее. Я дал достаточное количество фактического материала, чтобы мои условия были выполнены вашей стороной. Вот мой паспорт. При следующей нашей встрече в нем должна стоять американская виза, а между страниц лежать авиабилет.

Все. Дальнейшие переговоры бесполезны. Лично вы ничего не решаете, решают в Вашингтоне. Я не хотел бы избирать резкий тон, поскольку и от вас зависит довольно-таки много, но, как профессионал, вы должны меня простить и ничего личного в наши оперативные отношения не вносить. Убедительно вас об этом прошу.

— Хорошо. Но хотя бы некоторые штрихи, о`кей?

— Повторю: я дал достаточную, многократно мною выверенную информацию.

— Виза и билет.

— Да, виза и билет. И еще: если можно, двести-триста долларов. У меня кончаются деньги.

Ричард вытащил бумажник.

— Не знаю, есть ли у меня столько наличных...

Триста долларов, впрочем, нашлось.

— Мне где-то расписаться? — спросил араб сухо.

— Просто подпиши, — в тон ему отозвался Валленберг, подвигая блокнот с записями. — Вот здесь, или там — неважно...

Араб расписался старательно и длинно.

“Если пошла игра в дезинформацию, то приготовлена она довольно-таки нестандартно, — размышлял Ричард. — То, что парень занял столь жесткую позицию, несколько странно. Обычно перебежчики куда как более податливы. То есть, ему есть что сказать. Виза — чепуха, ну, буквально завтра же вклеют ему эту туристическую визу с двухнедельным сроком ее действия, и что дальше? Араб это прекрасно понимает, как понимает и то, что играть в дурацкие игры с ЦРУ себе дороже. Если он провокатор, то отлично подготовленный. Степень реакций приближена к естественной до полного резонанса, зацепиться за что-либо практически невозможно. Логичен абсолютно. Что же, твоя взяла, араб. Резидент, безусловно, будет готов исполнить твои требования еще до того, как их одобрит центр, а одобрить центр их просто обязан, ну, а что касается его, Валленберга, — он в данной ситуации никто, опрашивающая машина, чья функция с этой минуты завершена. Осталось лишь написать соответствующий и — как ни крути, объективный отчет, ибо необъективность всплывет, как только араб очутится в руках специалистов непосредственно в Лэнгли”.

— Я доведу вас в тот же район, где мы и встретились, — произнес Ричард, вставая со стула. — Завтра увидимся вновь. В девять часов вечера. Если выйдете из отеля и пройдете где-то полмили влево, увидите автобусный круг. Там найдете мою машину. В переулке у ювелирного магазина. Запомнили?

— Я знаю и где этот круг, и где магазин, — ответил араб вежливо.

— Чудно. Тогда — поехали!

Они вышли из отеля в душный тропический вечер, под беззвездное небо, словно затянутое пыльной черной шалью, в дробящееся сияние неисчислимых неоновых огней, которыми польхал город, и через считанные минуты уже катили в плотном потоке

автомобилей в сторону трассы, проходящей мимо вилл, отгораживающих ночью безбрежность теплого, спокойного залива.

“Вот и все, — думал Ричард, — завтра я вручу арабу необходимые бумажки, а послезавтра — до свидания, Аравия, привет, Америка! Интересно, увижу ли я этого парня вновь, уже в Вашингтоне? А ведь вполне вероятно...”

Он не ошибся. Через день он вылетел вместе с арабом в качестве сопровождающего лица, а буквально через час по прибытии ему было предписано продолжить начатую разработку перебежчика уже на “собственной территории”.

Фридрих Краузе

По узкому, петляющему в аллеях пирамидальных тополей шоссе, они уже затемно приехали в район Вюнсдорфа, где жил Краузе.

Из багажника Роланд выгрузил пакет с продуктами и поднялся с ним по ступеням к массивной входной двери. Краузе, не выпуская из рук портфеля, достал ключи, отпер замок.

Не обронив ни слова, они вошли в гостиную. В доме, несмотря на теплую апрельскую пору, было зябко, открыв заслонку печи, Краузе увидел на колосниках лишь серый прах прогоревших углей и хотел было уже сказать шоферу, чтобы тот принес корзину спрессованных топливных брикетов из подвала, но передумал.

Сегодня он не будет топить дом. Да и вообще будет ли топить его когда-либо?

Тяжело прошелся по огромной гостиной, занимавшей практически весь первый этаж, машинально поправил плотную черную ткань светомаскировки на окнах...

Роланд возился на кухне, готовя ужин. Вот еще незадача — этот шофер... Сейчас Краузе была нужна машина и абсолютно не нужны никакие свидетели... А Роланд — свидетель опасный. Кто ведает, что на уме у парня? Если сейчас он, Краузе, соберет вещи и уедет один куда-либо, кто гарантирует, что буквально через минуту после такого исчезновения не последует незамедлительный доклад на Принц-Альбрехтштрассе, не перекроются дороги, и завтрашняя встреча с рейхсфюрером состоится уже в подвале Министерства безопасности?

Никто. А то, что Роланд Гюнтер — осведомитель, в нынешних условиях особо тщательно отслеживающий каждый его шаг, не просто вероятно, но и закономерно.

— Надо бы протопить дом, — раздался голос Роланда.

Шофер стоял у двери гостиной.

— Сначала — ужин, — буркнул Краузе.

— Ужин почти готов...

— Ну вот... перекусим, и... — Краузе, сгорбленно сидевший на стуле возле печи с открытой заслонкой, небрежно махнул ладонью: мол, ступай, не мешай...

Потопавшись в некотором замешательстве, шофер отправился обратно на кухню.

Краузе подошел к обеденному столу, на котором громоздко и одиноко стоял желтый портфель.

Не торопясь расстегнул хромированные замки, отбросив толстые мягкие ремни с рифлеными застежками.

Так же неспешно вытащил офицерский "Вальтер-РРК", хранящийся в одном из отделений, — именное позолоченное оружие, личный дар фюрера с вязью тонкой гравировки:

"Штабсартенфюреру СС Фридриху Краузе за выдающиеся заслуги в деле строительства великого Рейха.

Лично от фюрера".

Закрыв дверь гостиной, Краузе неловко передернул затворную раму, послав патрон в ствол. Толком обращаться с оружием он не умел, да и зачем, собственно, была нужна ему эта наука, когда в распоряжении его имелись куда как более действенные средства и нападения, и обороны.

Сунул пистолет во внутренний карман кителя. Призадумался. Решение ликвидировать шофера представлялось единственно правильным, хотя ни малейшего воодушевления от того, что предстояло ему совершить, Краузе не испытывал. К тому же, ему еще никого не приходилось убивать, хотя смерть он видел многократно, причем, смерть насильственную, когда принимал участие в программах общества "Аненэрбе", созданного еще в тридцать третьем году, как организация, занимающаяся исследованиями вопросов распространения, психологии, поведения и наследственности нордической расы индогерманцев, — так официально формулировались положения ее деятельности.

В сорок втором году общество стало частью личного штаба Гиммлера, взявшего на себя роль его президента.

Таким образом, появился новый отдел СС, в котором Краузе пусть и косвенно, однако пришлось поработать, ибо тематика многих его исследований тесно соприкасалась с кругом интересов "Аненэрбе".

...На ужин Роланд разогрел консервированную ветчину и пожарил картофель.

Скудная пища военного времени, равно как и другие лишения, переносились Краузе с равнодушной невозмутимостью, он был неприхотлив по самой своей природе, и если имел какую-то слабость — то разве склонность к долгому сну, но даже не в силу каких-либо физиологических особенностей организма, в своих снах он подчас попадал в удивительные миры, чья невероятная реалистичность ничем не отличимая от яви, вначале повергала его в изумление и трепет, но вскоре его путешествия в мир видений стали привычно-повседневными, он уже выработал четкие ориентиры и шел порою знакомыми дорогами в неведомых, зачастую мрачных и грозных пространствах, ощущая рядом присутст-

вне т е х, кто хранил и оберегал его, слыша их неясные голоса и даже различая их ломкие лунные тени, что вскоре обретут для него плоть, когда преодолются им оковы привязанности к трехмерности земного бытия, и тогда далекие странные города с усеченными пирамидами нагроможденных друг на друга башен, видимые им издалека, отделенные покуда непреодолимым рубежом, откроют ему великие тайны своих обитателей.

— Пожалуй, я начну топить дом, штандартенфюрер?

Краузе кивнул, неотрывно глядя на пламя горевшей на столе свечи.

С розетки серебряного подсвечника потянулся, волнисто отвердевая, матовый восковой сталактит.

— Уголь в подвале, Роланд. Корзина там же.

Шофер загромыхал подкованными сапогами на каменной лестнице, винтом уходящей в подземелье дома.

Краузе хищно прищурился, вслушиваясь в едва доносившийся до него перестук сыпаемых лопатой в корзину угольных брикетов, затем Роланд закашлялся — видимо, от попавшей в горло подвальной пыли, и, наконец, раздалась тяжелая поступь — шофер возвращался с нагруженной корзиной наверх.

Краузе упруго поднялся со стула, шагнув к выходу из подвала.

Роланд уже был на середине лестницы, представляя собою прекрасную мишень, но неискушенного в стрельбе Краузе смутила широкая, плетеная из ивняка корзина, которую тот держал на уровне груди, и, чтобы попасть точно в голову, он выждал, когда шофер сделает еще пару шагов, потом, резко сунув за пазуху руку, нащупал рукоять пистолета, дернул ее, вынимая оружие, и вдруг с ужасом ощутил опалившее грудь пламя, жгучее проникновение пули в плоть, а уж после, старательно пытаясь не завалить неповинующеся, будто чужое тело в сумрачный зев подземелья, ускользающим сознанием уловил — как вспомнил, нежный звук выстрела...

Дилетант Краузе, не поставив пистолет на предохранитель, в спешке нажал на курок и теперь лежал, неестественно вывернув руку, в узеньком коридорчике рядом с кухней, и шелковая, кремового цвета подкладка его форменного кителя постепенно набрякала кровью...

Из жизни Михаила Аверина

Миша Аверин чудом сбежал из страны Советов, где находился под следствием за нарушение правил о валютных операциях, в Германию.

Первые дни своей заграничной жизни он провел в Кельне, поселившись в маленькой семейной гостинице "Элиштадт", что располагалась на старинной, чудом уцелевшей после бомбежек прошлой войны улочке, неподалеку от набережной, тянувшейся вдоль грязноватого быстрого Рейна.

Он как бы попал в иной мир, где вся прошлая жизнь представлялась кошмарным сном, мир восторженного созерцания готического чуда Кельнского собора с древним мрамором могильных плит, водруженных над прахом тевтонских рыцарей, бело-красными ризами священников, тысячами свечей, тепло и ровно горевших под монументальными сводами каменного исполина, мир чистых, сверкающих зеркальными витринами улиц, уютных кабачков, пиццерий и ломящихся изобилием товаров магазинов.

В Кельне он оказался случайно, взяв билет на самый ближайший рейс, улетающий в Европу, ибо находился в лихорадке горячечного страха, под властью единственной мысли: бежать куда угодно и как можно скорее.

Теперь же, неспешно побродив в безмятежности города, Михаил возвращался в отель, где, лежа на чистеньких голубых простынях, листал книги из гостиничной библиотеки на недоступном ему немецком языке, пил легкое сухое вино, наслаждался фруктами, отдавая предпочтение крупному черному винограду, чьи терпкие плоды давил языком о небо, долго смакуя упругую мякоть ягоды, и, наконец, засыпал, умиротворенно прислушиваясь к шуму толпы, всю ночь снованшей по усеянной пивнушками улице.

Он просто отдыхал, даже не пытаясь строить каких-либо планов на будущее, но, по прошествии недели, бытие туриста-ротозея начало приедаться, уступая место размышлениям над дальнейшей своей судьбой.

Наконец решил он на грамотный и простенький, в общем-то, шаг: сдать властям, как политический беженец. И сдался, угодив из уюта гостиницы на казенную койку спецобщезития, где очутился в компании югославов, поляков, цыган и румын — публики темной интеллектуально, к антисанитарии привычной с детства и тюрьму считавшей вполне подходящим местом для передышки между своими криминальными мероприятиями.

В отличие от основного контингента, Миша не бузил, алкоголя и наркотиков не употреблял, воровством в магазинах не промышлял, а жил в соответствии с предписанным режимом, вежливо раскланивался с комендантом, консультируясь у него частенько по поводу тонкостей немецкого языка, усердно им изучаемого, ходил с вымытой головой и в чистой рубашке, что, конечно же, производило благоприятное впечатление на администрацию, нечасто встречавшую в этих стенах столь нравственного и интеллигентного персонажа. Поэтому Миша без особых хлопот получил постоянную прописку на немецкой земле.

И тут он вспомнил Курта Эрлингера, с кем полгода назад познакомился в одной из пивных Кельна. Курт, житель Восточного Берлина, работник одного из НИИ, навещал в Западной Германии дальних родственников.

Видок у социалистического германца был жалкий: дешевый костюмчик, застиранная рубашечка, галстук, доставшийся, ви-

димо, в наследство от дедушки, неоднократно бывавшие в ремонте ботинки...

Несомненным его достоинством в глазах Михаила являлось свободное владение русским языком — Курт в свое время окончил Московский университет.

Миша, с гордостью сознавая свое превосходство как джентльмена из капиталистической мировой системы, щедро поил стесненного в средствах Курта пивом и водкой, ностальгировал по Москве, в итоге они обменялись телефонами, и вот теперь Аверин решил напомнить об этой случайной пивной встрече и о себе лично звонком в Берлин.

Курт Мишиному звонку внезапно обрадовался. Сообщил, что произошли у него крупные перемены в жизни, причем, с таким восторгом сообщил, будто вся берлинская стена на него именно и обрушилась, сказал, что был бы не против увидеть Мишу у себя в качестве гостя, на что получил незамедлительное согласие Аверина, тут же отправившегося на вокзал.

Курт поселил Михаила у себя дома, в просторной четырехкомнатной квартире, где проживали также жена Эмма и двое малолетних детишек, слабо еще говоривших не только по-немецки, но и вообще по-человечески, обходясь в основном нескончаемым ором, а в редкие спокойные минуты — нечленораздельным попискиванием. Долговременное проживание в такой обстановке для Михаила, конечно же, исключалось.

Восточный Берлин произвел на Мишу впечатление ошеломляющее. Та же Москва. Была здесь просто-таки копия Ленинского проспекта с явно узнаваемым стилем "сталинского" градостроения, в квартире же Курта Миша узрел щемяще знакомую гдээрзовскую мебелишку из древесно-стружечных плит и еще кучу утвари, аналогичной той, что повсеместно бытовала в России во времена развитого, ха-ха, социализма.

Идею об облагодетельствовании восточных немцев западным дефицитом Курт воспринял с восторгом. Сам он находился в достаточно сложном материальном положении, ибо, как чистосердечно признался, работал совместно с супругой вовсе не в мифическом НИИ, а в "штази" — госбезопасности, ныне расформированной и преданной анафеме.

Нет, утверждал Курт, они не оперативные работники, не следователи, а рядовые бумагомаратели из экономического департамента, но каток прошелся по всем равномерно, и будущего теперь у них никакого: государственная служба отныне исключена, только неквалифицированный труд или же частный бизнес, а потому готовы они хоть куда, лишь бы где посытнее и потеплее...

Первый вечер торжественной встречи будущих партнеров ознаменовали три выпитых до дна бутылки водки "Горбачев".

— У тебя — язык, у меня — это... — Миша стучал себя по голове согнутым пальцем. — Не пропадем. Развернемся!

Он бесцеремонно остался ночевать в казенной квартире бывших немецких габшников, решив, что хоть и тяжел хозяйки взгляд, а цена ему все равно меньше, чем номеру в отеле.

Утром же гулял он, опохмеляясь баночным пивом у Бранденбургских ворот, поглядывал на серенький Рейхстаг без купола, увезенного в качестве трофея американцами за океан, и обдумывал дальнейший план действий.

Что делать? Вечный вопрос. Загрузить машину с дешевой видеоаппаратурой и двинуться на восточную периферию? Но как и кому продавать товар? Это же немцы, они не станут хватать дорогие вещи с раскладных лотков! А если поторговать всякой красочной мелочевкой?

— Ми-иша?!

В голосе звучали одновременно восторг и недоумение. Боже, что за знакомая рожа... А, Женя Лысый из Перова... Спекулянт иконами и прочими аксессуарами религиозного культа...

— Женек... ты-то здесь откуда?

И на границе капиталистического мира и бывшего соцлагеря расцеловались, искренне при том прослезившись, также двое бывших уже спекулянтов, границу эту в чем-то и олицетворявших.

Приятеля своего Миша просто не узнавал, куда-то исчезла и прежняя неопрятность его, и дурные полублатные манеры фарцовщика...

Одет был Женя в элегантный темно-серый костюм в неуволнимо клетку, узкие щегольские штiblеты, выглядел весьма представительным, полным бодрости и здоровья, словно побывал в некоем пансионе, где наряду с калорийным питанием получил воспитание и осанку аристократа средней руки. Прежняя желтизна рыхлой кожи уступила жизнерадостной розовощекости, в глазах заблестел живой, с хитрецей ум, неопрятная плешивость оформилась в благородные залысины, а реденькие мелкие зубки заменил безукоризненный стоматологический оскал.

Уже через полчаса Миша сидел в ресторанчике в окружении Жени Лысого и еще пяти знакомых ему личностей все той же торговой специальности, и проходила за трапезой заинтересованная беседа, где роль воспоминаниям отводилась несущественная, а вот перспективам же — преимущественная.

С открытием беспрепятственного выезда за рубеж Женя Лысый, выдвинув лозунг: "коммунизм — это советская власть плюс эмиграция всей страны", — собрал компаньонов, незамедлительно отчизну покинув, и крутился теперь со своей бандой в Берлине, причем небезуспешно.

Еще до падения стены ввозил он в ГДР японскую радиоаппаратуру, продавая ее по бросовым ценам и раскладывая социалистические марки на многочисленных счетах в сберкассах. Валютные кредиты предоставлялись проверенными западными партнерами под контрабандный антиквариат, и за считанные месяцы интен-

сивной деловой активности были заработаны Женей и компанией миллионы в твердой валюте, поскольку социалистические бросовые денюжки доброе западное правительство автоматически превратило в стабильные капиталистические.

— Скажи, — захлебывался завистью Миша, — Женя, ну... ты вот... неужели сам так рассчитал?

— Информация! — многозначительно выпячивал губы Евгений, отправляя в зубастую пасть основательный кусище стейка, сочащегося непрожаренной кровью. — Да и не могли они иначе, эт-тебе не совдеповские реформы, когда по-живому... Европа, брат, культура и гуманизм, понял?

В отличие от Михаила, Женя Лысый и компания, несмотря на основательный капитал, никаким социальным статусом не обладали.

Ребята попросту приобрели за взятки прописку и красненькие гэдэзеровские паспорта, без хлопот выписываемые местной полицией, что чувствовала свой скорый и неминуемый разгон. Паспорта именовались ими "комсомольскими билетами", действительно соответствуя таковым и по размеру, и по форме.

В недалеком будущем документы подлежали обмену, а их владельцы — перерегистрации, что Женю серьезно заботило, ибо дело могло обернуться депортацией, а возвращаться на беспокойную родину ему не жаждалось.

— Пока живем, а что потом — непредсказуемо, — удрученно кряхтел он, заливая в организм очередной бокал желтенького берлинского пива. — Но, полагаю, прорвемся! Ты-то как, чего мутишь, вообще?..

Состроив скорбную мину, Михаил вкратце поведал о бегстве, нынешнем бытии в Кельне, планах по охвату социалистического населения продуктами развитых технологий...

— Чушь синяя! — категорично определил Мишины замыслы Евгений, и жующие его соратники молча закивали, подтверждая правильность такого умозаключения. — Ты о немцах забудь, — продолжал Лысый назидательно, — немцы сами в своих проблемах разберутся. Тут надо по другому течению грести, парень.

— И ты, конечно, знаешь, по какому? — спросил Миша без издевки, однако с напором.

— Знаю, — спокойно откликнулся Женя. — Армия тут стоит, между прочим. Наша: советская, освободительно-оккупационная, красносная и, утверждают, непобедимая... И мы — в ее авангарде, усекаешь? Немцев он дурить захотел, умник! На хрена они?.. Армия! Вот!..

Вот и все. Вот и уразумел Миша: все у него будет в порядке, и в этой пивнушке положат они начало своей организации, что будет впоследствии именоваться русской или же красной мафией, а Курт, кстати, тоже весьма пригодится со своим замечательным, без акцента, немецким языком, — в роли, естественно, шестерки, поскольку организация, во-первых, имеет национальный славя-

но-еврейский признак, а во-вторых, по характеру своему немец мог претендовать исключительно на роль исполнителя, не отличаясь способностью к творческому мышлению и единственно рациональном в данном случае криминальном направлении деловых мероприятий.

— В долю не прошусь, но в компанию — да, — громогласно заявил Михаил.

Присутствующие молча подняли бокалы. Меленькие пузырьки воздуха поднимались от их узких донышек в пухлую окаемку хмельной белоснежной пены, отличавшей качественный германский продукт.

“... Лучше всего, если вы будете использовать русских поодиночке, тогда вы можете ездить с ними в танках. Один русский с двумя или тремя немцами в танке — великолепно, никакой опасности. Нельзя лишь допустить, чтобы один русский встречался с другим русским — танкистом, иначе эти парни войдут в сговор.”

Из высказываний **Г.Гимmlера**

Роланд Гюнтер

... Корзина с углем рухнула Роланду под ноги, и он наверняка бы сверзился со ступеней в подвал, если бы в последний момент не успел судорожно опереться о шероховатую стену ладонью.

То, что произошло, не отвечало абсолютно никакой логике, да он и не пытался искать объяснений случившемуся, чисто механически расстегивая китель Краузе и прислушиваясь, бьется ли его сердце.

Кажется, штандартенфюрер был мертв.

С шеи его он снял кулон, укрепленный на кованой серебряной цепочке, — вероятно, старинной работы. Кулон представлял собой камень, обрамленный тем же зачерненным временем серебром, камень, вовсе не сочетавшийся со своей оправой: крупный, чудесно ограненный рубин, будто наполненный сгустком искристого, теплого света...

Оттерев салфеткой измазанный кровью “вальтер”, Гюнтер, преодолевая сумятицу мыслей, заставил себя все-таки призадуматься, понимая, что шеф был далек от мыслей о самоубийстве, а намеревался как раз покончить с ним, Роландом. По какой только причине?

Еще год назад, сразу же по назначению его из охранных подразделений СС личным шофером Краузе, он был вызван прямо на Принц-Альбрехтштрассе, где до того служил в комендатуре, и тут же завербован гестапо, чей сотрудник разъяснил ему в мягкой, но, одновременно, и четкой форме, что новый его шеф — серьезный ученый, чьи секретные научные изыскания жизненно необходимы Рейху, а потому тайной полиции желательно знать о всех его высказываниях, слабостях, привычках и контактах, ибо каж-

дому человеку суждено ошибаться или же заблуждаться в каких-либо понятиях, но если таковое и допустимо для безответственных обычных смертных, то совершенно неприемлемо в отношении лиц государственного значения, способных вольно, а, может, невольно принести непоправимый ущерб великой Германии.

Упрашивать себя Роланд Гюнтер не заставил. Отказ от сотрудничества был невозможен, равно как и недобросовестные дальнейшие доносы, а потому оставалось честно исполнять предписанные ему обязанности осведомителя, которыми он не тяготился, поскольку в системе Рейха к подобному принуждали едва ли не каждого немца.

Друг на друга стучали практически все, нагнетая и без того тягостную атмосферу всеобщего страха, безраздельно царившую в стране.

Итак, вполне вероятно, что Краузе решил убрать его, как ненужного свидетеля. Только свидетеля чему? Он же ничего толком не знал, а о роде деятельности шефа даже не догадывался, и только сейчас, перетряхивая увесистый желтый портфель, нашел какие-то странные древние рукописи на непонятном языке, а вот и толстенные блокноты с записями самого Краузе, более напоминающие пособия по черной магии и, наконец, вещи с назначением понятным: кинжал почетного члена СС, еще один кинжал — на этот раз старинный, с золотой, украшенной камнями рукоятью, пачки денег: рейхсмарок, английских фунтов, американских долларов, чистые бланки всяческих документов и металлическая коробка со множеством печатей...

А что, если штандартенфюрер попытался драпануть куда-либо подальше? Тогда все вопросы, в общем-то, отпадают, тогда ситуация становится ясной: шефу был необходим автомобиль и категорически не нужен шофер, тем более, не такой Краузе и дурак, чтобы доверять Роланду... К тому же, штандартенфюрер знаком лично с рейхсфюрером, а, вероятно, и с самим великим вождем, а потому кто ведает, в какие именно игры он с ними играл?..

Да, но что теперь делать ему, скромному младшему офицеру, попавшему, видимо, в те жернова, выбраться из которых едва ли возможно?..

По логике он обязан позвонить в гестапо, доложить о случившемся, но что произойдет впоследствии? Хитрейшие ищейки быстренько уяснят, что шеф покушался именно на него, о чем свидетельствует характер раны и десяток всяческих мелочей, изменять которые — заранее вешать себе петлю на шею. Может, конечно, и обойдется, но он-то, Роланд, более чем уверен, что на протяжении расследования очутится под замком в жутком подвале, откуда редко кто возвращается полноценным и жизнерадостным, откуда вообще редко кто возвращается...

Посмотрел на лежащую на столе цепочку с кулоном. Камень изменил свой цвет. Из ало-лучиншегося он стал мертвым, потухше-черным, словно выгорел изнутри.

Интуитивно Роланд сжал его в ладони, как бы пытаясь передать кристаллу живую энергию собственной плоти, однако напрасно: матовая чернота, подернувшая грани, не ушла, а каким-то вторым планом сознания открылось, что природа этого камня — тайная и высокая, попросту не совпадает с его, Роланда, сущностью, представившейся вдруг ему же самому крохотно-убогой и никчемной....

На мгновение он оцепенел, тронутый каким-то мистическим, неясным чувством, будто заглянул в темень заброшенного колодца, но сумел управиться с бессмыслицей всяческого рода неясных ассоциаций, вернувшись к реальности: положил в портфель позолоченный "Вальтер", застегнул замки, машинально набросил на шею цепочку с кулоном, собрав со стола продукты, вышел из дома, даже не обернувшись на неподвижное тело Краузе.

С него будто сошел дурман.

Теперь все оставалось позади: ученый шеф в форме, карьера офицера СС, ежедневные доносы в гестапо, жизнь, а, вернее, существование во имя Рейха и фюрера, — к чертовой матери! Уже идиоту ясно, что война бесповоротно проиграна, вскоре в Берлин войдут американцы и русские, а потому самое время затаиться и переждать считанные недели суматохи, после которой не будет ни политической тайной полиции, ни флагов со свастикой, ни угрозы отправки на фронт...

Родители Роланда жили в небольшом городке у самой границы с Францией, но попытаться добраться туда представилось ему делом рискованным: во-первых, уже буквально через несколько часов могли начаться его розыски, во-вторых, миновать многочисленные кордоны, не имея надлежащих проездных документов, означало обречь себя на вполне вероятный провал, хотя полицейские патрули, как правило, не испытывали желания в досмотре машин, приписанных к РКСА.

Поразмыслив, он отправился обратно в Берлин, в район Карлсхорста, где находился дом приятеля, летчика "Люфтваффе", его тезки, ровесника, уже с год воевавшего где-то на Украине.

Родители парня погибли еще в тридцатых годах в автомобильной катастрофе, жил он покуда один, не решаясь на брак в смутное военное время, а перед отправкой на фронт попросил Роланда присмотреть за домом, куда тот приезжал раз в месяц, протирая пыль с мебели и выпивал порою стаканчик вина или же пива, чьи изрядные запасы находились в огромном подвале рядом с котельной.

Последнее письмо от приятеля он получил с полгода назад, более никаких известий от него не поступало, и Роланд подозревал, что мог тот и сгинуть в мясорубке Восточного фронта, как десятки и десятки тысяч других. Он даже хотел попросить Краузе выяснить судьбу друга, но отчего-то не решился: желчный штандартенфюрер вообще неохотно исполнял какие-либо просьбы, не связанные с его личными интересами, а потом — стоило ли пороть го-

рячку из-за паузы в переписке, что затянулась всего лишь на несколько месяцев?..

Сейчас же Роланд был доволен, что никого не посвятил в подробности своего надзора за жильем приятеля. Если гестапо начнет поиски, то происходить они будут в первую очередь на западе и юге Германии, где живут почти все его родственники и большинство знакомых, и вряд ли кому придет в голову, что Роланд Гюнтер — возможно, с завтрашнего дня — дезертир и уголовник, — находится в каких-то неполных тридцати минутах езды от имперского управления безопасности, в элитарном районе, среди чьих обитателей немало и генералов СС, и всяческих высоких полицейских чинов.

К ночи пошел дождь — холодный и обильный.

На подъезде к Карлсхорсту Роланд запарковал машину в тихом узеньком переулке, набросив дермантиновую накидку на фуражку, достал из багажника портфель Краузе, объемистый сверток с продуктами и двинулся длинной путаной дорогой в сырую темень, стараясь держаться ближе к стенам домов с задрапированными светомаскировкой окнами.

Вода обильно заливала брусчатку тротуаров и мостовых, что Роланда как нельзя больше устраивало, ибо если завтра к обнаруженной машине привезут полицейских собак, то навряд ли они возьмут какой-либо след после такого разгула стихии.

Далекие прожектора металась по облачному беззвездному небу, напрасно отыскивая самолеты врага: очередная ночная бомбежка откладывалась из-за непогоды, и сегодня берлинцы могли, наконец-то, уснуть в собственных постелях, а не в убежищах.

Впрочем, Карлсхорст от налетов авиации противника покуда не пострадал, видимо, не представляя никакого стратегического интереса — как спальный район с великим множеством мирных двухэтажных вилл, спрятанных в плотных кущах кустарников и деревьев.

Несколько раз неясными тенями перед Роландом мелькали патрули, он замирал, вжимаясь в стены или же прятаясь за облезлыми стволами тополей и в подворотнях, однако к дому тезки-летчика добрался без приключений, отпер низенькую железную дверцу черного входа и в изнеможении опустился на сухой деревянный пол прихожей...

Какое-то время его била дрожь — не то от нервного перевозбуждения, не то от сырости и пота, пропитавших всю его одежду до нитки.

Он заставил себя встать, зажег свечу, решив не пользоваться электричеством, умылся, переоделся во все сухое, натянул на себя толстый шерстяной свитер и, выпив из горлышка на едином дыхании целую бутылку красного сухого вина, что обнаружилась в буфете, пошел в спальню, где, как в кокон закутавшись пуховой периной, погрузился в черный, без сновидений, сон.

Гроза уже уходила от Берлина, восток мутно озарялся рассветом, и в предутренней мгле неба, укрупняясь в очертаниях, уже

летели на город неотбомбившиеся за ночь самолеты будущих победителей, желающих наверстать упущенное время еще незавершенной войны.

Рейхофюреру СС Генриху Гиммлеру
Строго секретно

Рапорт

Вчера, следуя Вашему личному указанию, я отправился в район Висендорфа с целью срочно доставить к Вам штандартенфюрера Ф.К., однако выполнение Вашего приказа явилось невозможным, поскольку объект был найден в своем доме в бессознательном и крайне тяжелом состоянии вследствие проникающего огнестрельного ранения в области сердца.

Предварительная медицинская экспертиза установила значительную кровопотерю. Кроме того, характер ранения и поврежденной одежды указывают на нанесение огнестрельной раны самим же Ф.К.

По извлеченной из стены дома пуле, установлено, что выстрел производился из пистолета "Вальгер РРК".

Выдвижению версий покушения на самоубийство или же неосторожного обращения с оружием препятствуют следующие выяснимые обстоятельства:

1. Исчезновение с места происшествия искомого оружия.

2. Неизвестное нахождение водителя Ф.К. и его служебного автомобиля.

Допрос Ф.К. невозможен в силу его нынешнего физического состояния. Прогноз врачей хирургического отделения госпиталя СС, куда он помещен, носит характер неопределенный в силу кризисного состояния пациента.

Необходимые полицейские мероприятия по розыску водителя и автомашины проводятся.

Отто фон дер Гольц,
штурмбанфюрер СС

Роланд Гюнтер

Он проснулся в спокойной уютной тьме и долгое время лежал без движения, понимая обреченно, что сегодняшний день — начало уже другой жизни, а к прошлой возврата нет, он сам перечеркнул ее — твердо и навсегда.

Оперевшись на локоть, подтянулся к окну, отодвинув буквально на миллиметр в сторону шторку светомаскировки.

Луки выпарило солнце, беззаботный весенний день сиял над Берлином, на бульжной мостовой играли детишки, и не верилось, что где-то рядом грохочет война, а его, Роланда, разыскивает гестапо, уже наверняка обнаружившее и машину, и покойного штандартенфюрера Краузе...

Рядом с домом, покая подковами сапог по серому булыжнику, прошелся полицейский патруль, и Роланд инстинктивно отпрянул от окна: ему показалось, что офицер заметил щель между рамой и тканью светомаскировки...

Встав с постели, он замер, прислушиваясь, не донесется ли сейчас требовательный стук в дверь, означавший то страшное, о чем он не решался даже задуматься...

Пронесло. Никто не заметил ничего подозрительного, патруль прошел мимо, и Гюнтер, подставив словно опаленное жаром лицо под струю холодной воды из крана, понял, что страхи напрасны, и вряд ли кому взбредет в голову заглянуть в этот покинутый хозяевами дом.

Он зажжет свечу и отправился в подвал, где обследовал запасы продуктов.

Помимо бочек с вином и пивом, в подзаемелье имелся изрядный запас консервов, картофеля, а подвешенные под потолок свиные копченые окорока приятно обнадружили Роланда в возможности пересидеть в таком убежище, если потребуется, долгие месяцы.

Он плотно позавтракал, выпил пару бокалов вина и вновь провалился в сон, а проснулся уже поздним вечером от далеких взрывов — город опять бомбили.

Зажет свечу, поспонялся бесцельно по комнатам, а после открыл портфель Краузе, вытащил толстенные блокноты с записями, сделанными бывшим начальником, и погрузился в их изучение...

Впоследствии он не раз спрашивал себя, жалеет ли, что коснулся этих проклятых рукописей?..

И — не находил ответа. Но время, проведенное в кромешной тьме заброшенного дома, запомнилось ему навсегда. Собственно, он и не ощущал никакого течения времени...

Горели свечи, озаряя неверным мечущимся светом страницы, плотно исписанные штабдартенфюрером — черным магом, знавшим такие секреты третьего Рейха и СС, что ежеминутно изумляющемуся внезапными открытиями Роланду приходилось, справляясь с осторожью, то и дело прикладываться к алкоголю, и тяжелое пьянство, перемежаемое сном и чтением, стало своеобразным его бытием, чья ирреальность была заполнена таинственными, однако явно, как казалось ему, зримыми образами далеких миров и населявших их сущностей, питавшихся тонкими материями земных человеческих страданий.

Он не пытался постичь аспекты самой магической практики, детально описанные Краузе в своих дневниках, оккультные науки, о которых ему было известно лишь в общих чертах, как и большинству людскому, представились теперь пирамидой столь сложного и утонченного знания, на освоение которого, под неусыпным руководством искушенных наставников, требовались долгие и долгие годы.

К тому же он понял, что магическая сила даруется лишь редчайшим избранным, остальные же могут ее лишь заслужить.

Ритуалы, чье проведение зависело от фаз Луны, искусство релаксации и созерцания Таро — древней иероглифической книги, когда-то появившейся в Египте, секреты Каббалы, мирской, нравственный и божественный треугольники, столпы милосердия, строгости, нежности и сефироты, их составляющие, цвета “королевской шкалы”, связанной с миром Брийа — эти понятия, как сотни и сотни иных, предназначались для образованных посвященных, и в подобные детали он, бывший младший офицер СС Роланд Гюнтер, самостоятельно вникнуть не мог.

Он уяснял лишь узловые позиции изысканий Краузе, стремящегося проникнуть в параллельные миры, населенные существами, порою не имеющими ничего общего с человеческой природой, но крайне заинтересованными в том, что творится на этой Земле.

Миров этих, свойства однозначно inferнального, существовало множество, хотя и властвовал над ними всего лишь единственный великий Демон, кто, согласно теории Краузе, существовал, как один из сподвижников Сатаны, а понятие же Дьявола и Бога, столь упрощаемое людскими умами, и великий конфликт Люцифера, чье имя в переводе означало, оказывается, “несущий свет”, с Создателем, конфликт, начавшийся еще до начала каких-либо времен, — все это являлось понятиями столь всеуниверсальными по масштабам своим, что попросту не могли они быть постигнуты человеческим сознанием, привязанным к насущной повседневности, плотским потребностям и неизбежным хворям.

Массовое уничтожение иных рас, новый мировой порядок, власть ордена “Мертвой Головы” — получали свое обоснование с позиций не политических или же социальных, а из мировоззрения глубоко оккультного, связанного с таинством самого зарождения рода людского и сотворения мира, окруженного мирами иными, стихиями света и тьмы, чье противоборство иной раз упиралось в тот или иной компромисс... Так, например, ни божьи, ни inferнальные миры одинаково не были заинтересованы в гибели человечества и, как предположил Роланд, потому не дали, наверное, фюреру, то волшебное атомное “оружие возмездия”, о котором подчас упоминал Краузе, как о последней надежде на победу...

Шли дни, череду которых Роланд уже не замечал, проживая во мраке, тревожимом только огнем свечей, магическая и алкогольная отравы заполнили его существо тупым равнодушием ко всему, порою он даже был готов выйти из дома, но для чего? — он ведь ни в чем не нуждался...

Смерть? Она уже не страшила его, равно, как и жизнь...

Грохотавшая в городе нескончаемая канонада, оживленное шарканье чьих-то ног по мостовой, доносившиеся крики и рев сирен сознавались как нечто суетное и малозначимое, однако очередным утром, выдавшимся на редкость тихим, даже беззвуч-

ным, словно оцепенел весь мир, он проснулся начисто отрезвленным от долгого и тягостного дурмана, сжав голову ладонями, уселся на кровати, испытывая безразличную пустоту мыслей, а после подошел к окну, отдернув светомаскировку...

Мягкий свет майского утра тотчас заполнил комнату.

И в сознание Роланда врезалась, намертво запечатлевшись в памяти, картина: катящий по улице "виллис", на заднем сиденье которого сидели, небрежно забросив руки за спинку, двое офицеров в фуражках со звездами, а впереди, рядом с пожилым шофером находилась девушка с пышными волосами шатенки, в очках с круглой роговой оправой и в выцветшей пилотке, радостно улыбавшаяся несшемуся на нее весеннему ясному пространству...

Победители.

Светомаскировку с окон снимать он не стал, а зажег свет, уселся в кресло и какое-то время размышлял, что же теперь делать?..

Судя по всему, в этой части города хозяйничали русские, а встреча с ними ему, офицеру СС, не сулила ничего доброго, как, впрочем, наверняка и с американцами, и с англичанами, но последние представлялись все-таки менее опасными, нежели большевики, имевшие, как слышал Роланд, еще более кровожадную, нежели гестапо, контрразведку.

В одном из отделений бумажника у него хранилось несколько своих фотографий, и, использовав чистые бланки документов и печати из портфеля Краузе, он уже через час стал Роландом Валленбергом, присвоив себе фамилию приятеля-летчика, канувшего в неизвестность на просторах Восточного фронта.

Подлинная метрика приятеля, различные его удостоверения и дипломы обнаружили в деревянной шкатулке, стоявшей в одном из ящичков письменного стола.

Спустившись в подвал, Роланд прихватил с собой из подсобки лопату и лом, подковырнув одну из тяжелых бетонных плит, устилавших дно подвала, отвалил ее в сторону, принявшись копать яму, куда опустил портфель Краузе, предварительно обмотав его своей шинелью.

Из портфеля он взял только деньги, записи штандартенфюрера ему были попросту не нужны, именной кинжал и "Вальтер" представляли опасность для их владельца, а потому и свой табельный "Люгер" он тоже решил захоронить в яме.

Бланки документов тоже могли вызвать много вопросов в случае вероятного обыска, единственное, о чем жалел Роланд, — так это о старинном кинжале, представлявшем, конечно, музейную ценность, но ведь и его способны расценить, как незаконное холодное оружие, а потому на какое-то долговременное обладание столь уникальной вещицей в данных смутных обстоятельствах рассчитывать не приходилось.

Машинально он нащупал под рубашкой грани окаймленного серебром камня, решив оставить его при себе, — в крайнем случае, невелика потеря.

В яму полетел форменный китель, галифе, фуражка с эмблемой-черепом, плита ровно улеглась на прежнее место, стыки ее Роланд не поленился залить цементным раствором, а после, тщательно убрав остатки грунта с пола, поднялся наверх, в душевую, смыл с себя пот и грязь.

После не торопясь собрал рюкзак с продуктами и, хотя неудержимо хотелось выпить вина, в удовольствии такого рода он себе решительно отказал.

Его словно кто-то подталкивал к незамедлительному уходу из этого дома, — пусть в неизвестность, пусть в лапы врага...

Он запер за собой дверь черного входа и постоял на ступенях, преодолевая дрожь во внезапно ослабевших ногах, опьяненный, как от доброй бутылки "рейнского", свежим, хотя и с явным запашком гари, воздухом.

Вот и все.

Теперь ему надлежало уходить на запад. Снова — в другую жизнь.

Из жизни Ричарда Валленберга

Наверное, это был их единственный откровенный разговор с отцом, в котором тот впервые коснулся своего прошлого, рассказав обо всем, что произошло с ним во время войны именно так, как это обстояло в действительности, и что не нашло своего отражения в иммиграционных анкетах, заполненных им при переезде из Германии в США.

Ричард в ту пору находился в процессе развода со своей женой Элизабет — высокой брюнеткой, не менее эффектной, чем кинозвезда с аналогичным именем, но по фамилии Тейлор.

Служаку из ЦРУ практичная Элизабет сменила на respectfulного главу крупной адвокатской конторы, взявшегося, кстати, быстрее и бесплатным образом процедуру развода и оформление соответствующих документов осуществить, вместо казенного жалования Ричарда в распоряжении супруги теперь имелись иные денежные суммы и, наконец-то, воплотилась ее давняя мечта о дорогих парижских туалетах, умопомрачительных манто, бриллиантовых аксессуарах и новеньком "игуаре", чей белый кожаный салон изысканно гармонировал с янтарными отделочными панелями из карельской березы.

Смертельно устав от рабочей суеты, равно как и от бесконечных материальных претензий Элизабет по поводу раздела имущества и недвижимости, Ричард взял неделю отпуска, решив повидать отца и навестить могилу матери, умершей с год назад от скоротечного рака.

Отец жил в пригороде Нью-Йорка, и через считанные часы полуспортивный "фордик", мчась по широкой 95-й дороге, окруженной в ту осеннюю пору золотым и багряным раздольем великолетних лиственных лесов, привез Ричарда из провинциальной столицы Америки в столицу мира, цитадель, как ее называл отец,

империализма, вздымавшую свои лощеные небоскребы над широкой гладью Ист Ривер.

Он приехал днем, застав старика в сборах на глубоководную рыбалку, и с радостью согласился присоединиться к нему, сменив костюм на непромокаемый громоздкий комбинезон.

У отца была небольшая яхта, с которой тот управлялся, несмотря на преклонный возраст, весьма решительно и умело, как заправский моряк.

С рыбалки они вернулись уже поздним вечером, пришвартовав яхту у пирса, в спокойной воде узкого заливчика, извилиной вдававшегося в побережье.

Возиться с уловом трески и камбалы не хотелось, они закидали рыбу мелким крошечком льда из хранящегося в морозильнике пластикового мешка и, стянув с себя рыбацкие, грубой и толстой вязки свитера, устроились возле камина, попивая горячий глинтвейн, терпкий от корицы и бутонов гвоздичного дерева.

Отец неожиданно произнес:

— Я давно уже хотел тебе кое-что рассказать. Начну с того, что Валленберг — фамилия вымышленная. И зовут тебя Ричард Гюнтер. Вернее, так бы тебя следовало называть.

— Сюрприз, — откликнулся Ричард отчужденно. — Ты... серьезно?

— Вполне. И история такова...

Он выслушал отца с интересом, хотя никаких особенных эмоций от рассказа его не испытал: спасающий свою жизнь человек, поневоле попавший в переплет, действовал согласно закономерной в тех обстоятельствах логике, сначала скрываясь в заброшенном доме, на который, как ни парадоксально, Ричард теперь имел права наследника, а после уйдя на Запад.

— Но ты хотя бы пытался отыскать родителей? — спросил он отца. — Ты говорил, они погибли...

— Скорее всего, — кивнул тот. — Пока я скрывался, их увезли в гестапо. Но я выяснил и другое: меня искали с таким усердием, с каким ищут только важнейших государственных преступников.

— Причина — в портфеле?

— Именно. И я подумал: вдруг Краузе остался жив? Или же его сподвижники выстроили логическую схему и, зная о документах, начали охоту? Рано или поздно они бы нашли меня — Германия не столь велика, как Штаты...

— И ты решил "переплыть лужу"?

— Да. И сидеть здесь тихо, с эмигрантами из бывшего Рейха не общаясь. Понимаешь... даже, если бы я вернул им портфель, они вряд ли оставили бы меня в живых, я слишком много узнал, находясь на уровне, не соответствующем таковым знаниям.

— А почему бы им было не принять тебя в свою компанию?

— Это весьма дискуссионный вопрос, Ричард. Принципы такого членства мне до конца неизвестны, но, возможно, я им просто не соответствовал.

— Ладно! — Ричард легонько стукнул ребром ладони по краю обеденного стола. — Мне непонятно самое главное: практическое применение всего этого оккультного бреда. Точнее, вероятно ли его какое-либо использование в реальных целях? И если нет, тогда из-за чего сыр-бор?

— О-о, — присвистнул отец. — Чувствую, мало что ты уяснил из моего рассказа, дружок. Хотя, конечно... как может современный американец понять то время и то государство... А те, кто таким государством руководили, прекрасно отдавали себе отчет, что оккультизм и реальная власть — понятия далеко не параллельные. Кстати, ты знаешь, кого Гитлер начал уничтожать в первую очередь? Думаешь, коммунистов и евреев? Нет. Мистиков, колдунов, астрологов и гадалок. Спешно и планомерно. Почему? Да потому что ему, кто сам являлся магом, не нужна была конкуренция и бардак на самой ключевой позиции внутреннего устройства государства. Это вполне сравнимо с тем, если бы частным компаниям в Америке позволили бы заняться проблемами оружия массового поражения. Да-да, не улыбайся. Вот и был создан институт Майтника, где вся просвещенная в эзотерических науках публика работала на благо Рейха, под жестким контролем, без возможностей самостоятельности, организованная в четкую структуру. Причем, сами магические кадры по отдельности таинство своей миссии не осознавали. Тайнством же была высшая идея — создание единого магического социализма. Это только казалось, что Германия исповедует научный материализм, и вся ее тоталитарность на том и держится. Гитлер знал, что в основе любой философии есть один из трех подходов: материалистический, когда человек думает только о своем брюхе и мнит себя властелином мира, духовно-мистический, что относится к безраздельному служению Творцу, и, наконец, мистически-материалистический, то бишь — оккультный, когда речь идет о связях с демоническими мирами. Вот он и манипулировал всеми тремя аспектами, выдавая себя за материалиста перед толпой, призывая избранных к служению Богу, а сам же искал поддержки инфернальных существ. Из этого, естественно, следовало запрещение любой мистической литературы, и еще в тридцать четвертом году берлинская полиция ввела запрет на все предсказания будущего. Закрыли отделение теософского общества Блаватской, запретили публикации Адольфа Ланца, наставника фюрера... Вообще это имя старались похоронить как можно скорее и надежнее. А ведь еще в начале тридцатых годов этого... вот уж воистину сатанинского века, он провозгласил, что Гитлер, мол, ученик нашего ордена, и он развернет такое, от чего содрогнется весь мир.

— Ланц?..

— Ага. Бывший монашек, цистерцианский послушник. Изгнан из монастыря за грехи плоти. И вообще за мирские желания. А назывался монастырь — Хайгиленкройц. Ну, изгнан, казалось бы, так и ступай в мир людской суеты... Нет, решил он создать

собственный орден: Нового Храмовничества. При этом именовал он себя доктором Йоргом Ланцем фон Либенсфельс, утверждая, будто папа его — барон Иоганн Ланц де Либенсфельс, что было полным враньем. Орден духовным своим истоком избрал легенду о Граале, а идеологические направления сводились к идее арийской расы, чья чистота обуславливалась методами строжайшей селекции. Попутно выдвигались идеи стерилизации низших рас, создания инкубаторов-колоний для выведения арийского потомства... А после Ланц провозгласил, что орден его — часть гитлеровского движения. Думаю, провозгласил не из соображений конъюнктуры. Гитлер зачитывался его сочинениями еще в пору своей юности, к тому же, еще в начале века они встречались в Вене, ведя заинтересованные беседы... Кстати, он-то, Ланц, купив когда-то развалины древнего замка и приведя их в относительный порядок, создал как бы храм, где проводились магические ритуалы и висело знамя... Интересное такое знамя... Со свастикой.

— То есть свастику впервые использовал Ланц?.. Я имею в виду — в Германии? — спросил Ричард.

— Нет. Возможно, он лишь заимствовал идею. Был у него приятель — некто Гвидо фон Лист — писатель по профессии и оккультист по призванию. Причем, специализацией его был рунический оккультизм. Сам он считал себя выходцем из расы Арманен — расы германских мудрецов, посвященных в высшие мистические тайны. Поговаривали, что обладал он и даром ясновидения, но взор свой обращал не столько в будущее, сколько в прошлое, ища там истоки возникновения высшей расы. И вот, на одном из холмов под Веной, отмечая солнцестояние, он выложил из пустых винных бутылок эту самую свастику — древнейший символ Солнца и жизни. Нельзя с уверенностью говорить о предложении Ланца Гитлеру использовать данный знак в качестве эмблемы партийной, а затем и общенациональной. На авторство подобного предложения претендовал и Фридрих Корн из тайного Германского ордена, стоматолог по профессии. Впрочем, к чему я клоню? Клоню к тому, что имена тех, кто строил фундамент Рейха как оккультного по сути образования, должны были исчезнуть из истории. И чтобы авторство как символов, так и руководящих идей благодарный немецкий народ без сомнений приписывал фюреру. Тем более, в "Майн Кампф" ему достаточно было только упомянуть, что свастика, мол, отражает победоносную миссию арийца, белый диск, на котором она изображалась, — олицетворение националистической идеи, а красное полотнище флага — социальной. Вот и все. Вполне достаточная информация для среднего немца. А всякие предыстории, наводящие на размышления, излишни.

— Тогда вопрос, — сказал Ричард. — О твоей личной позиции. Ты поклонник Гитлера или нет?

— А ты?

— Ни то, ни другое. Я вырос в обществе, где о подобном выборе никто не задумывается. Да и кто здесь что-либо знает о каком-

то там Рейхе? Информация соответствует уровню элементарных исторических сведений: да, была война, мы победили, да, вехорощие эсэсовцы уничтожали евреев... Но, с другой стороны, на протяжении всей человеческой истории кто-то кому-то сворачивал головы, и Гитлер во многих современных умах — точно такой же энциклопедический персонаж, как Чингисхан или же Тамерлан. А вот относительно тебя дело обстоит иным образом, ты — носитель конкретного знания, а потому имеешь право высказать мнение уже очевидца событий... Оно-то меня и занимает.

— А мнения как такового и нет... — пожал плечами отец. — Как вет идеального государства. Правилась ли мне нацистская Германия? Да. Мое отношение к Гитлеру? Крайне отрицательное. И ответственность за проигрыш войны лично я возлагаю исключительно на него. Наше нынешнее американское правительство, очень внимательно изучив наследие фюрера, действует его же методами, но куда более тоньше. Действует твоими руками или же руками твоих коллег. Какого, в самом деле, черта, тратиться на бомбы, снаряды, танки и авиацию? Дешевле кушиться агентуру влияния в той или иной стране, или же запрограммировать тех или иных личностей для действий в необходимом направлении, и от бывшего врага безо всяких кровавых битв с ним остается всего лишь пшик. Где теперь тот могучий СССР? Где его наука, армия, производство? И, думаешь, можно кому-то предъявить претензии? Или устроить новый нюрнбергский процесс над ЦРУ? М-да... Филигранная работа.

— Домыслы, — зевнул Ричард.

— Конечно! — подтвердил отец с апатичной хитринкой в голосе.

— А... что же, интересно, с портфельчиком?.. — переменял Ричард тему. — Так и покоится под камнем?

— Минуту! — Отец ушел в спальню, откуда вернулся с пакетом фотографий. Порывшись в нем, вытащил старый черно-белый снимок. — Вот. Можешь взять себе на память. Кстати, именно об этом доме я тебе и рассказывал.

Ричард посмотрел на снимок. На ступенях особняка, под карнизом, стояли, обнявшись, два офицера в немецкой форме, в одном из которых он сразу признал отца.

— Фотография была у меня в бумажнике, — пояснил тот. — Совершенно о ней забыл, иначе сжег бы ее еще тогда... Ну, а потом заклеил в обложку книги, решив оставить, — все-таки память... Так она со мной и переехала в Америку.

— А кто... второй? — спросил Ричард напряженно.

— Второй — мой тезка... Роланд. Валленберг.

— Тот самый летчик?

— Да... — Отец зябко поерзал в плюшевых объятиях тесного кресла и, вытянув ноги, сцепил на груди пухлые пальцы. — В начале восьмидесятых, кстати, мне довелось побывать в Восточном Берлине. И я, естественно, посетил Карлсхорст.

— Встреча с прошлым?..

— Представь, как будто бы и не прошло почти сорок лет! Там ничего практически не изменилось. Разве что основные жители — русские офицеры, поблизости стоит их воинская часть. В доме же поселился какой-то генерал, так что и речи не могло идти о каких-либо визитах туда... И, значит, Валленберг погиб. Хотя, с другой стороны, если бы он и остался в живых, вряд ли мог претендовать на особняк. Получил бы бетонную социалистическую квартиру...

— Русские скоро уйдут, — сказал Ричард. — Ты можешь претендовать на недвижимость. Подумай!

— Вот тогда-то, — заговорщически подмигнул отец, — ты мне составишь компанию, и мы поднимем плиту... В случае удачи обещаю тебе золотой "Вальтер" и пару книжалов в качестве сувениров...

— Меня более интересуют рукописи, — отозвался Ричард.

— Возьмешь и рукописи. Правда, к чему тебе эта зараза?..

Отец уже хотел убрать оставшиеся фотографии обратно в пакет, но, спохватившись, перевернул его, и на стол, звякнув, вывалилась толстая серебряная цепь с кулоном.

Ричард взял ее в руки. Его заинтересовал камень — крупный, красиво огранный, словно из черного блестящего стекла...

— Амулет Краузе, — буркнул отец.

— Интересно, что за минерал... — Ричард осторожно поворачивал камень кончиками пальцев, рассматривая его на свет.

— Я показывал его многим ювелирам... Ответы получал разные: то ли вулканическое стекло, то ли... что-нибудь заковыристое... Но заключительное мнение единодушное: ни малейшей ценности не представляет.

Ричард уже хотел положить цепочку на стол, но тут заметил какие-то неясные красноватые пятна на гранях кристалла. Отсвет огня из камин?

Нет... Камень отчего-то менял цвет, принимая вишневую окраску, что постепенно наполнялась алой теплотой...

— Что ты нашел там любопытного? — небрежно спросил отец.

— Твой бульжник, по-моему, превратился в рубин, — молвил Ричард растерянно.

— Что?!

— Смотри...

Отец принял переданную ему цепь.

Некоторое время камень сохранял свой малиновый цвет, но потом снова начал сереть и, наконец, покрылся прежней стылой чернотой, подернувшей грани.

— Все, как тогда... — прошептал отец.

— То есть? — привстал Ричард с кресла.

— Когда я снял его с шеи Краузе, камень тоже был розовым, а в руках у меня стал как уголь...

— Ну-ка, дай! — Ричард плотно сжал кулон в кулаке. Выждав с полминуты, разжал пальцы. На ладони его покоился сверкающий рубин. Или нечто, на рубин похожее.

— Вот и не верь в чудеса, — констатировал отец.

— Думаю, никакой тайны тут нет, — заявил Ричард. — Нечто, подобное принципу, на котором действует кофеечный индикатор стресса. У тебя же он, кажется, был... Прижимаешь к идеально-черной пластинке пальчик, и она, в зависимости от твоего эмоционального состояния, либо синееет, либо зеленеет, а то и краснеет. А когда состояние глубоко стрессовое — то остается черной. У тебя же, видимо, стресс постоянного характера. Очевидно, после пережитых ужасов фашизма.

— Помимо меня, камень держала в руках дюжина других людей, Ричард.

— Ну, хорошо. Значит, здесь присутствует какой-то эффект энергетической избирательности. Наверняка, способный быть обоснованным научно.

— Научно обосновывается абсолютно все.

— Верно. Было бы желание. — Ричард помедлил. — Ты не возражаешь, если я покажу эту штучку одному моему приятелю из технического отдела...

— Да забирай совсем, — махнул рукой отец.

— Спасибо. Оч-чень забавная вещичка. — Ричард накинул цепочку на шею. — О результатах экспертизы сообщу.

Отец внезапно ахнул, посмотрев на часы.

— Уже скоро рассвет!

— Ничего. Завтра отоспимся. И пожарим рыбу. А за сегодняшнюю ночь спасибо, папа. Мне едва ли не неделю придется переваривать в мозгах все, что я сегодня услышал...

— Завтра я могу устроить тебе не менее любопытное продолжение, — заметил отец.

— Буду признателен. Знание умножает скорбь, как заметил Экклезиаст, однако, коли уж идешь по пути его обретения...

— Поэтому над входом в ваш профсоюз выбито изречение: "И познаете вы истину, и истина сделает вас свободными"? — не без сарказма спросил отец.

— Библейский мудрец под истиной подразумевал Бога, — сказал Ричард. — А кое-кто, не поняв сути его мыслей, истолковал их по-другому, как свободу от любых мирских условностей и морали. Так мы стали ведомством рыцарей плаща и кинжала.

— И инструментом определенных монополий, — вдумчиво резюмировал отец.

Ричард, ничего не ответив ему, отправился спать. Поудобнее устраиваясь под периной в холодной комнате — отец соблюдал немецкие традиции, считая, что здоровый сон возможен только на свежем воздухе, он некоторое время размышлял, профессионально препарировав полученную информацию.

Самым любопытным представлялся тот факт, что фамилия Валленберг оказалась фикцией. Магический Рейх с его тайнами интересовал его в степени весьма незначительной, если вообще интересовал, а вот недвижимость в Германии, на которую он мог

претендовать, представлялась заманчивой целью, особенно после того серьезного материального урона, что был нанесен разводом по инициативе несносной Элизабет.

Возвращаясь же к мнению отца об Америке, он, не опровергавший такового мнения, но, одновременно, и не соглашавшийся с ним в силу определенных правил ведения диалога, сейчас, под перриной, с невольным одобрением кивнул, припоминая критические доводы собеседника.

Он, Ричард Валленберг, тоже не любил Америку. Он знал, кто ею правит. И ведал приемы, которыми правление осуществляется. И испытывал органическую, хотя и необъяснимую антипатию к евреям. Однако позволить себе какие-либо комментарии в отличие от престарелого отца, кому и в самом худшем случае выявления нацистского прошлого спишется все, не мог.

И поэтому, прежде чем впасть в очередное ночное забытие, он, расчленив фрагменты беседы, пытался выявить погрешности своих реакций и высказываний, словно, пошивая глинтвейн у камина, находился под микроскопом, к чьему окуляру приник внимательный и безжалостный глаз, схожий с тем, что был изображен над усеченной пирамидой на купюре достоинством в один доллар. Множество символов воплощала эта купюра, но смысл их был открыт далеко не многим.

Смысл тринадцати звезд, тринадцати листов ветви, зажатой в когтях орлана, как и тринадцати стрел, шести полос на щите и девяти хвостовых перьях...

Снились же ему безликие коридоры ЦРУ, будто уходящие в какую-то стерильную бесконечность, и он неторопливо шел ими, поглядывая в стекла, где в близоруко-размытой дали пестрел эксперимент смертного, гниющего мира.

Из жизни Михаила Аверина

Последнюю неделю Миша пребывал в состоянии удрученном, одна за другой наваливались проблемы, касающиеся и быта, и бизнеса.

На днях состоялся малоприятный разговор в немецких городских инстанциях, претендовавших на помещение, в котором располагался магазин в Карлсхорсте, а также и на особняк, где Михаил проживал, основательно уже обустроившись.

Относительно магазина тревожиться, в принципе, не приходилось: речь шла всего лишь о новой арендной плате, возрастающей пятикратно в сравнении с той, что Миша отстегивал армейским чинам, кто волей-неволей передавал всю недвижимость берлинскому муниципалитету согласно правительственным соглашениям. Мишины интересы соглашениями, естественно, не учитывались.

А вот с особняком дело обстоит куда напряженнее. Бывшие его хозяева не объявлялись, что, конечно, радовало, но власти от

столь лакомого куска, чувствовалось, отказаться не желали, и, хотя Михаил предоставил чиновникам "ремонтный счет", восприняли они его равнодушно, что являлось симптомом тревожным, ибо, как ни крути, а силы муниципальной адвокатуры представляли угрозу серьезную.

Бизнес тоже потихонечку увядал. Множество армейских частей уже передислоцировалось в Россию, в оптовых магазинах на Кантштрассе начал залеживаться товар, а действия полиции в отношении "красной мафии" стали принимать характер пассивнейший.

На том же Кантштрассе происходили едва ли не ежедневные проверки, выявляющие факты незаконной торговли газовым и электрошоковым оружием, у продавцов требовались лицензии и документы на право работы, ряд Мишиных дружков надолго и прочно угодили в тюрьму за изготовление фальшивой валюты и торговлю краденым товаром, а потому Михаил не без оснований полагал, что волна полицейских репрессий вскоре докатится и до захолустного Карлсхорста, где уже начались облавы на нелегальных иммигрантов, проживающих в оставленных армией квартирах.

Оснований же для предъявления герру Аверину претензий у немецкой полиции имелось предостаточно.

Сидя в кресле за прилавком магазина, Миша обозревал товар, выставленный на стеллажах, тоскливо сознавая, что, зайдя сюда сейчас кто-либо из компетентных лиц, — ему конец!

Ни одной законной накладной — сплошная липа. Половина товара — трофеи местных воров, громивших берлинские магазины, причем, на некоторых вещах он отметил легкомысленно оставленные прошлые ценники, являвшиеся бесспорными уликами. В подсобке — ящики с газовыми пистолетами, на витрине — богатейший ассортимент баллончиков со слезоточивым газом и тесаки, подобные рыцарским мечам... И еще дурак Курт приклеил к стеклу объявление: "Всегда в продаже вино и пиво". А то вояки не знают, что по субботам и воскресеньям магазин именуется в районе "реанимацией". Ну, а потребуй у него сейчас кто-либо лицензию на торговлю алкогольными напитками?..

Миша подошел к окну, со злобой сорвал объявление.

Вздохнул, заглянув в подсобку, где громоздились поддоны с пивом и дешевым сухим вином в бумажных пакетах. В случае чего придется пояснить, что это, мол, для личного пользования...

Сегодня Курт выхлопотал себе свободный день, сославшись на семейные дела, и Михаилу пришлось взять на себя роль продавца, а, вернее, созерцателя, ибо магазин становился с каждым днем все менее и менее посещаемым: каждодневно редееющие ряды офицеров и прапорщиков, закупивших уже все необходимое для жизни на родине, заходили теперь сюда если только за сувенирной мелочевкой.

Хороший доход приносили ныне лишь туристические группы, ящиками забиравшие газовое оружие и оптом скупавшие дешевый ворованный товар.

Немцы же, за редчайшим исключением, не посещали магазин вовсе, и в каждом зашедшем сюда аборигене Михаил подозревал сотрудника криминальной полиции.

С месяц назад, сидя в ресторане, Миша разговорился с одним из жителей западной части Берлина. Разговор коснулся рода Мишинных занятий.

— Торгую, — честно признался Аверин. — Магазин у меня...

— Где?

— В Карлсхорсте.

— Да? — удивился немец. — У меня там живут родственники... И где же ваш магазин находится?

Михаил уточнил, тут же отметив на лице немца тень каких-то нехороших эмоций.

Разговор, столь заинтересованный и дружеский поначалу, резко трансформировался в своей манере, став натянутым, и тем самым моментально себя исчерпал.

Немец вежливо попрощался, однако, уколотый таким внезапным поворотом в их общении, Михаил все-таки напрямик спросил, чем вызвана перемена в настроении собеседника.

— Даже вот такой ребенок... — процедил немец, водя ладонью на уровне своего колена и тем самым рост ребенка обозначая, — знает, что это за магазин...

— И что же это за магазин? — с искренней непосредственностью осведомился Михаил.

— Это магазин русской мафии, — закончил немец, как плюнул. И отправился восвояси.

Мише оставалось только пожать плечами.

К полудню магазин посетила шайка украинских бандитов, гнездовавшая на нелегальной основе в одном из бывших армейских жилищ. Бандиты внесли Михаилу деловое предложение: принять косвенное участие в переправке на территорию России партии ворованных престижных автомобилей, используя связи Аверина с летчиками военной авиации и администрацией армейского аэродрома "Шперенберг".

— Прикинь, — убеждал Мишу глава бандитов. — Лох вышел со службы, а тачки нет... Он еще по округе бегает, а наш человек уже выкруливает с московского аэродрома... На Щелковское шоссе. У тебя же есть в Чкаловском завязки с таможенной?.. Ну! Будешь в доле. Платим по факту загрузки. Условия ФОб. Класс!

Миша пыхтел в раздумье, обещая предложение рассмотреть. Связываться с уголовниками не хотелось, но инерция авантюрной натуры влекла на очередное рискованное мероприятие... Да и степень риска представлялась не такой уж значительной. Прямого участия в криминале с его стороны не требовалось, опасность

могла возникнуть только со стороны лихих компаньонов, в будущем способных под любым предлогом "наехать" на него по надуманному поводу с целью отнять долю, но Мишу подобная перспектива ничуть не страшила. Достаточно звонка в полицию, заявления о вымогательстве и — прощайте, господа гангстеры, навсегда! В лучшем случае вас ждет вагон-скотовоз и депортация, в худшем — тюрьма Моабит, откуда, после отбытия срока, последует опять-таки пинок коленом под зад — прямо в лапы правоохранительных органов Украины, где половина компании числится в розыске за грехи прошлого.

— Возможности — пробью! — заверил Михаил уголовников. — Но ни к одной тачке не притронусь и пальцем!

— Конеш-шно... — прошипел согласно главарь. Желтая слюна пузырилась в грязных углах его тонкогубого ротика.

Мразь, наконец, очистила помещение, повалил покупатель, к вечеру в кассе образовалась сумма порядка двух тысяч марок, из которых пятьсот пришлось выплатить очередному криминальному нелегалу за два краденых велосипеда.

Похититель велосипедов — коротышка с круглым лицом, на котором сияла неизменная улыбка, скоро, как полагал Михаил, очутится на нарах, ибо удача сопутствовала ему уже чрезмерно долгую пору, велосипеды же, оборудованные едва ли не компьютерами, представляли собой ходкий товар, и Миша хотя преждевременно, но справедливо огорчился ожидаемым потерям в доходах по данной категории ассортимента.

Уже поздним вечером закрывая магазин, Михаил подумал, что сегодня ему еще придется заглянуть на "Шарлоттку" — в публичный дом, хозяину которого он сбывал партии фальшивых "Ролексов" с истинно золотыми браслетами и корпусами, однако с механизмами свойства сомнительного.

Судя по регулярности заказов, часы пользовались несомненным спросом среди клиентов обители разврата, где Михаила приветствовали едва ли не как компаньона хозяина буквально все, начиная от мадам-менеджера до бармена, бесплатно потчующего делового посетителя любыми напитками.

Девочки, которых мысленно Миша именовал "организмами", тоже питали к нему известную симпатию, но, опасаясь "чумы двадцатого века", он не рисковал воспользоваться их услугами, предпочитая контингент офицерских жен, томившихся одиночеством в частых отсутствиях своих благоверных, то дежуривших по казармам, то отбывающих на бесконечные полигонные учения.

Усаживаясь в машину, Миша задал себе самый главный вопрос: чем заниматься, когда армия покинет Германию окончательно? В запасе еще имелся примерно год, но задуматься над своей дальнейшей судьбой стоило уже сегодня.

Одно он знал твердо: деньги медленно обретаются, быстро транжируются, а когда кошелек твой пуст, ты никому не нужен.

Роланд Гюнтер

Как и обычно по утрам, он пил кислый теплый отвар шиповника, поглядывая из кухонного окна на солнечную даль океана.

День выдался безветренным, легкий ноябрьский морозец обмел искрами инея пожухлую листву, еще оставшуюся на деревьях, а небо же голубело по-летнему теплой приглушенной пастелью.

Он всегда поражался небу Америки — какому-то необычно высокому и просторному, столь отличному от европейского, а, особенно, от берлинского, как бы стлавшегося низкой серенькой пеленой. Таким, по крайней мере, оно осталось в его памяти.

Звякнул звонок у входной двери. Он отставил в сторону кружку, тяжело поднялся и, присмотревшись в зарешеченный иллюминатор двери, увидел паренька лет двадцати в униформе почтальона.

— Мистер Валленберг? Вам — пакет...

Отворив дверь, он принял увесистый сверток, различив, приглядевшись, обратный адрес, — посылка пришла от сына.

— Распишитесь в получении... — Парень подал ему планшет из фанеры с привязанной к нему авторучкой.

Роланд отыскал свою фамилию в ведомости, но расписаться не сумел — видимо, в стержне авторучки закончилась паста.

Пришлось пройти в дом.

Он уже открыл ящик стола, где хранились различные канцелярские причиндалы, как вдруг почувствовал за спиной какое-то смутное движение и увидел вошедшего вслед за ним почтальона, но теперь тот держал в руках не рабочий планшет, а никелированный, внушительных размеров пистолет с насадкой глушителя.

Парень молча указал пистолетом в сторону кресла, и столь же молча Роланд подчинился его требованию.

Человек в униформе достал из кармана портативную радию, проговорив в нее единственное слово:

— Готово!

И уже через минуту в коридоре послышались шаги.

В комнате сначала появился мужчина лет тридцати, с гладко зачесанными назад волосами, в спортивной куртке, в джинсах, обутый в тяжелые замшевые башмаки на толстой подошве — такие обычно носят строительные рабочие.

Мужчина мельком, безо всякого интереса, как на домашнего кота, взглянул на хозяина дома, отмечая сам факт его присутствия здесь, а затем буквально вытянулся по швам, поедая преданными глазами выпколенной овчарки сгорбленного, сухонького старичка в плаще, ступившего на порог.

Старичок опустил в кресло напротив Валленберга, достал из кармана плаща носовой платок, шумно и как бы даже с удовольствием высморкался, затем аккуратно сложил платок и, убрав его обратно, вдруг неожиданно рассмеялся — хрипло и с торжеством.

Роланд как зачарованный смотрел на его сжатые кулаки, покоящиеся на костистых коленях, отмечая такую же, как и у него, старческую "гречку", обметавшую кожу, и вдруг узрел на безымянном пальце знакомое серебряное кольцо — кольцо посвященного...

Узкий подбородок старца подергивался от смеха, водянисто-прозрачные глаза сияли задором какого-то сатанинского веселья, и тут в морщинисто-дряблой маске, являвшей лицо незваного гостя, угадались знакомые, страшные черты покойного штандартен-фюрера Краузе...

— Я не мог умереть, не повидавшись с тобой, милый Роланд, — произнесло привидение, и уголок нижней губы его пополз вниз, обозначая подобие улыбки. — Но даже не столько с тобой, сколько с моим любимым портфельчиком...

Роланд проглотил горький колючий ком, застрявший в схваченном судорогой горле.

Внезапно его обуял животный страх, вернувшийся как бы из детских кошмаров, когда ему мерещилось неотвратимое падение с высоты на торчащие из покрывшего далекую землю тумана чугунные пики.

Давно похороненный в памяти образ этого жуткого сновидения сейчас возвратился к нему зловеще и зримо, он хотел что-то сказать, но язык не повиновался ему, обморочная слабость овладела всем существом, и неожиданно поплывший перед глазами мрак он воспринял с тем же облегчением, с каким когда-то выныривал в уютную солнечную реальность детской спальни из липкой, смертной духоты ночного кошмара.

Ричард Валленберг

Перебежчика-араба решили поселить в небольшом городке под Вашингтоном — в частном доме, принадлежавшем ЦРУ, что находился в секторе, охраняемом специальной местной службой безопасности.

Таким образом исключались все и без того маловероятные его контакты с кем-либо, но Ричарду теперь ежедневно приходилось мотаться в пригороды, контролируя своего подопечного и устраивая встречи с ним разнообразных экспертов, дотошно выжимавших из "объекта" всю полезную информацию, которой тот располагал.

Сегодняшний день посвящался ключевому мероприятию: перебежчик, сразу же после беседы с психологом, должен был пройти испытание на полиграфе, размещавшемся в одной из муниципальных клиник, где разведывательное ведомство арендовало для своих целей верхний этаж.

Пациенты клиники, равно как и медперсонал, естественно, даже не представляли, что за "научная лаборатория" располагается за снабженной специальными кодовыми замками дверью, за ко-

торой скрывались ничем не примечательные, молчаливо-корректные люди в халатах врачей.

Вероятно, в такой же нераспознаваемой близости от мира людей находятся, по утверждениям посвященных мистиков, иерархии ада, чья сущность в той или иной мере имеет свое отражение как в самой деятельности каких-либо спецслужб, так и в тех, кто деятельность подобного рода осуществляет.

Почтить своим присутствием процедуру "прокачки" араба Ричарду не довелось: тонюсенко запищал пэйджер, пристегнутый к брючному ремню, и на табло высветился номер телефона шефа, с которым он незамедлительно связался, получив приказ передать подопечного другому офицеру, а самому срочно прибыть в контору.

Там Ричарда ожидало ошеломляющее известие: в Нью-Йорке вчера скончался отец...

— У тебя тяжелый год, — сочувственно коснулся его плеча немногословный начальник, видимо, имея в виду мороку недавнего развода и драму дня сегодняшнего. — Поезжай, разбирайся там... С делами управимся без тебя.

Впрочем, никаких особенных нагрузок в последнее время на Ричарда и не возлагалось, за исключением, разве, опеки над арабом и разбора малозначительной бумажной волокиты, касавшейся уже закрытых направлений работы.

Скудость своих текущих рабочих планов он находил настораживающе-страшной и о причинах этакой синекюры, внезапно сменившей плотный каждодневный график, всерьез задумался по дороге в Нью-Йорк.

Что это — недоверие? Или же у начальства появились планы перевода его в иной департамент?

Все началось примерно с месяц назад, кстати, после того, как и сам он прошел проверку на полиграфе, хотя представилась она ему закономерной, планомерно-необходимой, аспекты его возможной изменнической деятельности затрагивались в стандартных, никакой особенной спецификой не отличавшихся вопросах, реакции он проявил, как ему казалось, отменные, однако чутье — категория, в общем-то, мистическая, но в его профессии весьма объективная, подсказывало: вокруг него начинается какая-то возня, причем, хвост этой возни мелькал, что называется, в разных углах.

Детали некоего неблагополучия окружающей его обстановки проявлялись неотчетливо, однако он, как и тот же детектор лжи, остро чувствовал еле заметные отклонения от привычной нормы даже в мелочах: в мимике и интонациях некоторых собеседников, определенных реакциях на его предложения по тому или иному вопросу...

Но даже если он в чем-то и подозревается, претензий ни к кому не предъявишь, ибо недоверие ко всему и ко всем — основа основ любой секретной службы, находящейся в постоянной кон-

фронтации не только с очевидными своими противниками, но зачастую и с коллегами из дружеских, казалось бы, соседних ведомств...

Кстати!

Он убрал руку с руля, набрав кнопками телефона номер коммутатора нью-йоркского отделения ФБР, где в службе контрразведывательных операций работал его ближайший дружок Алан, бывший соратник по прежней работе с советской эмиграцией, кто так и остался в известном Ричарду кабинете, чьи окна выходили на шумный Бродвей...

И пока телефонистка, выслушав сообщенный ей четырехзначный код, соединяла его с затребованным абонентом, Ричард словно воочию увидел знакомый небоскреб на Федерал-плазе, ветерана ФБР старика Джорджа, сидевшего в стеклянной кабине бюро пропусков на первом этаже, аквариум небольшого холла-простенка между входами в лифты и, наконец, знакомый этаж, где на темно-синем фоне золотом сияли буквы: "Intelligence Department".

Коммутатором пришлось воспользоваться по причине регулярных изменений "прямых" телефонов Алана, вызванных "отработкой" определенного оперативного ресурса. Что же касается телефонистки, то для нее Алан именовался Джоном.

— Умер отец, — сообщил Ричард после обмена стандартными приветствиями и, выслушав участливые соболезнования, продолжил:

— Через час я буду в Лонг-Айленде. Что у тебя относительно сегодняшней программы на вечер?

— Полностью к твоим услугам.

— Спасибо... Джон.

Остаток дня заняли переговоры с похоронным бюро, с патологоанатомом, констатировавшим смерть от обширного инфаркта, с менеджером банка, где находились сбережения отца, и в пустой теперь дом на Лонг-Айленде Ричард попал только к вечеру, где его тотчас атаковали звонки от приятелей отца, от владельца дома, готового вернуть половину депозита за аренду в случае, если Ричард вывезет все ему необходимые вещи в течение трех дней, и предлагавшему по сходной цене приобрести остающуюся посуду и мебель.

После зашел сосед — молодой парень, желавший приобрести ныне беспризорную яхту и место на причале.

Вскоре Ричард не без озлобления понял, что погружается в какую-то коммерческую пучину, где сам факт смерти единственного ему родного человека выступает, как нечто условное и абсолютно уже неприципиальное, отраженное лишь в деликатности тона, с каким вносились те или иные деловые предложения. И за всем этим, как он вдруг остро почувствовал, скрывалась именно та суть американского образа жизни, что была столь неприемлема для отца, причем, неприемлема органически, в отличие от него,

воспринимавшего подобный подход к бытию, если и с неприязнью, то умозрительной, ведь он вырос именно здесь, впитав в себя с американским воздухом все положения и нормы, основанные на принципе "не успел — опоздал".

Бродя по дому с трубкой радиотелефона в руке, Ричард раздумывал, что из наследства отца ему взять с собой в Вашингтон? Разве семейные фотографии и документы?.. Ну, еще памятные ему с детства вещицы и столовое серебро. Да! Коллекцию спиннингов — ее отец собирал всю жизнь. Вот, пожалуй, и все.

Среди бумаг он обнаружил и метрику отца, и документ на право собственности, касающийся особняка в Карлсхорсте, что представлялся ему весьма перспективным...

Вскоре он собрал средних размеров спортивную сумку, уместившуюся в багажнике "форда".

И когда уже поворачивал ключ, запирая замок, увидел Алана, въехавшего прямо на парковочный драйв-вей и остановившего свой новенький, сверкающий перламутром дорогой краски "бьюик" нос к носу с запыленным автомобилем Ричарда.

Друзья обнялись, Ричард выслушал повторные соболезнования, пригласил Алана пройти в дом, но тот отказался, предложив отметить встречу в каком-нибудь кабаке.

Ричард и сам подумывал, где бы провести вечер, избежав одинокого времяпрепровождения в тишине опустевших комнат, невольно и не без сочувствия вспомнив при этом бедолагу араба, томящегося сейчас в цэрэушных апартаментах, а потому предложение приятеля принял с удовольствием, и вскоре "бьюик" мчался из унылых пригородов по скоростному шоссе в сторону Бруклина.

Когда миновали серые громады муниципальных домов на Пенсильвания-авеню, он спросил Алана, не слишком ли далеко они забираются в глубь города, на что тот рассеянно ответил о каком-то новом ресторане с удивительно изысканной кухней, где редкий гость из Вашингтона должен побывать все непременно.

И вдруг то ли интонация, с которой тот отвечал на вопросы, то ли чересчур напряженные взгляды в зеркала заднего обзора внезапно открыли Ричарду обескураживающий факт: Алан "проверялся", а дальнейшие пируэты и зигзаги маршрута по односторонним улочкам, выведшим в итоге на Кони-Айленд авеню, куда можно было безо всяких сложностей съехать с основной трассы, лишь доказали правильность возникшего подозрения.

Звякнули "квотеры", ушав в чрево счетчика парковочного времени, и уже через пару минут они сидели в шумной суете небольшого арабского ресторанчика, битком набитого разношерстной публикой.

Тучный плечистый Алан громоздко восседал за миниатюрным для его комплекции столиком, равнодушно листая меню.

— Странная дорога и странный кабак, — произнес Ричард словно в пространство.

— И странная жизнь, — в тон ему откликнулся приятель.

Заказали сухое красное вино, овощной салат, шампиньоны с вареной кукурузой, главным же блюдом Алан избрал хорошо прожаренный стейк, а Ричард, предпочитавший дары моря, — лобстера в чесночном соусе.

Никакой оригинальностью местная кухня не отличалась, однако от высказывания такого суждения Ричард воздержался не только по соображениям элементарного такта, но и в силу окончательно окрепшей уверенности, что место для их общения Алан "вычислил" еще накануне, неясной оставалась лишь подоплека конспиративных тайств...

Вопросы, конечно, вертелись на языке, но он привычно выжидал время, предпочитая игру "черными", ибо, вслепую начиная партию в профессиональном диалоге, можно было сразу же всерьез и непоправимо промахнуться.

Алан начал первым.

— За мной должок, — сказал он, пригубив терпкое вино.

— Какой? — равнодушно спросил Ричард, оглядывая дымное ресторанное пространство. Хотя какой именно должок, понял мгновенно.

Когда-то они совместно "вели" одного из информаторов, кому время от времени выплачивались солидные денежные суммы вознаграждений, и, хотя по правилам передача денег производилась при обязательном присутствии офицера-свидетеля во избежание злоупотреблений, Алан зачастую служебными установками пренебрегал, более того — часть гонораров прикарманивал, что Ричард случайно установил, но с соответствующим докладом к начальству не пошел, ограничившись дружеской, хотя и суровой беседой с напарником.

— Оцениваю твою забывчивость, — подмигнул Алан. — И повторно выражаю признательность. Где бы я сейчас был...

— Я не люблю экзгумаций, — обтекаемо заметил Ричард.

— А я — долгов.

— Ну ладно, открывай карты.

— Мои сегодняшние маневры ты, конечно, заметил...

— Рад, что ты это заметил...

— В нашем возрасте уже в романтику не играют, как понимаешь, — продолжил Алан с угрюмой интонацией.

— Да, ее заменяет излишняя мнительность, — улыбнулся Ричард обезоруживающе.

— Мнительность? — переспросил собеседник язвительно. — А что ты скажешь, если я сообщу, — сильно при том рискуя! — что еще до твоего сегодняшнего звонка со мной беседовали очень влиятельные господа, попросив меня об услуге: мол, если ты выйдешь со мною на связь, а это ты и сделал, надлежит провести с тобой беседу, аспекты которой следующие: удовлетворен ли ты своим нынешним положением в конторе, есть ли у тебя материальные проблемы, и главное — будет ли проявлен тобой интерес к моим служебным обязанностям, связанным с "русской" тематикой.

Кроме того, господам было бы любопытно узнать твое мнение по поводу происходящих в бывшем СССР событий. Интересно?

— Конечно, — кивнул Ричард с безусловным согласием. — Место контакта обозначалось?

— На мое усмотрение.

— И что дальше?

— То, что еще месяц назад я написал подробнейший отчет по всем эпизодам нашей совместной работы в ФБР, частных контактах вне службы и особо — день за днем — изложил перипетии поездки в Тунис на отдых с женами... Хотя — когда это было? Четыре года прошло! Кстати, вопросы о причинах развода тоже поднимались...

Тунис. Вот что. Значит, предчувствие не обмануло, значит — вцепились.

— Еще месяц назад? — переспросил он задумчиво.

— Что? А, да.

— Теперь я твой должник, Алан. Appetit ты мне, конечно, испортил... Ну, выводы ясны. Или предполагается мое выдвижение на какой-то ответственный пост, что требует... сам понимаешь...

— Или ты русский шпион, а Тунис — территория связи, — закончил Алан.

— Это твое личное мнение на сей счет?.. — спросил Ричард утвердительным тоном.

— Нет. У меня противоположная точка зрения.

— Отчего же?

— Я подумал вот о чем... Хорошо, положим, русские завербовали тебя. Когда? Благоприятные условия у них были в тот период, когда ты еще служил у нас. И дело не только в контактах с эмигрантами. Тогда они, русские, представляли силу. Тоталитарная империя не пожалела бы никаких средств, чтобы заполучить в свою агентуру офицера спецслужб главного противника, да еще на таком специфически-актуальном направлении его текущей работы...

— Пока ты противоречишь себе.

— Нисколько. Реальные мотивы твоего сотрудничества в то время — либо деньги, либо идейные соображения. Шантаж исключают: всех баб мира тебе тогда с успехом заменяла Элизабет, а иные гнилые подходы логически обосновываются трудно.

— Так-так... — Ричард принялся за лобстера, отковырнув вилкой хвостовой панцирь, под которым нежно розовело пропитанное горячим соусом мясо.

— То есть, повторяю, — продолжил Алан, — остаются деньги или идея... Но в таком случае ты попросту не мог не использовать возможности завербовать меня, согласишься. Мы всегда с полувзгляда понимали друг друга, морально ты был гораздо сильнее, а благодаря той... ситуации легко мог меня переломить... Я находился в шоке, был абсолютно управляем...

Все. Начиналась лирика. Углубляться в нее не имело никакого смысла, а возвращаться к деталям написанных Аланом отчетов

и его бесед с тайными недругами господина Валленберга значило бы проявить нездоровую заинтересованность, что никак не соответствовало имиджу уверенного в себе профессионала.

— Я чувствую... — Ричард помедлил, — с крушением Советского Союза... о, вот, кстати, и мое мнение на заданную тебе тему... Чувствую, у ФБР сильно поубавилось работы в плане контрразведывательных мероприятий. Посему для поддержания бюджета надо найти врагов. Те же проблемы и в нашей конторе, ничего удивительного. — Он позволил себе зевнок. — И у русских, вероятно. Ладно, закончим на том. Пусть ребята делают свою работу, успехов им всяческих, меня же интересует вот что: сынок твой собирается в университет или по-прежнему болтается по бейсбольным площадкам?..

Они еще с часок поговорили о том, о сем, не возвращаясь более к острым вопросам инсинуаций контрразведки в отношении своего бывшего агента, и расстались к полуночи у дверей бруклинского мотеля: ехать в Лонг-Айленд Ричарду не хотелось, а с Аланом, вызвавшимся помочь в организации похорон, они договорились встретиться утром здесь же, в мотеле "Мотор Инн", в народе именовавшемся мотелем "горячих простыней", ибо основным его контингентом были влюбленные парочки, снимавшие комнаты всего на несколько часов и весьма редко — на целую ночь.

Задумчиво вращая рюмку с коньяком на полированной стойке полупустого бара, Ричард размышлял над всем тем, что поведал ему Алан.

И, право, ему было над чем поразмыслить!

Следующим утром в мотель приехал Алан, и закрутилась круговерть с похоронами, передачей дома лэнд-лорду, продажей яхты, аннулированием банковского счета отца...

К вечеру Ричард уже сел в свой "форд", намереваясь отбыть в Вашингтон.

Провожавший его Алан стиснул мощными ладонями плечи приятеля.

— Будь... осторожен, — произнес самым серьезным тоном.

Ричард понуро кивнул.

На том и расстались.

Уже спускались сумерки, когда Ричард, притормозив у будки контролера на Стейтен-Айленде, чтобы заплатить за проезд через мост, узрел в зеркале заднего обзора через три машины от своего "форда" притаившийся "кадиллак" пепельного цвета, который он заметил еще на трассе, идущей вдоль бруклинского побережья.

Хвост?

Он механически бросил на сиденье полученную с десятки сдачу и резко тронул с места, выжимая из двигателя всю мощь, однако "кэдди", поневоле застрявший в очереди, легко наверстал упущенное благодаря восьми цилиндрам своего пятилитрового мотора и теперь отчетливо маячил сзади, двигаясь по второй правой

полосе. Ни водителя, ни пассажиров за его затемненными стеклами Ричард не различал.

Созрел план: сбавить скорость, рассмотреть цифры номерного знака и прямо из машины позвонить знакомым полицейским, чтобы установили, кому "кэдди" принадлежит.

Однако мысль таковую Ричард тут же отринул, ибо если и "вели" его, то уж никак не вражеские агенты, а свои ребята, у кого концы и с номерами, и с типом автомобиля обязательно сойдутся, как и у вражеских, впрочем, агентов, а потому, если и затевать проверочный маневр, то уж лучше свернуть с трассы к дорожной закусочной, тем более, ему действительно не мешало бы сжевать какой-нибудь гамбургер, запив его ледяной пепси-колой...

Включив сигнал поворота, он ушел в крайний ряд, съезжая с трассы, а "кадиллак" же, напротив, переместился влево, стремительно унесшись вперед и растаяв вдаль.

Поливая кетчупом лист салата, Ричард подумал, что все его ухищрения — бессмыслица и дурость. Профессиональные радиофицированные бригады, сменяющие друг друга на протяжении маршрута, в ночное время на подобной трассе практически не выявляются, да и пусть бы за ним следили все секретные службы мира — что это меняет на день сегодняшний? Ничего.

Через несколько часов он приедет домой, как следует отоспится, а вот завтра, вероятно, начнется серьезная игра...

Только стоит ли ее начинать?..

Об этом он думал всю прошедшую ночь, проведя ее в сомнениях и воспаленных воспоминаниях, пока не утвердился в окончательном безрадостном выводе: произошел провал.

На пути в Эмираты он совершил остановку в Тунисе, где встретился со связником русских, и встречу эту, подготовленную наспех, наверняка отследили. Наверняка, ведь уже к тому времени от Алана потребовали написать отчет, где фигурировали прежние поездки в Северную Африку, а значит, по сути своей командировка в Эмираты с транзитом через Тунис представляла такого аппетитного "живца", на которого он, к полному восторгу контрразведки, и клюнул...

Далее — подопечный араб. Фигура — в свете последних открытий — немаловажная. Скорее всего, араб — превосходно подготовленный провокатор. Основная ценность выданной им информации касается утечки в мусульманский мир военных русских технологий. Сведения горячие, а посему Ричарду, конечно же, надлежит поспешить связаться с заинтересованными в них инстанциями.

Этого-то с нетерпением от него и ждут. И когда сбудутся ожидания, ему мгновенно предъявят обвинения по эпизодам четко зафиксированного контакта с русским агентом в Африке и выхода на оперативную связь с противником на территории США. Одновременно русские заполучат "дезу", преподнесенную Ричарду на

блюдечке ЦРУ "иракским перебежчиком". Так кто же кого разрабатывал, а? Ну, араб!

Что же касается дезинформации, не планируется ли здесь сколь-нибудь долговременной игры? Вряд ли. Громоздкий проект выстроить в данной ситуации маловероятно, а "ослиные уши" им распознаются быстро, так что рисковать попусту никто не станет. И единственное, что сейчас от него ждут, — выход на связь...

Провал же на связи — вариант самый распространенный, да же банальный и... логичный.

Вот в чем закавыка! Вот что его так неосознанно мучило, но сейчас-то он абсолютно уверен: его предали, у русских завелся "крот" на высоком уровне, и он-то, "крот", и сделал погоду...

Теперь — о выходе из ситуации. Вернее, о том, как избежать прикосновения к запястьям стали наручников.

Тактическая сторона действий в таком направлении особенных размышлений не требует, теоретически отшлифован десяток вариантов исчезновения с горизонта, но вот вопрос: а стоит ли поддаваться в бега?

На сегодняшний момент ему может быть инкриминирована лишь встреча с русским связником, что, конечно, серьезно, но не смертельно. Встречу он помнит в деталях, все было обставлено, как случайный контакт, ни одной фразы никем не произносилось, связник благополучно с места контакта убыл, и как бы не чесались руки у ЦРУ, подобраться к нему было небезопасно: контрразведка Туниса ни с кем особенно не церемонится, и надо еще поискать охотников попасть в ее лапы, чтобы затем очутиться на дне бетонной ямы в песках Сахары.

Кстати, связник по национальности тоже являлся арабом, а не российским представителем "Аэрофлота", что лишний раз подтверждало версию о "кроте".

Итак, пока ему, Ричарду, могут быть предъявлены лишь косвенные обвинения, хотя неоспоримо, что фактор утраты доверия в данной ситуации закономерен, и в Лэнгли агент Валленберг уже не жилец.

Потягивая через соломинку из объемистого пластикового стакана пенси-колу, смешанную с шариками льда, Ричард гнал "форд", вспоминая обстоятельства "грехопадения", приведшего его к краю сегодняшней пропасти.

Что же способствовало его измене великим северо-американским штатам?

Сам он усматривал целый комплекс мотивов, главный из которых можно было определить, как глубочайшее разочарование в своей работе.

Выйдя на контакт с русскими, Ричард буквально в течение месяца разрешил служебные неурядицы, с треском провалив ряд непосредственно курируемых шефом мероприятий, причем, его, Валленберга, позиция, касающаяся предварительных разработок и напроць отвергнутая, в итоге оказалась единственно верной.

Шеф отправился на почетную пенсию, обстановка разрядилась, но теперь Ричард уже жил двойной жизнью, поначалу его смущавшей, а затем вошедшей в привычную колею.

И сейчас, паркуя "Форд" на подземной стоянке под домом, он, доставая из багажника сумку, подумал, что содержимое ее вряд ли ему пригодится. За исключением, разве, старых немецких документов.

Оказавшись у себя в квартире, Ричард методично обследовал контрольные метки, которые именовал "капканчиками".

Так и есть, в его отсутствие квартиру навестили искушенные в проведении тайных обысков дяди.

Подняв вверх раму окна, он долго и грустно смотрел на знаковую тихую улочку, вдыхая морозный ночной воздух и рассеянно слушая сообщения с автоответчика, накопившиеся за его отсутствие.

Он принял решение.

И теперь прощался с Америкой.

Алексей Трепетов

За оконцем служебного автомобиля в ранних ноябрьских сумерках зажигала дробящиеся в мороси огни Москва времени упадка — очередного, пост-советского. И время это, он, Алексей Трепетов, ощущал, как неотступную зубную боль — ежеминутно и обреченно, ибо никакой дантист с болью такого рода не справился бы.

Время упадка, время крушения всех былых ценностей. Впрочем, как и сотни других сотрудников КГБ, он уже напрочь освободился от ностальгии по коммунистической эпохе, и удручали его не столько перемены, сколько тот стабильный бардак, что безраздельно воцарился в стране.

Конечно, прежняя система давала элитарные дивиденды тем, кто охранял незыблемость ее устоев. Однако дивиденды более походили на незначительные подачки, хотя в начале своей карьеры молоденький лейтенант Трепетов расценивал их, как специальные коммунистические блага за особые заслуги — опять-таки специально, но очень справедливо распределяемые. И адекватно со звучанием своей фамилии — то есть, трепетно, — относился ко всем ценностям развитого социализма: как к духовным, или же на некую духовность претендующим, так и к материальным, означавшим комфортабельное жилье, государственную дачу, продуктовые пайки, заграничные поездки и уж, конечно, высокий статус индивидуума с удостоверением карательной организации.

Ныне — все в прошлом. Всемогущий КГБ раскололся, как березовое полено под колуном на морозе, и первый его главок — разведка — превратился в отдельную бюджетную организацию едва ли не полугражданского типа. Ему же, Трепетову, от прошлых государственных благ осталась лишь служебная "Волга",

да и то благодаря его относительно серьезному должностному положению, а все остальное ушло в область приятных воспоминаний.

“Волга” притормозила у подъезда многоэтажки.

— В понедельник, в девять, как обычно?.. — Шофер скорее не спрашивал, а утверждал.

— Естественно. Спасибо, Саша.

Квартира встретила его темнотой и тишиной. Жена еще не приходила. Слава Богу. Некоторое время он может побыть один, не выслушивая истерик по поводу нехватки денег, его неучастия в серьезнейших бытовых проблемах, как то: некому отвезти белье в прачечную, купить мешок ежедневно дорожающей картошки, доставить теще в далекий район Митино целебный мед из экологически чистой уссурийской тайги, а внуку витамины... У нее же, начальника налоговой инспекции, зарабатывающей куда больше мужа-полковника, просто не хватает ни на что времени, а он — классический персонаж мизансцены, где присутствует телевизор, сигарета, газета, домашние тапочки и паралитическая недвижимость влишнего в кресло тела. А что, правда! Он не соблюдает условий игры под названием “семья”, он — вне ее. А почему? Да потому, что игра надоела. Никчемная. Отлюбил, отслужил...

Да, с завтрашнего дня он — никто. Хотя, как сказать! Через недельку он наверняка получит статус изменника и будет представлять немалый интерес для многих и многих...

Достав из бара бутылку с коньяком, он налил рюмку, привычно опрокинул ее, ощутив приятное теплое жжение на языке и деснах...

И отчего-то вспомнил Канаду, где когда-то работал под вполне официальной журналистской “крышей”. Вот же были безмятежные денечки! Необремененная трудозатратами жизнь, казенный “крайслер”, шикарная квартира, “представительский фонд”, заискивание в глазах сослуживцев...

Жена закупала барахло на распродажах, умело и осторожно реализуя его в отечестве с помощью надежных знакомых, он тоже усердно ковал свое маленькое благополучие, составляя отчеты о разных разностях, как правило, яйца выеденного не стоящих, однако преподносимых им в качестве материалов, имеющих весомое значение для построения высших политических умозаключений. Казалось, беспечной сказке того существования не будет конца, но конец с естественной неотвратимостью все же настал.

Все началось с задания вербовки одного независимого французского журналиста.

Журналист пошел на вербовку легко, хотя за услуги свои потребовал гонорары изрядные. Начальство в ту пору не мелочилось, платило исправно и щедро, и ставший агентом Трепетова француз работал активно и, можно сказать, плодотворно, имея связи многосторонние и влиятельные во многих странах проклятого капиталистического мира.

Отношения их становились все более доверительными, и вот как-то, уже без экивоков, по-приятельски, француз сказал:

— Слушай, Алекс, сколько ты получаешь? По-моему, какую-то ерунду. Давай-ка так. Увеличивай мои вознаграждения, и будем мы их делить. Пятьдесят на пятьдесят. Тем более, предвидится тут очень даже забавная информация для твоих шефов... А мне с тобой делиться — большой резон. Я теперь в серьезной игре, а докладываешь и об игре, и об игроках ты... В общем, не мальчишки, верно? Все ясно, надеюсь.

Умен был француз, обаятелен, и кто только не входил в круг его общения: люди из ЦРУ, из крупного бизнеса, из Голливуда, из мафии...

Колебался Трепетов, мучился, но, когда подоспела очередная выплата, француз за общую сумму расписался, а после, отсчитав половину, оставил ее на столе. Без комментариев. Лишь руку пожал, сука, и улыбнулся — одобрительно и сердечно.

После же были конспиративные совместные хождения в японский публичный дом, дававший официальную рекламу "массаж простаты", обеды в хороших ресторанах, и вот однажды, пребывая в состоянии сильнейшего похмельного страдания, услышал шпион Трепетов сквозь звон в ушах следующее предложение французского друга: дескать, имеется у того в приятелях некий бельгийский журналист, политический обозреватель авторитетной газеты, и интересуется он в настоящий момент тематикой, связанной с разведслужбами, в том числе и с КГБ, и готов хорошо заплатить за информацию даже пустякового свойства...

Охлажденное американское пиво "Миллер" ледяным комом встало в тот момент в горле офицера разведки Союза Советских Социалистических республик — Трепетова Алексея Константиновича.

И мигом припомнились нежные японки, ресторанные счета, а также проработанная еще в Москве версия о возможной двойной игре француза и о его вероятном внедрении в коммунистическую агентуру, инспирированным или разведкой "лягушатников", или же вездесущим ЦРУ.

Все эти пакостные мыслишки, пронесшиеся в голове Трепетова, француз с покровительственной ухмылкой тотчас ему и изложил, как бред шпиономании, не имеющий никакого отношения к реальному положению вещей. Дескать, предложение бельгийца носит характер принципиально коммерческий, и провокация исключена. К тому же, если после этого какие-либо спецслужбы и выйдут на француза, то Трепетов о том узнает незамедлительно и преподнесет данный факт своим шефам, как замечательный подарок: мол, нашего агента пытаются перевербовать, начинается живая работа, а тут уж можно замутить интересную поганку, и принесет таковая ему, Трепетову, почести, повышение в должности и звании. Да и требуются-то журналисту пустяки, просто-таки бы-

товые подробности, типа того, пронумерованы ли в КГБ двери кабинетов или же нет...

— Пронумерованы, — отвечал Трепетов хмуро. — Все. Исключение — сортиры.

— Вот, чудненько, — кивал француз. — Далее. Какого цвета стены, сколько оперативных сотрудников находится в одном помещении, существуют ли между ними внеслужебные отношения, размер зарплаты председателя и охранника в следственном изоляторе "Лефортово"...

Тут Трепетов покрылся обильным потом.

— Существуют ли какие-либо трения с прокуратурой... — продолжал француз. — Да чушь, в общем, гуманитарная! Уж что-что, а эти детали компетентные ребята знают доподлинно. А бельгиец — вот идиот! — платит за этот воздух двадцать тысяч долларов США, понимаешь?... Богатый он, может, оттого и любопытный...

— А почему с таким предложением он вышел именно на тебя? — проглотив пиво, задал Трепетов топорный вопрос.

— Ну, мы же с тобой общаемся, — пожал плечами француз. — В том числе, и на приемах в посольствах. И никакого секрета из своих дружеских отношений двух журналистов, по-моему, не делаем. Коллега же мой справедливо полагает, что все русские представители на Западе — шпионы. Или прямые, или косвенные. Разве не так? А потому и попросил меня...

И сверкнуло тогда в затуманенном похмельем мозгу Трепетова, сверкнуло ясной и пронзительной молнией: сегодня же сообщить начальству о гаденьком предложении верткого агентшкки!.. Без промедлений!

Молния, однако, угасла во мраке сомнений: каким образом расценят подобный эпизод в высоких кабинетах? Ведь разговор подобного рода вероятен с личностью морально разложенной, не сумевшей выдержать определенной дистанции, в чем-то проколовшейся, подставившей себя...

На крайний случай имелся защитник — тесть-генерал КГБ, но ныне тесть пребывал на пенсии, а пенсионер доблестных органов — не просто политический труп, но даже возможный враг, ибо его праздный статус служит порою большой головной болью для секретных ведомств. Болтливы становятся пенсионеры, не связанные прежними жесткими обязательствами, позволяют себе и порассуждать, и предаться вредным воспоминаниям о боевом прошлом...

И тут же полыхнула вторая молния: двадцать тысяч зеленых! Состояние!

— И... что ему надо конкретно? — как можно небрежнее спросил Трепетов.

— Я же сказал...

— Повтори.

И француз повторил.

— Готовь деньги, — крикнув, вынес Трепетов резюме.

— А мне?.. — поинтересовался француз неопределенно.

— Три процента, — улыбнулся Трепетов с натугой. — Как посреднику.

— Имей совесть, Алекс.

— Шучу. Двадцать.

— У нас ведь пятьдесят на пятьдесят...

— У меня большие материальные затруднения.

— Ну, хотя бы двадцать пять...

— Черт с тобой!

От общей информации неведомый бельгиец перешел к подробностям, освещение которых представляло вопиющий криминал, но Трепетов заставлял себя лишь болезненно догадываться о подлинных заказчиках передаваемых им сведений, которые касались уже не только цвета или орнамента линолеума в секретных ведомствах СССР...

Как безнадежный больной, он заставлял себя самообманываться, надеяться на некое чудо, хотя сознание опытного, в общем, разведчика подсказывало, что трясина над его головой сомкнулась глухо, и обратного хода нет.

В свою очередь, француз выдавал информацию встречную, ценности чрезвычайной, и при очередном своем визите в Москву Трепетов, каждый раз отправлявшийся на родину с чувством камикадзе, получил орден, внеочередную звезду на погоны и новую огромную квартиру с двумя туалетными комнатами и холлом, где можно было устроить небольшой спортзал.

В какой-то момент чувство неотвязного страха и депрессивной подавленности преодолела логика и смелость профессионала.

Трепетов сам вызвал француза на жесткий разговор, где не было места актерству и лицемерию, после чего они превратились в партнеров, играющих на пасах в одни ворота. Сумму гонораров, не обремененных никакими процентными отчислениями, Трепетов назначал уже сам, деньги КГБ, отпущенные на француза, без церемоний забирал себе, с полного, впрочем, одобрения псевдо-агента, а на встрече с ответственным сотрудником ЦРУ, курировавшим его, теперь уже "крота", потребовал в качестве гарантии будущее американское гражданство, в предоставлении которого его твердо заверили.

Остатки же всякого страха улетучились с развалом той страны, которой он когда-то искренне служил, где было пионерское безмятежное детство, комсомольская юность, воинская присяга, партийные и чекистские клятвы, ну и прочие "взвейтесь-развейтесь".

После же свершенной криминальной революции к тем, кто сидел в зданиях на Лубянке, понесли коррумпированные преступные кланы мешки денег, и он, предавший систему, а, значит, и идею ее, еще давно, уже с холодной безразличностью наблюдал за теми, кто совершал по сути то же отступничество, не сопряженное, однако, практически ни с каким риском.

Держава превращалась в некое географическое понятие, где всем командовали откровенные бандиты и их облеченные властью наместники. Преступность уверенно занимала позиции не только в административной вертикали, но даже в промышленности и средствах информации.

Иерархия лагерного устройства с ее якобы исполняющими официальный закон "ментами", всемогущими "ворами в законе", приближенными к ним "блатными" и "мужиками"-трудягами, стала конкретной моделью целого общества, воспринявшего подобную метаморфозу, как данность, причем, естественную.

И вот тогда-то оборвались последние нити, связывающие его с этой землей, и теперь он был безраздельно свободен в своих обязательствах, в том числе, и в моральных, перед заповедником бандитов, гордо именуящим себя Россией, а на самом же деле никакой Россией не являвшимся.

В положении Трепетова мало что изменилось. Отношение к изменникам в аппаратах спецслужб формальных метаморфоз не претерпело, святой завет монастыря: смерть чужеземным шпионам, работающим под личиной и в погонах соратников, — остался прежним, как и понятия о чести мундира.

Таким образом, положение свое он расценивал, как весьма двусмысленное. Суммы цэрэушных гонораров заметно уменьшались по вполне объективным причинам резкого увеличения количества информаторов и свободного доступа к закрытым прежде источникам. Американская резидентура действовала уже практически открыто, и контрразведчики, стиснув зубы, порою только со вздохом изумлялись ее наглости, но не более, ибо опасались политических осложнений, тесно связанных со служебными нагоями.

Нет, стоимость его, как агента в спецслужбах противника, была по-прежнему немалой, но все-таки он решил выйти из затянувшейся смертельно-опасной игры, сорвав напоследок изрядный куш.

Ричард Валленберг стоил дорого. Вернее, не столько Ричард, сколько информация о нем. И хотя от суммы назначенного вознаграждения в ЦРУ долго, вероятно, не могли прийти в себя, требуемые деньги в банк нейтральной страны перевели, а он же предоставил заинтересованной стороне не только имя их "крота", но и неопровержимые доказательства преступной деятельности такового...

Никаких угрызений совести при этом Алексей Трепетов не испытывал, полагая, что предательская продажа источника в целях личного обогащения мало чем отличается по нравственной абсолютной величине от согласованного в инстанциях пожертвования агентурой, преследующего оперативные цели.

Однако теперь у него оставалось не так уж и много времени, ибо, хотя американцы и попытаются, вероятно, обставить арест

своего сотрудника таким образом, чтобы и тени подозрения не пало на него, бесценного осведомителя Трепетова, он-то прекрасно сознавал, что находится на грани провала.

В любом случае специалисты из контрразведки начнут отработку версии утечки сведений, а если произойдет хотя бы микроскопический сбой за океаном, круг тут же сузится, и в нем, круге, останется лишь один полковник внешней разведки Трепетов, куда лучше, чем все вместе взятые цэрзушные аналитики знающий, а, вернее, кожей чувствующий обстоятельства, складывающиеся вокруг его личной персоны и ничего радостного ему не сулящие.

Чем глубже будут копать почву вокруг него, тем более податливой начнет она становиться, а в итоге — развернется глубокой могилой.

...Жена пришла с работы в необычном для нее прекраснородном настроении, расцеловав его и тут же принявшись за стряпню.

На миг у Алексея защемило сердце.

“Гореть мне в аду синим пламенем”, — подумалось горько и отчужденно.

И тут же пришла спасительная мыслишка: нет, он, конечно же, не бросит ее... Устроится на Западе, а через некоторое время и она приедет к нему...

— Ч-черт! Ну, скотина! — донесся с кухни знакомый грозный рык, и зашлепали по коридору, приближаясь, женины шаги. — Какого хрена ты влез в банку с медом!

— Попробовал... а... что?

— Я тебе эту банку покупала? А?! Я матери ее покупала!

— Что изменилось от какой-то там... ложки...

— Вот эту ложку засунь себе...

Трепетов внезапно для себя рассмеялся.

— И он еще ржет, сволочь!

— Дорогая, — сказал он. — Я искренне... прошу у тебя прощения. И не только за мед.

— Прощение можешь засунуть туда же.

Чтобы не подлить масла в огонь каким-либо неосторожным словом, Трепетов отправился прогуляться на улицу, заодно решив купить сигарет в одном из коммерческих ларьков, обступивших станцию метро.

В такой час, еще несколько лет назад, здесь, на асфальтовой пустоши, можно было лишь встретить редких прохожих, ныне же кипела активная ночная жизнь, связанная с торговлей, ночным извозом, прочими услугами и предложениями.

Всюду проглядывал народившийся российский капитализм — убогенький, скособоченный.

Неужели он будет скучать по этой заплеванной жизни в столице?

Хотя, говорят, русскому человеку труднее всего уезжать отсюда, где жить невозможно...

Ричард Валленберг

В Москву самолет из Парижа прилетел ночью, на ее переломе к тускленькому декабрьскому рассвету, но, несмотря на ранний час, Ричарда встречали бодрые, без тени сна в глазах, молодые люди, посодествовавшие ему без хлопот миновать таможенный и пограничный контроль.

Закашлявшись от едкого угара солярки, которой коптели громоздкие автобусы, скучившиеся под козырьком терминала, он нырнул в просторный салон машины — местной, очевидно, марки, что тут же покатила в сырую темень неизвестности.

Один из его энергичных сопровождающих комментировал этапы пролетающей в оконце дороги: дескать, мы на шоссе, что ведет в центр города, а вот и сам центр, справа — Кремль, там вы обязательно побываете, тот серый уродливый дом — обитель сталинского правительства, а в пяти минутах от него — место вашего сегодняшнего ночлега...

Квартира была просторной, с высокими потолками, вполне приличной мебелью... Она даже отличалась известным уютом и ухоженностью, но, отмечая многоопытным взором детали, Ричард понимал: он находится в помещении, предназначенном для конспиративных контактов, и впечатление обжитости идет от выверенных элементов антуража, создающих определенную атмосферу, необходимую именно что для сторонних посетителей.

Впрочем, никакого дела до этой квартиры с ее прошлым, настоящим и будущим ему не было. Им владело единственное желание: побыстрее уснуть после трех суток бодрствования на путаном пути сюда, в Россию, если не считать нескольких часов смутной дремы в кресле авиалайнера.

Один из сопровождающих сообщил, что в холодильнике гость найдет сыр, масло, яйца и ветчину. Кофе, чай, сахар и конфеты — на кухонной полке. Чистое постельное и нижнее белье — в тумбочке.

Если мистер не против, то входная железная дверь в течение ночи будет заперта, тем более, что причин для променадов в данное время суток и в данной ситуации не существует.

Телефоном просьба не пользоваться, однако в случае чрезвычайной необходимости можно позвонить вот по этому номеру...

Номер был тут же начертан на бумажной салфетке и сопровождается следующим паролем: "Говорит тридцатый"...

Зачем-то осмотрев напоследок ванную комнату и туалет — видимо, в поисках затаившегося там возможного злоумышленника, офицеры поочередно пожали Ричарду руку и скрылись за входной дверью, долго скрежетавшей запираемыми сейфовыми замками.

Затем навалилась оглушающая, однотонная тишина...

Ричард присел в глубокое плюшевое кресло, смежив набрякшие от бессонницы веки.

А когда открыл глаза, в комнате уже царил давний солнечный свет, из прихожей доносились какие-то приглушенные голоса, и, чертыхнувшись с внезапного просонья, Ричард подскочил к выключателю, погасив горевшую с прошедшей ночи люстру, боковым зрением отмечая, как в комнату входят двое незнакомцев.

Один — низенький, пожилой, напоминал бухгалтера небольшой фирмы, второй же — лет сорока пяти, сутулый, с вытянутой вперед шеей, в очках, нес на себе печать некоей наукообразности. Оба — в серых, невзрачного покроя костюмчиках.

У входной двери, в темноте прихожей, неясно маячил еще чей-то силуэт, и, приглядевшись, Ричард опознал в нем личность одного из вчерашних сопровождающих. Этот парень своим присутствием, похоже, ничего принципиального не решал, и внимание Валленберга сосредоточилось на первой парочке, которая, вероятно, и определит все то, что с ним случится на протяжении, по крайней мере, ближайшей недели.

Пожилой, как прикинул Ричард, занимал должность заместителя директора разведывательного ведомства, а сутулый, по всей видимости, в чине своем был не ниже начальника одного из отделов. Генерал и полковник. Тот же, что в коридоре, — капитан. Максимум — майор.

Последовали представления.

Имена-отчества Ричард пропустил мимо ушей из-за мутного еще после внезапного пробуждения восприятия действительности, да и не так уж ему были важны эти имена, тем более, в правдивости их имелись причины усомниться.

— Прошу прощения, одну минуту... — Он вышел в ванную, наскоро сполоснул холодной водой лицо, пригладил волосы и вернулся обратно к посетителям, а вернее, к хозяевам, расположившимся в креслах у журнального столика.

— Завтракали? — спросил сутулый без интереса.

— Еще нет, — признался Ричард с обескураживающей улыбкой.

— Ничего, сейчас организуем. — Сутулый прошел на кухню, где уже скрылся капитан и, видимо, дав соответствующие наставления, снова устроился в кресле.

— Ну, что же... — неторопливо, с добродушной интонацией в голосе, начал генерал, поглаживая полноватой старческой кистью руки седые виски, — по-русски вы понимаете, так что избрем для беседы...

— Пожалуйста, — покладисто заметил Ричард.

— Вот и хорошо. Как долетели?..

— Прекрасно. Ваши люди во Франции обеспечили все наилучшим образом. Я им очень признателен.

Пролог, как водится, состоял из чепухи, но со светской частью беседы, касающейся вопросов погоды в различных частях света, покончили быстро, далее же пошла часть конкретная, и доброжелательность, лущившуюся в глазах генерала, покрыла поволока

отчужденной сосредоточенности, а сутулый, словно иглой уколотый, подобрался, неестественно прямо держа голову с прилизанной прической и, стреляя глазами то на Ричарда, то на начальство, достал блокнот с авторучкой, разместив его на костистом колене. Поставленный на тумбочку возле кровати диктофон медленно вращал компактную магнитную ленту.

Главный вопрос ждать себя долго не заставил.

— Насколько я в курсе... вы бесповоротно убеждены в своем провале? — буркнул генерал, насупившись.

— Да.

— Я хотел бы услышать обоснования...

Ключевой момент беседы. Рассказывать правду, тем самым подставляя Алана как кандидата на возможную теоретически вербовку, Ричард не мог. Во-первых, тот спас ему жизнь, а во-вторых, делать русским какие-либо подарки в планы его не входило.

— Я обнаружил за собой слезку в Тунисе после встречи со связником, — заявил он. — Затем — световод у себя в квартире, "клоп" в салоне автомобиля...

— Ну, этому могут быть и иные объяснения, — вклинился в разговор сутулый.

— Да, — сказал Ричард. — Вы правы. В Тунисе за мной следила местная контрразведка, спецтехнику мне воткнули в профилактических целях... Можно рассуждать и так. Однако существуют и некоторые дополнительные подробности...

Картина провала, нарисованная им, отличалась удручающе-безжалостной логикой, и, отслеживая реакции собеседников, он понял, что приводимые доводы восприняты ими с однозначным согласием.

— Грустно, грустно, — молвил генерал, как бы подводя итог монологу Ричарда. — Однако, — щелкнул он пальцами, — неясно главное... — И замолчал.

Молчал и Валленберг. Генералу пришлось продолжить:

— ... причина провала?..

На слово "причина" пришлось ударение.

— А сами вы что думаете по данному поводу? — спросил Ричард.

— Мы?.. А что мы?.. — сказал генерал. — Наша точка зрения в немалой мере зависит от вашего личного мнения.

Ох, и лис, подумалось Ричарду.

— Ну, выбор тут, как понимаете, небольшой. Или я сам где-то прокололся, или прокололи меня. Я категорически склонен к последней версии, пусть она и попахивает самооправданием...

— То есть сигнал поступил с нашей территории, — мягко уточнил сутулый.

— Убежден, — подтвердил Ричард.

В это время капитан-майор внес в комнату поднос. На подносе дымилась тарелка с яичницей, посыпанной мелко нарезанным зеленым луком, и чашки с крепко заваренным чаем.

В течение минуты, покуда сервировался стол, разговор не возобновлялся. Наконец младший офицер отправился обратно на кухню.

— Убеждены... — повторил генерал, косо взирая на яичницу. — Почему?

— Я уже проанализировал предварительный график всех эпизодов работы, — ответил Ричард. — С точной привязкой по времени. Думаю, позднее мы уточним его с вашими аналитиками. Однако итог будет тот же, уверен: провал носил характер внезапный и лавинообразный. Аргументы же в пользу каких-либо оперативных подступов или режимной профилактики, давшей неожиданные плоды, приемлемы лишь для того, кто в подобной версии заинтересован. Здесь налицо целеустремленная работа согласно точной оперативной информации.

— Но учтите, что круг людей... — начал генерал, однако Ричард его перебил:

— ... знавших меня, чрезвычайно узок, не так ли? Браво. Но так же как и я, так и вы в курсе о многих и многих арестах сверхсекретных агентов, произошедших благодаря наводке, идущей с самого верха. И меня, например, абсолютно не удовлетворяют такие объяснения провалов, как жизнь не по средствам, наличные деньги неясного происхождения и прочая чепуха, предназначенная для прессы и обывателя, что, в конечном итоге, одно и то же.

— Ну, если вы правы... — генерал помедлил. — Что тоже нельзя исключать... то "крота" мы вычислим. Приложим все усилия. Теперь другой вопрос. С какими, так сказать, мыслями вы прибыли к нам? Ну, естественно, чтобы все поставить на свои места, это понятно...

— Чем можем служить? — улыбнулся сутулый принужденно.

— Честно — не знаю, — сказал Ричард. — Полнейший и... наверное, закономерный сумбур в голове.

— Ну, — усмехнулся генерал, — вы уж не падайте духом, как в одной русской песне поется, мы вам подскажем варианты на перспективу. И вообще... будьте уверены: за вами — стена. И такая, что... крепче не бывает. Все ваши проблемы мы берем на себя. К тому же, вам еще предстоит уйма совместной работы.

"М-да, — подумал Ричард. — Предстоит. Высосать из меня все, что знаю и видел в этой жизни".

— Сделали вы для нас немало, — констатировал сутулый, пригубив чай, — а мы, и в том вы убедитесь, люди благодарные...

— Оле-ег! — нараспев произнес генерал в сторону кухни, и сию же секунду появился тот, кому Ричард присвоил звание капитана-майора. — Вот — Олег... Будет отныне каждодневно с вами, все вопросы к нему, он в курсе событий, ваш ангел-хранитель. — Генерал встал, вновь покосившись на нетронутые порции яичницы. — Есть ли у вас какие-либо пожелания... лично ко мне? — спросил, прямо глядя в глаза Ричарда.

— Я... буду жить здесь? — Ричард обвел взглядом стены комнаты.

— А вот это, — махнул рукой генерал, — пускай вас не беспокоит. Жилье мы вам подберем приличное, кроме того, у Олега машина, что касается наличных денег, то вы получите их завтра. В разумных пределах, конечно... тем более, не скрою, у нас сейчас нелегкие времена... Да! — Он поднял палец. — Непременные и естественные условия: никаких ресторанов и прочих публичных мест. К тому же, должен заметить со всей большевистской прямоотой: ваши коллеги работают тут, в Москве...

— Бывшие коллеги, — уточнил сутулый.

— Да. В общем, резвятся, как в своей вотчине. Поэтому: осторожность, осторожность и еще раз осторожность. А там — придумаем, как и что...

На том и расстались.

Алексей Трепетов

Москву Трепетов покинул безо всяких конспиративных таинств, взял билет в "Шереметьево-2", предъявив синий паспорт постоянно проживающего в Германии лица без гражданства по фамилии Цивинский, побродил по магазинчикам "Duty Free" за пограничными кордонами, а уже через несколько часов "Боинг" взял курс в сторону аэропорта Тегель.

Уют салона, ровное жужжание турбин, хорошенькие, словно сошедшие с глянцевых рекламных плакатов стюардессы, обнесившие публику обедом: рис с цыпленком, сухое вино, кофе, папайя и манго — самолет летел в Европу из Таиланда, — вернули Трепетову, казалось бы, бесповоротно утраченное им чувство безмятежности, и схлынули тревоги прошедших дней, канув в белесую бездну, рассекаемую видневшимся в иллюминаторе крылом. Его постигло ощущение как бы вернувшейся сказки детства — надежной, с обязательным благом в конце, и как в студеную ночь у камина, так и сейчас было ему приятно и защищенно смотреть на бушевавшую над Польшей грозу, желтыми трещинами молний бороздившую небо.

А над Берлином сиял безоблачный и солнечный день, и Трепетов, глядевший в иллюминатор, отчетливо различал шпиль городской телебашни, бурый кубик Рейхстага, аккуратные новостройки вдоль Отто Гротеволь-штрассе, ждущей своего переименования, бирюзовые от окисленной меди купола соборов и даже остов разрушенной войной кирхи возле зоопарка.

Купив в почтовом отделении аэропорта пластиковую карточку, Трепетов сунул ее в щель телефонного аппарата, мгновенно высветившего на табло существующий на карточке кредит.

К городскому телефону никто не подошел, и пришлось набирать длиннющую комбинацию кода сотовой связи, что принесло положительный результат.

— Слушаю, — донесся усталый голос на фоне какого-то сложного шума — видимо, абонент говорил из автомобиля.

— Виктор? — сухо спросил Трепетов. — Привет. Я в Берлине. А где ты?

— Привет. А я около Берлина. В аэропорту Тегель. Провожая друзей.

— Сюрприз, сюрприз... — рассмеялся Трепетов. — То-то думаю, что за шорохи в трубке... Проводишь, подходи к крайнему выходу с левой стороны.

— Если стоять к аэропорту спиной?

— Так точно, — отозвался Трепетов, отмечая, как на табло быстро тает кредитная сумма: звонок по сотовой был недешев.

— Буду минут через двадцать, — сказал Виктор.

Повесив трубку, Алексей подошел к стойке бара и заказал большой бокал пива.

Вот и все позади. Он на месте. Его вдруг посетило окрыляющее чувство свободы — пронзительно-щемящее... И какой же он все-таки умница, что не поленился в свое время сделать себе законные немецкие документы...

В пору воссоединения двух Германий он челноком сновал между Берлином и Москвой, ибо работы было невпроворот: почва уходила из-под ног, царил дичайшая паника, подобная той, что в сорок пятом году и на Принц-Альбрехт-штрассе, в штаб-квартире гестапо и в соседнем СД на Вильгельмштрассе, 102, спасались специалисты из Штази, документы, консервировалась и уничтожалась агентура...

И вот, в годовщину “хрустальной ночи”, когда демократические немцы решили в знак покаяния несколько увеличить популяцию иудеев, пришла ему в голову мысль: а почему бы и не получить статус беженца в Германии? Лишний документик никогда не помешает...

У него было два “левых” загранпаспорта, в одном из которых значилась очень подходящая к случаю фамилия “Цивинский”, свидетельство же о рождении местные аферисты соорудили в течение получаса. Таким образом, русский полковник внешней разведки трансформировался в украинского еврея, чьей специальностью была, естественно, торговля, а сутью — проживание в чистенькой, уютной Европе.

Существовал, правда, и другой вариант отхода: в сейфе одного из банков Варшавы у него хранился паспорт американского гражданина, сделанный ему ЦРУ, однако лететь в Америку он не хотел по многим причинам. Во-первых, его категорически не устраивал сам уклад тамошней жизни, во-вторых, ждать каких-либо даров от американской разведки не приходилось: все полагающееся ему давно выплатили, а остатки информации из него бы вытряхнули в качестве бесплатного приложения. Ну, а дальше — гуляй по просторам, раскинувшимся между двумя океанами...

Задерживаться здесь, в Германии, тоже не имело никакого смысла и даже несло в себе известную опасность. Максимальным сроком своего пребывания в Берлине ему виделась от силы неполная неделя, после чего следовало отправляться на далекие экзотические острова, — к бирюзовой воде атоллов и шелесту пальм с шерстяными стволами под южными звездами.

Но до отбытия в рай земной надлежало увидеться с Виктором...

Виктор. Они познакомились около пятнадцати лет назад, когда тот, работая мелким чиновником МИД, влип в скверную историю, связанную с контрабандой, инспирированной французской разведкой. И сидеть бы парню долгие годы в зоне строгого режима, если бы оперативные интересы КГБ не потребовали его добровольного участия в долгосрочной операции, а, вернее, не столько участия, сколько исполнения микроскопической, но необходимой роли, сыгранной им послушно и пунктуально.

Наугад был Виктор тогда до смерти, но Трепетов, курирующий незадачливого контрабандиста, обошелся лишь строгими внушениями политико-воспитательного свойства, и даже помог ему избежать неотвратимого увольнения со службы, за что тот, обливаясь слезами благодарности, целовал благодетелю руки.

Люди из контрразведки, в чьем ведении, собственно, и находилось проведение операции, по завершении ее отказались от кандидатуры Виктора как перспективной для агентурной вербовки, парень представлялся им достаточно скользким и неблагонадежным типом, что, увы, соответствовало действительности, а департамент же политического шпионажа и вовсе не нуждался в подобном бездарном материале. Однако Трепетову жуликоватый мальчик Витя чем-то пришелся по сердцу: то ли авантюристостью натуры, то ли независимостью взгляда на общественную мораль, то ли житейской изворотливостью... И решил он попрिдержать Виктора под личным прицелом, полагая, что, приковав его к себе цепями зависимости, обретет в итоге верного и безропотного раба...

Взять парня за жабры сложности не представляло. Уголовное дело, связанное с контрабандой было за недоказанностью приостановлено, но не закрыто, а, значит, в любую минуту на протяжении пятнадцати лет его архивного хранения могло снова стать актуальным, тем более, что признательные показания Виктора, не отмеченные датой их написания, лежали у Трепетова в служебном сейфе.

Со всей возможной серьезностью, на бланках, увенчанных грифами "совершенно секретно", в присутствии побледневшей до синевы и потерявшей в очередной раз дар речи жертвы, были заполнены агентурные анкеты и подписка о неразглашении тайны, после чего погруженный в тягостные размышления сексот отправился домой, а Трепетов, усмехаясь, бросил бумажки в приемник уничтожителя, вмиг перемоловшего их в лапшу.

Капдалы сомкнулись.

Далее Трепетов проводил с подопечным псевдо-оперативные контакты, дабы тот не потерял чувства прочной узды, давал ему мелкие задания, а ближе к середине восьмидесятых годов познакомился Виктор с социалистической немкой и попросил "добро" на брак.

Тут перед Трепетовым встала дилемма. Теперь уже парня можно было вербовать и всерьез, однако, подумав, от такого решения он воздержался: куда лучше было иметь за границей своего карманного холоуя, нежели официально зарегистрированного агента.

С оформлением выездных документов он Виктору посодействовал, вскоре тот отбыл в Берлин "на консервацию", где они и встретились в горячую для Трепетова пору воссоединения Германии, и лицемерием своего куратора Виктор был явно удручен, понимая, в какую попал передрагу, будучи уже подданным не сателлита могучего СССР, а независимого капиталистического государства, где к агентам иностранных спецслужб относились весьма неприязненно.

Логически обоснованных опасений Виктора Трепетов, конечно же, не опровергал. Наоборот, намекнул, что теперь, в новых условиях, начинается самая серьезная работа, и, наконец-то, законсервированный агент будет востребован к действию.

Восторженной реакции на подобное заявление он, как ни старался, обнаружить не смог.

Между тем, Виктор, человек деловой и толковый, быстро внедрился в верхушку хозяйственных кругов Западной группы войск, заработав немалые деньги на поставках водки, сигарет и продовольствия. Открытая им компания по экспорту перегоняла фуры с консервами и спиртом на обширнейший рынок России еще с самого начала его формирования, и, судя по сведениям, которыми Трепетов располагал, подопечный его намеревался в ближайшем будущем вложить деньги в приобретение отеля на Канарских островах, что наилучшим образом свидетельствовало о поистине географических масштабах его доходов.

В Берлине же жил Виктор в прекрасном, недавно отстроенном доме, заселенном преимущественно еврейскими и псевдо-еврейскими эмигрантами из России, неподалеку от Бранденбургских ворот. Возведен был дом прямо над бывшим бункером фюрера и поначалу предназначался для ответственных офицеров государственной безопасности ГДР, однако новая власть распорядилась комфортабельным строением по-своему, изменив первоначально предполагавшийся контингент его обитателей.

Допив пиво, Трепетов вышел из аэропорта и тут же узрел дождавшегося его Виктора, приветствовавшего его с сердечностью, достойной проявления высшего актерского мастерства.

— По делам? — поинтересовался Виктор нейтральным тоном.

— Да вроде того, — ответил Трепетов небрежно.

— Чем... могу? — Виктор раскрыл дверь спортивного "мерседеса".

— Планы следующие, — садясь в машину, сказал Трепетов. — Ужин. Отель. Попутно — общение с вами, мой милый друг...

— Где перекусим? У китайцев? Вьетнамцев? Японцев? — Виктор питал слабость к экзотической кухне.

— Едем в нормальный европейский кабаk, — категорически заявил Трепетов, не выносивший диковинок типа маринованных червяков, тухлых яиц, пашингованного зеленью удава или же мозгов обезьяны, запеченных в майонезе с дольками ананасов.

Ужинали в дорогом рыбном ресторане в Западном Берлине.

— Садись, Витя, — сказал Трепетов, остуживая ладонь о мерзлый графин. — Хлопнем водки!

Хлопнули.

— Я привез хорошие новости, — сообщил Трепетов, с удовольствием проглатывая скользкую плоть устрицы.

— Неужели? — не удержался от саркастической усмешки подопечный.

— Представь себе. Ухожу на пенсию.

— Вот как? — На сей раз в голосе Виктора сквозило искреннее удивление.

— Да, дружок, всему на свете приходит конец, как известно. — Трепетов замолчал.

— Ну, а...

— Что будет с тобой, да? — спросил Алексей участливо.

— Ну... хотелось бы знать...

— Я же сказал: я привез хорошие новости. Но сначала преамбула. Как ты понимаешь, если человек попадает к нам, то уже навсегда...

— Очень хорошо понимаю.

— Во-от. Однако времена меняются. Кто мог предположить еще несколько лет назад, Витя, что ты — в костюме за тысячу, наверняка, долларов, будешь сидеть по ту сторону стены, которой, впрочем, уже не существует, и запросто питаться устрицами и осьминогами, не считая сей факт за какое-то выдающееся событие, а? — Не дождавшись ответа, продолжил: — Итак, уходя на пенсию, я обязан передать всю агентуру преемнику. И начальство мое сей факт тщательным образом обязано проконтролировать.

— Кажется, я понял, — сказал Виктор. — Сколько?

Трепетов с легкой улыбкой посмотрел на него, выдерживая паузу. Вспомнил: когда-то Виктор сломал себе передний верхний зуб, но времени вставить новый долго не находил, а потому кричал рот, губой прикрывая изъян. После зуб вставил, а рот так и остался привычно-перекошенным.

Трепетов кашлянул. Затем произнес равнодушно:

— Двести тысяч.

— Марок?

— А? Нет, долларов.

— Безжалостный... приговор, — зло прищурился собеседник.

— Сумма установлена не мной, — пожал Трепетов плечами.

— Но у меня нет таких денег.

— Разве? А мне сообщили, что отель на Канарах еще не куплен. Источник ошибся?

— Х-ха... — Виктор отбросил вилку на скатерть. — А если не заплачу? Встану на "ручник" и — баста!

— А тебя никто не принуждает, — усмехнулся Трепетов, — платить. И никто не собирается выдавать немецким властям. Или ты меня за вымогателя принимаешь? Разговор о другом. О дне завтрашнем. Дело в том, что в конторе у нас сейчас творится черт знает что, но проблема заключается не только в возможности утечки информации, а в тебе самом... Ну, кто ты есть? Чисто номинальная фигура. Нулевая. А такими во всякого рода играх жертвуют. Думай. Хочешь ходить под косой — ходи. Вполне вероятно, что все и обойдется. Но если уж переедет тебя колесо истории, ко мне прошу претензий не предъявлять. Я тебе, кроме добра, ничего не сделал. Ты осьминога-то ешь, вкусный.

Собеседник угрюмо уткнулся в тарелку.

— У тебя есть еще один шанс, — продолжал Трепетов, закуривая. — Явка с повинной. Но тут варианты какие? Информационной ценности ты не представляешь, сдавая меня, подписываешь себе приговор... То есть, на защиту спецслужб можешь не рассчитывать, им нужны другие люди. С тобой обойдутся мягко, но — в соответствии с законом. А тут у тебя есть уязвимое место: будучи агентом иностранной разведки и, одновременно, гражданином уже ФРГ...

— Ну, ясно, ясно, — раздраженно перебил Виктор.

— Обещаю, — сказал Трепетов. — Клянусь матерью, собственным здоровьем, жизнью ребенка и внука, что лично я не предприму ни малейшей попытки сделать тебе что-либо во зло. Верить?

Собеседник мрачно кивнул.

— Я просто вношу коммерческое предложение. Продиктованное чужой инициативой. Но даю и собственные гарантии по превращению твоего дела в серый пепел.

— Но — двести тысяч!

— Повторяю: никто ни на чем не настаивает. — Трепетов задумчиво вертел миниатюрный вазончик с питательным раствором, откуда выглядывала орхидея, будто вылепленная из воска с растопленными в нем багровыми крапинами акварели.

— Деньги надо отдать наличными?

— Нет. Перевод со счета на счет.

— Я подумаю, — вздохнул Виктор. — Но мне потребуется минимум неделя, чтобы собрать бабки. Все — в деле.

...Беспокойно ворочаясь на широкой постели пятизвездного отеля на Францозишештрассе, Трепетов думал, что Витя, всегда отличавшийся трусливостью, а также и осмотрительностью, присущей многим представителям еврейского народа, одним из кото-

рых являлся, сдаваться в полицию не побежит и деньги заплатит. Со стонами, охами, скрежетом зубным, но — заплатит.

“Понт”, похоже, прошел.

Трепетов встал с постели, подошел к мини-бару, достал из его прохладной глубины сувенирную бутылочку виски и, чокнувшись со своим отражением в зеркале, осушил ее единым глотком.

Невольно вспомнилась московская квартира, жена, лица сослуживцев...

Но — вот удивительно! — сейчас все это представилось ему таким далеким, словно относилось то ли к полузабытому сну, то ли к канувшей в небытие эпохе, воспоминания о которой были как бесполезны, так и тяготно-скучны...

Ричард Валленберг

На второй день своего пребывания в Москве Ричард сменил жилье, волей начальства переместившись на новую квартиру, располагавшуюся в районе новостроек, — скромненькую, с низкими потолками, ячейку в бетонном улье, высившемся среди себе подобных на унылом окраинном пустыре.

Подъезд дома привел его в ужас. Жестянки подожженных почтовых ящичков, грязные мокрые полы, стены, замалеванные масляной краской удручающих тонов, разбитые стекла входной двери, пропахшие мочой лифты с опаленными кнопками, изуродованные светильники без ламп, стенные росписи на английском, почему-то, языке... Южный Бронкс!

Квартира отделялась от напряженного внешнего мира прочной стальной дверью, что было не только разумной, но и необходимой мерой, обеспечивающей относительно спокойный сон.

Содержимое же квартиры интереса для злоумышленников не представляло, кроме невзрачной мебелишки на фоне блеклых обоев и старого холодильника на кухне, где еще находился пляжный пластиковый стол и два табурета, здесь ничего не было.

Благодаря Олегу, Ричарду был предоставлен во временное пользование телевизор, и каждый вечер он с интересом смотрел программы местных новостей и — без тени какой-либо заинтересованности, — американские боевики, транслировавшиеся в таком изобилии, что порою вызывало даже недоумение. Агрессия Голливуда противостояния в этой стране, судя по всему, не находила. Да и вообще принцип непротивления злу насильем реализовывался в нынешней России едва ли не повсеместно, а зло же, не встречая отпора, как быстродействующий яд заполняло все капилляры пост-советского общества.

Словно влекомая кармическим грузом, страна неуклонно погружалась в бездонную трясику, возврата из которой не виделось.

О том, что приехал сюда, Ричард не жалел. Ему надо было увидеть эту страну, уяснить все происходящее в ней, и пусть его по-

стигло разочарованное понимание, что никогда он не сможет жить здесь, в зле и отчаянии, под проклятием Бога, все равно в том было необходимо убедиться воочию, а, кроме того, над его устремлением в Россию довлело едва ли не чувство какой-то обязанности, обязанности убедить русских в существовании "крота". И в этом руководила им вовсе не месть, а механическое следование глубочайшему внутреннему убеждению, что миссию надо довести до ее логического завершения, замкнув круг.

Он не знал, каким видится его дальнейшее бытие здешнему руководству, но, судя по всему, разговор об этом назрел, ибо проверочные процедуры подошли к концу, и начинались перемены уже изложенных обстоятельств и фактов, — видимо, в расчете на несоответствия и погрешности.

Однако к каким бы выводам относительно его будущего начальство не пришло, ничего увлекательного содержать они не могли.

Полагать, что ему предложат должность в аппарате русской разведки, было бы верхом наивности, использовать его могли лишь в качестве привлекаемого время от времени консультанта, но, стань он и штатным сотрудником, кому бы и во имя чего служил? Да и как бы смог жить в такой вот коробке на пустыре, ездить по улицам, покрытым жирной черной грязью, общаться со странными людьми, большинство из которых озабочено лишь одним: каким образом поддержать свое чисто физическое прозябание?..

От жара батарей в комнате стояла духота, он раскрыл балконную дверь и — замер, глядя на редкие уличные огни...

Ночь, беззвездное московское небо, вой ветра за окном пятнадцатого этажа, пустота комнаты... Одиночество.

Несладок удел разоблаченного предателя. Даже сбежавшего от возмездия. Хотя — предатель ли он? Как посмотреть. Для Америки — да. Для России же Ричард Валленберг — идейный борец с еврейским империализмом и мировым сионизмом. А то, что борясь за идею, извлекал денежную прибыль, что ж... Деньги — страховка на случай провала. Да и чтобы он делал без них в нынешнем своем положении? Если захочет переместиться куда-нибудь в Сидней или в Преторию, то что будет там делать? Милостыню просить на углах? Да и кто ему оплатит билет туда? Русские? А что, может, и оплатят — лишь бы с глаз долой...

Кстати, тут-то и есть над чем поразмыслить...

Кто даст гарантию, что ему будет позволен свободный выезд из этой страны? Русские, как он уяснил в течение последних дней, — большие перестраховщики, и они еще подумают, выпускать ли его за рубеж или нет. А действительно, вдруг что-то случится, окажется он в лапах ЦРУ, начнет развиваться непредсказуемая ситуация... Именно в таком извилистом направлении, согласно своему специфическому образу мышления будут рассуждать шпионские чиновничьи умы, скроенные, как он воочию убедился, по единому интернациональному шаблону.

Надо отдать должное, что обращались с ним крайне деликатно и мягко, предоставив, может, и с какой-то определенной целью, практически невероятную свободу. Согласно всем существующим установкам, должен бы он сейчас обретаться не в московской квартире, а на охраняемом загородном объекте, не имея права ни шагу ступить оттуда в течение долгих и долгих месяцев.

Итак, выводы. Бесповоротно ясные. Первый: делать здесь больше нечего. Второй: надо смыкаться. К тому же, вчера в достаточно деликатной форме у него попросили для исполнения каких-то якобы формальностей паспорт и визу на выезд, на что он соврал, что оставил документы дома, однако отговорка такого рода может быть разовой, и паспорт, понятное дело, у него неизбежно конфискуют...

Далее. Сегодня — ночь, а, вернее, еще поздний вечер пятницы. Олег заедет за ним в понедельник утром. То есть, времени у него навалом. Аппаратуру в квартиру если и всадили, то сейчас она наверняка работает в режиме накопления данных, ибо в острой оперативной слежке за ним необходимости нет.

На листке бумаги он написал:

" Олег!

Невыносимо скучно. Пришла мысль съездить в Санкт-Петербург. Поброжу по музеям. Прости за нарушение дисциплины.

Впрочем, данная записка наверняка не пригодится, так как намерен вернуться уже в воскресенье. Но чем черт не шутит, вдруг какая-либо задержка?

Привет!"

На петербургский поезд он сел буквально за минуту до его отхода.

Утром, на границе с Финляндией, заспанный похмельный прапорщик, изъяв из его паспорта листок выездной визы, хмуро кивнул в сторону границы: мол, проходи, не задерживай...

Ему повезло. Нехватка средств и людей в пост-перестроечных российских спецслужбах, а, кроме того, всякого рода послабления дали ему возможность маневра, практически не сопряженного ни с каким риском. Разве с умозрительным... Капкан, который представляла страна Советов еще несколько лет назад, изрядно проржавел.

Вечером же следующего дня, вылетая из Хельсинки в Берлин, он искренне пожалел, что не увидел, и не увидит теперь уже никогда Эрмитаж и Адмиралтейство...

"Хотя, — подумал он с известной долей цинизма, — пусть это будет моей самой большой и последней потерей в жизни"...

Лэнгли. ЦРУ.

1992 год, декабрь.

В углу просторного кабинета, в глубоких кожаных креслах, сидели двое пожилых мужчин. На небольшом сервировочном столике перед ними стоял кувшин с апельсиновым флоридским соком и ваза с фиесташками. Велась беседа — неторопливая и доброжелательная, какой ей и полагалось быть между старыми искренними друзьями.

Один из собеседников был хозяином кабинета, другой — посетителем.

— Итак, Майкл, — сказал гость, — ты должен понять, что наше противостояние нацистам — категория до сих пор актуальная, и организация Краузе — не отряд бой-скаутов...

— Да, но в их действиях нет ни агрессии, ни какой-либо конкретной угрозы государственности...

— Правильно. Они умны. И никогда не станут проявлять себя сколь-нибудь вызывающе, не имея для этого оснований и почвы. Мы внедрили к ним своего информатора, что было весьма непросто, и последние полученные от него сведения меня настораживают... Я объясню, в чем дело, но прежде меня занимает один вопрос: что ты можешь сказать о некоем Ричарде Валленберге?

Хозяин кабинета усмехнулся, помедлив с ответом.

— Забавно... — произнес в раздумье. — Чем же офицер нашего ведомства заинтересовал вашу организацию, Арон?

— Майкл, организация у нас общая, и ты — ее почетный член. Поэтому не стоит проводить между нами и ЦРУ демаркационной линии.

— Я и не провожу... Просто своим вопросом ты невольно задел некоторую болевую, я бы сказал, точку... Он работал на русских, Арон. Работал давно. Но, как только мы начали "вести" его, исчез. Видимо, что-то почувствовал, или же случилась утечка информации...

— Где он может скрываться?

— Мир большой, Арон.

— Не такой большой, как кажется. Вы его ищете?

— Естественно.

— Тогда у меня сюрприз: его также ищет и Краузе. Он ушел не только от вас, но и от его людей. Истинный же сюрприз в следующем: его покойный отец въехал в Америку под вымышленным именем. И был он в свое время не то водителем, не то адъютантом Краузе, что сейчас уточняется. А весь сыр-бор происходит из-за того, что, как нам известно, похитил адъютант в самом конце войны у своего шефа важные документы, скрывшись в неизвестном направлении. Далее. Адъютант умирает. Умирает как раз тогда, когда после многолетних поисков Краузе, наконец-то, его отыскивает. И вот теперь началась охота за сыном покойного, ибо предполагается, что ему известно, где находятся искомые бумаги.

— Что за бумаги, Арон? И что за надуманные страсти вокруг них? Вторая мировая война, если мне не изменяет память, окончилась около полувека назад.

— Да. А теперь представь, что где-то в укромном уголке завалялся, скажем, пистолет времен этой самой войны. Он покрылся ржавчиной, патроны окислились... Это — ничто, хлам, металлолом. Но вот он оказывается в умелых руках того обладателя, кто знает, как его отреставрировать, как применить... И против кого применить. Ржавая железка превращается в оружие, не так?..

— Даже склад с десятком тысяч таких пистолетов ничего в современности не изменят, — сказал хозяин кабинета. — Другое дело, если речь идет о каких-то финансовых тайнах...

— Речь идет об... оккультном оружии. Ни больше, ни меньше. Как тебе подобная тема?

— Ах, вот оно что...

— Любопытная тема?

— Как сказать... При условии ее профессионального обсуждения можно дойти и... до высшего уровня государственной тайны...

— То-то и оно. Продолжаем разговор?

— Безусловно.

— Тут необходима преамбула. Начну с того, что Гитлер, будучи магом, стремился постичь высшие эзотерические тайны, прибегая к помощи грамотных помощников. Каждого из них он держал на отдельной привязи, он вообще ревниво и с подозрением относился ко всякому носителю оккультного знания, а потому еще с самым началом своего прихода к власти провел изрядную чистку среди всех проживавших в Германии астрологов, хиромантов и колдунов — в боязни возникновения в стране внутренней эзотерической оппозиции. Это было обязательным условием для создания тоталитарного магического государства, чья цель — мировое господство, диктовалось правом на наследование верховной власти. Первое государство арийцев Туле, как бы ушедшее в иное измерение, но сохранившееся в параллельном мире, элита, спустившаяся под землю многие тысячелетия назад, чтобы избежать катаклизмов от падения лун, потоков и смещения пластов...

— Падения лун?..

— По эзотерическим преданиям у Земли было три Луны. Последняя, четвертая, притянулась Землей всего сто двадцать столетий назад, и ей тоже суждено разрушиться, вызвав катастрофу... Но это — частности. Нацисты провозгласили себя потомками обитателей Туле и недостижимых подземелий, и именно отсюда пошло понятие господствующей расы. Гитлер полагал, что существа, населяющие те, параллельные пространства, благоволят ему, но он жаждал прямого контакта с ними, а для этого требовался посредник, тот, кто мог бы проложить реальный путь в неведомое. Посредник, обладающий особыми психо-физическими данными. Им стал Краузе. Именно он выступил инициатором экспедиций в Тибет — на родину сверхлюдей, где в древних монастырях нашел себе и соратников, и те манускрипты, которые отража-

ли высшую магическую тайну и несли в себе историю возникновения человеческого архетипа.

— Много тибетцев погибло при обороне Берлина, — заметил Майкл.

— Да. В основном они были последователями одной из тамошних местных религий — Бон. Религии, связанной со зловещими ритуалами, специальными психофизическими методами тренировок на основе тибетской йоги... И если ламы почитаются образцами божественной духовности, то сектанты Бон-па имеют репутацию колдунов.

— И Краузе поддерживал с ними теснейшие связи, как понимаю?

— И с ними, и с фюрером, и с рейхсфюрером... Так вот. Главная задача: проложение пути. Даже для мага средней руки подобная формулировка однозначно ясна. Она сопряжена со Второй магической тайной.

— Поясни, Арон.

— Тайн, как таковых, три. Первая: контроль над тонкими материями, что дает оператору способность к просветлению, либо к подчинению других своей воле. Кстати. Ты наверняка видел архивные пленки с выступлениями Гитлера, но детали выступлений промелькнули мимо твоего сознания, как и мимо сознания миллионов других... А теперь вспомни — прижатые им к груди руки во время страстной речи перед толпой. Это не просто некий экзальтированный жест. Жест продуманный, зачаровывающий массы, жест мага — мол, я беру на себя всю власть и ответственность. И, одновременно, замечу, у толпы отбиралась масса питательной энергии. Внимающие фюреру испытывали покорность и слабость... Другое дело, будучи магом несовершеннолетним, он забирал в себя и чужой негатив, что не замедлило сказаться и на здоровье его, и на психике.

Теперь о Второй тайне. Состоит она в контроле за событиями и в создании тех или иных ситуаций на физическом уровне. Для этого требуется концентрация воли в определенный энергетический сгусток. Но, кроме того, чтобы воплотить идеал идеи в действительность, надо подготовить удобренную почву для исполнения магической задачи. Главной же задачей для Гитлера было то, что воплощает в себе Третья тайна: сообщение с существами иных планов. А их, этих планов, не так и мало. Ему была необходима страна Туле и ее обитатели, но на контакт с ним вышли иные: полагаю, те твари, что обитают на близлежащих к этому миру инфернальных уровнях, твари, попросту использовавшие его, взявшие плату необходимой им кровью и не выполнившие никаких обещанных фюреру обязательств... Он общался с ними, часто просыпаясь ночью, заходясь в мистических истериках, понимал, что ступил на неверную тропу, но было уже поздно... Он метался в восемнадцати комнатах своего бункера, предпринимая атаки против врага, уже стоящего на подступах к Берлину, но атаки эти

происходили лишь в мозгу фюрера, не соответствуя их материальной модели. После пришло обреченное понимание действительности. Оно пришло к нему 22 апреля, когда провалилась операция прорыва через кордоны русских войск, проводимая генералом СС Феликсом Штайнером. Именно в этот момент самоубийство Гитлера стало бы закономерным, однако он медлил, хотя риск вероятного плена был уже крайне велик. Но покончил с собой он только тридцатого апреля, и эта дата не являлась случайной, она — одна из самых знаменательных в календаре сатанистов, — дата праздника костров, переходящего в Вальпургиеву ночь.

А над составлением нацистского календаря посвященных особо усердно потрудились в свое время два соратника: Гиммлер и Краузе.

— Хорошо. — Хозяин кабинета хлопнул ладонью по толстому янтарному стеклу стола. — Ты рассказываешь любопытные вещи. Однако я — практик, и...

— Гитлер не успел с двумя проектами, — откликнулся собеседник. — С ядерной бомбой и с открытием дороги в иные миры. Относительно бомбы все уже решено, но второй аспект остался открытым. И — немаловажным. Иначе им бы сегодня не занимались секретные службы как у нас, так и в других странах. А Краузе был близок в свое время к решению проблемы. И наша сегодняшняя задача... задача нашего народа, Майкл... завладеть самым грозным оружием. Поэтому мне потребуются силы твоего ведомства. И тут не идет речь о мести какому-то там Ричарду Валленбергу, понимаешь? Более того. Возможно, он нам еще и пригодится, кто ведает? Естественно — в качестве инструмента. Так или иначе впоследствии мы его уничтожим. Он — антисемит, причем, органический, мне это известно доподлинно, он, вероятно, истинный потомок тех, из Туле, и он крайне опасен — хотя почему, не знаю. Но чувствую. И боюсь, как бы он не спелся с Краузе.

— Миром должен править наш человек, — произнес Майкл рассудительно.

— Да, — отозвался Арон в тон ему. — И те силы сегодня — с нами. Мы понесли огромные потери в этом веке. Печи Освенцима, сталинское гетто на Дальнем Востоке, должное в итоге превратиться в тот же Освенцим... Нас оберегли наши хранители. И теперь у нас есть знания и опыт, как бороться с врагами куда более совершенными и эффективными средствами, нежели топорная практика СС... Но о победе говорить рано. Пока нам всего лишь дан шанс. И, может быть, Майкл, сегодняшний наш разговор — уже история. И вечная слава будет дарована нам потомками...

— Я безраздельно к твоим услугам, Арон...

Из жизни Михаила Аверина

День у Михаила задался горячим: уже ранним утром, страдая от жуткого недосыпа, он выехал в Вюнсдорф, в аэропорт Шпирен-

берг, куда должен был приземлиться самолет командующего, на сей раз перевозивший на борту не высокого военного начальника, а каких-то двух особистов с важными бумагами и контрабандный груз сигарет, лично Аверину предназначенный.

По дороге, позвонив по радиотелефону в Москву, Миша получил обескураживающую информацию: в самолете находился также представитель криминальной берлинской полиции, о "контрабасе", впрочем, ничего не ведающий, но его присутствие на воздушном судне создавало некоторые сложности.

В военном аэропорту ни паспортного контроля, ни таможни не существовало. Сходи по трапу, выезжай за ворота, и вот тебе — Германия с ее сосисками и пивом. Наладив связи с необходимыми людьми в Москве, Аверин таким образом серьезно увеличил популяцию иностранцев из Юго-Восточной Азии, каждый из которых платил приличные деньги за возможность своего проникновения на территорию Западной Европы. Однако присутствие на борту офицера немецкой полиции, во-первых, не дало возможность переправить в Берлин очередную группу вьетнамцев, а, во-вторых, сильно осложняло перегрузку сигарет и зачехленные брезентом кузова военных машин, должных перебросить контрабанду из аэропорта в Карлсхорст, где те же вьетнамцы, занимающиеся нелегальным распространением курева, уже выплатили Аверину аванс в счет "русского транзита".

Кроме того, на въезде в Шпиренберг Миша расставил четыре машины со своими боевиками, обязанными отразить возможное покушение на товар местной банды чеченцев, контролировавшей аэропорт.

Боевиками руководил переодетый в форму немецкого полицейского бывший габэшник Курт. Опыт по части разгона чеченцев у него уже имелся.

Мистификация выглядела следующим образом.

К чеченской "братве", дежурившей в машинах около въезда в аэропорт, подкатывали машины другие, за стеклами которых угадывались силуэты крепких парней, каждому из которых Миша платил по пятьдесят марок за участие в спектакле, из головного автомобиля выходил Курт в рубашке салатного цвета с погонами и, представившись на идеальном немецком, начинал проверку документов.

Проверить ему удавалось, как правило, одну машину, остальные мгновенно исчезали в пространстве...

Дело обычно ограничивалось взяткой в тысячу марок, счастливые сознанием того, что избежали неминуемого ареста и депортации, кавказские нелегалы-рэкетеры покидали место засады, и Курту оставалось лишь сопроводить транспорт с контрабандой до Берлина, где коробки с сигаретами грузились в огромный подвал особняка в Карлсхорсте, откуда шустрые вьетнамцы партиями растаскивали его в багажниках своих легковушек по всему городу.

То есть проблема состояла в некоторой задержке груза на летном поле, покуда не уберется с глаз долой германский полицейский, ибо коробки, обычно зачехленные, на сей раз отправлялись внаглую, красуясь надписями, выдававшими их содержимое. В дело могла вмешаться армейская контрразведка, чьи представители зачастую крутились в аэропорту, а выяснение отношений с данными представителями означало дополнительные финансовые затраты.

Кроме того, сигареты отправлялись на основе бартера, самолет должен был принять на борт для обратного рейса несколько ящиков с газовым оружием и арбалетами.

Операция, как сформулировал для себя Миша, в очередной раз стоила ему "куска оторванного здоровья", однако прошла на удивление гладко, и вскоре он, запыхавшийся не столько от долгого пути из пригорода, сколько от пережитой нервной нагрузки, уже открывал металлическую решетку, зачиная новый торговый день в своем "военторговом" магазинчике.

Сигареты из подвала особняка вьетнамцы решили забрать под покровом тьмы, поздним вечером, ибо в дневное время боялись бдительных немецких патрульных, особо внимательных к находящимся за рулем иностранцам азиатского происхождения.

Решетка распахнулась, скрипнув петлями, Миша привычно встал у кассы в ожидании армейского покупателя, размышляя, что на носу уже Новый год, а, значит, подошла пора заготовить уйму пиротехники, сулящей ему немалую прибыль, ибо фейерверк в Берлине в течение новогодней ночи — неизменная традиция, как вдруг вошел в магазин странный человек в дорогом длинном пальто, и чем-то глубоко чужим и далеким от этого человека повеяло, ощущалась в нем сила внутренняя и физическая: взгляд уверенный и бесстрастный, лицо — здоровое и жесткое, крепкая шея, широкие плечи, и даже бицепсы основательные угадывались за просторными рукавами... Нет, не славянского происхождения был человек этот, как бесповоротно Михаил уяснил, но, в то же время, удивительным показалось Аверину, что различает он и какую-то нехорошую печать на лице вошедшего, печать, служителям закона соответствующую...

"Ну — настоящий полковник", — вспомнил Мише фрагмент из популярного шлягера.

Брезгливо осмотрев достопримечательности магазина, вошедший спросил по-русски:

— Аверин — вы?

— Да...

— Занимаете особняк здесь?..

— Да...

— Документы!

И Миша, словно укушенный залезшим под рубаху насекомым, полез куда-то глубоко за пазуху, извлекая свой замечательный синий паспорт постоянно проживающего...

— Так-так, — произнес злобещий посетитель, с вниманием документ изучая. — Ключи от особняка, надеюсь, у вас?

— Так точно... — просипел, встрепенувшись, Миша, всем видом выразив глубочайшую заинтересованность и готовность номер один. — А в чем, собственно, дело?

Уже представился обыск подвала, опись сигарет, наручники, “попадалово” на умопомрачительную сумму...

— Дело в том, — спокойно пояснил незнакомец, — что владелец особняка — я.

— Ага, — сказал Михаил озадаченно.

— Вот и “ага”. — Незнакомец помедлил. — Меня зовут Ричард Валленберг. Я живу в Америке, а дом, который вы заняли, принадлежал моему отцу. Я справлялся у местных властей и теперь имею точную информацию и о вас, и о ваших перспективах по пребыванию в данном помещении. Не скрою: перспектив у вас нет. Те бумажки о ремонте, которые вы предъявили, обернутся в случае вашей настойчивости лишь обвинением вас в мошенничестве: достаточно элементарной экспертизы, а она будет в итоге проведена за ваш счет...

— Спокойно! — перебил Миша, с облегчением уясняя, что обыск и наручники куда ему не грозят. — Все понял, готов к диалогу. Здравствуйте, господин Валленберг! — И он протянул собеседнику руку, ощутив цепкое пожатие тренированных, наверняка, в приемах единоборства пальцев. — Вы не против совместного завтрака? Тут буквально в пяти минутах хода есть забегаловка возле Эс-бана... Фирменное блюдо: шницель с грибами, рекомендую. Я угощаю. Как?

— За себя плачу сам, — сказал Валленберг. — Обычно так дешевле выходит. Но позавтракать не откажусь.

Вскоре они сидели в уютном кафе возле метро, Михаил налегал на пиццу с креветками, а Ричард разделялся со шницелем, убеждаясь, что тот и в самом деле приготовлен с изрядным мастерством.

— Предлагаю вариант, — говорил Аверин. — Пока идет оформление документов, то-се, поживем в домике вместе. Я — на первом этаже, вы — на втором... Места хватит. К тому же, там моя мебель, холодильники, микроволновая печь...

— Вы можете все это забрать, — резонно заметил Ричард.

— А ремонт? Какой-никакой, но был же, так?..

— Мы возвращаемся к тому, с чего начали.

— Ну... мне надо время, чтобы съехать, понимаете? К тому же, дом вы наверняка засадите... если в Америке живете...

— Стоп, — перебил Ричард. — Давайте начнем с другого. Вам негде жить? Хорошо, оставайтесь. Что там на втором этаже?..

— Кабинет, холл, спальня... Вам понравится.

— Ладно. Будете платить мне арендную плату.

— Сколько? — напрягся Аверин.

— Тысяча марок.

— Моя фамилия — не Рокфеллер, — заметил Михаил с неоспоримой справедливостью. — Да за тысячу марок я...

— Не хотите — не надо. — Ричард отхлебнул горячий черный кофе. Пожал плечами.

— Ну... хотя бы восемьсот...

— Тысяча марок — очень справедливая сумма. И вы это знаете не хуже меня.

Миша почувствовал, что за горло его держат стальные руки.

“Эээсовец...” — дал он собеседнику не очень лестную мысленную характеристику, но вслух же выразил вежливое, пусть и вялое согласие.

После завтрака поехали осматривать особняк.

Второй этаж хозяину понравился: просторный кабинет, гостиная с телевизором и баром, туалет и душевая, отдельный вход...

Осмотр первого этажа, согласно договору, являвшегося отныне временной вотчиной Михаила, носил характер чисто экскурсионный, после чего настырный домовладелец пожелал осмотреть подвал, и вот тут-то Мише пришлось поюлить, сославшись на отсутствие ключей, поскольку засвечивать объемную контрабанду перед посторонним лицом не следовало.

— Когда будут ключи? — последовал логичный вопрос.

— Дня через три... Партнер уехал во Францию за товаром, увез с собой всю связку, зараза... Да и чего там в подвале-то? Мое барахло, коробки разные...

— Подвал мне может пригодиться. — прозвучало непреклонно. — Так что барахло придется вывезти.

Миша почувствовал, что лишается замечательного складского помещения. Это удручило его всерьез.

— Хорошо, за подвал буду платить отдельно...

— Обсудим данный вопрос после того, как помещение будет очищено, — отрезал американец арийского происхождения и направился вверх по лестнице, ведущей на его территорию.

Мише оставалось только скрипнуть зубами, выражая немое негодование. К тому же, он просто терялся в догадках, каким образом вывезти сегодня ночью из подвала сигареты, незаметно провести такую операцию в присутствии нежелательного свидетеля.

Берлин. Посольство России.

Декабрьским утром в российском посольстве, расположенном на просторной Унтер ден Линден, выходящей к желтым колоннам Бранденбургских ворот, появился ничем не примечательный человек в дубленке и в шерстяной кепочке, миновал очередь, сидевшую в приемной в ожидании нотариальных заверений различного рода документов, и спросил у девочки-секретарши, каким образом он мог бы встретиться с начальником службы безопасности данного учреждения.

— По какому вопросу? — спросила девочка.

— По крайне серьезному, — ответил посетитель.

Девочка сняла телефонную трубку, и через пару минут в приемную вошел необходимый человек, сухо осведомившийся — чем, собственно, может служить...

— Надо поговорить, — ответил посетитель неопределенно, после чего был препровожден в отдельный кабинет.

Там, водрузившись в кресло за канцелярским столом, ответственное за посольскую безопасность лицо изрекло:

— Слушаю!

Однако выслушать ничего конкретного чиновнику не довелось, ибо, даже не удосужившись кепочку с головы снять, или же дубленочку расстегнуть, неизвестный намекнул, что поговорить ему необходимо с лицами, ответственными за деликатные стороны дипломатической деятельности, после чего, несколько секунд посвятив напряженному раздумью, позвонил начальник в ведомые ему инстанции, откуда явился сухонький лысенький человек, которому незамедлительно командное кресло за столом было предоставлено.

Но и с лысеньким ничего не стал обсуждать посетитель, а, положив на стол конверт без каких-либо надписей, произнес:

— Ознакомьтесь.

И, не попрощавшись, вышел.

Дипломатические сотрудники синхронно перевели взгляды с конверта на опустевший стул. На его кожаной подушке, обрамленной головками обшивочных гвоздей, виднелась отчетливая вмятина, оставленная годами неизвестного посетителя...

А посетителем же был псевдо-агент бывшего полковника Трепетова — Виктор.

Виктор не хотел платить умопомрачительную сумму взятки разложенной коррупцией разведке, рассудив: после его заявления, которое прочтет, наверняка, не один начальник российских спецслужб, возникнет закономерный скандал. И уж что-то, но его, Виктора, после такого скандала никто никаким немцам никогда не сдаст. Скорее всего, его попросту постараются забыть, тем более, какую ценность он собой представляет? Нулевую.

Профессионал Трепетов совершил ошибку, не разъяснив дилетанту, насколько рискованным мог оказаться подобный ход: угоди заявление Виктора в руки информатора германской разведки, или к мерзавцу, испушенному, как на чужих костях делать карьеру и деньги, кровью бы оплатилась каждая строка написанная, но в данном случае сработал принцип везения, и уже вечером в Москве данное заявление внимательно прочитали, приняв по нему мгновенное оперативное решение... Вслух сопровождаемое матерным генеральским комментарием, относящимся к личности изменника Трепетова.

Конец же комментария был таков:

— Когда это... “мерседес” через Шперенберг будут отправлять, то... багажник там просторный, да?.. Но — чтоб не обделал, отвечаешь!

Алексей Трепетов

Сквозь сонное забытие Трепетов расслышал шорох раскрывшейся двери, глухое фарфоровое звяканье посуды и, приоткрыв в истоме глаза, увидел коридорного.

Не глядя в его сторону, тот поставил на бюро поднос с завтраком и вежливым молчаливым призраком скользнул обратно к двери.

Это утреннее пробуждение Трепетов наконец-то воспринял как явь, он уже несколько раз просыпался нынешней ночью, словно в бреду постигая, что снова находится в Европе, а не в Гималаях, куда улетал развеяться на неделю, и виделся ему сон: луга в разноцветье диких цветов, теплый медовый воздух, напоенный пылью, тишина легкого ветра, птичий щебет в высокой пушистой хвое кедров, стволы их, розово и округло убегающие в синь неба, отбеленную сахарными головами вершин на горизонте. Безвременье созерцания чуда.

Вечера он проводил в подвале ресторанчика, за пологом из цветочных гирлянд с томным запахом жасмина, где душно тлели палочки благовоний и дымились на черных тумбах столов горячие шалы с местным целебным чаем, душистым, терпким и солнечным.

Но вот экзотическая сказка позади, и вновь он в зимней серой Германии...

Встав с кровати, поднял жалюзи на окне.

За толстым оконным стеклом стоял лес, окруживший аквариум отеля: вековые сосны в смерзшейся пене снега, чья чащоба тянулась к робкой просини горизонта, где дотлевали редкие звезды и сквозь длинную рваную брешь восхода косым пучком исходили застывшие лучи.

Он намеренно остановился в этом предназначенном скорее для лыжников отеле, расположенном в отдалении от Берлина, ибо последнее время мучило его какое-то неосознанное беспокойство. Виктор явно затягивал с выплатой денег, ссылаясь на недобросовестность кредиторов, что рождало подозрения: а не способен ли подопечный выкинуть какой-либо трюк? Но какой?..

Данные банковского счета, куда деньги должны перевестись, Трепетов отослал ему по факсу, решив исключить всякие очные контакты, и на всякий случай обронил, что находится в Венгрии, откуда и будет держать связь.

С усилением прессинга на Виктора он покуда не спешил, решив для начала кое-что из его уверений, касающихся финансовых затруднений, проверить. В частности, тот заявил, что один из его компаньонов — некий Миша Аверин, содержавший магазин в

Карлсхорсте, обязался поставить ему водку для воинских частей, но с исполнением контракта тянул, хотя получил предоплату в сто тысяч долларов.

Позавтракав, Трепетов сел в арендованное "пежо" и уже через полтора часа парковался напротив магазинчика, выжидая момент, когда из торгового зала уйдут покупатели.

Хозяин заведения стоял возле кассы, отсчитывая сдачу какому-то лейтенантику, державшему в руках коробку с дешевой автомагнитолой, пытаясь возле магазина пустовал, и Трепетов уже взялся за ручку дверцы, намереваясь покинуть автомобиль, как вдруг замер, потрясенный внезапным открытием...

В направлении магазинчика шагал... Ричард Валленберг. Или мерещится? Но это лицо ныне он вспоминал чаще, чем лицо родной матери или жены... Безусловно Валленберг! Но — откуда? Зачем?

Между тем американский шпион уверенно прошел в магазин, осмотрел витрины и обратился к Михаилу, суетливо полезшему в карман за документами. После последовал короткий разговор, дверь магазина замкнулась на ключ, и Миша, что-то горячо объясняя невозмутимо выслушивающему его Ричарду, отправился вместе с ним в сторону станции метро.

Трепетов наблюдал за их удаляющимися спинами в зеркальце заднего обзора.

Вот так номер... Он сидел, размышляя, каким ветром могло занести сюда офицера из Лэнгли. Прошел час, но придумать сколь-нибудь стоящей версии он не смог.

В течение же этого часа мимо машины Трепетова наряду с многочисленными российскими военнослужащими прошел известный поэт-народист, затем — двое эстрадных певцов, популярная киноактриса, а также главный редактор одного из каналов центрального телевидения, известный миллионам зрителей.

Судя по всему, в этом Карлсхорсте можно было встретить целый паноптикум выдающихся личностей российского происхождения.

И тут Трепетова осенило!

Просматривая когда-то личное дело Ричарда, он наткнулся на донесение из Берлина, указывающее, что в восьмидесятых годах Валленберга-старшего, туриста из США, прибывшего на территорию ГДР, усиленно в районе Карлсхорста "пасли", хотя никаких противоправных действий тот не совершал, но прогуливался по местным улочкам достаточно долго... Может, жил здесь когда-то? Но если жил и имел дом, либо квартиру, тогда Ричард — законный наследник недвижимости... Или что-то тут еще?..

С другой стороны, покуда здесь стоят российские военные части и пусть номинально, но все-таки действует разведка и контрразведка, появиться в этих краях без согласования со своим начальством агент ЦРУ не имеет права. А он, Трепетов, серьезно сомневается в праве свободного выезда господина Валленберга не

только в дальнее зарубежье, но даже и в какую-нибудь соседнюю Канаду, глубоко дружественную США...

Значит, Ричард — в бегах? Но каким образом...

Додумать Трепетов не успел — в магазин с удрученным видом входил Михаил Аверин. Следом за ним в дверь проследовала какая-то дама — видимо, из местных гарнизонных обитательниц, буквально через минуту она как ошпаренная выскочила из помещения. Вероятно, хозяин магазина пребывал в дурном расположении духа.

Это Трепетова не смутило. Профессиональный психолог, он знал, что человек в возбужденном состоянии представляет собой неиссякаемый источник информации. Вопрос — как к источнику подойти...

И, плотно захлопнув дверцу "пежо", он направился к неприветливой торговой точке, испытывая чувство начинающейся сложной игры, которой столь не хватало ему на умиротворенных просторах божественных экзотических Гималаев...

— Здравствуйте, Миша, — обратился Трепетов с дружелюбнейшей интонацией в голосе к насупленному Аверину. — Зовут меня Алексей, — он протянул руку, — живу в Дюссельдорфе, мне вас рекомендовали люди из "АББЫ"...

"АББА" — крупный торговый склад, отоваривавший практически всех турецких, югославских и русских торговцев, был Аверину, конечно же, известен.

— Так, — сказал Михаил с некоторой долей заинтересованности.

— Мне сказали, что вам можно предложить водку оптом...

— Какую, цена, условия поставки... — произнес Миша заученно.

— "Смирнов", "Горбачев"...

— Как-как?... "Горбачев"? Надо запомнить. — Аверин, справляясь с довлевшими над ним отрицательными эмоциями, выдал из себя принужденную усмешку.

— Но прежде, — продолжил Трепетов, — надо бы договориться о соблюдении некоторых правил... Может, я влезаю в местную тусовку, а мне не хотелось бы неприятностей... Я слышал, вы уже работаете с Виктором по данной теме... То ли он вам поставляет товар, то ли — вы ему...

— С каким-таким Виктором? — нахмурился Аверин. — С Кудамма, что ль?... С пастью перекошенной?

— Ну да...

— Во, лепят! — искренне возмутился Аверин. — Да я с ним — "здэрасте-процай", какая водка! Где он берет, там и я, вся разница в отдаче, в клиентуре. Мне он — по фигу, никаких дел, вообще... Ты и ему предложи, мени не касается...

— Ну... — замылся Трепетов, — ему-то я ничего не предложу, меня как раз и настораживало то, что вы якобы с ним связаны, поскольку репутация у него...

— Да знаю его, — сказал Михаил. — Козел! Кроила гнилая. Не человек, а дракон!

— Может, поужинаем вечером? — предложил Трепетов. — Чего мы здесь, в магазине, тереть будем? Я угощаю.

— Давай, — кивнул Миша. — А ты здесь-то где проживаешь?

— По отелям, — вздохнул Трепетов. — Бизнес, расходы... Это я в Дюссельдорфе — король... А тут... У тебя-то, небось, дом, никаких проблем...

— Дом! — сказал Миша со злобой. — Был дом, да вышел сегодня... Хозяин заявился, сука! Права качает...

— Наследник? — спросил Трепетов участливо.

— Ну! Традиций СС!

— Они такие... — вставил Трепетов осторожно. — Хрен договоришься. Немцы, одно слово! Что, выгоняет?..

— Да нет... Пока объявил аренду. А сам на второй этаж вселился, волк!

— Слушай, — оживился Трепетов, — а ты бы себе жильца взял, да и отбил бы аренду... У тебя сколько комнат?..

Миша с любопытством поглядел на собеседника.

— Отбил бы... — повторил с задумчивой иронией. — Он мне две штуки за все про все влупил... Кто их заплатит? Если приду-рок только... Мне-то деваться некуда, у меня склад в подвале...

— Ну... лично я за шестьсот марок комнату бы снял, — сказал Трепетов. — В Берлине мне еще крутиться... Дорого, конечно... Но за шестьсот... да.

— Тогда так, — подвел Миша итог. — Будешь как бы моим братом. Приехал в гости из Москвы, понял? Деньги — вперед.

— Так мы сегодня ужинаем?

— Без вопросов!

Ричард Валленберг

Русский парень, поселившийся в доме, симпатий у Ричарда не вызвал. Глаза — зеркало души, выдавали в нем продувную бестию, живущую здесь, в Германии, благодаря каким-то полукриминальным операциям, должным завершиться с уходом русских войск, так что плутоватый Миша был явным временщиком, ничего общего со страной своего нынешнего пребывания не имевшим.

Аверин пожаловал в апартаменты Ричарда поздним вечером.

С ним был еще один человек — плотного сложения, светловолосый, возраста сорока с лишним лет, и в лице человека угадывались черты некоей интеллигентности, хотя взгляд его разноцветных глаз — один был серым, а другой карим, — Ричарду не понравился: сквозила во взгляде том какая-то стылая оценивающая настороженность, присущая опытным полицейским профессионалам...

— Вот — ключи от подвала, — радостно сообщил Миша, передавая Ричарду связку. — Мои "партизаны" все барахлишко вы-

везли... Так что работаем ударными темпами... Хорошо, брат сегодня вернулся, у него-то и был второй комплект. — Он кивнул на незнакомца, который незамедлительно представился глуховатым, спокойным голосом:

— Алексей.

— Родной брат? — спросил Ричард невозмутимо.

— А?.. Двоюродный.

— И... Он тоже здесь... проживает?

— Да, — ответил пройдоха Михаил таким тоном, будто даже удивился такому вопросу. — Здесь. Вместе со мной... Но мы же отдельно, вам не мешаем... А потом он тут временно...

— Где-то недели две, — вставил незнакомец. — Надеюсь, что на улицу не выставите?

Последнюю фразу он произнес на чистом, без малейшего акцента, немецком. Затем спросил уже по-английски:

— Не забыли язык предков?

— Язык предков я изучал, — отозвался Ричард по-русски. — С помощью папы. На улицу я вас не выставляю, живите...

— Мы тут подумали, — вклинился Миша, — хорошо бы отметить знакомство, как?.. Ужин стынет, прошу к столу...

— Я только что из ресторана, — слукавил Ричард, твердо для себя решивший ни в какие неофициальные контакты, влекущие за собой *отношения*, с фамильярным и скользким торговцем не вступать.

— Ну, хотя бы отметим... — поддакнул полиглот Алексей.

— Алкоголь не употребляю, — отрезал Ричард. — Извините. — И отправился в подвал.

В прохладном каменном мешке подземелья он долго искал выключатель, покуда висевшие по углам светильники в зарешеченных колпаках не озарили кирпичные, старой кладки стены ровным тускловатым мерцанием.

Пыльный затоптанный пол в обрывках упаковочной бумаги, пластиковые крепежные ленты...

В подвале, судя по всему, ничего не реконструировалось, остались даже дубовые подставки от тех бочек с вином, о которых упоминал отец.

Да, вот здесь-то и отсиживался он почти полвека назад, бедняга...

Ричардом овладела тоскливая грусть... Отец. Последний родной человек. Ушедший безвозвратно. Боже, теперь никого. Один. Впрочем, он еще не так стар...

Он прервал размышления, внимательно всмотревшись в плиты пола. Которая из них? Многолетняя грязь, забившая стыки, не позволяла даже различить, где кончается одна плита и начинается другая.

Тут еще предстояло поломать голову...

Он пожалел, что согласился на аренду, поддавшись на уговоры этого жулика, оккупировавшего первый этаж. Раскопки в подзе-

мелье могли натолкнуть постояльцев, не внушавших Ричарду ни малейшего доверия, на ненужные размышления.

Впрочем, завтра он вполне справедливо заметит, что оставшийся в подвале мусор — свинство, а после с вызывающим видом затеет уборку, достаточно оправданную после высказанных претензий.

Он поднялся к себе наверх, зажег настольную лампу и уселся за письменным столом в кабинете, поневоле задумавшись о своих русских соседях, сидевших сейчас за поздней трапезой. Кто они? Осколки варварской империи, вклинившиеся в податливое тело Запада?

Ричард вспомнил, как один из аналитиков ЦРУ уверял его, что падение "железного занавеса" обизано послужить причиной немедленного его воссоздания уже со стороны всех цивилизованных стран, должных уберечь себя от вторжения Гогов и Магогов, чьи агрессивные орды, рожденные на земле "тьмы крошечной", согласно древним источникам, заполонят весь мир, неся ему разрушение и погибель. И произойдет это на закате человеческой цивилизации.

Неужели столь близок такой закат?

Ричард тогда спешил и собеседника не дослушал, потом, в кулуарах служебных дел они общались на темы конкретные и сиюминутные, а вот теперь он сожалел, что общение отныне уже невозможно, и он не услышал, вероятно, весьма много не только любопытного, но и полезного...

Извилист путь человеческой мысли. Образ эмигранта из России отчего-то дал Ричарду повод задуматься над тем, о чем, наверняка, его соседу по дому размышлять попросту не полагалось согласно сверхзадачи его миссии на этой земле, ведомой лишь Творцу...

Собственно, сверхзадачи всех миссий людских определялись и определяются отнюдь не их исполнителями.

Проснувшись, Ричард позавтракал клубничным йогуртом, выпил две чашки кофе и спустился в сад подышать утренним морозным воздухом позднего декабря.

В отдалении, в русской воинской части, мерно гудели разогреваемые танковые дизели, случайные снежинки осыпались из серенькой мглы низкого неба, Карлсхорст был мрачен и пуст.

Вход в дом со стороны заднего двора был открыт, Ричард взглянул в дверной проем и вдруг услышал голос Михаила, донесшийся из глубины расположенного поблизости подвала...

Дверь в подвал со вчерашнего вечера он намеренно оставил незапертой, чтобы тем самым развеять возможность каких-либо подозрений относительно природы его особого интереса к данному помещению, и теперь под каменным сводом застал своих постояльцев, вооруженных швабрами.

— Вчера не успели марафет навести, — сказал Миша. — Но лучше поздно, чем никогда, как у нас говорят... В России, то есть.

Ричард улыбнулся. Запланированный конфликт, похоже, отменялся.

— Зря вы... — сказал он. — Я бы сам...

Михаил тут же заверил его, что исполняет обязанность, находящуюся единственно в его компетенции. Компетенции благовоспитанного джентльмена.

“Удачи”, — как мысленно добавил про себя Ричард, но о таком уточнении умолчал — именно что из-за джентльменских соображений.

Уборку закончили около полудня, после чего Михаил отправился торговать в магазин, а его кузен, сославшись на головную боль, ушел в свою комнату, заявив, что смертельно хочет спать, ибо вчера не на шутку перебрал, неумеренно отметив свое возвращение в Берлин из Дюссельдорфа, где проживал с семьей...

Вернувшись в подвал, Ричард, подсвечивая себе карманным фонариком, тщательно обследовал стыки плит. И — обнаружил изъян.

Сомнений он не испытывал. Во-первых, плита явно просела по отношению к остальному настилу. Во-вторых, остатки цементной, растрескавшейся в крошево массы на стыках, консистенцией своей явно не соответствовали заполнению иных промежутков...

В подсобке он обнаружил ржавый садовый инвентарь и кривой лом.

Плита поддалась на удивление легко, будто пенопластовая... И падение ее на пол прозвучало коротко и отрывисто.

Из открывшегося перед ним углубления Ричард вытащил сырой тюк с форменной одеждой и заплесневелый портфель желтой кожи...

Прислушался. Мерная, однотонная тишина.

Он осторожно уложил плиту на прежнее место, тщательно смел в стыки грязь и утоптал ее, кажется — все...

Поднялся к себе.

Из портфеля извлек бумаги, распространявшие запах склепа, разложил на столе кинжалы, холодная, скользкая позолота “Вальтера”, уместившегося в ладони, наполнила все существо его какой-то мистической, тревожной сопричастностью к канувшим в забвение временам, и, судорожно, как змею, отбросив пистолет на стол, он долго и возбужденно ходил по комнате, теряясь в сумбуре воспаленных мыслей и образов...

Затем, успокоившись, брезгливо разобрал ком протухшей эссовской формы. Плотно сложив ее, упаковал в заплесневелый портфель. Эти аксессуары истории теперь по праву принадлежали баку для мусора, что стоял на углу перекрестка.

Он переоделся в свежее белье, натянув джинсы, рубашку с короткими рукавами и, охватив в ознобе ладонями ребра, подошел к окну, где косо хлестал дождь со снегом и морозные струи воздуха ползли из щелей в рамах.

После уселся за стол, углубившись в чтение.

Через несколько часов с некоторым даже раздражением осознал: перед ним некий оккультный труд, понять который невозможно хотя бы потому, что значения практически всех терминов неизвестны, никакой сюжетной структуры в записях нет, и уяснение содержания требует многодневной, кропотливой расшифровки едва ли не каждой фразы. А ветхие древние манускрипты, переложенные коричневой пергаментной бумагой, и вовсе были доступны для прочтения и понимания какому-нибудь изощренному профессионалу.

Его отвлек стук в дверь.

Ричард спешно разместил бумаги и оружие в ящиках письменного стола.

— Херр Валленберг! — раздался голос Михаила.

— Слушаю вас... — Ричард раскрыл дверь.

— Пора ужинать, — сказал Миша. — Погода — дерьмо: снег с дождем. Чего вам идти в ресторан? Вы не думайте, — упредил он возможный отказ, — что мои приглашения могут как-то повлиять на наши деловые релэйшнс... В России просто так принято... Вы не стесняйтесь. У нас это ни к чему не обязывает. У нас даже знаете как? — хозяин гостя приглашает, кормит-поит, целуются, а потом заморочка какая-то, и — запросто тесак под ребро... А потом чего уж там вспоминать, кто сколько съел или принял на грудь... Ничего так инвйтэйшн, да? Ну, эт-я шучу... Не бойтесь. Братец никак не отойдет от вчерашнего, влежку... Ну, а мы вдвоем тихо-мирно и посидим, как?

— Хорошо, — сказал Ричард. — Только без тесаков. Я это не люблю.

Миша хохотнул в ответ и загромыхал толстыми подошвами башмаков по лестнице, ведущей на первый этаж.

На ужин предлагалась прожаренная в специях свинина, овощной салат и красное вино. Ричард, впрочем, удовлетворился холодной кока-колой.

Миша смешно и интересно рассказывал ему о событиях своего прошлого московского бытия, о порядках и нравах незабвенного коммунистического государства, и Ричард, наверное, засиделся бы с ним до полуночи, если бы не одолевавшая его сонливость... Сонливость и чувство глубокой досады.

Он, влекомый каким-то упорно-механическим чувством кладоискателя, откопал эти отсыревшие идиотские бумаги, вкупе с пистолетами и кинжалами, и — что дальше?

Его грызло сознание того, что он крупно и глупо проиграл.

Проиграл во всем. И безусловно права Элизабет, что развелась с ним — неудачником, своею судьбой и природой на неудачи обреченным.

— Миша. — Он поднялся из-за стола. — Спасибо за ужин. Я ваш должник. Компанию более составить не могу: что-то тянет в сон...

— А разница, — сказал Миша, — во времени. Вы же к своему привыкли, к американскому... Вот и сбей. Завтра проснетесь и

пять часов утра и будете думать, куда бы себя деть... Вы бы пересидели себя, посидели бы еще чуть...

— Не могу, — признался Ричард искренне и повторил: — Спасибо.

— Ну, — Миша протянул ему руку, — отдыхайте. Извините, как говорится, что обошлось без драки... — И уткнулся в телевизор.

Ричард же, укладываясь спать, в наступающей полудреме путано размышлял и о себе, и о своем недавнем собеседнике, как о заложниках времени, диктующего постоянно меняющиеся правила игры, что вмиг разоряют недальновидных и увлекающихся, времени, должным в итоге, конечно же, слиться с Вечностью, упреждающей и время, и правила. На него уже начал действовать клофелин, подмешанный во время ужина коварным Михаилом в кока-колу.

Берлин. Карлсхорст.
Декабрь 1992 г.

Дождавшись, когда Валленберг поднимется по лестнице в свои апартаменты, Михаил скоренько сполоснул тарелки, убрал остатки еды в холодильник и, выключив телевизор, прислушался к воцарившейся в доме тишине.

Лже-брат Алексей почивал в соседней комнате, откуда время от времени доносился легкий храп, крепость же сна американца никаких опасений у Аверина не вызывала, а потому, взяв запасные ключи от дверей второго этажа, он смело отправился наверх, захватив карманный фонарик.

Мысль о том, что в доме остались какие-то ценности, не вывезенные родителями Ричарда в Америку, зародилась у Михаила еще тогда, когда новый хозяин настойчиво потребовал очистить подвал, а затем быстро нашла свое подтверждение, ибо, вернувшись из магазина и обследовав пол, он заметил, что одну из плит настила буквально несколько часов назад, сразу же после уборки, приподнимали.

А вот что за ценности хранились в подполе, именно сейчас и предстояло выяснить.

Он прошел в кабинет, и луч фонарика сразу же высветил желтый портфель с многочисленными проржавевшими застежками, стоявший у письменного стола.

Вот оно!

Стараясь не шуметь, он поднял портфель и двинулся обратно. Времени для обследования содержимого этого саквояжа у него было предостаточно.

Спустившись на кухню, поставил портфель на стол. От отсыревшей кожи несло холодной затхлой землей и плесенью.

Криво усмехнувшись, он взялся за застежку, просунутую в металлическую петлю...

Трепетов, словно выполняя учебное упражнение, бесшумно вынырнул из-за двери и опустил кусок водопроводной трубы, обмотанной свитером, на голову согнувшегося над портфелем Михаила, чье тело в тот же миг послушно и мягко завалилось под кухонный стол.

“А все-таки, — подумалось ему с долей хвастливости, — выигрывать должен профессионал, ребятаки...”

Он уже протянул руку к портфелю, как вдруг в доме погас свет.

Что это? Пробки? Или же...

Интуитивно он ощутил какую-то неведомую опасность...

Стараясь двигаться бесшумно, взял со стола портфель и двинулся в сторону прихожей.

Бумажник Михаила с дневной выручкой и документами на “мерседес”, запаркованный во внутреннем дворике, лежали у него в кармане брюк вместе с ключами от автомобиля.

С вешалки он снял пальто Ричарда — модное, кашемировое, решив, что оно заменит ему спортивную нейлоновую куртку, оставаемую в качестве сувенира незадачливому Михаилу.

Некоторое время он выжидал, настороженно прислушиваясь к сырой темноте, обступившей его, затем медленно открыл фрамугу окна, ведущего в сад, и тихо спрыгнул на землю, тут же резко отступив в сторону...

Страхи оказались напрасны: ни в саду, ни около дома не было ни души.

Мирный Карлсхорст тихо погружался в сон, гася огни в оконных просветах.

Отключив пульт сигнализацию, Трепетов уже взялся за ручку “мерседеса”, как вдруг ощутил возле себя движение стремительно скользящей тени, после чего сознание как бы на миг оставило его, а после тут же вернулось, однако находился он теперь не возле дома, а на заднем сиденье какой-то машины, плотно зажатый с двух сторон громоздкими личностями с телосложением чемпионов японской национальной борьбы “сумо”.

— Что, сука, отпрыгался? — донеслись до него слова, леденящим ужасом проникнувшие в душу.

Он дернулся, в глупейшей попытке вырваться из салона, но тут же получил укол в ногу и захрипел, цепenea от действия известного ему медикамента, одобренного еще в пору расцвета его карьеры специальными медэкспертами Комитета Государственной безопасности...

Тем временем в эфире звучал следующий разговор на англо-американском:

— ... Из дома вышел “объект”. С портфелем. Э-э, его свинчивают...

— Кто?!

— Наверное, люди “немца”...

- Как?! Этого не может быть! Их там нет! Мы...
- Взяли. Профессионально. Он в машине. Красный микроавтобус. "Понтиак".
- Вы уверены, что это "объект"?
- Кажется... Пальто его... В доме нет света...
- Ч-черт! Срочно работайте вариант "аппендикс"...
- Понял.

"Фольксваген" с мигалками, где находилась оперативная группа сотрудников ЦРУ, переодетых в полицейскую форму, перехватила "понтиак" при выезде его на узкое шоссе, с тыла опоясывающее Карлсхорст.

Водитель дисциплинированно остановился, приготовив документы для проверки, и даже улыбнулся подошедшему полицейскому, ибо неприятности боевому российскому экипажу "понтиака" способен был принести лишь предатель Трепетов, однако тот беспробудно спал, привалившись щекой к мощному плечу одного из своих стражей и никаких сигналов "SOS" категорически подать не мог.

Полицейский потянулся за документами и бросил в салон машины металлический предмет, зажатый в кулаке, сам же отпрыгнул в сторону, за капот.

Бесшумно сверкнула вестерпимая вспышка, осветив каждую рытвинку и волосок на лицах сидевших в "понтиаке" людей, вслед за ней салон мгновенно заполнили ватно-белые клубы усыпляющего газа, и уже через минуту бездыханный, дважды отравленный Трепетов и желтый портфель с полусгнившей эсэсовской формой заботливо перемещались из "понтиака" в кузов "фольксвагена".

"Полицейские" работали споро, но шесть человек в черных масках и комбинезонах, выпрыгнувшие из тьмы, обладали реакцией и приемами нападения еще более изощренными и отточенными: им, людям Краузе, потребовались считанные секунды, по истечении которых команда ЦРУ оказалась недвижно лежащей в придорожной канаве, за исключением водителя в полицейской форме, взятого в качестве "языка" и помещенного вместе с Трепетовым и злосчастным портфелем в багажник подъехавшего к месту горячих событий бронированного "мерседеса".

- Магистр, портфель у нас. Но...
- Что "но", что "но"...
- Там... какая-то старая форма...
- Какая еще форма?
- Форма... Вонючая, сырая... И фуражка СС. С черепом. Мята.
- И все?

- В портфеле — все. И еще: "объект" — не с нами...
- Что за idiotские сюрпризы! А кто же был в машине?!
- Русский. Нас ввело в заблуждение пальто...
- Пальто, русский, черт вас всех подери! Вы несете какую-то чушь!
- Мы все исправим, магистр! Немедленно! Не волнуйтесь, магистр!

Много незримых, однако же бурных страстей кипело той декабрьской ночью в тихом и сонном Карлсхорсте, но, так же как тысячи его обитателей, ничего не ведал о них и виновник всей кутерьмы — Ричард Валденберг, спавший, а, вернее, лежавший, утратив сознание, в темноте выстуженной от раскрытой форточки спальни.

Трепетов и Аверини

Аверини и Трепетов, прикованные наручниками к батарее центрального отопления, тянувшейся вдоль стены пустого гаража, очнулись практически одновременно и с изумлением уставились друг на друга, припоминая те последние события своей сознательной жизни, что смутно хранила их воспаленная память.

— Леша, где мы? Что происходит, в натуре? — просипел Михаил, испытывая позывы к рвоте и сильнейшую головную боль.

Трепетов — с бледно-зеленым лицом утопленника, хотел было произнести: черт его, мол, знает, но изо рта его вырвался всего лишь болезненный хрип.

— Напали на нас, что ли? — предположил Михаил каким-то озябшим голосом. — А?..

— Пи-ить... — прошептал Трепетов с мольбой в голосе.

Будто услышав его, в гараж из боковой двери, видимо, ведущей в недра некоего дома, своей стеной к гаражу примыкающего, появился мужчина лет тридцати в теплом плаще с погончиками, идеальным пробором в вабриолиненных волосах, с гладким бледным лицом и ртом, перекошенным в фальшивой улыбочке.

— Тысяча извинений за столь неудобный ночлег, — произнес он по-русски с явным германским акцентом, учтиво наклонив пробор и беспокойно смотря исподлобья. — Сейчас вами займется врач. Ма-арти-ни! — крикнул он в сторону двери, и в гараже появился сутулый верзила — прилизанный, в белой рубашке и черном галстуке.

Верзила осклабился, показав крупные как у лошади зубы, коричневые от табака и, вытащив из кармана брюк ключи, отковал от батареи обессиленных узников.

— Прошу, — указал тип в плаще на проход в дом, первым поднявшись к нему по низкой металлической лесенке, вмурованной в бетонный пол гаража.

Аверин и Трепетов покорно двинулись вслед за ним. Замыкал шестые человек с длинным лицом и лошадиными зубами.

Вошли в прохладный сумеречный холл, выложенный черным с серыми прожилками мрамором. Канделябры, китайские вазы, рыцарские доспехи, секиры и двуручные мечи на стенах, ведущая вверх резная дубовая лестница...

— Туда, — показал человек в плаще под лестницу, и вскоре пленники шагали в подземелье дома коридором, сплошь выложенным голубым кафелем, лазурно сиявшим в люминесцентном свечении ламп.

— Похоже на преддверие операционной, — остановившись, хрипло заметил Михаил, незамедлительно получив увесистый пинок, призывавший продолжать движение согласно указанному маршруту.

Коридор привел в бильярдную.

Кожаные диваны и кресла, бильярд, стойка с киями, большой застекленный портрет Гитлера, под ним — цветок в пластмассовом горшке и сервировочный столик с многообразием напитков спиртных и безалкогольных.

На диване сидели двое угрюмых молодых людей, одетых в свитера, джинсы и кожаные куртки.

У стола стоял человек с аккуратным пробором. Повернув в сторону кожаных мальчиков плоскую, тщательно выбритую щеку, он произнес:

— Обыщите их еще разок. Поподробнее.

Мальчики, низкорослые, с могучими красными шеями, послушно поднялись с дивана, по-крабьи расставив руки, наклонив коротко стриженные головенки, двинулись к задержанным.

Обыск был выполнен с блеском и мастерством либо фокусников, либо карманников.

— Ни-че-го, — вынес резюме человек с пробором. — Наши ребята вчера потрошили вас хотя и в спешке, но добросовестно. Ну-с, — кивнул на сервировочный столик. — Угощайтесь пока... — И вышел, сопровождаемый кожаной свитой.

Аверин жадно приник к бутылке с минеральной водой. Трепетов незамедлительно последовал его примеру.

— Ну, — сказал Михаил, тыльной стороной ладони утирая рот, — и в какую-то такую навозную кучу мы угодили на сей гребаный момент?

Если бы Трепетов и хотел ответить ему, то все равно бы не успел: в бильярдную снова вошел человек с идеальной прической. Охранники с литыми плечами почтительно семенили за ним. Невыразительные их лица на этот раз отличала та сосредоточенная удрученность, что обычно лежит на лицах ассистентов медицинского светила, приступающего к серьезной операции.

Процессию замыкали тип с физиономией непородистой лошади и высокий большеголовый человек: лысоватый, с тяжелым неприязненным взглядом черных округлых глаз, одетый в строгий

однотонный костюм. Немигающий спокойный взор его уперся сначала в Трепетова, потом в Михаила. Он вытащил из золотого портсигара "гаванну", покатал ее в длинных пальцах, на одном из которых виднелся серебряный перстень с изображением "мертвой головы" и сунул сигару в рот.

"Лошадиная морда" мгновенно щелкнул хромированной зажигалкой, заботливо приблизив пламя к кончику сигары. При этом он согнулся в почтительном полупоклоне, демонстрируя публике округлый, как у жеребца, зад, обтянутый синтетическими клетчатыми брюками. Из заднего кармана брюк свисал несвежий носовой платок.

Владелец зловещего перстня, угрюмо наклонив лобастую голову и даже не глядя в сторону любезного конеобразного человека, переместил сигару из одного угла рта в другой, спросив отрывисто, по-немецки:

— Жить хотите?

Миша непонимающе оглянулся на Трепетова, тот невозмутимо перевел ему вопрос и тут же ответил грозному собеседнику: да, дескать, не против...

— Условия, — жестко продолжил тот уже по-русски, но с сильным акцентом. — Малейшая ложь означает смерть. Полная правда — жизнь. Кое-что мы о вас знаем. И о тебе, полковник, — кивнул он Трепетову, — и о тебе... отравитель... — презрительно сощурился на Мишу, угнетенно отведшего взгляд в сторону. — Да-да, отравитель! — произнес глумливо, разводя руками.

— Ну, условия подходящие? — вмешался в разговор набриолиненный с пробором, бесстрастно выставлявший на зеленом сукне бильярдного стола пирамиду шаров.

— Капнул я ему клофелина, — неожиданно произнес Миша. — И чего?.. Не смертельно же... Зато потом меня по башке кто-то... Череп чуть на фашистские знаки не разлетелся...

— Не "кто-то", а он! — Набриолиненный указал на Трепетова, затем, прицелившись, толкнул кием шар. Пирамида рассыпалась, и сетки в двух лузах тяжело провисли.

— Грешен, — коротко ответил Трепетов. — Извини, Миша, но на моем месте ты поступил бы точно так же.

— Несомненно, — подтвердил человек с пробором и вкатил дуплет в среднюю и дальнюю лузы. Затем последовал изящный карамболь.

— Сука ты, Леха, — вяло заметил Михаил, не глядя на Трепетова.

— Ну, с этим все ясно. — Набриолиненный, отложив кий, подошел к Мише, покровительственно похлопав его по щеке. — Уведите, — обратился он к охране, подтолкнув Аверина к выходу из подвала. — А с вами, — задумчиво улыбнулся Трепетову, — придется беседовать долго, с учетом, увы, ваших благоприобретенных навыков...

— Я плохо себя чувствую, — сказал Трепетов. — Вы обещали врача...

Человек с перстнем, вытянув жилистую шею в сторону "кейт-авра", требовательно щелкнул пальцами.

Тот незамедлительно распахнул дверцы встроенного в стену шкафа, за которыми таилась иная дверь — стальная, с "глазком".

Перед Трепетовым открылось просторное помещение, чью обстановку составлял одинокий стульчик, вцементированный в кафельный пол, и стол с набором всяческих медицинских инструментов и ампул...

От ручек и ножек стульчика к полу свисали толстые кожаные ремни...

Трепетова пробрала горячечная дрожь.

— Мы обещали врача? — услышал он за спиной учтивый вопрос. — Через минуту врач будет, мы держим слово. Проходите и почувствуйте себя как дома.

Идеальный мир

Пробуждение было тягостным: веки, словно залеplенные ссохшейся глиной, отказывались разлепиться, в голове тяжело пульсировала свинцовая боль, и им владело единственное желание — вновь возвратиться в блаженное сонное небытие...

Он почувствовал, как чья-то мягкая, но уверенная рука взяла его за запястье, спиртовой холод ущипнул кожу на сгибе локтя, и вслед за тем щекотно вошла в вену тонкая игла шприца...

Сквозь щелочку едва приоткрывшихся глаз он различил размытый овал молодого женского лица и тут же смежил веки, утопая в золотистой волне внезапно и странно нахлынувшего на него не то дурмана, не то сна, услышав напоследок словно сквозь вату:

— Это хорошее тибетское лекарство. Оно быстро нейтрализует отраву. В ней что-то от производных имидазолина...

— Да, к обеду он будет, как новорожденный, мой господин...

Волна, искрясь, властно и нежно подхватила его и потянула в какую-то сияющую, звенящую радостным и торжественным гимном пучину, и он покорно растворился в ее безмятежной ласковой неге...

Вдруг — жестко клацнул некий переключатель, и Ричард с удивлением обнаружил себя на широкой удобной кровати со спинкой, составленной из концентрических позолоченных дуг.

В небольшой светлой спальне, возле низенького столика, заваленного таблетками и ампулами, сидела в кресле изумительной красоты блондинка с зеленоватыми приветливыми глазами.

— О-у, — сказала блондинка, вставая из кресла. — Похоже, господин Валленберг пришел в сознание... — И с очаровательной улыбкой подошла к Ричарду, протянула руку, выскользнувшую

из полупрозрачного кружева широкого рукава. Представилась:
— Глория.

Он сжал нежные, мягкие пальцы...

— Не скрою, — сказал с запинкой. — Вы, Глория, прелестны.

А... где, собственно...

— Вы у друзей, — ответила она поспешно, — вам скоро все объяснят. Ваша одежда в шкафу, одевайтесь и спускайтесь вниз. — Она подняла руку в приветствии и тут же исчезла за резной ясеневой дверью, оставив после себя тонкий горьковатый аромат духов...

Свою одежду Ричард нашел в шкафу. Натянув брюки, подошел к окну, отдернул легкие занавески и ахнул, невольно оперевшись ладонями о подоконник: окно выходило в глубокую пропасть, а вокруг серо тянулось до горизонта горный нескончаемый массив, осыпанный редким свежком.

Где он?

Ричард спустился вниз. В затянутой гобеленами гостиной, не смотря на самый разгар ясного дня, горела люстра, а окна закрывали черные бархатные гардины, что в сочетании со скользким сиянием паркета и зеркалами в позолоченных рамах производило впечатление некоей зауспокойной торжественности.

— Дневной свет режет мои старые глаза, — внезапно услышал Ричард и только тут заметил сидевшего в углу, в темно-вишневом бархатном кресле, сухонького старичка, уставившегося на него бесстрастно-оценивающим взором. — Вероятно, вы слышали обо мне, — сказал старичок. — Меня зовут Фридрих Краузе. — И замолчал, как бы ожидая подтверждения.

— Да, — сказал Ричард. — Вы взяли свои бумаги?

Краузе легонько усмехнулся.

— Взял, взял... Ох, и затеяли же вы вчера веселенькую историю... До сих пор разбираемся...

— Какую историю? Где я нахожусь?

— Не спешите, — оборвал Краузе Ричарда. — Вам уже спешить некуда. И давайте — по порядку. Находитесь вы в Альпах, куда вас перевезли на моем вертолете, среди чудесных видов и свежего воздуха... А вкратце вчерашняя история такова: на вас покушались с четырех разных сторон одновременно. Верх одержали мои люди, и благодарите за это судьбу, иначе сейчас военный самолет США совершал бы посадку в районе Вашингтона с господином Валленбергом на борту, закованным в наручники. Желаете выслушать подробности?

— Естественно.

Краузе изложил подробности.

— И... что вы сделали с этим русским полковником и с...

— С владельцем магазина и с боевиком из ЦРУ? — подсказал Краузе. — Пока — ничего. Коллегу вашего, думаю, мы отпустим, а вот что делать с русскими постоянцами, зависит от вас. Можете их казнить, можете помиловать с возмещением вам морально-

го и материального ущерба, они ребята не бедные, как выяснилось...

— Последний вариант подходящий, — заметил Ричард. — Не понимаю только природу вашей благосклонности к моей скромной персоне...

— Вот! — Из кармана вязаной кофты Краузе достал серебряную цепочку с камнем, и Ричард невольно коснулся рукой груди, только сейчас обнаружив отсутствие кулона. — Вот! — повторил Краузе с некоторой долей торжества, передавая цепь Ричарду. — Это — твое по праву.

Камень лег на ладонь, сразу же начав окрашиваться в алый цвет. Краузе смотрел на эту метаморфозу с зачарованным восторгом.

— Милый Рихард... — Голос его дрогнул. — Когда-то... точно также камень отзывался и на мое прикосновение. Но ныне что-то изменилось... Я не знаю... Может, старость, может, я в чем-то провинился, и о н и отвернулись от меня... И вдруг — ты. И амулет, признавший нового хозяина... Значит, ты — избранный. Ты!

— А кто "они"? — заинтересовался Ричард хмуро. — И о какой избранности идет речь?

— Это долгий разговор. Но, прежде, чем начать его, знай: теперь ты для меня — как сын. Сын и наследник. Амулету несколько тысяч лет. И лишь единицы из многих миллионов имеют право носить его и пользоваться его силой. — На мгновение он запнулся: распахнулась белая, украшенная позолоченными лилиями дверь, и в гостиной появилась Глория.

Темно-синее вечернее платье с поясом из тонких золотых колец, кружевные отвороты рукавов, легкие замшевые туфли...

— Представлять вас нет надобности, — констатировал Краузе. — Однако уточню: Глория — моя внучка.

— Время обеда, — произнесла она, обращаясь к Ричарду. — Вам следовало бы всерьез подкрепиться.

В гостиную вошли две женщины-китаянки в одинаковых черных брюках и белых блузках и принялись сервировать стол.

Престарелый Краузе предпочел из поданных блюд отварной рис с тушеными овощами, его примеру последовала и Глория. Ричард же отведал салат из крабов и мясо индейки в кисло-сладком соусе.

— Я не позволяю себе алкоголя, — сказал Краузе, — но сегодня особенный день... — Он покосился на официантку, тотчас наполнившую высокие, с витыми ножками бокалы медового цвета вином. — Я хочу выпить за то, чтобы отныне долгие годы мы каждодневно разделяли совместную трапезу... Прозит!

Глория взглянула на Ричарда и тут же опустила глаза, зардевшись.

Он же, улыбнувшись ей, молча выпил вино, ощущая на себе испытующий, но доброжелательный взгляд старика.

— Завтра, Ричард, — сказала Глория, не поднимая глаз, — мы могли бы с вами покататься на лыжах, если не возражаете. Здесь есть пологий утоптаный склон и подъемник.

— Да, — эхом откликнулся старик. — Завтра. Сегодня нам предстоит долгий разговор.

По завершении обеда в гостиной остались лишь Ричард и Краузе.

— У вас необыкновенно красивая внучка, — заметил Валленберг.

— О, да-а, — согласился старик. — Бедняжка рано осталась без матери и отца, они погибли от рук наших извечных врагов... Воспитывать ее пришлось мне, чем сегодня горжусь. Не скрою, буду рад, если вы понравитесь друг другу — при том, конечно, условии, что все пойдет по задуманному мною плану, который вы всецело разделите...

— Итак, — сказал Валленберг, — по-моему, мы подступили к самому главному.

— Вы правы. С главного и начнем. С нынешней ситуации в данном подлунном мире. Ситуация такова: население бесконтрольно увеличивается, энергонисточники иссякают, ресурсы планеты тают, и цивилизация, что не секрет, идет по пути неуклонного самоуничтожения. Концепция выхода из тушика может быть выработана лишь теми, кто обладает реальной властью. В чьих руках ныне она сосредоточена, вы понимаете не хуже меня. Так что же придумано? А вот что: создание мирового правительства. Но вовсе не пародийного ООН. Правительства на духовной масонской основе и на базисе известного вам банковского капитала. Однако генеральная цель деятельности общности банкиров и монополистов — не только голая власть. Как и коммунисты, они хотят утвердить некую сверхзадачу в своей миссии, приближающуюся уже к категории оккультной. Тут я замечу, что коммунизм и капитализм по сути своей во многом одинаковы. И тот и другой строят глубоко антидуховен. Коммунисты уничтожали личность через коллективизм, а дух — через провозглашенный материализм, а капиталистическая идея хотя и не отрицает ценность человеческой индивидуальности как таковой и дает право любому на свободное богоискательство или же сатанизм, однако каждодневно принуждает поклоняться всех золотому тельцу. Романо-германский капитализм менее агрессивен, нежели американский, ибо признает сверхиндивидуальное качество личности, но постепенно европейский капиталистический тип перекраивается, согласно заокеанской модели в человека-биоробота, неотехнократа.

— И какова конечная модель общества биороботов? — спросил Ричард.

— О перспективах — позже, — сказал Краузе. — Сначала о том, как такое общество создать. "Золотой миллиард", проживающий на Западе стоит на грани экономического кризиса. Но как

ядро населения будущей всемирной системы он сформировался хотя бы стереотипами своего мышления и традициями. Однако он нуждается в мощной подпитке извне. А значит, для него следует освободить ресурсы других территорий. Как?

— Война, — пожал плечами Ричард. — России с Китаем, России с Грузией или с самой Россией, Югославии с Югославией...

— Вы правильно понимаете проблему. Но вот расчистка территорий проведена, метаполитические цели достигнуты, есть мировая элита банкократии, исполнители ее воли, наконец, просто рабы, и установлен некий новый порядок. Руководят им жрецы-банкиры, превратившие свои банки в храмы, статус каждого определяют имеющиеся у него деньги, которые заменятся электронным кодом, нанесенным, скажем, на ладонь каждого, что уже сегодня разрабатывается во многих лабораториях...

— "...будет начертание на правую руку их или на чело их, — процитировал Ричард "Откровение". — И что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его".

— "Здесь мудрость, — продолжил Краузе. — Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое, число его шестьсот шестьдесят шесть". А почему, знаешь?

— Нет.

— Это две трети населения, принявшего новые условия.

— Условия, установленные Антихристом?

— Да. Так вот. О перспективах. Во-первых, банкократия безусловно рациональна, скрытна и действует с коварством непревзойденным. Приоритет национальных ценностей ею отвергается напрочь. Но что она способна создать в итоге? Огромную колонию дегенератов? Скорее всего. Ибо по сути своей та "раса ума", которая и составит элиту, имеет лишь паразитические устремления и ту же дегенеративную суть.

— Но ключевые позиции — у них.

— Пока далеко не все. Но они к ним стремятся. У меня, Ричард, как ты догадался, тоже в распоряжении серьезная организация, и мне поступали различные предложения о сотрудничестве... Но сотрудничество исключено. Им нужно то, чем я занимаюсь всю жизнь: тайны магической практики. Им нужны те тибетские рукописи, которые были в портфеле. Эти рукописи — билет в параллельные миры, Ричард, как бы странно такое ни звучало. Но могущественным существам тех миров суждено оказывать влияние на здешние события и людей лишь на уровне тонких материй, и проложить мост отсюда — туда или же наоборот — задача, одинаково сложная для обеих сторон. Но теперь, имея все необходимое, я решу это в течение считанных дней.

— Моя роль? — отрывисто спросил Ричард.

— Дойдем и до роли... Сначала — закончим тему о перспективах. Мировое правительство неизбежно и его идея верна. Бардак и

сепаратистские амбиции — путь к катастрофе. Но составлять такой синклит обязаны арийцы. Раса созидателей, а не агрессивных паразитов с их тайными методами вампиризма. Мы уничтожим их, имея то оружие, которое дадут нам *те*, из Туле, наши хранители. Мы овладеем сознанием сильных мира сего, мы будем манипулировать ими, как куклами. Именно мы приблизим человечество к тому идеалу, которому оно должно отвечать. Ну-с, — продолжил Краузе, глядя на прислугу, вносящую в гостиную чай и сладости на мельхиоровых подносах, — перейдем, пожалуй, к вопросу о твоей роли. Только ты можешь проникнуть в Туле. На это указывает камень.

— Проникнуть? Как?

— Своим астральным телом, как ныне модно выражаться, — сказал Краузе. — Иначе же — шельтом. То есть, все то, что ты собой представляешь на день сегодняшний в нефизическом воплощении, переместится в Туле.

— А какой есть еще день? Прошлый, будущий?

— Есть прошлый. Если иметь в виду реинкарнацию. Но реинкарнация — не универсальный путь совершенства, хотя существует и таковой. Конечно, ты задаешь массу глупейших вопросов, но я терпеливо тебе все объясню. Существует богосотворенная монада, представляющая как бы твой образец, которому ты в идеальном итоге должен удовлетворить. Как бы, выражаясь языком технократов, совпасть с ней всеми параметрами своего личностного "я", шельта. Но покуда такового не случилось, и совершенство не достигнуто, ты проживаешь определенное количество жизней — земных и посмертных — в чистилищах параллельных миров. Таков закон Творца, коего в мирах демонических именуют Тираном. Что же касается воспоминаний о прежних жизнях, то тут я вывел для себя забавное, как мне кажется, сравнение... Представь компьютер. Это — твой мозг. В нем — масса файлов. Некоторые заполнены информацией, другие — пусты. Каждая новая жизнь — голое синее пространство нового файла. Но в определенный момент, именуемый смертью, файлы сливаются, и тебе возвращается прежняя память...

— Это — гипотеза? — спросил Ричард.

— Любое человеческое знание — гипотеза, — объяснил Краузе. — Истину знает лишь Бог. Может, и дьявол. Но не я и не ты. Мы играем в игру, придуманную, в общем-то, нами самими.

— Играю — я, придумали — вы, — заметил Ричард.

— Верно. Но тебя никто не заставляет играть. Без добровольности игра бессмысленна. Ибо обречена на провал.

— Значит, я могу отказаться?

— Можешь, и окажешься наедине с этим миром. Жалким, прозябающим приспособленцем. Никем. Продолжать?

— Конечно. Я еще ни от чего не отказался.

— Ты попадешь в Туле, — продолжил Краузе. Выдержал паузу, усмехнулся. — Попадешь, выражаясь вашими шпионскими

терминами, по каналу известной мне связи... И тебя встретят. Кто — не знаю, но встретят те, кому положено, в чем я уверен. Ты скажешь: дорога открыта. Печати сняты. И достаточно. Все остальное они поймут без твоих комментариев. И помогут создать нам новый мир. Возможно, во главе его встанешь ты. Возможно, я. Но главное в ином: они должны дать нам, если мы пойдем на их неведомые пока условия, замену физических тел. Да-да, не удивляйся: параллельные миры зачастую плотно-материальны, но состоят из иного сцепления атомов... Кое-кто из посвященных называет это демонической материей, но здесь, на Земле, данная материя бессмертна, неизменна и неуничтожима. И ты попросишь их о такой трансформе.

— В иной бы ситуации, — сказал Ричард, — я воспринял наш разговор бредом шизофреников. Однако приходится опираться на логику. Она подсказывает, что мне придется вам подчиниться. Но не совсем ясен один нюанс. Вами упоминалось царство антихристово. Кто же мы? Каменщики, основывающие фундамент такого царствия? Будущие сподвижники Князя мира сего? Или олицетворение аппарата его управления?

— Мы — это мы, — спокойно произнес Краузе. — Бог — Богом, а сатана — сатаной. А антихрист — антихристом. Индусы именуют его Шакра-врти, "Вращающий Колесо". Почва для прихода его подготовлена. Она — сообщество биороботов. С восторгом и умилением обязаны воспринять эти человеко-животные его темные чудеса и, влекомые его волей, двинуться по указанной стезе, грехами питая ад и ниспадая в него в своем посмертии. Кстати, антихрист — определение, которое можно трактовать по-разному. Anti-Christ — противоположность Христа, и ante-Christ — Христу предшествующий. В этом, повторяюсь, тоже известная мудрость. И она в том, что антихрист может прийти, а Христос — нет.

— Но, — заметил Ричард, — согласно исторической традиции, приход Спасителя предопределен. И это не только христианская догма. В индуизме он именуется "Десятый Аватра", в буддизме — "Майтрея", в исламе — "Последний Скрытый Имам". Но все до единой религии утверждают, что, придя, Мессия навечно отменит власть Дьявола и саму Смерть. И неизмеримым будет горе для тех, кто во время истинного Пришествия заслужит кары Божьей, как сподвижник сил зла...

— Да, этим-то нас и пугает традиция, — согласился Краузе. — Но у меня другая идея. Человек сам может создать тот мир, в котором не потребуются никакого Пришествия. Утверждение, отдающее коммунистическим запахом, да? На самом деле — не так. Речь идет о всемирном государстве магического социализма. И такие миры уже существуют, мой мальчик. Один из них, думаю, вскоре ты посетишь.

— И каковы же основы этого мира? — спросил Ричард бесстрастно.

— Безусловная селекция рас. Землю должны населять физически и морально здоровые люди. Те, кто имеет какие-либо отклонения, должны отказаться от мыслей о потомстве. Контроль за численностью населения. Реконструкция нарушенной экологии. Бережная эксплуатация природы. Ликвидация какой-либо преступности.

— Думаете, преступность легко ликвидировать?

— Самая простая задача, — ответил Краузе. — В сороковых годах у нас в Германии она решалась так: брали воров на месте преступления, тут же ставили их к стенке и — расстреливали. А после — вешали небольшой плакатик над трупами: "Воры". Через два дня трупы обновлялись. Очень простая и доходчивая, надо сказать, пропаганда.

Ричард поневоле усмехнулся.

— Я — не сторонник террора, — продолжил Краузе. — Однако сторонник дисциплины.

— Вопрос, — перебил его Ричард, — далекий от нашего разговора. Признаюсь, мне очень симпатична Глория. Она... в курсе всего того, о чем мы...

— М-да, — вздохнул Краузе сокрушенно. — Молодой мужчина мыслит не только головой... Что делать! Запомни: женщина должна знать лишь основы. Основы она знает — милая, добрая Глория. Она ведаёт и другое: надлежит быть преданной мужу, составляя часть его, родить и вырастить сильных и умных детей и вечно стремиться к гармонии, хотя гармония, увы, состояние довольно-таки неустойчивое... — Он встал с кресла. — Я рано ложусь, Ричард, — сказал с ноткой извинения. — Скоро вечер. В вашей комнате есть то, что вам необходимо прочесть. Однако не торопитесь. До того, как вы уйдёте туда, пройдет около двух недель. А сейчас... вы можете взять Глорию и поехать, например, в долину. Там комплекс горнолыжных отелей, бары, дискотеки и прочая мура. Мои люди сопровождают вас. До завтра, мой мальчик!

"Бог даёт нам шанс, а дьявол — искушение", — отчего-то родилось в голове у Ричарда, когда он смотрел на сутую спину бывшего штандартенфюрера СС, скрывающуюся в проеме идеально белой двери, украшенной позолотой орнамента.

Лэнгли. ЦРУ. 1993 год, январь.

— Ну, и как ты оцениваешь провал в Берлине, Майкл?

— Арон... Это идиотизм обстоятельств. Редчайший...

— Ладно, забудем об этом. Тем более, как ни парадоксально, все сложилось к лучшему... Единственный прокол: они "пробили" захваченного полицейского, и сейчас Краузе ищет в своих рядах "крота", связанного с нами...

— Информатору что-либо угрожает?

— Думаю, нет.

— Я готов тщательно проработать операцию захвата интересующих нас лиц.

— Преждевременно. Они готовят акцию "Прыжок". Валленберг — исполнитель. Он подошел им по известным тебе параметрам. Лабораторная мышка. Дезориентированная полностью. Старый мистификатор крутит им, как хочет. Мешать им не будем, посмотрим на результат.

— Вытащим каштаны из огня их же руками?

— Совершенно верно.

— А насколько будет полной информация о конечном результате "прыжка"?

— Настолько, насколько приближен к Краузе наш человек... К Краузе и — к Валленбергу. Информация, полагаю, будет исчерпывающей.

— И тебе удалось настолько глубоко внедрить...

— Нет. Скажу откровенно. Это — не внедрение. Это вербовка, закрепленная психологическим кодом.

— Даже не представляю, как тебе такое удалось... Действительно: как ты сумел?..

— А никакого кода защиты и не было, дорогой Майкл. Мы имели дело с его любимой и единственной внучкой... Какой материал, Майкл! Ка-акой материал!.. Очень трудно завидовать Валленбергу, как ты понимаешь... Но — в настоящий момент... я бы хотел оказаться на его месте!

Миссия избранного

Январским поздним вечером Ричард вышел на опоясывающий виллу балкон, облокотившись на балюстраду. Морозный ветер свистал в ночи, растворившей во мраке горы, черное пространство заполнило мир, и только колючие звезды в бездонности неба обозначали существование тверди земной, неразличимой в круговерти бушевавшей стихии.

Растрескавшийся мрамор балюстрады напоминал о днях нных, канувших в вечность вместе с теми, кто когда-то отстроил это "орлиное гнездо", как символ могущества тевтонского духа, венчавшего неприступный утес, и кто мог ведать, что именно здесь начнется мистерия древне-германской традиции, и жертвой на алтаре суждено быть ему, — Ричарду Валленбергу.

Время близилось к полуночи, пора было идти в подземелье замка, где его ждали двенадцать посвященных, возглавляемых Великим Магистром Краузе, — тринадцатым.

В преддверии подземелья двое молчаливых лам омыли его благовонной водой и одели в старинный балахон тибетского монаха.

Затем распахнулась тяжелая дубовая дверь, окованная черным железом, и Ричард вошел под низкие своды храма, таящегося в глубине скалы.

Знание было дано ему, и потому спокойно, даже с толикой равнодушного отчуждения, он оглядел собравшихся здесь "рыцарей" в древних одеждах и рогатых шлемах, скрывающих лица.

Горели свечи, тлели в бронзовых чашах ритуальные гималайские травы, тени участников действия густо чернели на потолке и стенах, а над алтарем с магическим кругом медленно вращалась плоская золотая свастика, подвешенная на тонкой цепи.

Ричард опустился перед алтарем на колени, застыв в молчании медитации.

Камень амулета, выпростанный из-под балахона, приобрел оранжевый оттенок, а потом неуклонно начал голубеть, как бы отликаясь на каждое гортанное заклинание, произносимое Магистром. "Рыцари" вторили ему, обступая Ричарда замкнутым кругом.

Магистр поднял старый кинжал, некогда хранившийся в желтом портфеле, установив его жало в центре круга.

Кинжал словно завис в воздухе, блистая камнями, вкрапленными в рукоять. Вращение свастики усилилось вместе с хором голосов, слившихся в таинственной, вкрадчивой гармонии. Перед взором Ричарда поплыла белесая пелена, в которой различалось лишь пламя свечей, сливавшихся в единый огонь, и вдруг — он как бы нырнул с открытыми глазами в теплую мутноватую речку: вот мелькнул свет, наполнявший верхнюю толщу воды, затем в рыжеватой мути почудились какие-то бесформенные очертания, но в ту же секунду размытость призрачных образов исчезла, сменившись ослепительной, рельефной реальностью.

Он будто обрел иное зрение, различающее все полутона, каждый штришок, и, казалось, еще мгновение, и взгляд его познает тайну сцепления частиц, составляющих тот мир, что внезапно восстал перед ним, заворотив душу жутким, как осознание падения с высоты, открытием: он — в ином пространстве и в ином времени, где все носило печать неземного, чужеродного естества.

Над ним простиралось глубокое фиолетовое небо без малейшего облачка, вокруг же дыбились красноватые растрескавшиеся скалы, и неживая буроватая растительность с черными, отливавшими блеском антрацита колючками, пробивалась в трещинах иссохшей почвы, что никогда, как он интуитивно уверился, не знала дождя.

Ричард стоял на гладкой дороге, по земным понятиям чем-то соответствующей проселку, однако без каких-либо ухабов и рытин каменная утрамбованная поверхность была плотной и ровной, словно впрессованной неведомым гигантским катком в какую-то также неведомую твердь.

Все это походило на некое наркотическое сновидение, и он невольно коснулся рукой груди, нащупав амулет с камнем, по цвету теперь уже напоминавшим сапфир, после перевел взгляд на кисти рук и столь же отчетливо, как видел малейшие камеш-

ки на дороге со всеми их рытвинками и гранями, узнал беловатые шрамы забытых порезов, матовое пятнышко на ногте мизинца...

Да, это был он — такой как есть, в здравом уме, ясном восприятии происходящего, одиноко стоящий на неведомой дороге в монашеском балахоне из мягкой мешковины бесформенного плетения, удобно облегавшем тело.

Вспомнились рогатые шлемы, склонившиеся над ним, блеск лезвия книжала, как бы захваченного вращением свастики и вместе с ней поворачивающегося по какой-то незримой оси... Но — как давно и как бесконечно далеко отсюда случилось все это, и целая вселенная отделяет мистерию в подземелье замка от этих безжизненных скал и высочайшего неба иного мира, отделяет от всего того, что когда-то и где-то было с ним прежде...

А может, он попросту испытывает сейчас то, что именуется смертью? Или же посмертием?.. Однако он жив, абсолютно и неоспоримо жив...

— Жив, жив, — уверил его сухой саркастический голос.

Ричарда охватил парализующий сознание страх.

Он с трудом заставил себя обернуться в ту сторону, откуда доносился голос, полагая, что увидит сейчас если не черта с рогами, то тиранозавра или же, по крайности, злобного гнома.

Перед ним, возникшее словно бы ниоткуда, стояло существо, одетое в серую сутану с капюшоном. Существо. В таком определении он почему-то уверился сразу и бесповоротно, хотя незнакомец, прочитавший его мысли и теперь с мудрой и снисходительной усмешкой взиравший на него, был вполне человекообразен: европейского типа лицо, седые кудри длинных волос, пронзительные черные глаза, а вот уши — длинные, заостренно, по-волчьи вытянутые вверх, являли собой не уродство, а признак какой-то надчеловеческой расы...

Тут Ричард уяснил, что радужной оболочки в немигающих глазах незнакомца нет, ее заменял единый мертвый зрачок...

— Полюбовался? — осведомилось существо. Безгубый рот при этом даже не раскрылся.

До Ричарда дошло, что слова просто звучат в его сознании, не выражаясь в каком-либо определенном языке.

— А вы — представитель местных иммиграционных властей? — также мысленно произнес он. — Тогда предупреждаю: мне неизвестен тип моей визы...

— А что тебе вообще известно? — брезгливо поинтересовалось существо, не принимая его юмора, а затем, как бы вздохнув, добавило: — Ну, идем за мной... парламентар!

И они двинулись по однообразной дороге, выведшей их к странной, сложенной из валунов крепости, за стенами которой Ричард увидел изможденных, в одних рваных набедренных повязках людей, перетаскивающих огромные камни к недостроенной угловой башне бастиона.

При виде незнакомца, сопровождающего Ричарда, люди, поклоняясь ему, падали ниц, лица их были бесформенно-размытыми, и в одинаковой схожести этих жалких созданий угадывалась какая-то обреченная бесполость, словно наложенная на них проклятием свыше.

Существо в сутане бесстрастно шествовало мимо распростертых вокруг него тел и вдруг, обернувшись к Ричарду, спросило его со злоедейской ухмылочкой:

— Ну и где же, по-твоему, ты находишься?

— Туле, — произнес тот коротко.

— Ах, Туле-е! — произнесло существо нараспев. — Нет, дружок. То, что ты называешь Туле, — часть небесной страны, и она далеко. Твои неискушенные хозяева отправили тебя в другую дверь, ошиблись адресом... Они выдали желаемое за действительное, не ведая простейшей географии мироздания, они нарушили законы, воспрещающие смертным переходить границы миров, и теперь можешь поздравить себя: ты очутился в аду, несмышлениш... Впрочем, — добавил глубокомысленно, небрежно поставив ступню, обтянутую бархатным темно-синим тапком с тонкой плоской подошвой на шею недвижимого раба, — попал ты далеко не в худший круг... А ведь мог бы угодить и на Дно, и в геенну... Ладно! Ступай за мной! — приказал резко.

По каменной лестнице они поднялись в одну из башен, оказавшись в просторном помещении, где вдоль стены стояли лавки из обтесанных плит, а в овальной бойнице окна виднелись скалистые холмы, однообразно тянувшиеся за горизонт.

— Как мне вас называть? — спросил Ричард провожатого.

— Эрдан, — откликнулся тот. — Я — надсматривающий за каменщиками...

— А кто они?

— Они? Умершие. С Эирофа. Так у нас называется мир, откуда ты незаконно явился сюда.

— Но ведь путь был проложен...

— Да. Но именно теми, кого груз кармы принуждал к заточению здесь. Однако это не главная ошибка твоего наставника. Он почему-то решил, что существует какой-то отдельный, замкнутый сам в себе мир, где царит синклит арийского духа... В каком-то смысле он прав. Разве что синклиты атлантов и германцев абсолютно раздельны и имеют свои ипостаси и в мирах Творца, и в мирах Великого Демона. То есть, он не определился, к кому именно апеллировать, и заслал тебя, в общем-то, наобум. И ты попал к каменщикам... В избранное, хочу сказать тебе, общество. Здесь искупают свою вину те, кого венчали когда-то и королевские короны, кто властвовал, миловал и казнил, вел войны и заключал мир... И есть тут, кстати, бывшие вожди твоего наставника...

— И они здесь навечно?

— Отнюдь. Некоторые претерпевают трансформу и — уходят в Свет, к Тирану, другие склоняются к нам... И тогда мы освобождаем их от мук и даем даже возможность инкарнации и миссии в том же Эдрофе...

— Под "Тираном" подразумевается Бог? — спросил Ричард.

— Таков он для нас, — ответил слугитель Ада безучастно.

— Ну, а что будет со мной? Я остаюсь тут? Я возвращаюсь к Магистру? И, если возвращаюсь, то с чем?

— Тут ты не задержишься, ибо не имеешь на то ни права, ни возможности, — сказал Эрдан. — Под грузом кармы в посмертии каждый погружается в положенный ему круг. Однако о возвращении не могу сказать тебе ничего. Ты нарушил устой. Твое оправдание в том, что ты сделал такое, подчинившись чужой воле, однако судьба твоя — в руках моих повелителей, и вскоре они будут здесь... Они уже здесь, — поправился он, и вдруг бесшумно повернулась в стене каменная плита, являвшая неприметную дверь, и взору Ричарда открылся огромный пустой зал с мраморным столом, и сидели за столом трое великанов в черных атласных рясах с одинаково бледными и аловещими лицами, с мертвыми невидящими глазами, в которых застыл мрак бездны...

Эрдан, склонив голову, шагнул к ним в проем двери, и плита послушно сомкнулась за его спиной.

Ричард остался в одиночестве.

Он сидел, вперившись взором в фиолетовый просвет окна, и не думал ни о чем, ибо просто не мог ни о чем думать...

Небо начинало чернеть, видимо, и здесь был день и была ночь, и ночь наступила: внезапная, без сумерек, она обрушилась на скалистый inferнальный мир густой чернотой неба с ярчайшими, неведомыми Ричарду хороводами звезд, обступившими три луны, что разбросанными серебряными шарами повисли над ущельями и долинами Ада...

Дверь вновь раскрылась, и появился Эрдан.

— Ну, что, подкидыш, — сказал он с высокомерной ухмылкой. — Ты доставил немало хлопот... Однако мы вернем тебя. И позаботится о твоём возвращении Сам...

— Это так сложно? — спросил Ричард.

— Да. Порою вернуться обратно намного сложнее, нежели куда-то придти... Но прежде, чем мы расстанемся, я отвечу на твои невысказанные вопросы. Запомни: есть много миров за границами добра и зла. И твоя земля — частица того общего, что составляют миры эти в своем противостоянии, зачастую и во внутреннем. Ты еще не определился, на чьей стороне. Советую с этим поспешить. Чем раньше — тем лучше. Ибо выбор — необходимость для каждого. Что еще? Тебе предстоит нелегкая и необычная жизнь. И мы... да, мы внимательно наблюдаем за развитием ее, обещаю. Далее. Уясни: ты можешь быть творцом судьбы и событий только в своем Эдрофе, то бишь, на Земле, а не являться сюда

в гордыне с планами каких-то переустройств... Порою, впрочем, с занятыми планами. Хотя...Твой Магистр просил неуязвимого тела? Глупец! Оно может быть дано лишь Зверю. Он просил бессмертия? А бессмертия нет! Ни для него, ни для тебя, и даже — ни для меня! Как нет и смерти! Есть вечная черед трансформ. И здесь, и там, и повсюду. И — неотвратимость расплаты.

Они сидели в размытом свете трех лун, лившемся в бойницу башни, и вдруг легкий ледяной воздух повеял из нее, коснувшись их лиц, Эрдан вздрогнул, сузив глаза и, встав со скамьи, сказал:

— Вот и Он... Пошли.

Они спустились на безлюдную площадь, озаренную космосом Ада, и Ричард услышал в сознании:

— Встань на колени. И не смотри на Него. Только не смотри на Него, подкидыш!

Страшная, всепоглощающая тень скользнула над миром, и даже камень сжался в первозданном ужасе перед властелином мертвого огня и бездонных лиловых бездн, Ричард почувствовал чудовищную, вселенскую мощь темных крыл, чьим дуновением, как ураганом, подхватило его, сжавшегося в комок посередине булыжной пустоши человечка, пушинкой отброшенного во мрак летящего навстречу пространства...

Оглушенный, он очнулся в снегу, на площадке возле "орлиного гнезда", а, вернее, возле дымящихся бесформенных руин бывшей горной цитадели.

Занимался тусклый рассвет. Сквозь языки утихающей метели, гулявшей по склонам, различались редкие огни, горевшие в отеле, расположенном в долине.

Некоторое время он блуждал среди обломков кирпича, черепицы, мебели и стекла, натываясь на обезображенные трупы "рыцарей" и прислуги. Увидев раздавленную бетонным перекрытием голову Краузе и его смятый, с обломанным рогом шлем, валявшийся неподалеку, еле совладал с подступившим приступом рвоты.

Из разбитого шкафа с оторванной дверцей, что когда-то стоял в спальне, он вытащил свою одежду и, сбросив балахон, дрожа под порывами пронизывающего жгучего ветра, облачился в костюм и в пальто.

Во внутреннем кармане пиджака нащупал свой бумажник с документами и кредитными карточками.

Еще раз прошелся в развалинах, пока, наконец, неподалеку от мертвого лама не увидел лежавшую навзничь Глорию.

Стер пальцами припорошивший ее лицо снег... Длинная рваная рана тянулась от лба ее к темени. Короста замерзшей крови залепила глазницу и волосы.

Ему захотелось завыть. В голос. Как умирающему в зимних горах волку. За что?! Неужели ему вовсе не суждено счастья?!

Она лежала в снегу, как красивая сломанная кукла, а он стоял над ней и беззвучно рыдал, не зная, кого винить и кого проклинать... Судьбу? Себя? Краузе? Карму?..

Среди покореженных от взрыва, видимо, газохранилища, машины, он обнаружил единственный уцелевший "линкольн" с треснувшим лобовым стеклом и, взломав рулевую колонку, накоротко соединил провода, пустив двигатель. После, лавируя между завалами кирпича, вывел машину на заснеженную дорогу.

А через два часа, бросив "линкольн" возле крохотной железнодорожной станции, Ричард сел на поезд, идущий в Вену.

Алексей Трепетов

Трепетов очнулся от пробиравшего все его тело мороза на скамье возле старого парка, некогда разделявшего восточный и западный Берлин.

С трудом встал, стуча зубами от озноба. Сознание постепенно освобождалось от дурмана, и он начинал уяснять, что каким-то чудом остался в живых, и позади страшный подвал, гулкие голоса допрашивающих, доносившиеся сквозь наркотическую пелену, сонливое безволие и темные бессознательные провалы памяти...

Сгибы локтей ныли тупой, неотвязной болью. Он посмотрел на запястья рук, увидев наплывы багрово-черных синяков, тянущиеся к ладоням... Да, искололи его изрядно и безжалостно...

В куртке обнаружился паспорт и сберегательная банковская книжка.

Дрожащими пальцами он перелистал ее страницы. Так и есть! Эти сволочи ограбили его вчистую! Но когда, как?! И зачем все свои деньги надо было держать на одном счету?! Идиот! Сложил все яйца в одну корзину!

Вот тебе и дивные тропические острова, вот тебе креветки и креолки...

Да и чего ради он сунулся в этот треклятый Берлин! И куда теперь идти? И кто он теперь? Продрогший, еле волочащий ноги нищий!

Единственный человек, к которому он когда-то и мог обратиться — Виктор, но сейчас любой телефонный звонок бывшему лже-агенту несет в себе самоубийственную опасность, ибо парень, похоже, соскочил с крючка, связавшись с теми, от кого ему, Трепетову, бессмысленно ждать пощады.

Усилив воли преодолевая обморочную слабость, он доковылял до дороги, где остановил полицейскую машину, и уже через считанные минуты сидел в участке, рассказывая компетентному лицу о похищении его злоумышленниками, демонстрируя исколотые руки и банковскую книжку с погашенным счетом...

— Это наверняка русские, — глубокомысленно выпичивая губу, предполагал дознаватель. — Кого из своих соотечественников вы знаете здесь?.. С кем поддерживали связь?

— Ни с кем! Я хочу восстановить счет! — напирал Трепетов. — Вы должны мне помочь!

— Мы составим необходимые документы, проведем расследование... Однако вопрос. Речь идет о внушительной сумме. И мы обязаны знать о природе происхождения таких средств...

Ночевал Трепетов в одиночной камере участка.

Засунув пальчик в безжалостные шестерни полицейского механизма, он теперь удрученно размышлял, как бы механизм этот не оттяпал ему всю руку, а то и вовсе не затянул бы со всеми потрохами в жернова своего непривлекательного чрева...

На том мы с бывшим полковником советской разведки и распрощаемся.

Михаил Аверин

В маленькой русской церкви, расположенной на одной из узеньких улиц Карлсхорста, шла служба.

Окрестившийся здесь всего два дня назад Миша Аверин стоял в толпе верующих, внимая священнику.

Что заставило его оказаться здесь? Интуитивное стремление найти какую-то опору в зыбкой неопределенности своего бытия? Избежание смерти, неотвратимую угрозу которой он почувствовал в подвале виллы, среди жутких типов, способных отрезать голову, не моргнув стылým взором профессиональных убийц? Но что привело его в тот подвал? Как ни крути, собственная корысть, коварство и еще куча разнообразной дряни, накопившейся в душе и основательно душу развевшей...

Он помнил, как из подземелья его привели в огромный кабинет с мраморным полом, закопченной пастью камина, с растрескавшейся паутиной лепкой карнизов потолка. Матовые стекла витражей лили преобразованный их замутненностью неверный, водянистый свет из стрельчатых проемов окон на портреты рыцарей, дам и старинную червого дерева мебель, составленную из стульев-тронов с грубой кожей сидений и мрачного как надгробие письменного стола, перечеркнутого опрокинутой со стены тенью распятия.

За столом сидел знакомый темноглазый лысоватый человек с бледным, ожесточенным лицом и покрасневшими от бессонницы глазами. Немигающий взгляд бешено расширенных зрачков с грозной неприязнью уставился на Михаила, сжавшегося от страха, поседевшего и осунувшегося. И вот тогда-то неожиданно и остро ощутилась им пролеглая здесь, сейчас, грань между жизнью и погибелью, но погибель несла в себе завершающий итог его никчемного, подчиненного исключительно наживе и греху бытия, не отмеченного никаким приближением к Богу... И от созна-

ния этого охватил его уже иной страх — удушающий и безмерно горький. Вдруг, словно почувствовав всю глубину такого ужаса, убийца сказал:

— Надлежало бы тебе всыпать как следует, мошенник. Но ты, гляжу, и так еле жив. Вон отсюда!

Блаженно стояние в церкви. Блаженна вера, пусть обретенная запоздало, но явившая собою бесценный и непреходящий дар. Блажен Великий Спаситель, давший возможность каждому избежать ада, но, даже и не избегнув его, подняться через муку искупления к Свету.

Глядя на обращенные к священнику лица верующих, Михаил размышлял... Есть, все-таки есть у него живая душа, и дана ей жизнь земная и вечная, но в жизни земной благополучие личное никогда не построит отныне он на обмане и костях других, и будет, раб Божий, крещенный в возрасте зрелом, по интуитивному стремлению своему, по возможности греха на себя не брать, во лжи не усердствовать, ближнему помогать и заповеди наимудрейшие соблюдать, искушение беса в нем сидящего, всеми силами слабыми своими преодолевая и раскаиваясь в скверне прошлого как умом, так и сердцем.

Так искренне желал себе Миша.

Ричард Валленберг

Рейсовый автобус из Нью-Йорка, следующий в Атлантик-сити — город казино и всевозможных шоу, был заполнен в основном благообразными пенсионерами, привлеченными дармовой поездкой, ибо деньги, уплаченные за дорогу, возвращались им сразу же по прибытии в гостиничный комплекс, где основная масса туристов немедленно устремлялась в огромный простор первого этажа, заполненного сотнями пестрых игровых автоматов.

Старички порою рисковали десяткой-другой пенсионных долларов, разменянных на квотеры, но обычно предпочитали следить за игрой других или же бродить в великолепных зеркальных коридорах, увешанных массивными люстрами, сияющими невероятным разноцветьем бликов граненого, чистейшего хрусталя. Послonyaвшись по здешним многочисленным ресторанам и истратив выданный каждому пятидолларовый купон на опять-таки дармовую закуску со стаканчиком кофе, пенсионеры, делясь впечатлениями, уже к ночи возвращались в Нью-Йорк, славно попользовавшись благами рекламных мероприятий богатейших казино мира.

Ричард Валленберг, он же, согласно нынешним документам, Дэвид Мэдин, выйдя из автобуса, подошел к раздевалке, снял пальто и, получив номерок, немедленно двинулся в игровой зал, где ему тут же выдали пластиковую именную карточку с изображением куполов казино "Тадж Махал", напоминающих о тради-

ции русской церковной архитектуры. По крайней мере, один из куполов — синий, усыпанный золотыми звездами, указывал на заимствование очевидно и несомненно.

Однако заметим, что страсти, бушевавшие под куполами казино, увенчанных острыми пиками набалдашников, глубоко отличались от того состояния духа, что присущ человеку в здании, отмеченном сенью возвышающегося над ним креста...

Подойдя к одному из столов, Ричард рассмотрел латунную табличку возле крупье с обозначением высшей и низшей ставок на "чет-нечет" и "красное-черное". От пяти до пяти тысяч долларов. Соблазнительный интервал для рискованных игроков.

Молча протянул крупье четыре с половиной тысячи долларов валичными.

— Вашу карточку... — Тотчас подскочил к нему менеджер с блокнотом и, забрав карточку, озабоченно отошел к компьютеру.

Крупье подвинул Валленбергу малиновые фишки с золотым кружком в центре — каждая по пятьсот долларов.

— Может, что-то возьмете мелочью? — указал на черно-зеленые столбики "сотенных".

Ричард отрицательно покачал головой.

Крупье ладонью подкрутил обод рулетки, начавший замедлять свое вращение, и резким движением пустил по кругу беленький шарик, заскользивший в полированном деревянном пазу...

В мозгу Ричарда возникла картина из будущей реальности: шарик, подпрыгнув, ложится в паз цифры восемь...

В последний момент, когда крупье только приготовился поднять ладонь в жесте запрета на какие-либо перемены ставок, Ричард поставил тысячу долларов на "чет" и тысячу — на "черное". Он мог поставить и на восьмерку, но к чему привлекать внимание к себе такой удачей?

Выпало "восемь".

Следующая его ставка в немалой степени крупье впечатлила: три с половиной тысячи вновь на "черное".

Вновь закрутился шарик, и на антрацитовом стекле табло, установленном над столом, зелено выскочило: двадцать шесть!

"Черное"!

Менеджер срочно снял телефонную трубку, и в считанные секунды возле Ричарда возник худощавый высокий итальянец в светлом костюме и в очках с затемненными стеклами в тонкой каплевидной оправе.

— Мистер Мэдин? — произнес итальянец с доброжелательной улыбкой. — Я — владелец казино Пол Паллитто... Вот моя карточка... Ваш выигрыш составил девять тысяч долларов. Напоминаю: при сумме, превышающей десять тысяч выигрыша в день, вам придется, согласно правилам налогообложения, предъявить ваши документы или же покинуть зал. Однако вы вновь можете продолжить игру после полуночи на прежних условиях.

— Я в курсе, — сказал Валленберг, взглянув через плечо на румяных “прилипал”, незамедлительно начавших группироваться вокруг него, счастливица.

— Если вы пожелаете остановиться у нас в отеле, — продолжил любезнейший итальянец, — вам бесплатно предоставляется “люкс”, а также вы можете прямо сейчас пройти в любой ресторан... Рекомендую “Марко Поло”. Ваши расходы составят исключительно чаевые.

— Сначала я хотел бы пройти в номер, — сказал Ричард, сгребая фишки с бирюзового сукна стола.

— Очень хорошо!

Кабина скоростного лифта скользнула в поднебесье, мягко затормозив на нужном этаже.

— Сорок третий... — донесся из динамика мягкий и вкрадчивый женский голос, записанный на пленку.

Отперев дверь номера, Ричард подошел к широкому прямоугольнику окна, в котором лежала плоская равнина с кубиками приземистых домов, омываемая океанской ширью с полосой облачной дымки на горизонте. Красно горели буквы на белоснежной трапеции соседнего отеля “SHOWBOAT”, опоясанной лентами оконных пролетов.

Задержав легкую занавеску, он опустил на стеганное покрывало широкой кровати.

В зеркале напротив Ричард увидел свое лицо, неузнаваемо чужое.

Да, он сильно изменился, вернувшись оттуда. Кажется, черты его остались прежними, но все-таки стали иными, а глаза подернула поволока какой-то безучастной темной тоски. И не по себе становилось ему, когда отраженный в зеркале незнакомец останавливал на нем взор этих глаз...

Теперь он много знал и отмечал его странный дар безошибочного ясновидения, пришедший к нему по возвращении на Землю, возможно, дар временный, должный вскоре утратиться, превратив его в прежнего человека, способного к прогнозу, но никак ни к веданию того, во что трансформируется неуклонно истекающий миг настоящего...

Вот сейчас раздастся телефонный звонок, и Пол Паллитто сообщит ему, что в ресторане “Марко Поло” мистера Дэвида Мэдина с нетерпением ждут, и все, что от него требуется, только поставить свою подпись на счете.

Телефон зазвонил.

— Да, — сказал он. — Очень признателен. И ужин кстати. Я здорово проголодался.

Забавно... Наверное, он мог бы и разорить все это казино, но к чему и зачем? Он же просто хочет пожить здесь, в пестрой суе людской, погулять по дощатому настилу набережной, дыша воздухом морозной океанской дали, а после...

А вот что после — ему не мог подсказать даже чудесный дар...

Вспомнилось: ты должен определиться. И чем быстрее...

Да. Это то самое главное, что надлежит ему сделать.

Не из-за страха перед Богом или дьяволом. Не ради выгод и привилегий. Ради себя самого.

К вечеру же он сядет в такси и подъедет к замеченному им еще по дороге сюда небольшому католическому храму с бирюзовой остроконечной крышей. И войдет под своды его, ибо в необходимости такого поступка отчего-то возникла неудержная, почти органическая потребность. Но прежде, покинув отель, он прошагает до конца длинного пирса, где, размахнувшись, забросит далеко в волны кулон...

Расстегнув рубашку, он снял с шеи цепь с амулетом. Вышел из номера, плотно притворив дверь, мягко щелкнувшую язычком замка.

В этот миг алый камень, зажатый в его пальцах, сверкнул голубой искрой, и за закрытой дверью отчетливо послышался звук — будто что-то упало на стеклянную поверхность сервировочного стола, стоящего в углу комнаты.

Эхо донесшегося звука заставило Ричарда на какую-то секунду замереть в раздумье. Ему отчего-то представилось, что теперь на столе лежит...

Древний ритуальный кинжал. ■

МЕЛАНХОЛИЧ

Друзья "Pet Shop Boys" образовались в 1981 году, когда

журналист Нил Теннант и студент архитектурного колледжа Крис Лоу, познакомившись в музыкальном магазине, решили создать свою группу. Нилу тогда уже стукнуло 27, Крис был на пять лет моложе.

После нескольких безуспешных прослушиваний на них обратил внимание знаменитый диско-продюсер из Нью-Йорка Бобби Орландо. С ним "мальчики" и записали свой первый сингл "West End Girls". Эта пластинка не имела успеха, равно как и следующая, "Opportunities". Тем не менее "Pet Shop Boys" удается заключить контракт со студией "EMI", и переработанная Стивеном Хогом версия "West End Girls" внезапно становится суперхитом, заняв первые места в Англии, Штатах и еще полудюжине стран. В 1986 году выходит дебютный альбом "Please", в следующем — самая, наверное, известная их песня "It's A Sin". О "Pet Shop Boys" начинают говорить как об одной из самых инте-

ные умники

р е с н ы х
г р у п п 80-х.

О н и
пр и в н о с я т
в п о п - м у з ы к у
н о в ы й

и м и д ж и о т и р ы в а ю т у з а е з ж е н н о г о у н е т о г д а д и с к о н о в ы е г р а н и . О н а з ы в а е т с я , т а н ц е в а л ь н а я м у з ы к а м о ж е т б ы т ь у м н о й и д а ж е м р а ч н о в а т о й . О т с т р а н е н н ы й и б е з э м о ц и о н а л ь н ы й в о к а л Н и л а Т е н н а н т а , г и п н о т и ч е с к и е р и т м ы К р и с а Л о у л и ш ь н а п е р в ы й в з г л я д н а з а л и с ь б е с ц в е т н ы м и , н о п р и б о л е е б л и з к о м р а с с м о т р е н и и в д р у г р а с ц в е т а л и в с е в о з м о ж н ы м и к р а с к а м и и з а т я г и в а л и с л ы ш а т е л я в с о в е р ш е n н о о с о б ы й м и р , и з - п о д о ч а р о в а н и я н о т о р о г о н е т а н - т о л е г к о в ы р в а т ь с я .

К о н ц е п ц и я г р у п п ы в о з н и к л а н е н а п у с т о м м е с т е , п р о с т о " P e t S h o p B o y s " а д а п т и р о в а л и д л я ш и р о к о й а у д и т о р и и н а р а б о т к и с в о и х м е н е е у д а ч л и в ы х (н о б о л е е и н т е р е с н ы х) п р е д ш е с т в е n n и к о в . В ч а с т н о с т и , " м е л а н х о л и ч н о е д и с к о д л я у м н ы х " м а н ч е с т е р ц ы и з " N e w O r d e r " и з о б р е л и е щ е в 1983 г о д у , н о о н и с л и ш к о м д о р о ж и л и с в о и м с т а т у с о м а л ь т е р н а т и в н о й г р у п п ы , ч т о б ы б е ж а т ь з а с л а в о й и д е н ь г а м и . С н р е с т и в п о с л e д н и е д о с т и ж e n и я б р и т а н с k o г о а н д e г р а у n d a с к о м м е р ц и е й , " P e t S h o p B o y s " д о б и л и с ь у с п e x a в х и т - п а р а д а х , с д е л а в ш и с ь e щ e и л ю б и м ц а м и а л ь t e р н а т и в н о й м у з ы к а л ь n o й п р e c c ы . В с а

м о м д е л е , з а г а д н а — н е о т ь e м л e м а я ч а с т ь п р и в л e ч а т e л ь н о с т и " P e t S h o p B o y s " . К а к с т о л ь т а л а н т л и в ы е м у з ы к а n т ы м о г у т и г р а т ь п р e з р e n n o e д и с к о ? С н а к о й с т а т и п о п - г р у п п а п и ш e т т а к и е д в у с м ы с л e n н ы

ные и ироничные тексты? Кто же они на самом деле?

В конце 80-х "Pet Shop Boys" переживают подлинный расцвет — в золото обращается все, чего бы они ни коснулись. Старый задушевный шлягер Элвиса Пресли "Always On My Mind" "мальчики" задали целью сделать даленим от оригинала: и на свет появился разудалый танцевальный сингл, повторивший успех "West End Girls". Совершенно неожиданное сотрудничество с Лайзой Минелли выливается в очень необычный и для Лайзы, и для "мальчиков" альбом "Results". На диске "Actually" одна из песен записана с Энио Морриконе: мало кто из диско-исполнителей может похвастаться таким стилистическим разнообразием.

Но ближе к 90-м годам мода на диско схлынула, и назалось, "Pet Shop Boys" разделит судьбу своих коллег по хит-парадам. Они могли податься в техно, но, к счастью, не сделали этого — им не было нунды подстраиваться под моду. У "Pet Shop Boys" сформировалась своя аудитория.

рия, состоявшая не только из ветреных завсегдатаев дискотек. Альбом 1990-го года "Behavior" онался неожиданно серьезным, в чем-то даже депрессивным. Он продемонстрировал колоссальный прогресс Нила Теннанта как поэта, а музыка онаалась гораздо интереснее и разнообразнее, чем на предыдущих альбомах.

Подводя итог десятилетия, в 1991 году "Pet Shop Boys" выпускают сборный альбом "Discography", продани которого показали, что интерес к их музыке попрежнему велик. В этот сборник вошла еще одна интересная на-вер-версия: на этот раз "Pet Shop Boys" решили позабавиться со знаменитым хитом "Where The Streets Have No Names". Душевный надрыв и боль за всех страдальцев Нил Теннант подменил своим скучающим безучастным вокалом, в довершение всего перемешав куплеты этой песни с легкомысленной песенной Энди Уильямса "Can't Take My Eyes Off You".

Сейчас "Pet Shop Boys", оставшись, по сути, единственной группой предыдущего десятилетия, не вышедшей в тиран, могут уже не заботиться о коммерческом успехе. Но по-прежнему играют диско уже только они одни. Вряд ли теперь на этом основании их можно занлеймить как попсовых одноподневок, да и испытание

временем они вынесли с честью. Свежий хит "Pet Shop Boys", звучащий из радиоприемника, так же привычен, как смена времен года.

В последнее время творчество дуэта приобретает новые оттенки. Вот лишь один пример. В 1991 году в продаже появился диск "Electronic" — совместный проект вокалиста Берки Самнера и гитариста группы "The Smiths" Джонни Марра. Как оказалось, эти музыканты не затеяли обиды на "мальчиков", которые воспользовались их идеями, а напротив, сохранили к ним самое теплое отношение: в трех песнях звучит вокал Нила Теннанта, на нескольких треках задействован и Крис Лоу. "Electronic" был признан одним из лучших альбомов года, и "Pet Shop Boys" заслуженно получили свою долю лавров.

Последний проект "Pet Shop Boys", альбом "Bilingual", увидел свет чуть меньше двух лет назад и считается вершиной их творчества. Музыка "Bilingual" одновременно модная и консервативная; Крису и Нилу удалось найти идеальную пропорцию старого и нового. Альбом демонстрирует весь спектр настроения: от эйфории до лютой меланхолии и всю палитру стилей: от ортодонсального диско 80-х до совершенно экспериментальной композиции.

И вот, "Pet Shop Boys" — в Москве. Концерт проходил на стадионе в Лунниках. (Дуэт в России не впервые: еще в 1992 году они сняли на Красной площади видеоклип к "Go West" — советских

физкультурников в этом ролик не избрал один нью-йоркский гей-клуб в полном составе.) Несмотря на заверения организаторов, что группа приготовила специальную программу для России, "Pet Shop Boys" отыграли те же самые песни, что и на летних концертах в Лондоне и Турку (Финляндия). Причем совпадал не только порядок песен, но и вся постановка шоу целиком. Исполнив новый свой сингл "Somewhere", дуэт удалился, но они, конечно же, вышли на бис — не уезжать же из России, не спев "Go West". Заслышав анкорды любимой композиции, стадион повскакивал с мест: "Pet Shop Boys" покинули сцену триумфаторами. ■

Дмитрий ВЕБЕР

Анита Цой:

Найти своей шарм

На фоне уже остывших страстей вокруг смерти Виктора Цоя на музыкальных подмостках появилась Анита Цой. Поклонники вопрошают — не родственница ли она знаменитости? Но Анита всегда уклонится от прямого ответа. Ее молчание одни объясняют нежеланием спекулировать на звездном имени, другие уверяют, что это хорошо продуманный коммерческий ход. "Смене" Анита рассказала все совершенно определенно.

— Анита, внесите, пожалуйста, ясность. Многие просто убеждены в вашем родстве с Виктором Цоем.

— Ветвь Цоев идет от корней одного дерева в Корее, фамилия считается счастливой. А вообще обладателей ее в Корее как Ивановых в России. Кстати, это фамилия моего мужа. А Виктору Цою я благодарна за то, что сделал Цоев известными в России.

— А ваша девичья фамилия?

— Ним. Это как Коммунистический интернационал молодежи. На-

верное, потому у меня такой бравый характер. Мама всегда мечтала назвать меня в честь революционерки Аннет Ревьер. Но так как в загсе отказались вписывать в метрику "буржуйское" имя, меня назвали просто, без затей — Нюрой.

— Согласитесь, немалую роль в вашей популярности сыграла фамилия, знакомая каждому слушателю, мало-мальски интересующемуся музыкой?

— Абсолютно согласна. Было тяжело работать под фамилией Цой по одной причине — слишком высокая планка. Повторить Виктора Цоя невозможно, да и не нужно. Есть собственное я, собственная жизнь. Сама иду вверх и стараюсь показывать лучшее, на что способна.

— Ваше появление на сцене многие связывают с именем супруга — Сергея Цоя. Известно, что он состоит на службе у московского градоначальника.

— Вот уж неправда. Муж узнал только тогда, когда я уже прочно "обосновалась" на эстраде.

— Поговаривают, история вашего знакомства была очень романтичной....

— Каждая история любви романтична. Мы женаты уже восемь лет. Всегда думала, вот скоро закончатся цветы, ласковые слова, нежность. Но, к счастью, праздник любви продолжается...

— У вас есть дети?

— Конечно — что за семья без детей. Нашему малышу шесть лет, скоро в школу. Он очень похож на папу. Но открою секрет — я мечтаю о девочке. Хочу иметь рядом маленькую подружку, с которой делалась бы секретами.

— Я слышал, что до того, как стали певичей, вы удачно торговали на рынке в Лунниках...

— Многие не верят, что пришлось пройти такую "школу жизни". Предлагаю им съездить на рынок и пообщаться с моими друзьями-челноками, которые до сих пор держат там свои точки. Когда женщина не работает, она становится зависимой и очень уязвимой, какие бы идеальные отношения ни были в семье. Я поняла это на втором году замужества. Хотелось доказать, что я самостоятельная. Устроилась педагогом (мое основное образование) в противотуберкулез-

ный санаторий. Проработала год и подхватила туберкулезную палочку. Пришлось долгое время сидеть дома, а так как "Лунники" рядом с домом, решила поехать с подругой "челноком" к родным в Норюю за товаром. Конечно, супруг был крайне недоволен моим бизнесом. Я прошла все: и дождь, и снег, и тяжелые тюки в руках. Вскоре открыла фирму, которая, помимо торговых точек, имела свое бистро. Переживала и банкротства, но снова начинала с нуля. Такая школа выживания закаляет. Но главное, муж начал смотреть на меня иными глазами. Если наступят тяжелые времена, я знаю, что выживу.

— Как происходили первые шаги в певческой карьере? Не было ступать по ершистой дороге шоу-индустрии?

— Сначала мне все виделось в радужных тонах и казалось, что люди на сцене — просто святые. Но, как ни странно, первые шаги, в отличие от последующих, оказались менее болезненными. А вот потом... Помимо интриг, зависти, слышала за спиной, мол, пришла блатная девочка, у которой всемогущий муж, и потому ей так все легко дается. Конечно, это давило на меня. Единственный выход — давать живые концерты. И теперь я чувствую себя на сцене уверенно и комфортно.

— Анита, у вас резкая, напористая манера исполнения. Сценический образ как-то не вяжется с такой маленькой хрупкой девушкой. Это что, идея вашего имиджмейкера?

— Как ни странно, очень сложно найти профессионала-стилиста. Почти все давно разобраны, и их практически не оторвать от своих

групп и исполнителей. Даже невозможно перекупить. Бари Алибасов, которого я очень люблю, дал мне много злых, но полезных советов. Бичевал по любому поводу, начиная от внешнего вида и кончая манерой пения. Он сказал, что нельзя быть такой сильной, потому что наши люди любят, когда плачут, жалуются, короче, когда есть за что пожалеть. А за что тебя-то жалеть? Нивещь хорошо, да еще и силу демонстрируешь... Не знаю, может, и так. Уверена в одном — образ не должен быть искусственным, должен идти изнутри, ведь человек так многогранен. Сегодня я могу быть сильной, завтра не предстану нежной, слегка эротичной.

— *Как можно определить стиль вашей музыки?*

— Сейчас это поп-рок, а вообще пытаюсь экспериментировать в разных жанрах. Ведь я сама пишу, сочиняю музыку. Мне гораздо ближе что-то сильное в музыке. Возьмите Селин Дион, маленькая, хрупкая, но безумно волевая женщина, выдает такое, что мир сходит с ума.

— *Анита, вам приходилось преодолевать комплексы в себе?*

— Самый тяжелый комплекс — мое происхождение. Комплекс узеньких глаз преследовал долго. Мне режиссеры говорили: "Девушка, откройте глаза пошире, а то получаются одни щелки в надре". Поначалу это сильно смущало, и я пыталась во всю мощь тарачить глаза, но потом поняла, что, может, в узких глазах и есть мой шарм...

— *Где проходило ваше детство?*

— В Москве. Родилась в Чертаново. Мои родители быстро разо-

шлись, потому что родилась девочка, а не мальчик, в норейской семье это очень важно.

— *Поддерживаете отношения с отцом?*

— Недавно он позвонил и признался, что гордится мной, но, к сожалению, признание запоздало.

— *Многие отмечают ваши метания в поисках своей индивидуальности: вы предстаёте то в роскошных пышных одеяниях, то во френче или по-гангстерски длинных плащах...*

— Не хочу и не буду всегда одинаковой. Артист должен уметь перевоплощаться.

— *Помните первую публикацию о себе?*

— О да! Она связана с концертом Тины Тернер в Москве. Я прибежала с огромным букетом цветов, а охрана никого не подпустила к ней. Я нагло рванула на сцену, охранник успел лишь ухватить меня за ноги. Я распласталась у самых ног певицы, но букет ей все же вручила, она даже помогла мне встать.

— *Можете ли вспомнить какой-нибудь эпизод из своей жизни, связанный с тем, что вы носите такую известную фамилию?*

— Нан-то ехала на запись нового альбома и превысила скорость. Гаишник, взглянув на права, спросил: "Вы что, жена Цоя?". "А вы откуда знаете?" — машинально ответила я. "Царство ему небесное". Мне стало плохо. Я примчалась домой на парах, и когда увидела живого мужа, кинулась к нему и разрыдалась. Оказалось, что патруль перепутал меня с женой Винтора Цоя. ■

Беседу вел

Рамазан РАМАЗАНОВ.

Довольны ли вы собой?

Говорят, что никакой тест нельзя считать достаточно совершенным. И все же попробуйте, ответив на наши вопросы, разобраться, насколько вы подвержены комплексу неудовлетворенности самим собой.

1. Мечтаете ли вы "родиться заново" и начать жизнь с самого начала? (Да — 4, нет — 16).

2. Есть ли у вас хобби? (Да — 18, нет — 5).

3. Когда ваша работа не ладится, способны ли вы сказать: "Такое может случиться только со мной"? (Да — 6, нет — 12).

4. Радуетесь ли вы, узнав о том, что кто-то вам завидует? (Да — 16, нет — 2).

5. Страдает ли ваше самолюбие, если кто-то отзовется о вас как о скучном, несимпатичном человеке? (Да — 3, нет — 12).

6. Находите ли вы какое-либо утешение, узнав, что с вашим знакомым произошли те же неприятности, что и с вами? (Да — 2, Нет — 16).

7. Переживаете ли вы, убеждаясь, что какое-либо дело идет гораздо лучше без вашего участия? (Да — 2, нет — 16).

8. Часто ли к вам приходит желание выиграть большую сумму в лотерею или спортлото? (Да — 4, нет — 20).

9. Учащается ли ваш пульс, когда вы узнаете о том, что ваши родственники или друзья сделали дорогостоящую покупку? (Да — 1, нет — 20).

10. Любите ли вы высказываться в присутствии большого количества слушателей? (Да — 16, нет — 3).

Подсчитав количество набранных баллов, расшифруйте полученный результат.

Более 120 баллов. Вы исключительно довольны собой. Думается, однако, что вам изрядно не хватает здоровой самокритичности, способности к реальной самооценке. Попробуйте разобраться в себе и оценить это обстоятельство с помощью друзей и близких.

От 60 до 120 баллов. Вы в достаточной степени уверены в своих силах, однако вполне избавлены от крайнего самодовольства и самовлюбленности.

Менее 60 баллов. Вы себе не нравитесь. Возьмите себя в руки и наберитесь уверенности. Оглянитесь вокруг себя и поразмыслите — не исключено, что вы себя просто недооцениваете. ■

**После матери-
альных и моральных потря-
сений, вызванных разразившимся в стране
финансово-экономическим кризисом, думаем, советы
нашего "Практикума" — как экономнее вести
хозяйство; бережнее сохранить урожай яблок с дачного
участка; укрепить, не прибегая к дорогим импортным
лекарствам, расшалившиеся нервы, — будут для вас
особенно актуальны, читатель!**

Экономность — не порок

Нупленные впрок куски мыла лучше складывать не в ванной, а в теплом сухом месте. Тогда они надежнее сохранятся, прослужат дольше и при использовании дадут больше пены.

Не выкладывайте много пасты на зубную щетку. Качество чистки зубов больше зависит от правильности и продолжительности ваших чистящих движений.

Старайтесь покупать косметические средства в больших упаковках. Это всегда экономнее, чем брать маленькие флакончики.

Ватные тампоны для протирания кожи лосьоном сильно впитывают влагу. Чтобы недешевого тоника вам хватило подольше, смочите тампон водой, сильно его отожмите и лишь затем используйте для ухода за лицом.

Чтобы помада лучше держалась на губах, нужно нанести ее на них, потом слегка припудрить губы и еще раз легонько подкрасить.

Недорогой чистый глицерин, продающийся в аптеках, —

отличное увлажняющее средство для ухода за кожей лица.

Не спешите выбрасывать засохший лак для ногтей: его легко можно развести жидкостью для снятия лака или ацетоном.

Косметические карандаши для век и губ храните в холодильнике — это продлевает срок их использования. Декоративная косметика и средства для ухода за лицом лучше сохраняются в темном, сухом и прохладном месте.

Смочите любимыми духами ватку, положите в мешочек и подвесьте в платяном шкафу. Теперь можно чуть реже пользоваться дорогим флакончиком, берегая его для особых случаев: все ваши вещи и так будут иметь одинаковый приятный запах.

А вот дешевый способ оздоровить волосы и придать им здоровый блеск: после мытья темные волосы споласкивают разведенным уксусом, а светлые лимонным соком.

Дела сердечные

В конце XX века сердечно-сосудистые заболевания, расстройства нервной системы по количеству страдающих ими людей уверенно вышли в лидеры среди прочих недугов человечества. Развитие мировой медицины и достижения современной фармакологии

позволяют докторам успешно лечить большинство таких болезней. А как лечились от них наши деды и прадеды в те времена, когда не было еще ни мощных медицинских кардиологических центров, ни клиник неврозов, ни знаменитых фармацевтических фирм, ежегодно поставляющих миллионы упаковок всевозможных лекарственных препаратов? Были у них свои проверенные рецепты, что выписывал им доктор-природа. Средства, помогавшие еще нашим прабабушкам, применимы сегодня.

При сердечно-сосудистых заболеваниях (порони, неврозы сердца), особенно если им сопутствуют увеличение печени и отеки ног, рекомендуется травяная настойка из горичвета, пустырника, валерианового корня, зверобоя. По десертной ложке каждого из этих компонентов высыпав в кастрюлю и, залив литром кипятка, даем настояться. Настойку принимать по полстакана 4-5 раз в день, добавляя по чайной ложке меда.

При гипертонии (повышенном артериальном давлении) помогает настойка из пустырника, сушеницы, зверобоя, цветков боярышника, мочегонного аптечного чая. Смесь из этих трав (по десертной ложке) заливаем литром кипятка. Принимать по 1 стакану 4 раза в день, предварительно подогрев до теплого состояния и добавив чайную ложку меда.

Для повышения кровяного давления (при гипотонии) рекомендуется есть виноград. Хорошо принимать регулярно настойки женьшеня, лимонника, которые сегодня, как правило, есть в любом аптечном киоске.

А вот старинное народное средство от сердечной одышки.

Надо размолоть фунт свежего чеснока (400 граммов) и выложить массу в стеклянную банку с широким горлом. Выжать туда же сок из 24 лимонов и перемешать. Поставить в холодильник на 20 дней. Принимать состав (предварительно взбалтывая его в банке) по десертной ложке на стакан теплой воды 3 раза в день.

Еще один старый рецепт для укрепления сердечной деятельности. Вам понадобятся: фунт сливочного масла, фунт свиного нутряного сала, по одному фунту меда и сахара, четверть фунта канна, восемь яичных желтков, три стакана сливок. Взбить вместе желтки, сливки и канна, растопить вместе масло и сало и влить, остудив, во взбитую смесь. Полученную массу трижды доводить до кипения — пока она загустеет, став похожей на тесто для блинчиков. Принимать три раза в день по столовой ложке.

В состоянии длительного перевозбуждения нервной системы, когда мучает бессонница, немотивированные страхи, при ночном недержании мочи у детей и истериках хорошо помогает настойка из успокоительного аптечного чая, цветков боярышника, пустырника, мяты — по десертной ложке каждого растения добавить в 1 литр кипятка, настаивать не менее двух часов, процедить. Принимать по стакану 4 раза в день, добавляя чайную ложку меда.

При судорогах различного происхождения (при нервных заболе-

ваниях, эпилепсии, ревматизме), при сердечно-сосудистых спазмах помогает настой из пустырника, мяты, крапивы, шалфея, мочегонного аптечного чая: по десертной ложке каждого залить тремя стаканами кипятка. Принимать в теплом виде с чайной ложкой меда по стакану три раза в день.

Та же настойка, но с добавленным компонентом — чайная ложка сушености или арники — помогает снять напряжение при психических и нервных заболеваниях.

Все травы и растения для настоев используются в сушеном и измельченном виде. Летом их можно нарвать и высушить самим или, если вы не имеете возможности сделать такие домашние запасы, купить их в аптеке.

“Зимы ждала, ждала природа...”

Наступил ноябрь, а наши неженки в саду не всегда готовы к суровым испытаниям российской напризной зимы. И задача садовода помочь им в этот период перехода от осени к зимним холодам. Прежде всего замульчируйте приствольные круги, где распалонены горизонтальные корни яблони и груш торфом, перегноем или песком слоем в 5-8 см, а междурядья малины и земляники хорошо бы укрыть полуперепревшим навозом или лапником.

Надо одновременно позаботиться и о подзимних посадках чеснока, луковичных цветов (тюльпаны, нарциссы, крокусы) и розах. Их укрывают лапником, хвоей или опавшей листвой, когда почва слегка подмерзла.

В это же время надо обернуть штамбины и развилки спелых ветвей яблони и груши лапником,

тростником или крафтбумагой, предохраняя их тем самым от грызунов, сильных морозов и ярких лучей солнца. Особенно в этом нуждаются молодые деревья. В теплые дни можно провести побелку всей кроны свежегашеной известью с добавкой навоза и других пахучих веществ. Это снижает повреждение ее от солнечных ожогов, зайцев и лосей.

Тем садоводам, кто выращивает виноград и другие вьющиеся растения (особенно на открытых участках), надо защитить их от морозов и резких колебаний температуры еще до замерзания почвы. Для этого лозу отвязывают от опоры и укладывают в выкопанную канавку глубиной 20-25 см, а затем присыпают 30-сантиметровым слоем почвы (не следует брать землю вблизи корней, чтобы они не замерзли зимой). Антинидию, лимонник и наприфоль укладывают на землю и укрывают сухой соломой, лапником или листьями, а потом — слоем песка. Виноград в северных районах при наступлении сильных морозов дополнительно укрывают соломой и присыпают землей.

Все многолетние вьющиеся растения, укрепленные на стене дома, вокруг беседки, — плющ, амурский виноград и др. — можно укрыть на зиму соломенными или тростниковыми матами.

Важной работой садовода до наступления сильных морозов является заготовка черенков. С любившихся вам сортов плодовых деревьев нарезают однолетние побеги, лучше всего срезать конкуренты (наиболее сильные побеги), оставляя небольшой шипик. Обязательно прикрепляют этикетку с названием породы и сорта и,

связав в пучок, обматывают полиэтиленовой пленкой и принапывают в холодном подполье или в снегу до весны. Тот, кто не успел посадить с осени черенки смородины, жимолости, может заготовить одревесневшие черенки в ноябре и хранить их до весенней посадки. Черенки связывают в пучок и, поместив в каную-либо емкость (например, в ведро), засыпают влажным песком, чтобы предупредить потерю воды во время хранения. Оптимальная температура хранения +4-5°C. При этом черенки полезно поставить верхними концами вниз: в таком положении у них не будут преждевременно, еще до посадки в грунт, отрастать корни.

Донди в прошлом августе вызвали во многих районах вторичный рост побегов у яблони, и листья до морозов с них не опали. Такие побеги с листьями необходимо срезать, чтобы предупредить излишнюю потерю яблоней влаги.

В этом году садоводы собрали неплохой урожай яблок. Как сохранить его без больших потерь? Качество сохраняемых плодов во многом зависит от температуры и влажности места хранения. В сухом и теплом подвале плоды теряют до 10-15 процентов первоначальной массы. Оптимальная температура для хранения яблок и груш зимних сортов должна находиться в пределах 0-3°C, а влажность воздуха 85-93 процента. Низкая температура препятствует быстрому дозреванию плодов, следовательно, они могут дольше храниться. Высокая влажность значительно снижает потерю плодами влаги, и они не теряют товарного вида. Хорошо хранить яблоки в полиэтиленовых пакетах. А можно

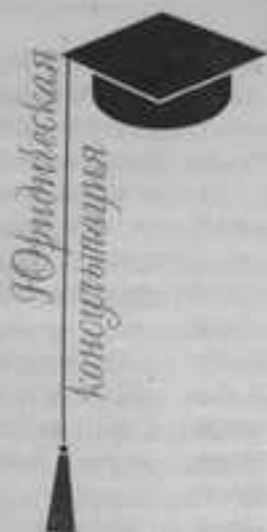
ящичи с фруктами тщательно закрыть со всех сторон полиэтиленовой пленкой. Этот прием способствует более длительному их хранению: под пленкой накапливается образующаяся при дыхании плодов двуокись углерода (CO₂), которая и тормозит процесс созревания. Пленка также предохраняет от пыли и препятствует поглощению плодами неприятных запахов, исходящих от других продуктов, хранящихся в том же подвале.

Перебирать фрукты зимой не следует, так как они при этом неизбежно повреждаются и происходит перенос спор патогенных грибов с больных плодов на здоровые. Следует помнить, что при совместном хранении яблок различных сортов и сроков созревания, позднеспелые плоды созревают быстрее обычного. Это связано с тем, что яблоки при достижении потребительской спелости выделяют значительное количество газа этилена, который ускоряет созревание других плодов. Следовательно, сорта Уэлси, Пепин шафранный надо хранить отдельно от Антоновки и Лобо и, конечно, от осенних сортов типа Штрейффинга, Боровинки. ■

Принтум вилл
Елена ЕВДОКИМОВА,
Евгений ПРОМОХОВ,
Александр КУЛЕНКАМП.

Рисует Виктор Ковалев

КЗоТ обязателен для всех

✘ Недавно в поликлинике, где я работаю медсестрой, издали приказ: за опоздание на работу вычитают 10 процентов из зарплаты. Опоздание вторично — вычитают 20 процентов. Когда мы сказали, что в КЗоТе таких наказаний нет, администрация ответила: у нас не государственное предприятие, а частное, и КЗоТ на нас не указ. Неужели и вправду?

Валентина Никитина, Московская обл.

Конечно же, нет, хотя, к сожалению, это довольно распространенное заблуждение среди владельцев частных предприятий. Между тем, Кодекс законов о труде (КЗоТ) действует на всей территории Российской Федерации и выполнять его требования обязаны и работники, и руководители всех предприятий и организаций независимо от формы собственности. В частности, КЗоТом (п. 3, 4, 7, 8 ст. 33, п. 1 ст. 254) установлено всего четыре вида взысканий за нарушение трудовой дисциплины: замечание, выговор, строгий выговор и увольнение.

Перечень этот исчерпывающий и, выражаясь юридическим языком, расширительному толкованию не подленит. Поэтому любые штрафы, вычеты из зарплаты или задержки ее выплаты за нарушения трудовой дисциплины незаконны и, естественно, могут быть обжалованы в суде. Впрочем, можно не дожидаясь, пока администрация применит эти санкции, обратиться в прокуратуру: по вашему заявлению ее сотрудники потребуют отменить незаконный приказ.

Уволить можно, но только по закону

✘ 'Я, это называется, не работал с начальником. Он давно ко мне придирается, а на днях объявил выговор с предупреждением. Теперь, говорит, у него есть законные основания в следующий раз уволить меня по статье. Зная его отношение ко мне, можно быть уверенным, что следующего раза долго ждать не придется. Может, мне лучше уволиться по собственному желанию?'

Виктор Бахметьев, Пермь

Уважаемый Виктор! Проблема, с которой столкнулись вы (и, судя по редакционной почте, еще множество читателей "Смены") делится на две части: формальную и, сназем так, морально-психологическую. С юридической точки зрения ваш начальник несколько заблуждается, полагая, что после "выговора с предупреждением" имеет законные основания уволить вас "по статье" (речь, видимо, идет о ст. 33 КЗоТа). Дело в том, что в КЗоТе нет такого вида дисциплинарных взысканий, как "выговор с предупреждением", "предупреждение", "последнее предупреждение" и т.п. Поэтому объявлен-

ное вам взыскание формально таковым считаться не может и, соответственно, не дает оснований для увольнения за систематическое нарушение трудовой дисциплины или невыполнение трудовых обязанностей. Следовательно, с этой стороны вы, по крайней мере, на время юридически защищены и, в случае чего, можете обратиться за помощью в комиссию по трудовым спорам и даже в суд.

Другое дело — ваши взаимоотношения с начальником. Лучше бы их отрегулировать. Попробуйте поговорить с ним "по душам", выяснить, что конкретно его не удовлетворяет. Может, окажется, что он не так уж беспричинно "придирается" и вам следует что-то изменить в своем поведении или отношении к работе? Если же такой разговор не даст результата, вам действительно стоит подумать об уходе по собственному желанию, потому что, как показывает практика, рано или поздно начальник, уви, найдет формальный и юридически обоснованный повод для вашего увольнения.

Если подойти с позиций житейских

✳ Не успела я отгулять и десять дней очередного отпуска, как начальник потребовал вернуться на работу: вот, поступил большой срочный заказ, а сотрудников для его выполнения не хватает. В случае отказа пригрозил уволить. Пришлось, конечно, выйти на работу. Но обидно — такое происходит у нас чуть ли не каждый год, и редко кому удается полностью отгулять отпуск. Нелзя ли как-нибудь по закону исправить это положение?

Зинаида Ботшакова, Волгоград

Конечно, можно, поскольку, согласно КЗоТу, работник может быть досрочно отозван из отпуска исключительно с его согласия. Причем, его отказ (неважно по каким причинам) не может расцениваться как нарушение трудовой дисциплины. Следовательно, не только об увольнении, но и вообще о дисциплинарном взыскании в этом случае не может идти речи. Так что формально ваш начальник не прав. Однако, как и в предыдущем случае, я бы порекомендовал рассматривать ситуацию не только с правовой точки зрения.

Ведь большой срочный заказ — не только дополнительная работа, но и, в значительной степени, гарантия благополучия предприятия, возможность получения дополнительной прибыли, а, следовательно, и заработка. Может быть, нынче, когда многие наши предприятия останавливаются из-за отсутствия заказов и работники месяцами не получают зарплаты, имеет смысл поступиться частью отпуска, чтобы помочь предприятию "выжить"? Повторяю, по закону вы делать этого не обязаны, и то, что подобное происходит регулярно — безобразие, и свидетельствует о слабой организации труда на вашем предприятии, но... все-таки подумайте. Конечно, это — совет не юридический, а, скажем так, житейский.

Помните только: если вы все же согласились досрочно выйти из отпуска, это обязательно должно быть оформлено приказом, в котором указано время, когда вам будет предоставлена оставшаяся часть отпуска. ■

Владимир МИХАЙЛОВ,
консультант "Смены"
по юридическим вопросам

Что тебе подарить
Что тебе подарить

Человек мой дорогой?

На праздники — и уж тем более к Новому Году — принято делать подарки. Родным и близким, любимым и уважаемым, коллегам и соседям. И каждый раз приходится мучительно ломать голову: что подарить маме, папе, бабушке, а что — ближайшему другу (подруге). Чем порадовать милую соседку, регулярно выручающую тебя солью-спичками, и как угодить секретарше начальника. А вдруг подаришь что-нибудь такое, что не понравится? Или просто не нужно, потому что давным-давно подарено кем-то другим или куплено самостоятельно? Сплошная головная боль!

Будьте проще, дорогие читатели и читательницы "Смены". В преддверии самого любимого всеми и самого веселого праздника — Нового Года узнайте, под каким знаком Зодиака кто родился. И тогда смело пользуйтесь нижеприведенными советами, которые, честное слово, рассчитаны на любой кошелек. Итак:

Рыбы. Самые трудные в отношении подарков. Ускользающие и непостоянные, Рыбы сами не знают, чего хотят и что им нужно. Самое разумное: подарить что-нибудь с изображением рыбок: тарелку, кулончик, пепельницу. На худой конец подарите им селедочницу.

Тельцы. Эти помешаны на запахах. Вы не ошибетесь, если подарите Быку или Телочке ароматизированную свечу, благовонные палочки (в новогоднюю ночь — очень нужные вещи), духи, туалетную воду, душистые подушечки для белья в шкафу и вообще все, что хорошо пахнет. Вплоть до освежителя воздуха и, pardon, отдушки для туалета.

Овны. Самые рассеянные из всех знаков Зодиака, они с благодарностью примут от вас надежный поводок для любимой собаки, футляр для ключей, из которого они (ключи) никогда не вывалятся на самое дно сумки или за подкладку пальто, кулончик со своим знаком (бедненькие, они и его могут позабыть по рассеянности!).

Близнецы. Обожают окружать себя всякими мелочами, которые к тому же постоянно таскают с собой. Поэтому лучшим подарком для них будет сумочка, косметичка, вместительный бумажник, портфель-дипломат или красивая и достаточно большая шкатулка.

Раки. Слегка помешанные на своем здоровье, они очень обрадуются карманному ингалятору, набору лекарственных трав (в красивой упаковке!), прибору для измерения давления или мини-солярию. Только не перегните палку и не дарите им термометр или клизму.

Львы. Золото и только золото, пусть это всего лишь внешняя позолота. Заколка для галстука или цепочка, запонки или клипсы, зажималка или пудреница — все это должно блестеть и переливаться. Не задумайте дарить Львам упаковку носовых платков — растерзают.

Девы. Практичные, они обожают все, что позволяет им сэкономить время, пусть даже несколько секунд. Вы не ошибетесь, если подарите им какое-нибудь приспособление для кухни (например, универсальную открывашку для консервов или зажималку для газовой плиты), таймер, брелок для ключей с автоповиском или калькулятор.

Весы. Каждая вещь, которая становится собственностью таких людей, должна быть стильной и даже чуть-чуть шикарной. Поищите для них платочек на шею, портсигар, баночку для приправ (естественно, с приправами) или кухонные прихватки. Только при этом избегайте ярких цветов и излишней вычурности.

Скорпионы. Единственные, кто способен с пониманием отнестись к полученному в подарок изысканному (или просто красивому) нижнему белью, полотенцу или зубной щетке новейшего дизайна. Чувственные Скорпионы отбрасывают излишнюю скромность, если речь идет об их личном комфорте.

Стрельцы. Заядлые путешественники и неисправимые романтики страшно обрадуются удобному рюкзаку, компасу, походной фляжке, кассете с песнями бардов и даже изящному флакону с жидкостью против комаров. Но все-таки не стоит дарить им какую-нибудь редкую географическую карту, если вы не уверены, что именно ее не хватает в их коллекции.

Козероги. Деловые и собранные, они придут в восторг от элегантной шариковой (или перьевой) ручки, красивого еженедельника (разумеется, на 1999 год), будильника или практичной настольной зажималки.

Водолеи. Обожают все неординарное, экстравагантное, экзотическое. Им смело можно дарить лак для ногтей фиолетового или зеленого цвета, галстук с русалками или кроликами (1999 год — год Кролика), павлиньи перья или замысловатую пепельницу.

Вот и все — вы смело можете идти и выбирать подарки. Только не забудьте их красиво упаковать и перевязать ленточкой: в новогоднем подарке все — в том числе и упаковка — должно напоминать о празднике.

Удачи Вам! И с Новым Годом!

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
VII международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

133. З. ГНАТ

г. Стрый, Украина

б) Kрh3-b1

2

134. В. СИМОНОВ

Самара

2

135. В. СОНИН

г. Рузавка

2

136. М. НОВАЧЕВИЧ

Югославия

б) e) a1-b1-c1

2

137. М. ЧЕРНУШКО

Уссурийск

2

138. Г. МОСНАШВИЛИ

г. Рустави, Грузия

2

139. Л. ЛЕБЕДЕВ

г. Бобруйск, Беларусь

3

140. В. СУЧНОВ

Чебоксары

3

141. А. ГОЛУБЕВ

*д. Юрьевская Слобода
Ярославской обл.*

3

142. Г. МОСИАШВИЛИ
г. Рустави, Грузия

3

6) Ch3-h7, e) Lf6-b2, z) Ch3-g8

143. Ю. СУШНОВ
Санкт-Петербург

3

144. В. ЖЕЛТОНОВИЧ
Екатеринбург

3

145. Г. ЕГОРОВ
Тула

3

146. В. МЕЛЬНИЧЕНКО
г. Котовск, Украина

3

147. Л. ПРОНИН
Москва

3

148. В. ЖЕГЛОВ
Москва

4

149. М. НАЛГИН
Воронеж

4

150. А. БОРОВНОВ
г. Шуя Ивановской обл.

4

151. В. АНТИПОВ
г. Вороничи Новгородской обл.

5

152. А. ВАРИЦНИЙ
Брест, Беларусь

5

153. З. ГНАТ
г. Стрий, Украина

6

154. Е. МАРНОВ*Саратов*

2

155. С. РАДЧЕННО*Ростов на Дону*

в) бел. и др

2

156. А. ЧЕРНЕННО*ст. Подгорная
Ставропольский кр.*

2

157. Ю. СУШНОВ*Санкт-Петербург*

3

158. В. ВОИНОВ*Кустанай, Казахстан*

3

159. Е. РАНОВ*г. Сосновый Бор
Ленинградский обл.*

3

160. В. РУДЕННО*Днепропетровск, Украина*

3

161. Г. КОЗЮРА*Мажевка, Украина*

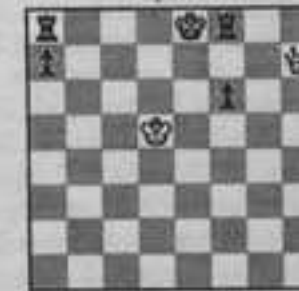
3

162. М. ЧЕРНУШКО*Уссурийск*

3

163. Г. ШИНКАРЕННО*Запорожье, Украина*

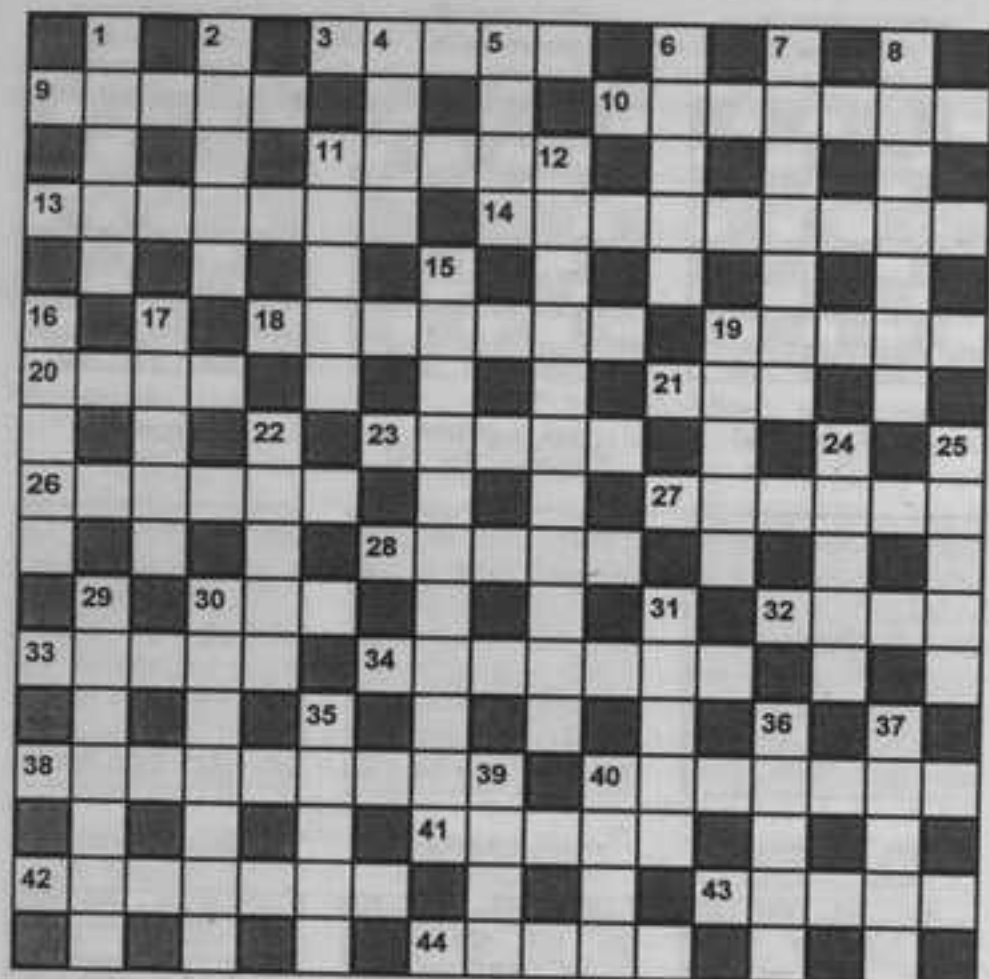
4

164. Ф. НАПУСТИН*П. ЛЮБАШЕВСКИЙ
Украина*

5

165. Ю. СУШНОВ*Санкт-Петербург*

7

ЭРУДИТ

По горизонтали. 3. Горючее для двигателя, в работе над которым Дизель сошел с ума. 9. Лучший король Лир в нашем кино. 10. Один из двух основных овощей до ввоза в Россию картофеля. 11. "Отец английской грамматики". 13. Набат, тревога для сбора народа на Руси. 14. Шумные петровские посиделки при дворе. 18. Антер, дебютировавший, как и А.Миронов, в фильме "А если это любовь?". 19. Увеличительное стекло общества (по В.Маяковскому). 20. Стая, носящая рыбу. 21. Мифический великан Хан как преступник, убитый Гераклом. 23. Найдены из противников троянцев в "Илиаде". 26. Страна с самой высокой в мире продолжительностью жизни. 27. "Удовольствие от причинения боли другому человеку" (З.Фрейд). 28. Дух в верованиях арабов-язычников, способный принимать любую форму. 30. Один из древнейших городов Ирана, в окрестностях которого в XVI веке отстроен Тегеран. 32. Птица, летящая против ветра. 33. Мундир белого или палевого цвета на крючках. 34. основоположник "пастушеской" поэзии в

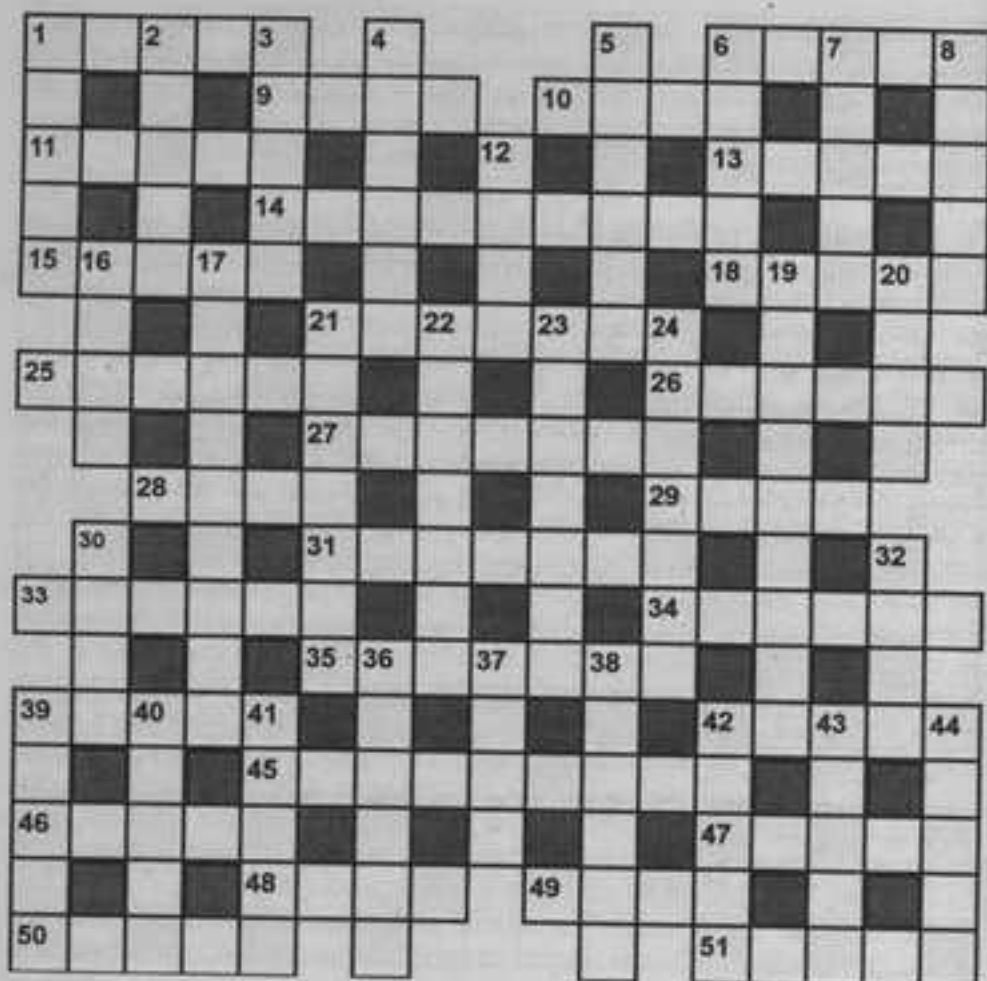
Древней Греции. 38. Название игрушечника в Сергиевом Посаде. 40. Сопутствующее хлебу требование народа. 41. Один из двух персонажей русских шуточных песен, у которых все из рук валится. 42. Разведчик, ползущий в расположение врага на брюхе. 43. Цветок, символизирующий для лаосца родину. 44. Русское название мула.

По вертикали. 1. Художник М. Добужинский по университетскому образованию. 2. Писатель, названный Л. Толстым Пушкиным в прозе. 4. Пятно на душе, которого нет у носителя нимба. 5. Пушкинский будильник добрых чувств. 6. Профессия героя в пьесе В. Набокова "Дедушка". 7. Обычный переключатель на приборных досках. 8. Один из основных "строительных" элементов фуги. 11. Сельское прозвище С. Есенина. 12. Повесть П. Боборыкина, чей герой, как и Нехлюдов из толстовского "Воскресенья", списан с князя Хилкова. 15. Слово в значении "спуск", любимое у Бодлера и Вячеслава Иванова, для которых оно обозначало бы и цель, и инструмент творчества. 16. Поросянок-долгожитель. 17. Существо, которое, по выражению одной художницы, летает потому, что легко к себе относится. 19. Самоцвет в ордене "Золотого руна". 22. Вспомним строки А. Пушкина: "Но панталоны, фрак, ..., всех этих слов на русском нет". 24. Французский писатель и философ, считавший, что "хороший вкус немислим без добрых чувств". 25. Одно из самых красивых и полезных насекомых. 29. Хлыстовская община. 30. Игрон, которому необходимы качества баскетболиста, борца, легкоатлета и футболиста. 31. Струнный музыкальный инструмент; для игры смычком его делали в форме сердца. 35. Лодка речных разбойников на Руси. 36. "Якутский Шевченко". 37. Егор Булычев в пьесе М. Горького говорит: "А ты — полно, Малаша! Мы друг друга знаем и на глаз и на ...". 39. Поэтесса, первой в истории Латинской Америки осудившая рабство. 40. ..., живущая в укрытии, умрет старой (африканская поговорка). ■

ОТВЕТЫ НА "ЗРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали. 1. Гална. 7. Праца. 10. Зеневич. 12. Нубия. 13. Синкопа. 14. Менада. 18. Шнаф. 21. Деградация. 22. Икона. 23. Штуф. 25. Тутмос. 31. Палисад. 34. Явление. 35. Износ. 36. Гестапо. 38. Огнева. 42. Нуртна. 45. Халс. 48. Лассо. 49. Аристотель. 51. Рюэф. 54. Сытник. 57. Эстонец. 59. "Линор". 60. Равняшка. 61. Цифра. 62. Никон.

По вертикали. 1. Гануш. 2. Либра. 3. Азия. 4. Пнин. 5. Вейде. 6. Лис. 8. Рюкзак. 9. Щепкин. 11. Чичагов. 15. Егоза. 16. Адат. 17. Агат. 19. Нета. 20. Фифи. 23. Шпага. 24. "Улисс". 26. Узнин. 27. ...мясо... 28. Слон. 29. Жнива. 30. Бекас. 32. ...сман... 33. Диор. 37. Пуловер. 39. Гусли. 40. Ехор. 41. Клуэ. 43. Туес. 44. Альт. 46. Кристи. 47. Осмотр. 50. Лыжня. 52. Юшник. 53. Фарин. 55. Ноша. 56. Клан. 58. Цам.

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Способ исследования. 6. Синий объект женской зависти. 9. Философы говорят, что ум и ... слитно образуют дух. 10. Повесть Н.Карамзина. 11. Престижный способ путешествия из Паринка в Дакар. 13. Немецкий и швейцарский писатель, заставивший своих героев играть в бисер. 14. Лодыжка. 15. Разведчик, сообщивший, что Япония не будет воевать против СССР. 18. Самый древний "пахарь". 21. В средние века — оруженосец рыцаря в Англии, потом — почетный титул, а теперь — синоним джентльмена. 25. Чертовски пронзительный майор в советской криминальной литературе. 26. Разведотряд у казахов. 27. Высшая тансонометрическая категория. 28. Убийца Кармен. 29. Пустые пчелиные соты. 31. Железная руда высокого качества. 33. Помеченный Богом. 34. Кровоостанавливающее лекарственное растение. 35. Взрывная причина богатства А.Нобеля. 39. Роговой пистолет в сериале "Место встречи изменить нельзя". 42. Частица света. 45. Надредливость без границ. 46. Путеводитель моряка. 47. Звуковой

прибор оратора. 48. Видимая поверхность полной Луны. 49. Модник, претендующий на утонченный вкус, которого у него часто нет. 50. Они первыми понидают тонущий корабль. 51. Знаменитый художник, написавший афишу с изображением Анны Павловой для Русских сезонов С.Дягилева.

По вертикали. 1. Снегурочкино спасение. 2. Самая распространенная большая серебряная монета в истории денег. 3. Нижняя часть судна. 4. У Ности — шаланда, у рыбацки Сони — ... 5. Сто польских грошей. 6. Сухопутный бунсир. 7. Блестящий слой на керамическом изделии. 8. Тундровый мох, из которого можно получать спирт. 12. Рыба в мотне. 16. Минеральная краска. 17. Лодочник-певец в Венеции. 19. Известный поэт, назвавший антологией сборную солянку из стихотворений разного достоинства множества авторов. 20. Человек не в ладах с правдой. 21. Спутник Сатурна, открытый У.Гершелем. 22. Режиссер, поставивший вместе с С.Кежворным фильм "Лично известен". 23. Настоящая фамилия автора, пишущего под чужой. 24. "Сопrotивляющийся" электрoприбор. 30. Половина сатаны. 32. Светлая часть стены. 36. Американский живописец, последователь К.Коро. 37. Опера Д.Верди, сейчас показываемая в Египте на природном фоне. 38. "Солнце разума" (Вовенарг). 39. Ориентир для разлива воды в темноте. 40. Рена, известная заплывом Мао Дзедуна. 41. Не любимая в России поэма А.Мицкевича. 42. Шотландский физик, открывший поляризацию тепловых лучей. 43. Индикатор накуренности в комнате. 44. Абсцесс по-русски.

Составил **Б.Антипов,**
Липецк

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали. 1. Эпоха. 6. Агама. 10. Озноб. 12. Щавель. 13. Иголка. 14. Шассе. 17. Трибуна. 18. Журавль. 19. Рюмка. 23. Ман. 25. Ану. 28. Нина. 29. Обалдуй. 30. Перо. 31. Фор. 32. Тур. 33. Энди. 34. Чинчиры. 35. Ерза. 36. Ява. 38. Сон. 42. Унция. 47. Парвеню. 48. Зулейка. 49. Трель. 52. Синьор. 53. Шматок. 54. Альпы. 55. Страх... 56. Двина.

По вертикали. 2. Павлин. 3. Халтура. 4. Изба. 5. Босс. 7. Гагарин. 8. Мальва. 9. Тщета. 11. Ладыя. 14. Шар. 15. Сом. 16. Ежа. 20. Юдашкин. 21. "Нодзини". 22. Вишня. 23. Мафия. 24. Норча. 25. Айтыс. 26. Упрек. 27. Дрозд. 37. Воевода. 39. Обломов. 40. Спесь. 41. Гранат. 42. Уют. 43. Цзе. 44. Язь. 45. Айртон. 46. Лавна. 50. Роль. 51. Липа.

СВЕТЛАНА СКРИПНИКОВА

Линейный марширующий анимонд

Полотна Светланы — красивы и очень живописны. Художница сознательно уходит от суетности бытия, считая, что ее творчество должно радовать, поднимать настроение... У нее не встретишь темных, серых тонов. Напротив, все ярко, празднично и аристократично-изысканно. Работает художница на шелке в технике батика, и потому полотна ее выглядят как роскошные ткани. Живопись на шелке Светланы Скрипниковой объединяет европейский модерн с древнейшим искусством росписи тканей, пришедшее из Индонезии. Техника батика позволяет раскованно и свободно использовать преимущества цвета, светопередачи, что, кстати, усиливает энергетику полотна. С помощью анилиновых красителей художница создает ритмичные, воздушные, эстетские композиции. Линейный прихотливый ритм, перетекющие объемы растительных орнаментов — стилевые особенности творчества Светланы.

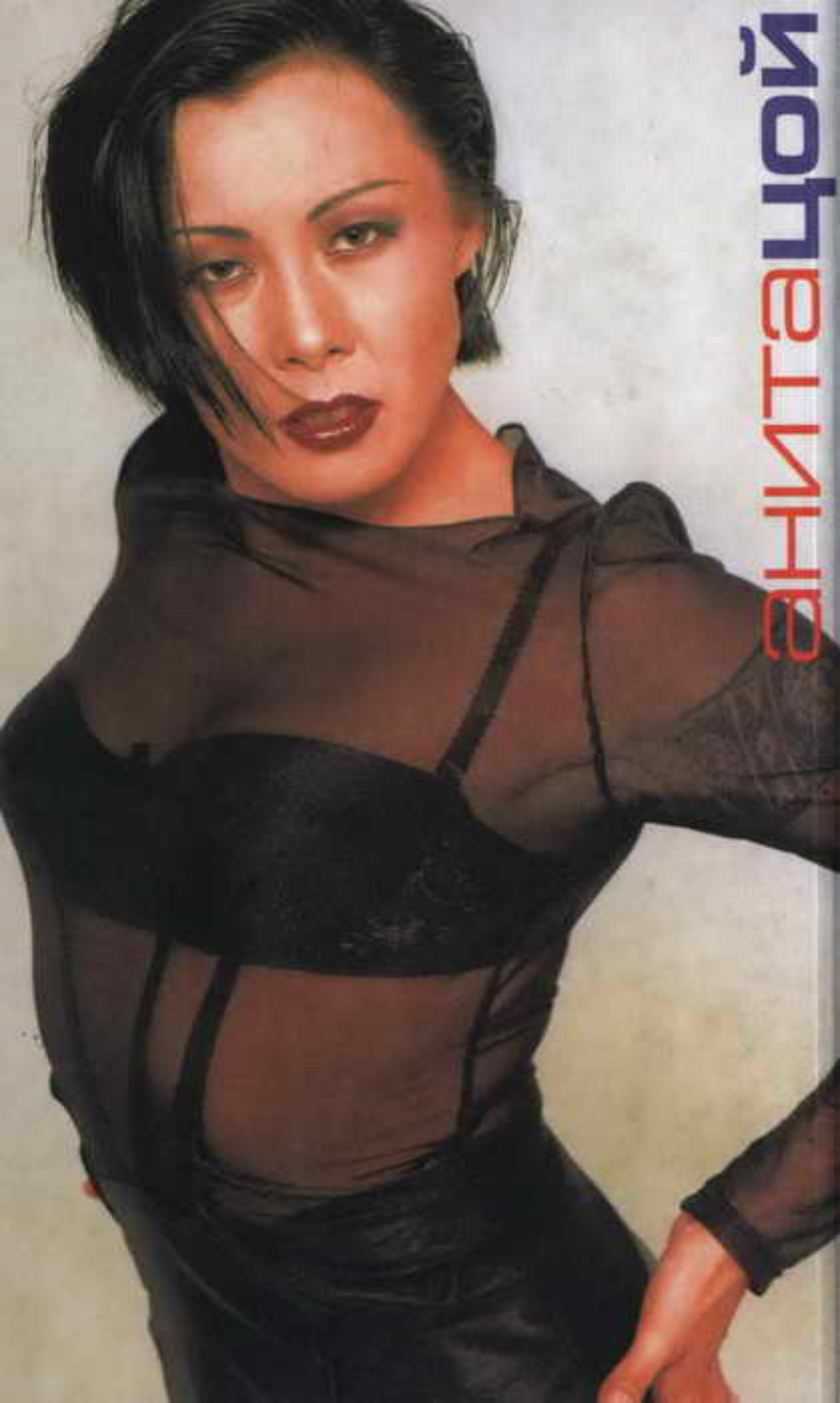
Закончив художественно-графическое отделение Ростовского пединститута, Светлана работала в творческой мастерской художника А. Пучеглазова, где освоила технику батика. Затем сотрудничала с Питерским товариществом свободных художников, галереей Музеон, Московским джаз-клубом. Когда-то Светлана увлеклась фресковой росписью, и, видимо, поэтому ее полотна масштабны, тяготеют к монументальности.

Сюжеты многих картин Светланы взяты из древнегреческих мифов. «Нифара Вселенной», «Вкус царской любви (Саломея)» — здесь шелк заменен парчой. А на шелке выполнены «Дар Меотиды», «Таинство агнца», «Напризы Цирцеи». Картины Светланы созвучны стилистике поэзии Серебряного века с ее чувственностью, экзотикой, аристократизмом. А вот работы на библейские темы очаровывают каким-то неистовым вихрем ритмов, загадочностью, а еще чувством всеобъемлющей любви. Одна из картин художницы так и называется «Священные одежды любви».

«На закате века с грустью и щемящим чувством предопределенности мы оглядываемся в прошлое, — говорит Светлана. — Лики ушедших цивилизаций и художественных стилей, мистическая поэзия эзотерических культов и божественных откровений — в этом причудливом переплетении нитей «ткани бытия» мы отрываем для себя нелегкие пути к самопознанию, творчеству и внутренней гармонии».

Людмила КАНДАЛОВА

АНТИТАЦОЙ
НОЧЕЛИН